СМЕШАННОЕ ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

СМЕШАННОЕ ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК 316.63
ББК 60, 65.01
С15

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 98-02-16016

Ответственный редактор
Л.В. НИКИФОРОВ

Смешанное общество: Российский вариант. – М.: Наука, 1999. – 328 с.
ISBN 5-02-008293-1

Возможно ли в России создание общественного устройства, которое стало бы основой ее экономического и социального возрождения и благополучия, какие препятствия нужно преодолеть на этом пути? Каковы основные и главные черты нового строя, чем он отличается от капиталистической и олигархической систем? В чем глобальная идея, способная не разъединить, а объединить российское общество? Каковы основы стратегии становления нового общественного устройства и чем она отличается от реализуемой? Эти и другие вопросы рассмотрены авторами книги.

Для экономистов, социологов, специалистов в области теории общественного развития и широкого круга читателей.

ТП-99-I-60

ISBN 5-02-008293-1

© Издательство "Наука", 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю книге обобщаются процессы развития России в XX веке и обосновывается концепция ее выхода из нынешнего глобального общественного кризиса, предусматривающая целенаправленную стратегию становления общественной системы принципиально нового смешанного интеграционного типа. В основу этой концепции положено сочетание современных общемировых тенденций и сущностных особенностей страны.

Россия, с многообразием ее природного, ресурсного, национального, социального, социокультурного и других потенциалов, необходимостью достижения при этом многообразии общественной целостности, предрасположена к сочетанию и взаимодействию в ней различных экономических, социальных и иных начал. Она не может эффективно развиваться в условиях господства какого-либо одного типа общественных отношений, будь то капитализм или огосударствление. Поэтому она отторгла капитализм как господствующий строй уже в 1917 г. и не приемлет его в таком качестве сегодня. Относительно недолговечным оказалось и господство огосударствленной системы.

Россия в прошлом имела исторический шанс пойти по пути, соответствующему ее специфике и социально-психологическому складу основной части народа. Это было после антикапиталистической революции в период нэпа. В случае использования этого шанса Россия могла раньше других стран найти исторически перспективный вариант развития, который в западных странах начал реализовываться лишь в последней трети XX века. Но сделать это не дала сложившаяся к тому времени политическая система. После падения огосударствленной системы такой шанс возник вновь, уже в условиях, когда аналогичные процессы развиваются во многих странах мира. Однако пришедшие к власти политические силы (праволиберального толка) пытаются направить развитие по исторически отжившему и несоответствующему специфике страны капиталистическому варианту, деформирующему возрождающуюся рыночную систему, несущему социально-классовую рознь. Продолжают проводиться в жизнь старые социально-классовые представления о развитии и устройстве общества. В этом природа растущего кризиса страны.

Вот почему подлинно приоритетными и первоочередными являются смена стратегии развития страны и переход к становлению в России общества нового типа, несущего не социальное, политическое или иное неприятие друг друга различными общественными слоями и силами, а согласование, взаимодействие и общественную интеграцию.

В книге иследуются черты, сущность, особенности и трудности становления в России нового общественного устройства, его основных производственных, экономических и социальных блоков, долгосрочные стратегические ориентиры и задачи практического перехода к реализации стратегии движения страны к смешанному интеграционному обществу. Следует отметить, что обосновываемый авторами вариант развития страны не рассматривается как "объективно обусловленный", "неизбежный" и т.п. Его реализация зависит от целого ряда объективных и еще в большей мере от субъективных условий. Но можно со всей определенностью утверждать, что его неиспользование может окончательно отодвинуть Россию в ряд второстепенных стран и поставить под вопрос ее исторические перспективы. Наоборот, осуществление данного варианта будет способствовать не только выходу страны из кризиса, но и превращению ее в один из полюсов мирового развития.

Книга подготовлена в Центре политико-экономических исследований Института экономики РАН авторским коллективом в составе: Л.В. Никифоров – предисловие, главы 1, 2, 4, 7; С.А. Хавина – глава 3; И.А. Бродская, З.Я. Сванидзе, Г.Г. Шишкова – глава 3 (3); Р.К. Иванова – глава 5; Р.И. Ширяева – глава 6; С.К. Орловская – глава 7 (1); Т.Е. Кузнецова – главы 8, 9 (3); Н.Б. Крылова – главы 9 (1), 10; Л.Н. Лыкова – главы 9 (2), 11, 12; М.Б. Гусева – глава 9 (3); Э.Ф. Миженская – глава 13 (при участии Л.Ю. Журавлевой); С.Г. Мисихина – глава 14; Л.И. Левина – глава 15; М.Б. Гусева – научно-организационная работа; Л.В. Тизина, С.Ю. Зволинская, С.С. Попко, Л.Н. Чудаева – научно-техническая работа.

Раздел 1

XX ВЕК – НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ В XX ВЕКЕ

1.1. Корректировка и смена характера общественного развития

XX век перенасыщен крупными мировыми событиями, неединожды менявшими геополитическое устройство мира, представления о путях и перспективах развития человечества. Мировые войны, революции, раскол мира на две противостоящие друг другу общественные системы, быстрый распад одной из них, исчезновение колониальных держав и становление новых государств, крупные научные и научно-технические открытия и возникновение новых технологических способов производства, экономическое развитие и рост богатства одних стран на фоне отсталости и бедности других – таков далеко не полный перечень происшедшего в этом веке.

За калейдоскопом этих часто противоречащих и сопутствующих друг другу событий, многие из которых отличаются антогонизмами и конфликтами, остается в тени может быть самый главный синтетический результат перемен XX века – начавшаяся смена характера и типа общественного развития, которая модифицирует основы организации и динамики национальных, межнациональных локальных сообществ и человеческого сообщества в целом.

Поэтому прежде всего надо определить содержание характера общественного развития, его исторические типы, отработанные историей способы и механизмы их изменения и смены. Это позволит лучше понять глубину, сложность, внутренние взаимосвязи, объективную направленность, последовательность и противоречивость основных общественных процессов, происходивших в XX веке, в том числе выявить соотношение разных этапов перемен в России с логикой мирового развития и их место в последнем. Соответственно станут яснее природа современных российских событий и возможные варианты перспектив и судеб страны.

Характер общественного развития – это совокупность его сущно-

стных отличительных черт, определяющих на данном этапе истории способы, стимулы, формы организации, результаты жизнедеятельности людей, их экономические, социальные, политические, социокультурные и другие возможности и интересы, особенности взаимодействия различных сторон общественных отношений. В рамках такой совокупности прежде всего можно выделить конституирующие черты, которыми обладают:

технические и технологические способы производства, формирующие материальные возможности и потребности экономического и социального развития;

способы взаимодействия естественной и общественной среды, естественные и общественные закономерности развития, формы интеграции естественных и общественных начал как предпосылки жизнеобеспечения;

движущие силы и внутренние источники развития;

объективные тенденции и целевые ориентации развития;

экономические системы;

социальная структура и отношения между социальными слоями и группами, взаимосвязи между личностью и обществом;

политические системы;

гражданские и государственные начала в общественных отношениях;

преобладающие мировоззрения и идеологии;

институциональная инфраструктура, обеспечивающая воспроизводство и динамику экономики, социальных, политических, социокультурных и других общественных отношений;

господствующая общественная система;

существующие цивилизации как типы общественной культуры, рассматриваемой в различных ракурсах и с точки зрения разных критериев или их совокупности.

Предпосылки сдвигов в характере общественного развития создаются в процессе перманентно происходящих и накапливающихся изменений в его отдельных чертах и воздействия таких изменений на другие черты.

Сами сдвиги в характере развития начинаются тогда, когда наступают качественные перемены в тех или иных его чертах или их совокупности. Возникновение таких сдвигов, как правило, сопровождается обострением противоречий между различными чертами и аспектами развития, поскольку изменения в них, хотя в конечном счете и взаимосвязаны, не отличаются жесткой детерминированностью. Они могут быть разновременными и даже разнонаправленными. Например, перемены в технологических способах производства чаще происходят раньше сущностных сдвигов в экономических отношениях. В свою очередь последние реально опережают изменение их правовых форм. Перемены в политических системах иногда оказываются направленными господствующими социально-политическими силами на сдерживание и даже подавление новых тенденций и явлений в экономических и социальных отношениях. В других же случаях они происходят до того как соз-

дается их экономическая и социальная база и могут оказывать решающее воздействие на выбор вариантов дальнейшего общественного развития. Надо также иметь в виду воздействие на характер развития и его изменение социально-психологических факторов, специфики национальных менталитетов, которые способны ускорять те или иные направления общественного развития или отторгать их. Все это, с одной стороны, отражает неоднолинейность и многовариантность развития, а с другой, – создает их предпосылки.

Длительность процессов изменения характера общественного развития, его способы, формы и конечные результаты зависят от содержания перемен, остроты и спектра сопровождающих их противоречий, внутренней устойчивости существующей общественной системы, от многочисленных субъективных и объективных особенностей конкретных ситуаций.

Но при всем разнообразии сочетаний и соотношений различных факторов, воздействующих на характер общественного развития, оно проходит несколько стадий. Его первой стадией являются частичные изменения, связанные с качественными переменами в отдельных чертах, например со сменой технологического способа производства, со сдвигами в соотношении естественных и общественных начал развития, с изменением социальной структуры (возникновением новых социальных слоев), институциональной инфраструктуры и т.п.

Возникающие в ходе данных процессов противоречия в определенной мере разрешаются, если переменами охватывается совокупность черт общественного развития или их основная часть и они приводятся в относительное соответствие друг другу. В результате происходит общая корректировка характера общественного развития. Это – вторая стадия его изменения. Ее критерием можно считать перемены в совокупности институтов и механизмов, обеспечивающих воспроизводство данного общественного устройства. В принципе в рамках развития одного и того же общественного устройства стадии частичной и общей корректировки характера общественного развития могут неоднократно повторяться. Их число зависит от эластичности общественной системы, от ее способностей приспосабливаться к меняющимся условиям развития.

Но так или иначе в конечном счете лимит подобных корректировок оказывается исчерпанным. Изменения в условиях и чертах общественного развития оказываются столь существенными, что наступает третья стадия изменения характера общественного развития. Это уже стадия не корректировок, а смены ранее существовавшего характера развития новым. Критериями такой смены являются становление и упрочение превалирующего положения новой общественной системы, что равнозначно приобретению основными отличительными чертами общественного развития нового содержания. Действительно, в этом случае меняются характеристики технологических способов производства, экономические, социальные и политические отношения, движущие силы и ориентиры развития, его институты и т.д.

Примерно по такой схеме осуществлялся исторический процесс изменения характера общественного развития.

При всей глубине различий, которыми характеризуются основные черты разных общественных систем (например, общественных устройств феодального типа в их многочисленных вариантах и капитализма), в процессе смены характера общественного развития соблюдается историческая преемственность. Вплоть до XX века ее суть состояла не только в том, что база развития включала ранее созданное материальное и духовное богатство, но и в сохранении ранее существовавшего типа общественных отношений. Преобладающими в них при всех общественных устройствах и социальных переворотах были и оставались начала противостояния социальных слоев, групп, классов по критериям: собственник – несобственник, обладающий властью – лишенный власти, господствующий – угнетенный и т.п. и соответствующие им способы и формы классовой и социальной борьбы. Другой тип социальных отношений – сотрудничество и взаимодействие, без которых человеческое сообщество утратило бы человеческую природу, находился на втором плане. Сотрудничество во многом достигалось в результате социальной борьбы, становилось формой воплощения и воспроизведения соответствующих типов социального неравенства. Прямые же формы сотрудничества и взаимодействия были опущены на первичные (социально-групповые, территориальные, поселенческие, семейные) уровни, хотя и там далеко не всегда были преобладающими или достаточно распространенными.

Соответственно, главными движущими силами развития были различные виды и формы социальной борьбы как между классами и социальными слоями, так и между различными группами внутри них. Неоднозначность и неоднолинейность таких движущих сил предопределила, что прогресс, достигаемый при сменах характера развития, сопровождался различными аспектами, проявлениями и даже отдельными периодами регресса. Под воздействием внутренних и внешних факторов явления регресса воплощались в гибели национальных и межнациональных государственных образований, локальных и более широких цивилизаций и их материальных и духовных достижений, в наступлении периодов духовно-нравственной, религиозной, политической реакции.

Возможности возникновения регресса как одного из результатов изменения характера общественного развития во многом объясняются способами таких изменений. Начала социального противостояния допускают эволюционные способы перемен в характере развития на стадиях его частичных или общих корректировок в рамках одного и того же общественного устройства (и то далеко не всегда). Смена же характера развития эволюционным путем реальна лишь в тех случаях, когда она происходит в ходе постепенной внутренней трансформации существующих экономических, социальных, политических, идеологических и иных отношений, структур, институтов и всего общественного устройства в новые.

Однако подобного рода трансформационный потенциал сменявших друг друга общественных систем вплоть до утвердившегося капи-

тализма был крайне слаб. Дело в том, что их смена не трансформировала, а делала ненужными, лишними ранее господствовавшие социальные силы. Последние объективно и субъективно были заинтересованы в сохранении и удержании созданного и создавшего их общественного устройства. По мере упрочения такие общественные системы утрачивали динамизм и ориентировались на консервацию существовавших способов производства, объектов и субъектов экономических, политических и иных общественных отношений.

Субъекты и объекты новых общественных отношений возникали не посредством трансформации существовавших ранее, а наряду с ними. Появлялись предтечи новых общественных устройств – социальные уклады. По мере развития усиливалась их конфликтность с господствующей общественной системой, создавались предпосылки переворота в общественных отношениях и смены характера развития.

Следовательно, важнейшим способом смены характера общественного развития были революционные перевороты, а многоукладность, существовавшая практически всегда и позволявшая полнее использовать имевшийся потенциал, являлась, с одной стороны, условием подготовки такого переворота, а с другой, – его следствием. Если революция завершалась успешно, то уклад становился господствующим общественным устройством, а остатки бывшего общественного устройства превращались в уклад или уклады, постепенно терявшие свое значение или исчезавшие вообще. Если попытки общественного переворота оказывались преждевременными или неудачными по каким-либо другим причинам, то, как правило, наступали периоды общественного регресса, усиливавшие консерватизм и тупиковость существовавшей общественной системы и тормозившие общественное развитие.

Тип отношений, основанных на совокупности социальных противостояний, антагонизмов и конфликтов, возник со времен отхода человечества от родовых и общинно-племенных форм, являвшихся прямым продолжением естественных основ жизнеустройства и замены их системами отношений и жизнедеятельности, основанными на общественных связях, возникших как результат социальной деятельности самих людей. Развитие данного типа отношений, присущего всем сменявшим друг друга разнообразным общественным устройствам, которые по ряду общих критериев можно объединить в несколько общественных формаций, составило многотысячелетнюю эру в истории человечества. Этой эре соответствует общий тип характера общественного развития, хотя его конкретные разновидности многократно менялись.

В процессе общественного развития XX век занимает особое место. Оно определяется тем, что в этом веке следуют один за другим, а во многом совпадают и во времени, процессы частной корректировки характера общественного развития (смена стадий развития капитализма), смена его вида (становление посткапиталистических обществ) и типа (постепенное усиление отношений сотрудничества и взаимодействия как движущей силы развития) и становление новых эволюционно-трансформационных способов осуществления этих процессов. Все это

позволяет считать, что XX век знаменует начало новой эры в развитии человечества и систем его общественного устройства.

Разумеется, речь идет именно *о начале* новой эры, сопровождающемся социальными и иными противоречиями и конфликтами, периодами усиления социальной борьбы, различного рода отклонениями, неоднозначностью ситуации не только в отдельных странах, но и больших регионах мира, фактической неосознанностью и необобщенностью происходящего. Совершенно очевидно, что такой начальный период будет исторически длительным и в течение его возможны различные неожиданные повороты. И все-таки процесс не только смены вех, но и наступления третьей эры истории человечества начался.

Общественное развитие в XX веке можно разделить на три основные этапа:

первый этап (примерно до 30-х годов) – для основной части мира являлся этапом создания предпосылок изменения характера общественного развития и корректировок ряда его существенных черт. Для России на этом этапе данные процессы частично переросли в социальную революцию, а частично были заменены ею. С этого момента Россия вступила в стадию смены характера общественного развития, которая имела уже свою внутреннюю этапизацию;

второй этап (30–60-е годы) – общей корректировки капитализма, совокупности механизмов и институтов его функционирования, возникновения первых посткапиталистических начал;

третий этап (с середины 60-х годов) – усиления процессов трансформации капитализма в посткапиталистические общественные устройства, формирования нескольких типов этих устройств, являющихся смешанными по своему характеру, становления их собственных производственно-технологических основ, экономических, социальных и других институтов.

Границы между этими этапами весьма условны, поскольку многие черты, характеризовавшие общественное развитие на предыдущем этапе, сохранялись и в последующем. Однако их значимость постепенно ослабевала, а специфику каждого этапа определяли другие, новые черты.

На первом этапе выявились и начали обостряться взаимонесоответствия разных сторон развития. В то время как одни черты общественного развития менялись, другие продолжали сохраняться, общественное развитие теряло внутреннюю устойчивость.

Основой и источником перемен одних сторон и потребностей изменений других сторон общественного развития явились утверждение и распространение индустриального способа производства, охват им различных сфер экономики. Индустрия дала возможности организации массового производства, его унификации и удешевления, ослабила зависимость человека от сил природы; расширила границы использования ее ресурсов, усилила взаимосвязи в народном хозяйстве, формирование его целостности и т.д. Влияние развивающейся индустрии (подчас весьма неоднозначное) ощутили не только производство и эконо-

мика, но и социальные и политические институты, мировоззрения, идеологии, искусство, архитектура, литература и т.д.

Экономически капитализм ответил растущему индустриализму усилением монополизации хозяйства и интернационализации капитала, разделом мира на зоны экономического господства и влияния. Капитализм перешел на монополистическую стадию развития.

Однако переход на эту стадию не изменил и не мог изменить один из краеугольных устоев капиталистического характера развития – социально-классовое деление общества и рождаемые им противоречия и антагонизмы. Более того, на индустриально-монополистической стадии обострились противоречия, связанные с возможностями, которые открывал индустриализм для улучшения условий жизни и повышения доходов, и реальным положением основной части рабочего класса и наемных работников: рост интенсивности труда, высокая продолжительность рабочего дня, отсутствие социальных гарантий и защиты, низкая заработная плата и т.д. В результате индустриальное развитие натолкнулось на ряд ограничений, подрывающих его позитивную социальную значимость и сдерживавших его собственную динамику:

возраставшие производственно-экономические зависимости нуждались в механизмах, обеспечивающих их реализацию и поддержание народнохозяйственных пропорций, но рынок того периода, формы конкуренции и усиливающиеся тенденции монополизации отраслей и сфер экономики не могли создать такие механизмы;

массовому индустриальному производству был нужен рост массового потребительского спроса, а сложившаяся ситуация сдерживала его;

развивающейся индустрии были нужны различные категории работников, начиная от специализировавшихся на выполнении отдельных операций и кончая высококвалифицированными рабочими и специалистами. Это предполагало не только увеличение затрат на образование, подготовку кадров и на повышение оплаты их труда, но и определенные перемены в социальном положении людей, а оно практически не менялось.

Нараставшие социальные противоречия многократно усиливались вследствие осознания массами людей потенциальных возможностей, которые открывала индустрия для улучшения условий жизни, обретения рабочим движением идеологических (преимущественно марксистских) основ и развития его партийных и профсоюзных организационных форм.

В результате возникла реальная дилемма: или корректировка совокупности ранее сложившихся капиталистических отношений, приведение их в относительное соответствие с его развивавшейся индустриальной базой и растущими социальными потребностями и социальным самосознанием различных слоев трудящихся или нарастание революционной ситуации и прямая возможность социального взрыва.

Капитализм как саморазвивающаяся система стал постепенно корректировать некоторые черты экономических, социальных и политических отношений сообразно потребностям общественного про-

гресса. Происходила демократизация государственно-политической системы, а также расширение спектра представленных в ней социальных сил, в том числе рабочего класса. Политическая демократизация и классовая борьба воздействовали на улучшение условий жизнеобеспечения. Последнее становилось фактором экономического роста. Ко второму десятилетию XX века пик остроты социальных противоречий в ряде капиталистических стран, по-видимому, был пройден.

Выявление путей разрешения внутренних противоречий и корректировок черт характера общественного развития было прервано первой мировой войной, ставшей итогом нарастания и обострения межгосударственных конфликтов, порождаемых развивавшимся монополистическим капиталом и его внешней экспансией.

Несколько лет, в течение которых внутренние общественные процессы проходили под воздействием войны и ее последствий, стали кристаллизаторами направлений, тенденций и способов корректировки, а затем и смены системы и типа общественных отношений, а вместе с ними и характера общественного развития. В результате:

после нескольких обострений социальных ситуаций и конфликтов окончательно определилась и усилилась эволюционно-трансформационная линия сдвигов в капиталистических отношениях, и, соответственно, в характере общественного развития;

возникла альтернативная ей линия революционной смены характера общественного развития посредством ликвидации капитализма, целенаправленного создания принципиально новой общественной формации, основанной на обобществлении средств и результатов труда, призванной обеспечить в конечном счете полное социальное равенство людей, достижение свободы всех на основе свободы каждого. Данная линия стала результатом происшедшей в России Октябрьской (1917 г.) революции. Не затрагивая пока вопроса о действительном характере этого события и его итогах, следует отметить, что российская революция была одним из вариантов ответа на общий вызов, возникший уже в начале XX века и заключавшийся в необходимости изменений содержания и характера общественных отношений и общественного развития[1];

---

[1] В последние годы с поворотом страны в капиталистическое или любое антисоциалистическое русло значительная часть бывших коммунистических и новых либеральных, монархических, псевдодемократических политологов и иных обществоведов в своем неуемном усердии принизить, умалить значение, показать случайность, катастрофичность и т.п. октябрьских событий определяет их как переворот, заговор, осуществленный кучкой большевистских радикалов, лишенный исторических, национальных и прочих корней и т.д. В связи с этим следует со всей определенностью сказать, что происшедшее в России в октябре 1917 г. несомненно было глубокой социальной революцией. В ней участвовали и ее поддержали широкие слои народа, подтверждение тому – результаты гражданской войны. Революция изменила политический и экономический строй страны, ее социальную структуру, национально-государственное устройство и т.д. И случайными революции не бывают, случайными могут быть заговоры и дворцовые перевороты, но они происходят без народа. Без понимания революционного характера перемен, начавшихся в октябре 1917 г., нельзя понять специфику последующего развития страны, его противоречий, достижений и трагедий, и, соответственно, трудно определить целесообразные варианты преобразований в настоящее время и в перспективе.

обозначилась такая существенная черта характера общественного развития в XX веке, как рост не только национального самосознания, но и национального самоопределения. Свидетельствами тому были распад Австро-Венгрии, отделение нескольких стран от России, превращение последней в союз ряда республик;

выявились тенденции образования группировок различных стран в соответствии с их интересами, формируемыми межгосударственными хозяйственными связями, интернационализацией капитала, борьбой за источники ресурсов, рынки, зоны влияния и т.д. Данная тенденция неизбежно создавала базу международной конфликтности.

Возникновением данных тенденций и направлений практически завершился первый этап общественного развития в XX веке. В дальнейшем они корректировались, модифицировались, усиливались или ослабевали, реализовывались в разных формах, но всегда оказывали воздействие на происходящие в мире общественные процессы. Причем наиболее существенным и всесторонним было воздействие двух принципиально различных линий и способов преобразования содержания и характера общественных отношений и общественного развития.

1.2. Эволюционная и революционная линии общественных перемен в мире и их результаты

Первый этап изменения характера общественного развития в XX в. для России завершился в 1917 г. революцией, главной провозглашенной целью которой было ниспровержение капитализма и сознательное построение социализма и коммунизма. В других странах продолжилось развитие капитализма, сопровождавшееся целым рядом социальных конфликтов и обострений социальных отношений. В связи с таким расхождением линий и способов развития возникает ряд вопросов.

Во-первых, почему революционный переворот в общественном устройстве произошел именно в России и почему подобного не случилось в других странах?

Во-вторых, каким реально был характер революции и как он развивался и трансформировался?

В-третьих, как соотносится российский вариант изменения характера общественного развития с мировыми тенденциями?

Во всем этом необходимо разобраться, чтобы понять характер общественного развития страны в послереволюционный период, природу и особенности происходящих в ней в настоящее время процессов, возможные варианты дальнейших перемен и их последствия.

Хорошо известно, что В.И. Ленин выделил несколько объективных причин, которые сделали Россию самым слабым звеном в цепи неравномерно развивающихся империалистических государств:

переплетение ускорившего свое развитие капитализма с многочисленными полуфеодальными и другими докапиталистическими структу-

рами и отношениями, которое, с одной стороны, обостряло социальные противоречия, а с другой – ослабляло корни капитализма;

географическое положение России, стоящей на границе западных и восточных стран, что предопределяло своеобразие форм и порядка ее развития;

безвыходность положения рабочего класса и крестьянства вследствие бедствий, связанных с войной, которая умножала их революционность [1].

Однако есть еще одно обстоятельство, которое в свое время или отвергалось или недооценивалось в силу преувеличения определяющей роли экономических факторов в общественном развитии. Речь идет о несоответствии ряда основополагающих черт капитализма менталитету основной части российского народа.

Национальный менталитет есть синтетический результат воздействия на национальные или этнические черты постоянных естественных факторов и внутренней и внешней общественной среды, которая сама в значительной мере складывается под воздействием этих факторов. Формируясь в течение длительного времени, менталитет принимает устойчивый характер, становится социально-психологической характеристикой данной нации, отличающей ее от других. Другими словами, возникает определенный воспроизводимый национальный генотип. В качестве такового национальный менталитет автономен по отношению к меняющимся общественным условиям. Разумеется, изменение общественных условий влияет на национальный менталитет. Оно может способствовать реализации национальных черт (всех или отдельных) или осложнять ее, усиливать одни черты и ослаблять другие, но не может изменить менталитет в принципе. В свою очередь национальный менталитет сам влияет на варианты общественного развития, облегчая или, наоборот, отторгая их, придавая им специфические национальные формы.

Это – одна из причин многообразия национальных форм общественных отношений и устройств. Реальны и такие ситуации, когда условия развития меняются так, что не сохраняются возможности воспроизводства национального менталитета. Но это равносильно процессу разрушения соответствующих национальных сообществ, что неоднократно бывало в истории.

Менталитет большей части российских народов (а не только русского) формировался под воздействием среды (прежде всего естественной и внешней), вырабатывавшей социально-психологические склонности к большей взаимной общности и ограничению индивидуализма в различных сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения, включая обустройство среды жизнеобитания, формы хозяйственной деятельности и т.д. Это нашло отражение в народной культуре, в стремлениях к социальному равенству, социальной справедливости, соборности при выработке затрагивающих всех решений[2].

---

[2] Российские национальные особенности содержат в себе как положительные, так и отрицательные начала. К первым можно отнести более высокую способность к защи-

Конечно, надо различать социально-психологические черты и склонности и реальную жизнь. В последней не было социальной справедливости или равенства, да и начала общности (общинности) были весьма ограничены. Но стремление к их воплощению в жизнь всегда присутствовало в различного рода смутах, бунтах, восстаниях и других социальных конфликтах. Отмеченные и подобные им черты так или иначе, в той или иной мере отражались в общественных устройствах. Даже социальная дифференциация принимала такие формы, когда положение и права различных слоев фиксировались, имели устойчивый характер и для каждого слоя были более или менее однородными. Положение основной части населения – крестьянства во многом было усреднено. Российским народам в их массе были чужды начала буржуазного индивидуализма, утраты общинности, капиталистического социального расслоения посредством пролетаризации значительной части народа. В этом виделась утрата гарантий выживания в условиях общественных и природных осложнений. Национальные и капиталистические основы совмещались далеко не во всем. Иначе невозможно объяснить столь сильную задержку развития капитализма в стране, которая, казалось, в принципе располагала огромным ресурсным и человеческим потенциалом для его роста.

Разумеется, речь идет о некоторых национальных чертах. Были и другие черты, вполне совместимые с капитализмом и необходимые для него (например, предприимчивость и другие). Преобладание их у некоторой части нации послужило социально-психологической базой становления крупного и монополистического капитала. Но капитализм не стал национальным идеалом, его корни в России не были глубокими. Данное обстоятельство сыграло принципиальную роль в его быстром падении.

В фундаментальном труде Ленина "Развитие капитализма в России" уровень капитализации страны был явно преувеличен, а социально-психологическое и социально-экономическое противодействие ему – преуменьшено. Это подтвердила Октябрьская революция[3].

те от внешних угроз, устойчивость и выживаемость в случаях различного рода бедствий, народную выносливость и умение решать сложные хозяйственные и другие задачи, требующие объединения усилий и т.п. Ко вторым – консерватизм общественных отношений, приспособляемость (терпимость) к неблагоприятным социальным условиям вместо стремления к их быстрому изменению, которая может продолжаться вплоть до угрозы исчезновения минимально необходимых предпосылок жизнеобеспечения, а в случае возникновения такой ситуации – склонность к массовым силовым формам восстановления и утверждения (или попыток того и другого) утраченной справедливости, часто принимавших разрушительный характер.

Поэтому не следует умиляться российской самобытности, но надо учитывать ее сложное влияние как на происходившие в истории страны события, так и на варианты дальнейшего развития.

[3] Преувеличение Лениным глубины капитализации российской деревни и капиталистического расслоения крестьянства обусловило ошибочность стратегии и тактики отношения к крестьянству в революционный и послереволюционные периоды, основанного на социальном противопоставлении различных слоев крестьянства друг другу и рабочему классу. Это в свою очередь негативно отразилось на содержании и результатах дальнейших социально-экономических преобразований.

Что же касается европейских и других капиталистических стран, то событий, подобных российским, там произойти не могло, ибо пик революционного неприятия капитализма массами трудящихся был в них пройден еще во второй половине XIX века. К 20-м годам XX века более острыми стали проблемы корректировки капитализма в целях улучшения их материального и социального положения. Ускорению решения этих проблем основательно способствовала революция в России.

Более сложным является вопрос о характере Октябрьской революции. Она была провозглашена социалистической. Но объявить и сделать ее таковой – не одно и то же. Ленин неоднократно подчеркивал буржуазно-демократическое содержание революции в период ее свершения в октябре 1917 г., означавшее необходимость очистки социальных отношений страны от остатков средневековья и феодализма. По его мнению, после быстрого решения этой задачи до конца началось сознательное продвижение к революции социалистической, которая не была отделена от революции буржуазно-демократической. Последнюю он по существу рассматривал в качестве начального этапа первой, поскольку именно на ее свершение была ориентирована смена государственно-политической власти [2]. Ленин понимал, что для социализма в России в тот период не было достаточных экономических и культурных предпосылок, но полагал возможным сначала завоевать революционным путем политические предпосылки социализма, а потом, опираясь на них, создавать все остальные [3].

Итак, в России изменение политической составляющей общественной системы произошло раньше, чем были созданы предпосылки смены характера других сторон общественных отношений. Поэтому дальнейшие направления общественных перемен оказались в зависимости от развития и трансформации социально-политических отношений и институтов.

Все это означает, что реально в октябре 1917 г. в России свершилась не социалистическая, а антикапиталистическая революция, в которой даже решение буржуазно-демократических задач совмещалось с действиями, направленными на ниспровержение капитализма как такового и особенно усилившимися в период гражданской войны и военного коммунизма.

Но как будет конкретизироваться, во что воплотится антикапиталистический характер революции могло определиться только в последующем. В те времена антикапиталистическая революция, в силу существовавших у ее деятелей, да и не только у них, представлений о логике и последовательности этапов исторического развития, казалась тождественной социалистической. Реально же перспективы развития не были столь однолинейными. Будущее это доказало на практике. Прежде всего стала очевидной невозможность прямого перехода к социализму без предварительного периода изменения старой экономики через государственный капитализм, государственное регулирование товарных отношений и денежного обращения, через частичное восстановление капиталистических отношений и направление их в контролируемое русло [4]. В 1921 г. началась новая экономическая политика.

В данном случае, говоря о нэпе, важно разобраться в нескольких обстоятельствах, имеющих принципиальное значение для понимания происходивших в стране тогда и позднее событий и оказавших существенное влияние на ее развитие в XX веке. Это

во-первых, соотношение между характером нэпа, определенным государством, и содержанием и масштабами задач, которые должны были решаться новой экономической политикой;

во-вторых, варианты развития страны, которые были возможны при разных направлениях и результатах осуществления нэпа;

в-третьих, соотношение экономических и политических факторов в период нэпа, особенности и результаты их воздействия друг на друга.

Из многих докладов, статей, речей Ленина, посвященных новой экономической политике, можно понять следующее:

нэп, безусловно, рассматривался как отступление от ранее проводившейся линии на прямое становление социалистических отношений (в соответствии с тогдашними представлениями о них);

характер этого отступления определялся неоднозначно. В 1921 г. Ленин говорил о нэпе как об отступлении *стратегическом*, связанном с невозможностью непосредственного перехода к социалистическому строительству в крестьянской стране [5]. Это предполагало восстановление капитализма в точно неизвестной, но значительной мере [6]. Через год он утверждал, что нэп – это не эволюция, а *тактика*, что отступление закончилось, главные приемы работы с капиталистами намечены и теперь надо перегруппировать силы [7];

в качестве конкретных направлений предполагавшейся работы выделялись: восстановление на деле смычки с крестьянством посредством торговли (в том числе капиталистической), кооперации и других способов; обучение хозяйствованию в ходе проверки соревнованием государственных и капиталистических предприятий, хозяйственных действий государства и капиталистов; развитие государственного капитализма, т.е. регулирование капитализма государством (концессии, кооперация, аренда государственных предприятий, взаимовыгодные торговые соглашения и т.д.), но так, чтобы был возможен обычный ход капиталистического оборота, ибо это нужно народу; обеспечение подбора кадров, способных управлять хозяйством, направляя хозяйственную деятельность буржуазии в нужное для социализма русло [8];

база успешного решения задач нэпа виделась в существовавшей политической власти и обладании государством основной экономической силой (крупными предприятиями, железными дорогами и т.д.);

внутренней помехой в осуществлении нэпа мог стать недостаток культурности (умения управлять) у того слоя коммунистов, который управляет [9];

успешное осуществление нэпа должно было означать строительство социализма и коммунизма некоммунистическими руками, т.е. привлечение к социалистическому строительству различных социальных сил на основе использования элементов капиталистических отношений.

В приведенных положениях о нэпе просматриваются два аспекта:

определение его характера и значения: отступление (стратегическое или тактическое) от достигнутого уровня внедрения социалистических отношений, перегруппировка сил и овладение новыми способами достижения тех же стратегических социалистических и коммунистических целей;

направления и программа действий: отказ от непосредственного строительства социализма, восстановление в значительной мере капитализма, развитие госкапитализма в разных формах, конкуренции между социалистическим и капиталистическим хозяйством, налаживание товарного производства и товарооборота, создание сложной системы регулирования хозяйства и социально-экономических процессов и т.д.

Если сопоставить данные аспекты, то можно заметить, что общее определение нэпа только как отступления явно поверхностнее того реального содержания и тех практических действий, которые и должны были стать новой экономической политикой. Последние фактически свидетельствуют о том, что под давлением трудностей и неразрешимых противоречий, созданных ранее проводившейся стратегией, начинался стратегический поворот от упрощенных командно-однолинейных представлений о всеобъемлющем росте социализма к признанию необходимости и неизбежности неоднородных социально-экономических отношений на неопределенно длительную перспективу. Реализация поставленных задач на практике означала бы смену не только политики, но и стратегии социально-экономического развития. В свою очередь это рано или поздно должно было привести к пересмотру представлений или о социализме, или вообще о характере дальнейшего развития[4].

Нэп создавал вполне реальные предпосылки для различных вариантов развития страны.

Если намечавшиеся направления нэпа действительно воплотились бы в жизнь, то в результате в стране возникали бы, взаимодействовали и конкурировали экономические и социальные структуры и отношения нескольких типов:

государственно-социалистические,
государственно-капиталистические,
частно- и коллективно-капиталистические,
кооперативные в разных формах,
смешанные.

Все эти типы структур и отношений экономически объединялись бы товарно-рыночными связями, регулируемыми государством посредством совокупности экономических и административно-управлен-

---

[4] Определение Лениным нэпа лишь как отступления, тем более тактического, свидетельствовало о том, что у него к началу нэпа изменились представления о способах движения к социализму, но сохранилось прежнее понимание самого социализма и его целей. В последующем данное определение сыграло весьма негативную роль в судьбе нэпа и выборе варианта развития страны.

ческих механизмов. Такого рода общественное устройство не было бы ни капиталистическим, ни социалистическим, тем более в его революционно-книжном толковании. При всей своей противоречивости, оно могло быть вполне устойчивым, т.е. иметь основания для дальнейшего развития, поскольку в нем находилось место различным социальным слоям и силам и снимались основные противоречия капитализма вообще и российского в частности. Советская Россия, в случае изменения стратегии развития, получала исторический шанс создать новый общественный строй, не предусматривавшийся заранее ни революцией, ни общественной мыслью того времени[5]. В это же самое время в западных капиталистических странах в условиях то усиления, то ослабления классовой борьбы (в основном как ее результат) происходила некоторая корректировка отдельных сторон экономических отношений и социальных процессов, не решавшая возникавших проблем кардинально. Это значит, что Россия (Советский Союз) была на пороге такого способа изменения характера общественного развития, который ставил ее впереди всех развитых стран и, по сути, открывал им пути осуществления назревавших общественных перемен.

Экономические и социальные основы движения в данном направлении были налицо, но требовались политические и идеологические предпосылки. Последние играли принципиальную роль, поскольку только благодаря объединяющей силе государства могли формироваться все необходимые механизмы, регулирующие становление, функционирование, взаимодействие структур и отношений различных социально-экономических типов[6]. С этими предпосылками дело обстояло значительно сложнее.

Другой вариант развития открывался в случае неудачи наметившегося послереволюционного поворота в стратегии общественных перемен. Такая неудача была чревата возвращением к предыдущей стратегии, новыми волнами социальных столкновений, гражданской войны и в конечном счете – контрреволюцией или гибелью страны. Но ни левосоциалистических, ни антисоциалистических сил в начале 20-х годов для подобного поворота событий не хватало.

Был возможен и третий вариант – временного расширения в целях восстановления экономики различных форм хозяйства и социальных укладов в рамках устанавливаемых государством ограничений, постепенного усиления и наращивания социалистического (в действительности, государственного) уклада, ослабления и вытеснения всех остальных и в конечном счете установления господства государственной об-

---

[5] Вполне понятно, что становление подобного строя могло стать лишь результатом длительного развития общественных отношений, производственного и иных сторон общественного потенциала. Трудностей и противоречий на этом пути было бы более чем достаточно. Но важно отметить, что страна получала возможность двигаться по этому пути изменения общественного строя и характера общественного развития.

[6] В последней трети XX века это было подтверждено процессами аналогичной целенаправленной трансформации ряда крупных развивающихся стран (прежде всего Китая, Индии, Вьетнама), осуществляющейся благодаря реализации соответствующих государственных программ.

щественной системы. По существу это была бы реализация нэпа как временного тактического отступления.

Предпосылки такого варианта изначально были достаточно сильными. С одной стороны, состояние экономики, потребности ее восстановления и решения социальных проблем заставляли переходить к нэпу. С другой стороны, власть в своей основной части была идеологически подготовлена к осуществлению нэповского отступления, а частично мирилась с его необходимостью. Но развитие событий, сам процесс становления многоукладного хозяйства могли способствовать преодолению идеологической ограниченности представлений о характере общественного развития и перерастанию данного варианта социально-экономических перемен в первый.

Однако, как известно, осуществился последний вариант. Его победе способствовало несколько факторов:

идеологические: укорененность у господствовавшей политической верхушки упрощенных представлений о социализме и уравнительно-перераспределительных способах его становления; исключение и даже изгнание из действовавших политических сил интеллектуально наиболее подготовленной части общества, способной шире взглянуть на происходившие общественные процессы, обобщить их, изменить представления об этапах исторического развития;

политические: характер государственно-политической системы (диктатура), поставившей направления и формы развития экономики в жесткую зависимость от принимаемых политических решений; конфликты между политическими группировками, использовавшими приверженность ранее провозглашенным революционным целям для упрочения своих позиций в борьбе за власть;

экономические: потребности получения ресурсов в целях развития индустрии, подталкивавшие к усилению централизации экономики, ослаблению рыночных связей, усилению налогового давления на частное и вообще на негосударственное хозяйство;

внешние: ожидания мировой революции, опасения внешней интервенции, стремление усилить обороноспособность и одновременно экономически предельно ослабить несоциалистические силы внутри страны.

Экономическими, социальными, оборонными, внешними обстоятельствами аргументировалась необходимость возможно более быстрого завершения переходного периода от капитализма к социализму, т.е. свертывания нэпа.

Фактически же главным во всем этом была неспособность государственно-политической системы адаптироваться к изменившимся в первые периоды нэпа экономическим условиям и отношениям и стремление сформировать экономическую систему по своему образу и подобию. В этот период не политика стала концентрированным выражением экономики, а экономика превратилась в полигон испытания и реализации политических установок.

Впрочем, неспособность политической системы трансформироваться в соответствии с меняющимися экономическими отношениями

отнюдь не означала, что она не трансформировалась вообще. Революционная диктатура пролетариата, точнее партии, выступавшей от имени пролетариата, сформировавшись, стала действовать по законам развития самой власти, заключающимся в стремлении к созданию таких властных систем и структур, которые обеспечивали бы самодостаточность власти, т.е. ее воспроизводство и устойчивость в меняющихся ситуациях, обстоятельствах и т.п. В условиях несложившейся системы экономических отношений, социокультурных, социопсихологических и других сторон общественных отношений политическая система получила больший простор для обеспечения самодостаточности и воспроизводимости на базе установления своего верховенства (господства) над обществом, в том числе и над социальными силами, интересы которых она должна была выражать и защищать. Диктатура пролетариата, которая, видимо, существовала в период военного коммунизма, стала превращаться в диктатуру государства (государственной власти). С этого момента государственная власть становится не только субъектом отношений, но и специфическим объектом собственности, обладание которым открывает большие экономические возможности.

Подобного рода трансформация государственно-политической власти означала, что завершение отступления и переход в наступление на базе нэпа, а затем и без него, не были возвращением к реализации принципов, ценностей и целей социализма, провозглашенных в программных документах дореволюционного и революционного периодов. Достижение целей социализма откладывалось на неопределенную перспективу, а построение общества, все аспекты отношений в котором становились подконтрольными государству, стало насущной задачей. Поэтому нэп действительно явился переходным периодом от капитализма, но не к социализму, а к огосударствленной общественной системе, которой история ранее не знала, так же как и социализма, и которая во многом была противоположна капитализму. Следовательно, можно было строить эту систему, опираясь на ряд действий, близких к реализации некоторых идей социализма или совпадающих с ними, а еще больше – на камуфляж социалистической идеологии.

Невозможность реализовать первоначально определенные цели, идеи, принципы социализма была предопределена их утопичностью. Полное социальное равенство, полное удовлетворение потребностей людей, полное господство общественной собственности и т.п. установки игнорировали различия и ограниченность экономических и других условий развития, трансформацию и возвышение потребностей, дифференцированность людей, связанную с социальными, профессиональными, личностными и другими аспектами, возможность возникновения новых факторов социальной дифференциации и т.д. Вообще же достижение ставившихся целей означало бы конец развития человечества, но оно было невозможно.

Переход от капитализма к огосударствленной системе не был столь предопределенным. Он объясняется совпадением ряда ранее отмеченных обстоятельств. Такого совпадения могло и не быть, а главное, могла быть создана более гибкая, более демократичная политиче-

ская система, способная не только учитывать, но и реализовывать интересы различных социальных сил. Вполне возможно, что в конце жизни Ленин почувствовал опасность самодовлеющего развития государственно-политической системы для социализма и общества, так же как и принципиальную ограниченность прежних представлений о социализме. Свидетельством тому являются его последние работы [10]. В них он, во-первых, обратил внимание на угрозу обюрокрачивания государства и пытался найти способы и меры ее предотвращения. Бюрократизм же в социальном смысле есть выражение (в разных формах) самодовлеющего положения власти и представляющего ее аппарата над отдельными людьми, социальными слоями и всем обществом. Предложения Ленина по борьбе с бюрократизмом в целом могли иметь весьма ограниченное действие, поскольку не предполагалось изменение сущности созданного государственно-политического устройства. Но в данном случае важно понимание принципиальности последствий бюрократической эволюции государства.

Во-вторых, Лениным был поставлен вопрос о коренной перемене всей точки зрения на социализм. Эта постановка содержит много неясностей, она мало развернута. И тем не менее, вопрос ставился не о возвращении к тому социализму, от которого отступили, введя нэп, а о построении иного социализма. Последний включал:

политическую власть рабочего класса и переделку государственного аппарата;

общественную собственность на средства производства, которые могли сдаваться в аренду;

кооперацию (не только кооперативные организации, но и систему соответствующих экономических, в том числе торговых отношений);

культурную революцию, объединяющую собственно культурные перемены с развитием материальной базы производства.

По-видимому, в конце 1922 г. – начале 1923 г. нэп начинал пониматься Лениным не только как отступление, а гораздо шире. Неизвестно, насколько смогло бы углубиться и воплотиться в жизнь начинавшееся очередное переосмысливание происходивших в стране процессов, если бы Ленин продолжал руководить страной. Но известен конец нэпа: был упущен исторический шанс впервые в мире начать становление общества, соединяющего различные социальные силы и экономические сектора, и опираясь на их потенциал, товарные отношения и государственное регулирование обеспечить быстрый общественный прогресс.

По мере усиления плановых начал ведения народного хозяйства готовились предпосылки отказа от нэпа. Переломным оказался 1926 г. В перспективной ориентировке Госплана на 1925/26–1929/30 гг. задачи индустриализации страны сочетались с ежегодным усилением социалистических факторов за счет сокращения частнохозяйственных элементов. После XIV съезда ВКП(б) была разработана новая перспективная ориентировка на 1926/27–1930/31 гг., в которой уже ставились прямые задачи быстрейшего приближения полного переустройства общества на социалистических и коммунистических началах [11].

Началось свертывание нэпа. В 1929 г. нэп был окончательно похоронен. Окончился один из важнейших периодов, определивший характер общественного развития страны в перспективе. В течение этого периода была ликвидирована капиталистическая система, изменились движущие силы развития, определилась ведущая роль в нем государственно-политической системы, были созданы механизмы планирования народного хозяйства, централизации и перераспределения ресурсов, расширены, а затем до предела ограничены рыночные отношения, начались индустриализация и создание крупных индустриальных структур, соответствующих мировому уровню, стал решаться ряд социальных проблем, в государственном устройстве был учтен рост самосознания наций и народностей и т.д. Вместе с этим возникли противоречия, связанные с игнорированием общих основ и форм общественного развития (рыночных отношений и рыночного способа экономического оборота, специфики земледелия, личностной природы человека и личных интересов и т.д.), появились и стали быстро углубляться новые аспекты не только социальной дифференциации, но и социального насилия (экономического, политического, идеологического, духовного и т.п.). Иными словами, наступило торжество и шествие огосударствленной общественной системы.

К этому же времени завершился период частичной корректировки отдельных сторон капиталистических отношений в западных странах. Его завершением стала "великая депрессия", охватившая мировой капитализм и свидетельствовавшая о необходимости существенных изменений в системе капиталистических отношений. Это особенно ощущалось на фоне начавшегося быстрого роста индустрии в Советском Союзе. Начался период изменений в характере капиталистического развития. Его суть заключалась в выработке новых механизмов функционирования капиталистической экономики, стратегии и ориентиров его динамики, основанных на сочетаниях различных форм предпринимательства, конкуренции и государственного регулирования.

На этом этапе линии изменений в характере общественного развития в Советском Союзе и капиталистических странах все более расходятся. В первом случае общественное развитие, основанное на абсолютизации политической, экономической и социальной роли государства и его главного экономического института – государственной собственности, начинает постепенно все больше отклоняться от общих тенденций перемен, обусловленных индустриальной стадией.

1.3. Огосударствленно-олигархическая система: черты, этапы и итоги развития

Как уже отмечалось, определяющую роль в осуществлении варианта послереволюционного развития страны, связанного с процессами огосударствления экономики и других сторон общественной жизни, сыграли государственно-политические факторы.

Однако стало бы непозволительным упрощением видеть в расширении, упрочении и последующем превращении огосударствления в об-

щественную систему лишь результат утверждения и реализации господства государственно-политической власти над обществом, в том числе и над рабочим классом, диктатуру которого она якобы осуществляла. Если бы огосударствление базировалось только на политической власти и не имело определенных долговременных оснований в экономике и других сторонах общественной жизни, то оно не смогло бы превратиться в воспроизводимую систему и относительно быстро потерпело бы неудачу.

Действительность была значительно сложнее. Она не вписывалась в рамки огосударствления, но давала для него некоторые экономические, социальные, социально-психологические и иные основы. Начинавшееся огосударствление опиралось на использование ряда объективных потребностей и тенденций индустриального развития. Государственная власть, реализуя программы индустриализации и социально-экономического переустройства общества, в значительной мере сознательно, а частично интуитивно использовала некоторые объективные факторы, способствовавшие огосударствлению. Одновременно происходили гипертрофия и искажение одних факторов, игнорирование других, деформация общественного развития. Но во всяком случае, огосударствление как вариант переустройства общества в послереволюционный (посленэповский) период не было порождением только государственно-политической системы и тем более специфики мышления, характера, целей конкретных лиц, возглавлявших власть, хотя становление и функционирование огосударствленной системы содействовало выделению "сильной личности", "хозяина", "вождя", личные особенности которого существенно влияли на методы и формы огосударствления и способы поддержания верховенства власти. Разобраться во всех этих обстоятельствах важно не только с точки зрения осознания прошлого, но еще более для понимания настоящего и определения будущего.

Экономически огосударствление прежде всего опиралось на необходимость повышения уровня обобществления производства как предпосылки и результата перехода к индустриальной стадии и ее дальнейшего развития. Как известно, уровень реального обобществления производства, т.е. тесноты и сложности производственных взаимосвязей, в России в первой трети XX века был относительно низок. В условиях многоукладной, преимущественно крестьянской экономики функции по восполнению недостающих, саморазвивающихся производственных связей и их регулированию могло осуществлять государство, что оно и начинало делать в период нэпа. Ранее уже говорилось, что государство могло использовать для этого различные институты и механизмы. Однако с точки зрения государственной власти наиболее универсальным способом решения данной задачи было превращение основной части объектов хозяйственной деятельности и общественного богатства в государственную и частично контролируемую государством кооперативную собственность. Такой вариант открывал для государства прямые возможности централизованного регулирования происходящих процессов, концентрации и перераспределения ресурсов, в том числе в целях индустриализации. Одновременно формально создавались эконо-

мические основы социализма в результате ликвидации частной собственности. Поэтому государственная собственность превратилась в основной институт огосударствления общества.

В качестве *социальных основ* огосударствления служило снятие в результате утверждения государственной собственности тех аспектов социальной дифференциации, которые были связаны с частной собственностью на средства производства (противостояние собственников и несобственников, разных групп собственников и т.п.). По отношению к государству, владевшему средствами производства и общественным богатством, формально все были равны. К тому же государственная собственность объявлялась лишь формой реализации собственности всего народа, т.е. собственности социалистической.

Становясь собственником основной части народного хозяйства и общественного богатства государство должно было обеспечивать основные социальные гарантии для всего народа и тем самым, создавать предпосылки социальной динамики. Это соответствовало как интересам основных слоев населения, так и задачам создания социальных предпосылок индустриального развития.

Социально-психологически огосударствление легче приживалось при склонности основных слоев народа к общности, социальной усредненности, при неприятии капиталистических форм социальной дифференциации, при исторически выработавшемся признании верховенства государственной власти в обществе.

Учет отмеченных экономических и других факторов, тенденций, потребностей, интересов и т.п. отнюдь не обязательно предполагал огосударствление разных сторон общественных отношений. В принципе он мог быть более рационально обеспечен посредством намечавшегося, но не осуществленного варианта трансформации нэпа. Но в тех конкретных обстоятельствах, которые сложились в Советском Союзе во второй половине 20-х годов, эти факторы не отторгали огосударствления, использовались государственно-политической властью в качестве основ последнего и в дальнейшем реализовывались и развивались уже в рамках огосударствленной системы.

Придание экономическим и другим сторонам общественных отношений огосударствленных форм; отсечение или разрушение тех отношений, которые по своей сути противостояли и не поддавались огосударствлению, формирование совокупности огосударствленных институтов и механизмов, обеспечивающих экономические, социальные и другие общественные взаимосвязи – все эти процессы, взятые вместе, превратили нараставшее огосударствление в становление специфической огосударствленной общественной системы.

Специфика данной системы прежде всего обусловливалась тем, что ее возникновение было результатом не естественно-исторической трансформации общественных отношений, а целенаправленных действий государственно-политической власти в условиях социально-экономической неопределенности. Это соответствующим образом отразилось на сущности системы, ее экономических отношениях, социальной структуре, соотношении различных сторон общественных отношений,

движущих силах развития, содержании общественных противоречий и конечных результатах развития.

Огосударствление начиналось с двух взаимосвязанных процессов: превращения государственно-политической власти в фактор, играющий решающую роль в выборе вариантов общественного развития, становления и расширения государственной собственности, без которой не могло бы закрепиться и воспроизводиться самодовлеющее положение власти.

В то же время без определяющей роли в общественном развитии государственно-политической власти преобладание и возрастание доли государственной собственности (особенно при наличии реальных предпосылок для развития различных социальных укладов) было бы просто не нужным и не возможным. Следовательно, политико-экономической основой формировавшейся общественной системы являлись сращенность, неотделимость государственной власти и собственности. Сама власть превращалась в объект собственности, обладание которой позволяло распоряжаться другими объектами государственной собственности, т.е. общественным богатством, и воспроизводить верховенство государственно-политических отношений в обществе.

В результате связка "государственная власть – государственная собственность" стала основным отношением новой общественной системы. Отделение государственной власти от государственной собственности было бы равнозначно ликвидации формировавшейся огосударствленной системы, в которой государство как собственник стало важнейшим субъектом экономических и других общественных отношений. Собственность превращалась в государственную не только по форме, но и по существу, т.е. отчуждалась от народа.

Так вместе с началом становления огосударствленной системы произошел коренной поворот социально-экономического развития в сторону от прокламированных целей передачи основных средств производства и общественного богатства в общую собственность народа и построения на этой основе социализма.

Следовательно, огосударствленной системе внутренне присуще противоречие между государством, соединившим политическую и экономическую власть, и народом, оказавшимся политически, экономически, социально и т.д. зависимым от государства и реализуемых им стратегий.

По существу отношения государственная власть – государственная собственность и государство (собственник) – народ (несобственник) предопределили, во-первых, особенности всей совокупности экономических отношений, во-вторых, основы и принципы формирования социальной структуры общества, в-третьих, характер взаимосвязи между различными сторонами общественных отношений, в-четвертых, основные линии противоречий огосударствленной системы.

Что касается экономических отношений, то они прежде всего ограничивались тем их кругом, который охватывался огосударствлением, унификацией и иерархически построенными взаимосвязями, обеспечивающими экономический диктат государства. Те отношения, ко-

торые в принципе нельзя ввести в рамки огосударствления, которым нельзя придать огосударствленную форму и т.п., для данной системы оказывались лишними или мешающими ей, подрывающими ее основы. Они или разрушались или сводились к минимуму. Такая судьба постигла товарное производство, рыночные механизмы и институты, отношения, возникающие под воздействием естественно-природных факторов (аграрные, экологические и др.), частные формы собственности и т.д. Следствием этого стало неразрешимое противоречие между специфическими (огосударствленными) и общими экономическими отношениями и институтами. Данное противоречие заставляло огосударствленную систему подавлять последние неэкономическими, в том числе административно-принудительными способами.

Политико-экономическое господство государства заложило также основы новой социальной структуры, формировавшейся исходя из степени близости различных слоев к власти (или отдаленности от нее). В такой структуре прежде всего выделился иерархически организованный (в соответствии с выполняемыми функциями) и ограниченный слой носителей власти. Этот слой, выполняя властные политико-экономические функции, становился субъектом отношений собственности и, соответственно, занимал привилегированное (господствующее) положение в обществе.

Ведущее положение в обществе его государственно-политической составляющей, ее соединенность с экономической базой (собственностью) привели к огосударствлению и подчинению ей идеологических, социокультурных, мировоззренческих, духовно-нравственных и других аспектов общественных отношений. Это нарушило их нормальное естественное развитие, поскольку большинство из них лишь опосредованно связано с политико-экономическими факторами и развиваются относительно самостоятельно, так как являются результатом взаимодействия очень многих причин и обстоятельств. Соответственно, для огосударствленной системы характерно противоречие между различными сторонами общественных отношений, что стимулировало государственную власть к усилению их огосударствления и подчинения.

Отмеченные особенности сущностных черт огосударствленной системы обусловили характер и основные линии содержащихся в ней противоречий:

между государственно-политической властью и экономическими отношениями, поскольку направления и тенденции развития последних во многом определяются логикой происходящих в них процессов, и огосударствление упрощает и деформирует эти процессы;

между специфическими огосударствленными политико-экономическими отношениями и общими (неогосударствленными) экономическими отношениями, в связи с ограничением и разрушением или деформациями последних;

между ростом многообразия и тесноты производственных связей (повышением реального уровня обобществления) и формальным обобществлением (огосударствлением) экономики, во многом деформировавшим процессы обобществления;

между различными социальными слоями, прежде всего между имеющим привилегированное положение слоем собственников–распорядителей и народом;

между экономическими, социальными, духовно-нравственными интересами и стимулами развития и административно-принудительными (включая и насильственные) способами становления и развития огосударствления, вырастающими из его несоответствия многим сторонам общественного развития.

Каждая из этих линий развертывалась в весьма сложную взаимосвязанную совокупность противоречий, часто пересекающихся с противоречиями других линий. Но в конечном счете все они сходились в одной точке – недостаточной экономической и социальной эффективности огосударствленной системы. Причем по мере развития производства, социальных отраслей, культуры, условий жизнеобеспечения и т.п. любое из отмеченных противоречий и их совокупность препятствовали росту эффективности или снижали ее. Говоря другими словами, противоречия огосударствленной системы – это факторы не упрочения или трансформации, а угасания ее, что свидетельствует об исторической неперспективности общественных систем подобного рода.

Если обобщить основные сущностные черты огосударствленной системы, то прежде всего надо выделить:

приоритет (диктат) в общественном развитии государственно-политической власти и ее соединенность с экономической властью;

формирование относительно узкого, иерархически организованного, обладающего властью слоя распорядителей собственностью;

подчиненность различных сторон общественных отношений их государственно-политической и политико-экономической составляющим;

тенденции сведения экономических и других отношений к огосударствленным и отсечения тех экономических, политических, социальных, социокультурных и т.п. отношений, которые не соответствуют или препятствуют огосударствлению;

наличие создаваемого властью блока административно-принудительных способов становления огосударствления.

Совокупность данных черт является воплощением и выражением *олигархической* сущности огосударствленной общественной системы. Олигархия в данном случае – это не просто господство немногих, это общественная система, построенная и иерархически организованная под определяющим воздействием государства, его политической и политико-экономической сфер, характеризующаяся ограничением общественных отношений огосударствленными формами, подчинением их государству, иерархичностью общественных связей, верховенством государственной власти и ее концентрацией в руках привилегированного слоя, являющегося организующей и воспроизводящей социальной силой огосударствления и его олигархических начал.

Олигархические начала органичны огосударствлению, они развиваются и усиливаются вместе с ним. Поэтому становление огосударст-

вленного строя есть формирование государственного олигархизма. Итак, государственный олигархизм вместо обещанного социализма – таков результат стратегического посленэповского и антинэповского поворота развития Советского Союза в конце 20-х годов XX века.

Основные звенья экономических отношений государственно-олигархической власти

Сращенность политической власти и государственной собственности по существу превратили огосударствленные экономические отношения, вырастающие из данной взаимосвязи, в политико-экономические. Во всяком случае, властно-политические и государственно-экономические начала в основных звеньях этих отношений явно пересекались и соединялись.

Прежде всего это относится к основному способу реализации соединенности власти и собственности – централизму, развернувшемуся в совокупность механизмов концентрации ресурсов государством и управления на этой базе экономикой, социальными, социокультурными и другими сторонами общественного развития. Предельно высокий уровень централизации, охвативший экономические и другие отношения объяснялся не внутренней трансформацией этих отношений, а соединенностью власти и собственности, превращением власти в объект собственности. В то же время централизм, пронизавший экономику и саму власть, стал способом утверждения и развития государственного олигархизма.

Реализация централизма в экономике, т.е. обеспечение ее развития на огосударствленных началах и в соответствии с государственными стратегиями, делала необходимой замену ранее существовавшего товарно-рыночного способа экономического оборота новым. Товарно-рыночные основы экономических связей не только противоречили прямым централистским формам организации экономических отношений и концентрации ресурсов государством, но и просто не позволили бы это сделать. Государственному централизму соответствовал иной, не эквивалентный, а перераспределительный способ экономического оборота, который включал прямое установление экономических связей и обмен деятельностью через устанавливаемые государством механизмы межотраслевого перераспределения создаваемого прибавочного продукта в соответствии со структурной политикой государства.

Главное, что ушло из ранее существовавшего рыночного способа экономического оборота, – это его стоимостные эквивалентные основы и конкурентная свобода хозяйственных связей и действий. Однако централистско-перераспределительный оборот в масштабе народного хозяйства не мог осуществляться без включения в него элементов товарно-рыночного оборота. Это связано с реальной экономической обособленностью хозяйственных субъектов, дифференциацией условий их деятельности и экономических интересов, необходимостью соблюдать в воспроизводственном процессе стоимостные пропорции. Товарные отношения (независимо от того, признавались они или отрицались, на-

рушались, ограничивались и т.п.) входили в ткань огосударствленной экономики. Поэтому экономический оборот, во-первых, осуществлялся в товарной форме и, во-вторых, включал механизмы, призванные объединить товарные и централистско-перераспределительные начала. Одной из таких наиболее значимых форм стал хозяйственный расчет.

Для становления и функционирования огосударствленной системы и реализации ее экономических и социальных стратегий необходимо было объединить порождаемые ею многообразные институты и механизмы таким образом, чтобы обеспечить их взаимодействие и ориентацию на упрочение системы.

Всеобщим институтом, решившим эту задачу, явилось планирование, распространенное на все уровни, начиная с народнохозяйственного и кончая первичными, и на все сферы общественной деятельности. Планирование стало формой реализации централистско-перераспределительного способа экономического оборота, в том числе регулирования, ограничения и использования включенных в него элементов товарных отношений[7]. Планирование позволило концентрировать ресурсы, осуществлять их распределение, устанавливать количественные параметры экономического и социального развития, сделать экономические и другие общественные отношения подконтрольными государству. Действенность этой формы неоднократно проявлялась в наиболее сложных экономических и иных ситуациях.

Планирование – главное достижение огосударствленной системы с точки зрения создания новых форм экономического развития. Но вместе с тем в нем содержались и противоречия, отражавшие его централистскую природу. Во-первых, планирование, охватывая и контролируя различные аспекты социально-экономического и общественного развития, тем самым подрывало инициативу, возможности поиска более рациональных решений. Во-вторых, планирование при всей его разветвленности не могло учесть растущих экономических и других связей, предусмотреть использование всех ресурсных возможностей и т.д. И чем сложнее по мере перехода к индустриальной стадии становилось народное хозяйство, чем больше усложнялось все общественное устройство, тем менее эффективными становились гипертрофированные централистско-огосударствленные плановые формы развития. Вместе с этим ослабевали возможности государственной власти как главной опоры огосударствленной системы. Все это отражало и усиливало противоречие между развитием производства, условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения и огосударствленным способом их орга-

---

[7] Как правило планирование рассматривается как форма планомерного характера развития советской системы. Но это один из идеологических мифов. Дело в том, что планомерное развитие предполагает обеспечение народнохозяйственной пропорциональности, экономической и социальной эффективности, комплексность перемен во всех взаимосвязанных сторонах жизнедеятельности и т.д. Ничего этого огосударствление и перераспределительный способ экономического оборота никогда не давали и дать не могли. Но они обусловили необходимость планирования как формы для обеспечения упорядоченного и контролируемого функционирования механизмов и звеньев системы.

низации. Чем дальше шло общественное развитие, тем больше оно начинало сдерживаться огосударствленной системой.

Таковы основные звенья экономических отношений государственно-олигархической системы, характеризующие основы, способы и формы ее становления и функционирования.

Основы этой системы предопределили также характер труда и содержание трудовых отношений в ней. Фактическая отчужденность народа от собственности означала, что огосударствленная система функционировала и воспроизводилась на базе наемного труда. По сравнению с капиталистической системой новым явилось то, что единственным работодателем теперь выступало государство и это имело принципиальное значение:

возникало всеобщее экономическое принуждение к труду, поскольку труд являлся единственным (абсолютно преобладающим) источником существования;

удовлетворенность, так же как и недовольство народа экономическим, социальным положением, условиями жизнедеятельности, переносилась на государство;

государство как собственник не только политически, но и экономически становилось ответственным за жизнеобеспечение народа и в силу этой его природы должно было социально гарантировать положение различных слоев народа (включая всеобщую занятость), даже безотносительно к экономической эффективности таких гарантий. (Отсюда закономерность совпадения ряда аспектов социальных отношений в огосударствленной системе с предполагавшимися социалистическими началами.) В то же время перераспределительный способ экономического оборота и господствующее положение в обществе социальных слоев, выполнявших властные функции, обусловили возможности возникновения и разрастания отношений эксплуатации.

Централизм, перераспределительный способ экономического оборота, плановое ведение хозяйства позволяли государству в том или ином объеме выполнять его социально-экономические функции, но они не могли снять противоречие между государством-собственником и народом-несобственником. Данное противоречие неизбежно развивалось вместе с углублением ранее отмечавшихся противоречий огосударствленной системы, негативно влиявших на ее эффективность. Разрешиться совокупность всех этих противоречий в конечном счете могла только вместе с ликвидацией государственно-олигархической системы.

Существенным аспектом развития социально-экономических отношений в рамках огосударствленной системы было соотношение их государственных и негосударственных форм. Как уже отмечалось, тенденция к абсолютному огосударствлению не могла реализоваться до конца. Государство не обладало способностями проникнуть во все поры экономической и социальной жизни, тем более в стране, изначально крестьянской. Оно также не могло устранить свойственные личностной природе человека начала частной собственности, даже формально ликвидировав ее. Поэтому объективно вместе с государственными

существовали негосударственные формы социально-экономических отношений, испытывавшие постоянное отторжение их государством.

Соответственно двум основам негосударственных форм социально-экономических отношений определились две линии их развития:

первая – становление официально признанных, разрешенных и фактически в значительной степени огосударствленных негосударственных форм;

вторая – возникновение неформальных (теневых) отношений, существовавших наряду с огосударствленной системой или внутри нее, являвшихся ее антиподом.

Негосударственные отношения первого вида были представлены совокупностью кооперативных форм, личным подсобным хозяйством населения и ремесленно-кустарными видами деятельности.

Кооперативные формы – это, во-первых, огосударствленные остатки кооперации периода нэпа, т.е. неосуществленных намерений всеобщего кооперирования населения (потребительская кооперация, промысловая кооперация, старательские артели). Все эти кооперативные формы поддавались жесткому государственному регулированию и были нужны для мобилизации различного рода ресурсов, производства товаров народного потребления, осуществления оборота между городом и селом.

Во-вторых, – вновь созданная уже в период становления государственной системы колхозная кооперация, подменившая ранее существовавшие различные формы сельскохозяйственной кооперации и, главное, использованная как способ ликвидации частного крестьянского хозяйства. Посредством нее был решен самый сложный для формирования огосударствленной системы вопрос охвата ею основной части населения страны – крестьянства и замены мелкого хозяйства в земледелии крупным. По существу кооперативно-колхозная форма в очень многом была противоположна кооперации (и по методам ее формирования, и по содержанию социально-экономических отношений, и т.д.). В то же время в ней содержались элементы кооперации в организации внутрихозяйственных отношений, в использовании продукции, в основах воспроизводства. В колхозной кооперации вместо невозможного варианта национализации крестьянской собственности (хотя бы потому, что государству нечего было с ней делать) был найден вариант полунационализации, в результате которой хозяйство уже не принадлежало крестьянину, но он привязывался к этому хозяйству. Однако подобная кооперативная полунационализация в своей массе могла быть осуществлена только посредством принуждения и прямого насилия. Поэтому с позиций огосударствленной системы кооперативно-колхозная форма всегда оставалась "незрелой", "непоследовательной" и т.п. Она содержала в себе и экономические, и социальные, и социально-психологические негосударственные начала.

Используя эти обстоятельства, государство, с одной стороны, не брало на себя функции обеспечения предпосылок жизнедеятельности и социальных гарантий для колхозного крестьянства. С другой стороны, оно получило возможность посредством неэквивалентных отношений

в течение длительных периодов изымать из колхозов не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта, подвергая крестьянство жесточайшей эксплуатации [13]. В этом было одно из самых сильных проявлений олигархической сути огосударствления.

В целом в рамках государственного олигархизма кооперация в ее различных проявлениях была дополнительной системой социально-экономических отношений, связанной, но не совпадавшей с огосударствленными отношениями и противоречащей им.

Личное подсобное хозяйство населения и в значительной мере кустарно-ремесленная деятельность были множеством нитей соединены с кооперативным и государственным хозяйством и потому терпелись и использовались огосударствленной системой. Особенно это относится к личному подсобному хозяйству, без которого элементарное обеспечение населения продовольствием было бы немыслимо.

В то же время эти формы хозяйства рассматривались как временно существующие остатки частнособственнической деятельности, на них оказывалось сильнейшее экономическое и идеологическое давление и прямое административное притеснение.

Официально признанные негосударственные экономические формы осуществляли свою деятельность открыто и ущемить их в тех или иных целях не составляло особого труда. Сложнее господствующей системе было бороться с неформальными экономическими и иными отношениями, которые с разных сторон подрывали ее, но в основном были скрыты. Можно назвать две главные причины развития и расширения теневой экономики. Во-первых, существовали хозяйственные ниши, не охваченные государством, которые могли использоваться для реализации частной инициативы, частного предпринимательства, формально ликвидированных огосударствленной системой. Во-вторых, наличие постоянного дефицита товаров народного потребления, бытовых и социальных услуг. Соединение этих факторов делало теневую экономику не только возможной, но и неизбежной. Таким образом, уничтожая частную собственность, предпринимательство и свободный рынок, огосударствленная система фактически воссоздавала их. Но нелегальные или полулегальные условия их существования извращали эти общественные институты.

Теневая экономика развивалась вместе с огосударствленной системой и постепенно переплеталась с государственной экономикой на почве нелегального получения ресурсов, возможностей сбыта продукции, подкупа государственных чиновников и т.п. Значительная ее часть принимала криминальные формы. Все сегменты теневой экономики, развивавшиеся как параллельно с государственной экономикой, так и внутри последней, расшатывали огосударствленную систему. Рост теневой экономики свидетельствовал о наличии далеко не всегда конструктивных социально-экономических сил, способных в случае ослабления государственных властных начал, перерождения власти в результате использования власти–собственности в личных интересах, возраставшей коррупции и других факторов, начать разрушение государственной собственности, в том числе в деструктивных целях. С этой опас-

ностью государственно-олигархическая система справиться не могла. Широко распространявшееся утверждение о полной ликвидации частной собственности, частных форм хозяйства, частного предпринимательства, о социально-экономической чистоте существовавшего строя также было идеологическим мифом.

Таким образом, экономические отношения огосударствленной системы свидетельствовали о происшедшей смене характера общественного развития, но лишь в пределах его ранее существовавшего типа, основанного на социально-экономических противостояниях в обществе. Это особенно отчетливо проявилось в социальной структуре.

Социальная структура огосударствленной системы

Содержание и противоречия экономических отношений определили социальную структуру огосударствленной системы, проявились в этой структуре и испытали ее противоречивое воздействие.

Отношение власть (собственность) – государство (собственник) – народ (несобственник) формально поставило всех в равное положение по отношению к государству. Но государство как общественный институт, к тому же собственник (а это уже новый тип государства) должно иметь субъект своей деятельности – слой людей, обладающих политической и экономической властью и реализующих функции, присущие государству данного типа. В результате этот слой становился субъектом отношений собственности. Именно он и был социальной базой развития огосударственной системы, закреплявшей его политическое и экономическое господство в обществе. Особенность данного субъекта отношений собственности заключалась в том, что собственником был именно слой, обладавший государственной властью. Государственная собственность не была и не могла быть персонифицированной. Это собственность государства как общественного института, а не индивидуумов. Конкретные люди были временными распорядителями собственности, пока они обладали ее специфическим объектом – властью и в меру их властных полномочий. Это были своего рода полусобственники или собственники на время, поскольку власть как объект собственности данного человека имела преходящий характер. Отсюда – целый ряд внутренних противоречий в рамках данного слоя, связанных с борьбой за власть, за положение собственника-распорядителя, за обладание бóльшим объемом властных политико-экономических полномочий.

Дифференцированность властных политико-экономических полномочий стала основой внутренней дифференциации и иерархической организации слоя распорядителей собственности, во-первых, по месту в системе власти и, соответственно, по объему властных полномочий, а, во-вторых, по взаимосвязанным и субординированным уровням власти от самого верхнего до местных. Наличие, иерархическая организация и ограниченность слоя, обладавшего политико-экономической властью, наиболее явно раскрывали и выражали олигархическую сущность огосударствленной системы. Верхняя часть этого слоя на каждом

из властных уровней, обладавшая наиболее широкими властными функциями, фактически являлась субъектом государственного олигархизма. Другие его части были основой воспроизводства этого субъекта.

Как уже отмечалось, отделение слоя, непосредственно осуществлявшего властные функции, стало началом формирования социальной структуры по степени близости к политико-экономической власти. Для социального слоя распорядителей собственности был необходим слой организаторов исполнения властных решений. Как и слой власти, он внутренне ранжировался и охватывал среднее чиновничество, представителей хозяйственных структур среднего звена на всех уровнях. К этому слою примыкал и частично сливался с ним слой исполнителей властных решений – часть чиновничества, инженерно-технические, хозяйственные и другие работники, непосредственно связанные со слоями управляемых "трудящихся масс". Последние представляли группу самых широких социальных слоев, в прямом смысле обеспечивавших существование и развитие всей огосударствленной системы. Но это – не класс–гегемон, а слои, находившиеся под пятой всей возвышавшейся над ними иерархии с ее олигархической верхушкой. Внутренняя структура этих слоев сохраняла некоторые классовые начала. Это относится к остававшимся различиям между рабочими (работниками государственных предприятий и организаций) и колхозным крестьянством. Рабочий класс сам являлся творцом огосударствленной системы (в периоды революции и послереволюционные), но оказался в зависимости от государства–собственника. Колхозное крестьянство было создано огосударствленной системой, точнее, его создание завершило формирование ее социально-экономических основ. Создание этого нового класса опиралось на принуждение, в значительной мере насильственное. В то же время колхозному крестьянству была оставлена определенная собственность. Но парадокс заключался в том, что колхозная собственность подверглась огосударствлению в таких формах, что этот класс–собственник оказался в экономическом, социальном, гражданском положении значительно более тяжелом, чем государственные рабочие. Колхозники были лишены многих элементарных гражданских прав и свобод.

Наконец, в рамках социальной структуры огосударствленной системы был создан низший социальный слой, лишенный не только собственности, но и гражданских и политических прав. Он охватывал остатки бывших привилегированных слоев капиталистического общества, раскулаченное крестьянство, мелких предпринимателей (нэпманов) и т.п. По существу это был конгломерат тех частей общества, которые могли быть огосударствлены лишь посредством лишения их прежнего социального статуса, а вместе с ним и гражданских свобод. Основная часть данного слоя подверглась различного рода репрессиям. Его масштабы были различны на разных этапах развития огосударствленной системы, но он существовал практически всегда и периодически пополнялся за счет групп людей, которых государственная олигархия считала для себя опасными.

Для огосударствленной системы был нужен еще один социальный слой – обслуживающий ее научно-технические, социокультурные, идеологические и другие потребности и интересы. Этот слой зависел от олигархической верхушки и был подчинен ей. Значительная часть этого слоя работала на огосударствленную систему, приспосабливаясь к ней или веря в ее якобы социалистическую природу. Но в силу особенностей сфер деятельности этого слоя и функций, которые он выполнял в огосударствленной системе, он не был одной из ступеней социальной иерархической лестницы, находился в стороне от нее и обладал некоторой социальной автономией. Внутри него всегда присутствовали силы, понимавшие, хотя и в разной мере, характер реальной противоречивости и неперспективность огосударствленной системы, принципиальное расхождение ее содержания и формы и т.д. Так или иначе, это находило отражение в результатах интеллектуальной деятельности и создавало интеллектуальную почву для расшатывания системы. Отсюда – недоверие олигархии к этому слою, идеологическое и иное давление на него.

В рамках огосударствленной системы развивались элементы социальной структуры, порождаемой теневой экономикой и частной собственностью. Они пересекались и соединялись с иерархическими социальными слоями огосударствленной системы, оказывая деформирующее влияние как на них, так и на всю систему.

Огосударствленная система, сформировав иерархически построенную социальную структуру и отделив от собственности все слои, кроме верхнего, в то же время создала предпосылки для достаточно широкой социальной динамики. Исчезли такие преграды, стоящие на пути последней, как частная собственность, богатство, сословные границы, невозможность получения образования широкими слоями народа и т.д. Наоборот, условность или достаточная открытость границ между слоями (кроме самого верхнего и самого нижнего), государственные социальные гарантии, замена стимулов получения богатства стимулами повышения социального статуса, значимость деловых качеств людей стали сильными факторами социальной динамики. Она и была важнейшей движущей силой развития огосударствленной системы. И прежде всего именно благодаря ей Советский Союз обрел быстрые темпы социально-экономического развития в первые периоды существования огосударствленной системы.

Другой силой развития было экономическое и неэкономическое принуждение. Последнее резко возросло в период завершения огосударствления (коллективизация и раскулачивание) и затем периодически неоднократно усиливалось. Однако принуждение и, тем более, насилие могло дать лишь временный и неоднозначный эффект. Примером тому служит коллективизация, которая дала людей для промышленного строительства и производства, но разорила сельское хозяйство и разрушила надежду на обеспечение новым строем социальной справедливости, хотя в напряженные периоды принуждение (так называемый порядок) помогало быстрее решать сложнейшие экономические проблемы (в том числе в период Великой отечественной войны, в послевоенный период).

Социальный динамизм и принуждение были противоречащими друг другу силами, но исторически сложилось так, что обе они стали постепенно ослабевать и угасать. По мере развития огосударствленной системы начали увеличиваться дифференциация и замкнутость иерархических социальных слоев и их воспроизводство на собственной базе, стали дифференцироваться и уровни социальных гарантий, что свидетельствовало об усилении олигархического характера системы, роста эксплуатации и вело к снижению возможностей социальной динамики, хотя такая динамика сохранялась до конца существования огосударствленной системы и была одной из ее сильных сторон. Одновременно началось снижение эффективности развития на базе государственного централизма. Это ослабляло как основы огосударствления, так и действенность неэкономического принуждения. Уменьшение движущих сил системы постепенно привело ее к производственно-экономической и социально-экономической стагнации и возрастанию объективных и субъективных предпосылок ее ликвидации.

Олигархическая сущность и социалистическая форма огосударствленной системы

Поворот к огосударствлению и государственной олигархии во второй половине 20-х годов выявил утопичность бытовавших представлений о социализме, его основах, целях и т.п. Действительно, общенародная собственность не могла возникнуть, во-первых, в силу внутренней дифференцированности по многим социальным параметрам предполагавшегося собственника – народа (социально-профессиональным, социально-культурным, социально-бытовым и т.д.), наличия в нем социальных слоев, различавшихся по экономическим и другим интересам и потребностям. Во-вторых, в связи с состоянием производственных основ и потенциала общества, создавших ниши для развития социально-экономических отношений разных типов.

В этих условиях могло быть две реальные перспективы, которые ранее рассматривались: развитие сложной структуры социально-экономических и хозяйственных форм и отношений или огосударствление. Отвержение первой под лозунгом обеспечения победы социализма привело к торжеству второй. Однако формального отказа от революционных социалистических целей и замыслов не произошло. Более того, социалистическая идеология стала по существу единственной официально разрешенной. Происходившие перемены трактовались как быстрое движение к социализму с последующим переходом к коммунизму, что облегчало углубление огосударствления. Развертывалась идеологическая система, которая с социалистических позиций выстраивала и объясняла систему огосударствленных общественных отношений.

В данном случае не суть важно, в какой мере творцы такой идеологии были искренне убеждены в ее соответствии действительности (т.е. не понимали последнюю), а в какой занимались фарисейством. Несомненно присутствовало и то и другое. Существеннее то, что вместе со

становлением социально-экономических отношений огосударствленной системы формировалась и их идеологическая сторона, камуфлирующая реальное содержание происходящих процессов. Следовательно, формирующейся системе было внутренне присуще противоречие между реальным олигархическим содержанием общественных отношений и их социалистической идеологической формой.

В основе последней лежала возможность представить собственность государства в качестве собственности всего народа. Этому способствовало то, что идеология не была лишь пассивной формой социалистического прикрытия несоциалистического характера создававшейся системы. Как совокупность взглядов, отражавших определенное понимание социализма, идеология воздействовала на огосударствленную систему, стимулировала тактические и, частично, стратегические действия, не противоречившие огосударствлению и в то же время близкие к социалистическим целям или совпадавшие с ними. В первую очередь это относилось к принципам организации социальной и социально-бытовой сфер, созданию совокупности социальных гарантий, обеспечению относительной демократии на первичных хозяйственных и территориальных уровнях. Все это не меняло сущности самой системы, более того, соответствовало, как уже отмечалось, функциям государства – собственника, но одновременно усложняло отношения, усиливало социалистическую видимость системы, делало ее более противоречивой и более приемлемой для широких слоев народа, особенно, с учетом российского менталитета.

Нарастание государственных олигархических начал в свою очередь воздействовало на идеологию, постепенно размывая и подменяя ее социалистическую природу началами государственно-политического (партийного) диктата. Это вызывало всплески идеологической борьбы между последователями изначальной социалистической идеологии и людьми, старавшимися объяснить процессы огосударствления посредством социалистической фразеологии и тем самым отождествить огосударствление и социализм. Кто одерживал верх в этой борьбе, пояснять не требуется. Еще более существенной с точки зрения государственного олигархизма была борьба между господствовавшей официальной идеологией, утверждавшей безальтернативную правильность и историческую перспективность существовавшей системы, и любыми попытками вскрыть подлинное содержание и неэффективность последней в силу: отрицания общих законов развития (частной собственности, товарного производства и рынка); социальной дифференциации, которая привела к созданию специальной замкнутой системы отношений от производства и распределения до потребления по обслуживанию господствующей верхушки; гипертрофии государственной собственности; лишения народа ряда основных реальных политических и гражданских свобод, его идеологической и духовно-нравственной задавленности и т.п. Сколь бы скрытыми или незначительными ни были стремления показать изначальную неправомерность системы, они встречали силовой идеологический отпор. Против открытых выступлений в науке, литературе, искусстве и других сферах при-

нимались репрессивные меры. Тем не менее, некоторая часть интеллектуального слоя, призванного обслуживать олигархию, реально работала против нее, разрушала официальную партийно-государственную идеологию, показывая ее несоответствие реалиям и интересам народа.

Этапы развития огосударствленной системы

В своем развитии огосударствленная система прошла несколько этапов, весьма быстро сменяющихся во времени, но имеющих существенную специфику. Параллельно ей развивалась и трансформировалась капиталистическая система. Причем в ходе развития эти системы постепенно как бы менялись местами по глубине происходящих в них производственных и экономических перемен и их эффективности, по темпам и характеру экономического роста, по общей устойчивости и перспективам.

Как уже отмечалось, первый этап становления огосударствленной системы (ориентировочно 1926–1930 гг.) был этапом создания ее политических, экономических, социальных, идеологических основ и конструкций. Господство государственной собственности, огосударствление других социально-экономических форм, централизм, перераспределительный способ экономического оборота и планирование как форма его реализации, иерархичность социальной структуры, переход к быстрому наращиванию индустрии, социальная динамика и государственное принуждение и насилие и т.д. – все эти отношения и аспекты системы и связанные с ними противоречия сложились как преобладающие именно на этом этапе и в дальнейшем развивались и усиливались. Различия между этапами заключались в уровне их развитости и соответствия друг другу, потребностям и тенденциям общественного развития.

На первом этапе создававшиеся основополагающие отношения и конструкции, с одной стороны, обеспечили переход к экономическому подъему, с другой – заложили долгосрочные структурные диспропорции, с третьей – создали предпосылки гарантии социального развития и культурной революции в стране, с четвертой, – обусловили развитие дифференциации социально-экономического положения слоев и групп населения. Одновременно они открыли возможности социальной динамики и параллельно создали способы и механизмы неэкономического принуждения, государственного диктата и насилия. То есть практически любой позитивный принципиальный сдвиг в общественном развитии сопровождался его антиподом.

В это же время первый период сдвигов в характере общественного развития капиталистической системы завершился самым сильным экономическим кризисом и осознанием необходимости существенной корректировки способов функционирования системы. В общем этот отрезок развития выиграла огосударствленная система. Она упрочилась, и полученные ею социально-экономические результаты были явно предпочтительнее.

Второй этап (ориентировочно 1931–1935–36 гг.) – это наращивание индустриального развития страны и упрочение огосударствления, выявление его олигархической сущности, развязывание очередного витка идеологической борьбы (и борьбы за власть) внутри правящей верхушки, усиление репрессивного аппарата на фоне нарастания диспропорций в народном хозяйстве, развертывания хронического аграрного кризиса, дефицита продовольствия, вплоть до голода в обширных аграрных районах.

Третий этап (1937–1940–41 гг.) – продолжение индустриального развития и начало повышения военно-промышленного сектора в экономике страны, попытки обеспечить более высокую эффективность вложений в индустрию и народное хозяйство при возникновении тенденций падения темпов промышленного роста. Вместе с тем это этап упрочения не только олигархического характера власти, но ее тоталитарной политической природы.

Четвертый этап (1941–1945 гг.) – Великая отечественная война, которая выявила максимальные возможности мобилизации ресурсов и человеческих сил на основе огосударствления и централизма и одновременно показала, что такие отношения могут стать приемлемыми в чрезвычайных ситуациях, на относительно короткие периоды, и следовательно, не будут эффективными в нормальных условиях, когда потребуются соблюдение всей совокупности производственно-хозяйственных пропорций, реализация различных групп социально-экономических и иных интересов и отношений.

Пятый этап (1946–1953 гг.) был решающим в том смысле, что он обусловил начало и неизбежность все большего отставания страны от развитых стран в производственно-техническом и технологическом отношениях, по уровню жизни и качеству условий жизнеобеспечения и жизнеобустроенности населения.

Основанная на централистских принципах, лишенная стимулирующего воздействия внутренней и внешней конкуренции, экономика восстанавливалась после войны быстро, но по существу на старой технико-технологической базе и с большими структурными диспропорциями. В результате было предопределено ее экстенсивное, структурно несбалансированное развитие в перспективе. В это же время в пострадавших от войны западных странах восстановление народного хозяйства означало переход к высокоиндустриальной стадии при одновременном изменении системы и ориентиров функционирования экономики. Правда, в Советском Союзе был создан мощный высокотехнологичный военно-промышленный комплекс. Но его засекреченность, отделенность от остальных сфер хозяйства не позволяли широко и быстро использовать имеющийся в нем научный, технологический и ресурсный потенциал для всей экономики. Поэтому экономика во многом оказалась разделенной на две относительно автономные части, что отрицательно сказалось на каждой из них.

В послевоенный период огосударствленная система стала представлять уже блок ряда стран, образовавших затем мировую систему "социализма". Однако силовой способ внедрения в них огосударствленной

системы, в принципе тождественной советской, при помощи и во многом под давлением Советского Союза всегда оставлял сомнение в прочности этой системы как в отдельных странах, так и в масштабах всего их сообщества.

На этом этапе продолжилось возрастание роли тоталитарных принудительных начал как фактора развития и поддержания огосударствленной системы.

Шестой этап (1954–1964 гг.) характеризуется: в социально-политическом отношении непоследовательными попытками некоторой демократизации системы, снятия наиболее явных проявлений тоталитарности, прежде всего репрессивного характера; в экономическом плане – действиями по ослаблению народнохозяйственных диспропорций преимущественно за счет усиления учета региональных факторов (создание совнархозов) и улучшения условий развития сельского хозяйства; в социальном плане – политикой, направленной на повышение уровня жизни населения (в первую очередь сельского). Все это отражало если не понимание, то ощущение властью превращения существовавших политических и экономических порядков в тормоз производственного и социального развития, в угрозу для самой огосударствленной системы.

Но данные попытки, действия, намерения и т.п. носили крайне противоречивый характер, поскольку опирались на государственно-олигархические механизмы и их конечной целью было упрочение все той же огосударствленной, якобы социалистической, системы и ее идеологических постулатов. Уже к концу 50-х годов экономическая ситуация ухудшилась, демократизация обернулась персональными изменениями во властной иерархии, придание системе динамизма превратилось в производственно-хозяйственное и организационное сумасбродство. Проявились и стали расти трещины в мировой огосударствленной системе.

Седьмой этап (1965–1982 гг.) – один из самых сложных в развитии огосударствленной системы. Он начался с очередной попытки ослабить тоталитарные начала, отказаться от субъективизма провести экономические реформы, частично раскрепощающие сельскохозяйственные, промышленные и другие предприятия, опирающиеся на расширение товарных отношений, экономическое соревнование и предприимчивость (обозначение конкуренции и предпринимательства в терминологии того времени).

Но к 70-м годам эти начинания завершились хозяйственным провалом, ибо они отторгались системой, развитие которой должны были обеспечить и в определенной мере модернизировать ее, и идеологическим разгромом обосновавших их научных направлений.

С 70-х годов все отчетливее стали просматриваться процессы экономической и социальной стагнации огосударствленной системы в отдельных странах, представлявших ее, и во всей их совокупности как следствие постепенного ослабления политико-экономических возможностей государственной власти в условиях достижения индустрией высокого уровня развития, однобокости централизма и

способов его реализации, внутреннего разложения олигархической иерархии.

Результатом этого явилось все большее социально-экономическое отставание Советского Союза и других стран огосударствленной системы от развитых государств. Начался разлад внутри системы, связанный с намерениями одних стран в определенной мере модифицировать, а других, наоборот, – по возможности законсервировать ее. Все более ощутимым становилось недовольство и даже неприятие народами политических основ и форм огосударствления.

Система все больше переставала соответствовать потребностям производственного, социального, социокультурного и духовно-нравственного развития общества.

Восьмой этап (конец 1982–1985–86 гг.) – короткий промежуток, в который была предпринята последняя попытка реанимировать огосударствленную систему, придать ей динамизм на базе упрочения государственных политико-экономических начал, наведения порядка, повышения роли трудовых коллективов предприятий, улучшения использования имеющегося производственно-экономического и других потенциалов. Но ускорения развития не получилось, система уже утратила способность реагировать на косметические ремонты собственных механизмов. Возникла необходимость в изменении ее сущностных характеристик.

Девятый этап (1986–1991 гг.) – время, в течение которого окончательно выявилась неспособность огосударствленной системы трансформироваться в соответствии с объективными тенденциями дальнейшего развития и интересами широких социальных слоев народа, так же как и неготовность ее олигархической верхушки к осуществлению подобной трансформации. На этом этапе углублялся ее общий кризис, ослабевали и разрушались основополагающие конструкции социально-политической системы, происходило быстрое разложение и перерождение олигархического и других слоев политико-экономической иерархии. В итоге наступил крах советской и мировой огосударствленной системы.

Пока псевдосоциалистическая огосударствленная система проходила по этапам своего возвышения и падения, существенные перемены происходили и в капиталистической системе.

Вступив на рубеже 20-х и 30-х годов во второй период своего развития в XX веке, эта саморазвивавшаяся система смогла модифицироваться применительно к выросшему и продолжавшему возрастать реальному уровню обобществления производства и углублению его индустриального характера. Рыночно-конкурентные отношения были дополнены системой государственного регулирования, основанной преимущественно на сочетании финансово-кредитных механизмов, государственных программ и государственного заказа.

Государство как субъект экономических отношений выполняло в их совокупности регулирующие функции, но не стало в них доминировать. Соотношение рыночной свободы и государственного регулирования периодически менялось вместе с колебаниями экономической

ситуации и сменами стратегий развития, но сочетание этих начал становилось все более органичным.

Другим направлением сдвигов в чертах капитализма были перемены в отношениях собственности: демократизация (акционирование) собственности, фактическое разделение выполнения ее различных функций между разными группами людей, повышение экономической и социальной значимости государственной собственности и государственного сектора экономики (при больших различиях их структуры в разных странах).

Третье направление, связанное с двумя предыдущими и отражавшее потребности производственного и социокультурного развития, заключалось в усилении социальной ориентации экономики на улучшение условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения широких слоев населения.

Первоначально все это не меняло существа капитализма, внося лишь новые черты в характер его развития. Но постепенно, к концу второго периода, т.е. к 60-м годам в разных развитых странах стали просматриваться принципиально новые, некапиталистические начала взаимодействия и сотрудничества различных социальных сил.

В 60-х годах начинается третий период развития капитализма в XX веке – период перехода к постиндустриальной стадии и его трансформации в новые посткапиталистические системы, период смены не только характера общественного развития, но и его прежнего типа, основанного на социальном противостоянии, классовых антагонизмах и борьбе.

Все это происходило как раз тогда, когда огосударствленная система, не меняя своих основ и механизмов, боролась с ее кризисом и не могла его преодолеть. На рубеже 80–90-х годов, когда общий кризис огосударствленной системы подводил ее к логическому концу, трансформация капитализма в развитых странах достигла такой глубины, что понятие "капитализм" стало применимо к ним в значительной мере традиционно-исторически, т.е. условно.

На фоне распада мировой огосударствленной системы углубились процессы межгосударственной экономической и политической интеграции развитых стран. Общность внутренних социально-экономических перемен, усиление начал социального взаимодействия и процессы производственной, экономической и социокультурной глобализации создали предпосылки для достижения прозрачности государственных границ. Сложный процесс эволюционной трансформации тысячелетиями существовавшего типа общественных отношений получил новые направления развития.

Глава 2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ СМЕШАННОГО ТИПА: СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

2.1. Переход к постиндустриальной стадии и становление новых общественных систем

Новые общественные системы проходят самые первые этапы своего становления. Их отношения и закономерности развития еще не сложились в целостном виде. Но происшедшие в последние 30–40 лет и продолжающие происходить перемены в развитых и некоторых других странах позволяют, во-первых, утверждать, что процесс их становления уже начался и он будет чрезвычайно сложным, противоречивым и длительным; во-вторых, выделить и описать основные черты и противоречия новых устройств; в-третьих, определить их социальную сущность и возможные исторические перспективы.

Сложность становления новых общественных систем определяется сочетанием целого ряда обстоятельств:

их основами являются постиндустриальный технологический способ производства и соответствующие ему общий уровень экономического развития, соотношения различных сфер и видов деятельности, синтез собственно производственных и интеллектуальных (в том числе научно-технических) факторов развития и т.д. В то же время трансформация самих общественных отношений является условием создания данных основ;

становление новых систем происходит посредством эволюционной смены общественных отношений, т.е. реально существуют, взаимодействуют и противоречат друг другу отношения предыдущих систем, отношения меняющиеся, но еще сохранившие некоторые старые черты и отношения, возникшие вновь. Это делает процессы перехода к новым общественным системам не только противоречивыми, но и относительно неустойчивыми. В них возможны колебания, отклонения, явления регрессивного характера, тем более, что общественной трансформацией охватываются страны с различным уровнем развития, имеющие существенную национальную, региональную и иную специфику;

переход к новым общественным устройствам связан с изменениями разных сторон общественного бытия и общественного сознания и, соответственно, организующих их подсистем (производственных, социально-экономических, политических, идеологических, мировоззренческих и др.). Но сдвиги в этих сторонах и системах отношений далеко не всегда происходят взаимоувязанно и комплексно. Все это вносит противоречия в процессы трансформации, может искажать или модифицировать черты новых общественных устройств, приводить к различного рода общественным симбиозам.

Однако несмотря на осложняющие обстоятельства, процесс становления новых посткапиталистических систем не только происходит, но и усиливается. В основе его лежит исчерпание производственных, экономических и социальных возможностей индустриализма, вызванные им кризисные явления, связанные с ухудшением природной среды, ослаблением стимулов экономического и всего общественного развития и социально-экономической динамики. И капиталистическая и, тем более, огосударствленная общественные системы, так или иначе связанные с индустриализмом и в производственном отношении основанные на нем, перестали соответствовать потребностям и возможностям дальнейшего научно-технического, технологического, экономического, социального и социокультурного прогресса. Сочетание перехода развитых стран к постиндустриальной производственной стадии с расширением процессов трансформации капитализма позволило начать решение возникших проблем.

Становление постиндустриальной стадии с ее высокими технологиями, электроникой, информатикой, новыми способами использования ресурсов и т.п. оказало воздействие на основные стороны жизнедеятельности и общественных отношений, во многом усилив в них перемены, начатые еще на индустриальной стадии, и в то же время обусловив ряд принципиально новых направлений общественных перемен.

Влияние на общественное развитие перехода к постиндустриальной стадии прежде всего обусловлено, во-первых, переменами, происходящими в технологическом способе и организации производства, в производственных связях, и, во-вторых, необходимостью создания общественных условий и среды, которые обеспечивали бы становление и развитие новых производственных основ общества.

Среди перемен, обусловленных самим постиндустриальным способом производства и оказывающих существенное влияние на сдвиги в содержании и основных чертах общественных отношений, можно выделить:

повышение роли интеллектуального фактора в производственном и общественном развитии в целом, которое нашло отражение в необходимости повышения уровня культуры, образования и квалификации работников, изменении характера труда (трудовых функций) и, соответственно, реального положения различных социальных групп в общественно-производственном процессе;

изменение условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей в результате перемен во взаимосвязях "общество–природа" на базе ресурсосберегающих и природозащитных технологий и механизмов, вовлечения в хозяйственный оборот ранее неиспользовавшихся ресурсов, в том числе местных, что открывает возможности развития местного производства, более рационального использования территориального потенциала;

возрастание роли природных и территориальных факторов не только с точки зрения получения ресурсов, но и создания благоприятных условий жизнеобеспечения; выделение экологического аспекта

как одного из направлений постиндустриального общественного развития;

постепенное дополнение и изменение концентрации производства, заключавшейся в его территориальном стягивании и наращивании размеров предприятий, концентрацией, осуществляемой посредством достижения жестких и четких технологических и производственно-хозяйственных связей даже между территориально и организационно разделенными, но взаимозависимыми производствами. В результате расширились пределы и разнообразились формы реального обобществления производства, возникли потребности в развитии транспортной и производственной инфраструктур, создались предпосылки для большего разнообразия организационно-хозяйственных структур, усложнения, разделения и интеграции функций организации и управления производством, выделения особого блока отношений и слоя людей, выполняющих эти функции;

освоение постиндустриальных технологий и средств мелким производством, расширение возможностей его развития и конкурентоспособности (в том числе в новых народнохозяйственных сферах), взаимосвязей и интеграции с крупным производством, превращение мелкого производства в органический элемент постиндустриальной экономики, что улучшает предпосылки развития локальных территорий, решения в них проблем занятости, формирования их рациональной производственно-хозяйственной и рыночной структур и благоприятной жизненной среды;

усложнение и расширение внутри- и межотраслевых, территориальных и иных экономический связей, возрастание воздействия их реализации на экономическую ситуацию; воплощение тесноты связей в формировании межотраслевых комплексов, включающих хозяйственные структуры различных организационных и социальных типов; усиление негативных последствий нарушения или разрыва сложившихся связей и повышение значимости институтов и механизмов регулирования экономических процессов.

Среди социальных предпосылок, необходимых для перехода к постиндустриальной стадии и решения экономических и других проблем, возникших на предыдущих этапах, наибольшее значение имеет усиление гуманистической направленности общественного развития, сущность которой заключается в синтезе процессов создания социальных предпосылок развития производства, удовлетворения социальных потребностей людей и формирования благоприятной жизненной среды. В этом смысле (но не в смысле идеологического целеполагания) гуманистическая направленность означает, что человек становится центром социально-экономического развития.

Совокупность гуманитарных факторов (образование, культура, мировоззрение, интеллектуальная деятельность, социальные гарантии и социальная обеспеченность, социальная удовлетворенность и т.д.) становится базой, обеспечивающей устойчивость и развитие общества.

2.2. Основные черты общественных систем смешанного типа

Направления и интеграционная сущность трансформации отношений собственности

Одним из важнейших свидетельств того, что идет эволюционный процесс не просто смены общественной системы, но и формирования общественных устройств принципиально нового типа, являются наблюдающиеся *перемены в отношениях собственности.*

Для выявления сути и значения перемен, происходящих в отношениях собственности, прежде всего важно понимать, что собственность – это сложный блок социально-экономических отношений, характеризующих содержание и формы взаимосвязей между людьми по поводу присвоения (получения) возможностей, средств и результатов жизнедеятельности. И насколько разнообразны такие возможности, средства и результаты, настолько же многосторонни и отношения собственности. Они в принципе не сводимы к формам собственности на средства производства, тем более в современных условиях. Отношения собственности складываются, развиваются и меняются в зависимости от:

состава и специфики объектов собственности;

структуры и способов реализации функций собственности;

особенностей и структуры субъектов собственности;

взаимодействия и взаимовлияния выделенных факторов.

Сложность отношений собственности и изменения в их содержании и формах стали относительно быстро нарастать, начиная с 30-х годов и, особенно, во второй половине XX века на базе индустриальной и перехода к постиндустриальной стадии развития и их воздействия на все отмеченные факторы.

Происходят *существенные сдвиги в объектах собственности*, оказывающие влияние на структуру ее отношений и форм. Можно выделить несколько направлений таких сдвигов.

Прежде всего к ним относится повышение в материально-вещественных объектах собственности объемов и значения объектов потребительского и смешанного потребительско-производственного назначения. Это – электротехнические, электронные, информационные, транспортные, жилищно-бытовые и другие средства, в которых воплощаются достижения научного, технического, технологического, общего производственного прогресса. Функции собственности на объекты подобного рода заключаются не только в улучшении условий и повышении качества жизни, но и в создании предпосылок удовлетворения основных потребностей ряда социальных групп людей, интересы которых не связаны или мало связаны с предпринимательской деятельностью, с обладанием собственностью на средства производства. Принципиально возрастает и будет возрастать в перспективе роль в общественных отношениях таких объектов собственности, как информация, знания, продукты интеллектуальной деятельности.

Соответственно, соотношение между собственностью на средства производства и непроизводственные объекты (с точки зрения их воздействия на совокупность общественных отношений) меняется в пользу последней. К тому же источники такой собственности и, тем более, ее использование далеко не обязательно каким-либо образом связаны с отношениями эксплуатации, присвоением результатов чужого труда и т.п. Повышение общественной значимости современных средств потребительского назначения создает основания для развития разных форм собственности на них, от частной до муниципальной и государственной. Сближая интересы, потребности и условия жизнеобеспечения связанных с ними слоев населения, эти формы собственности составляют одну из основ становления широкого среднего социального слоя.

Данный аспект перемен в структуре объектов и отношений собственности является одним из воплощений гуманистической направленности развития, роста значимости его социокультурных факторов и предпосылкой дальнейшего углубления этих процессов.

Другой аспект изменений в структуре объектов и отношений собственности, также отражающий усиление гуманистических начал в общественном развитии, связан с возрастанием роли и выделением особого блока отношений интеллектуальной собственности. Продукт интеллектуального труда как объект собственности специфичен, поскольку его главное средство производства – интеллектуальные, творческие способности человека, даже если интеллектуальная деятельность осуществляется при посредстве самых современных и совершенных орудий, создаваемых научно-техническим прогрессом.

Первоначальный продукт интеллектуальной деятельности – идея, являющаяся неотъемлемой собственностью ее автора (авторов). Поскольку интеллектуальная деятельность – это широкий спектр областей и видов духовного, научного, технического, технологического и т.п. творчества, постольку в рамках социальной структуры формируется особый слой собственников–интеллектуалов.

С точки зрения создания предпосылок жизнедеятельности и жизнеобеспечения интеллектуальная собственность–идея имеет лишь потенциальный характер, но она может быть воплощена в духовные или материальные ценности, которые становятся объектами реальной собственности. Процесс превращения идеи в материальные и духовные ценности, так же как и сами эти ценности, является базой возникновения различных форм собственности в зависимости от целей, условий, особенностей их производства и необходимых для этого ресурсов. Но во всех случаях функции отношений собственности, связанных с продуктами интеллектуальной деятельности, заключаются в создании основ материального и духовного прогресса. Поэтому данный блок отношений собственности резко усиливает роль интеллектуальных факторов в процессе общественного развития и становления общественных систем.

Третий аспект сдвигов в структуре объектов собственности – это значительное расширение общих возможностей и выбора конкретных видов общественно полезной деятельности, которые становятся специ-

фическим (не воплощенным в каких-либо продуктах или услугах) объектом собственности. Его функции заключаются в обеспечении тех или иных способов и форм реализации трудового потенциала (способности к труду) и, тем самым, получения собственности, материализованной в производственных или потребительских благах, т.е. источников средств жизнеобеспечения и жизнедеятельности.

В принципе наличие такого объекта собственности и обладание им всеми членами общества стало бы основой их экономической свободы. Однако структурные и социально-экономические диспропорции, безработица и кризисные явления ограничивают данный объект собственности и его качественные характеристики (возможности выбора сфер и условий деятельности). Но факторами повышения его значения в структуре отношений собственности являются отмеченные ранее перемены в производственных и интеллектуальных основах развития, происходящие при переходе к постиндустриальной стадии, значительно расширяющие спектр сфер и видов деятельности. Повышение роли в общественных отношениях данного объекта собственности, так же как и ранее рассмотренные аспекты перемен в последней, отражает усиление гуманистической направленности развития, увеличивая возможности выбора и достижения людьми соответствующего положения в обществе.

Вместе со сдвигами в объектах собственности и в значительной мере во взаимосвязи с ними *меняются способы реализации функций собственности и структура собственников*. Прежде всего это относится к собственности на средства производства.

Отношения собственности многосторонни и многофункциональны по своей природе. Независимо от сути общественного устройства и конкретных форм отношения собственности включают такие стороны и функции как присвоение и отчуждение, распоряжение и управление, организацию и использование ее объектов. Социально-экономическое содержание данных функций, способы их осуществления, правовое оформление зависят от уровня общественного развития, степени развитости экономических связей, особенностей самих объектов собственности. Но в любом случае реализация отношений собственности на средства производства включает взаимоувязанное существование всех этих сторон и функций[1].

Многосторонность и многофункциональность собственности изначально (внутренне) содержит возможность обособления ее отдельных сторон и функций и закрепления их за специальными группами людей или институтами. Практически такое обособление в той или иной мере развивалось в течение длительного времени. Но на индустриальной и, особенно, постиндустриальной стадиях оно приобрело четкие направления и устойчивый, юридически оформленный характер.

---

[1] В отличие от собственности на средства производства отношения собственности на непроизводственные объекты, потребительские блага, результаты интеллектуальной деятельности могут ограничиваться, например, процессами присвоения и использования (потребления) или включать полный набор функциональных стадий. Это зависит от особенностей объектов, их назначения (личного или общественного использования), форм собственности на них.

Одно из таких направлений связано с превращением части объектов собственности в крупные производственно-хозяйственные структуры, часто корпоративного типа. Обеспечить реализацию всех сторон и воспроизводство подобного рода собственности можно лишь при условии обособления ее функций и выполнения их специализированными группами людей. В результате собственность фактически становится многосубъектной, даже независимо от правового признания и оформления данного экономического феномена, тем более, что изменения экономических отношений, как правило, опережают их правовое признание. Отдельные участники данных отношений превратились в дополняющих друг друга частичных собственников, и только их совокупность представляет полного собственника.

Превращение значительной части собственности (прежде всего крупной) на средства производства в многосубъектную существенно изменило структуру субъектов собственности, воздействовало на содержание собственности и подготовило начало ее постепенной трансформации. Многосубъектность собственности не просто расширила и усложнила внутреннюю структуру субъектов собственности, но и означала формирование их новых социальных слоев в соответствии с местом (выполняемыми функциями) в отношениях собственности. Частично эти слои вошли в широкий средний слой.

В то же время многосубъектность внесла некие новые аспекты в *содержание* частной собственности на средства производства: ее частные основы стали в той или иной мере сочетаться с общими началами (единство частичных собственников в рамках совокупного собственника). Дальнейшее усложнение структуры совокупных собственников, расширение их границ и т.п. повысили значимость такого сочетания и привели даже к интеграции частных и общих начал в отношениях собственности, к возникновению и быстрому расширению акционерных, коллективных и других форм собственности, содержащих частные и общие начала. В развитии данного направления перемен принципиальную роль сыграла демократизация капитала как синтетический результат социальной борьбы, потребностей научно-технического прогресса и гуманистической ориентации развития. Включение относительно широких слоев работников в структуру многосубъектных собственников, в сочетании с ранее отмеченными сдвигами в субъектах собственности, стало началом ослабления, а затем и размывания капиталистических критериев и принципов отношений собственности. Отношения собственности оказались в переходном состоянии, когда меняются не только пропорции, но и социально-экономические основы распределения и присвоения результатов деятельности.

Особенность рассмотренного направления развития многосубъектности отношений собственности заключается в том, что обособление функций и полномочий собственности и формирование совокупных собственников ограничиваются горизонтальным уровнем. Вертикальные взаимосвязи возможны здесь лишь внутри отдельно взятого совокупного собственника и зависят от организации самого объекта

собственности (его назначения, величины, сложности и т.п.) или от конкретных путей становления совокупного собственника.

Другое направление развития многосубъектности отношений собственности связано с реализацией ими функций по регулированию экономики, формированию и поддержанию целостности социально-экономических и национально-государственных систем, а также со становлением крупных экономических структур, имеющих национальное, межнациональное и транснациональное значение. Возрастание тесноты экономических и социальных связей, опасность негативных последствий их нарушения или разрыва обусловили предпосылки и необходимость структуризации и разделения функций и полномочий собственности по вертикальным уровням в отраслевых, межотраслевых, национально-государственных и более широких масштабах.

Данное направление развития отношений собственности означает ее формирование как сложной многоуровневой системы. Выделяются территориальные, отраслевые и межотраслевые уровни собственности, начиная от первичных (муниципальных) и до национально-государственных и даже межгосударственных. Эти уровни взаимосвязаны друг с другом и в то же время обособлены в соответствии с выполняемыми ими функциями.

Такая структура отношений собственности присуща как государственной, так и крупной корпоративной собственности.

Наличие различного рода индивидуальных и совокупных собственников, ряда вертикальных уровней собственности, возрастание сложности и разнообразия ее объектов, специфика разных сфер экономики создают возможности и потребности становления разных форм собственности, предопределяют их динамику и трансформацию. Следовательно, усиливается еще один аспект сдвигов в отношениях собственности – *возрастание разнообразия, взаимодействия и конкуренции ее разных форм*. Становление и динамика разных форм собственности позволяют структурировать все ее субъекты и объекты, выработать систему норм их функционирования. Субъектами отношений собственности в общесоциальном плане становятся различные социальные слои и группы частичных и индивидуальных собственников, территориальные сообщества, государство. В конкретно-экономическом плане ими выступают индивидуальные и совокупные собственники, их объединения, муниципальные, государственные (разных уровней) и межгосударственные структуры, организуемые и функционирующие в соответствии со спецификой конкретных форм собственности.

В совокупности разных форм собственности соединяются, пересекаются и реализуются все другие аспекты перемен, происходящих в отношениях собственности: изменения в структуре и характере ее объектов, а также в структуре субъектов; различные направления развития многосубъектности; возможности и потребности разных способов интеграции частных и общих начал; развитие горизонтальных и вертикальных связей между субъектами собственности и т.д. Поэтому состав, структура, особенности и динамика форм собственности наиболее

полно характеризуют реальное состояние и тенденции трансформации отношений собственности.

Множественность форм собственности возрастает в связи с изменениями в объектах и субъектах собственности на средства производства, повышением значимости и разнообразия собственности на средства непроизводственного назначения, результаты интеллектуальной деятельности и т.д. Все это характерно для постиндустриальной стадии и создает предпосылки становления и развития индивидуально-частных, мелкогрупповых, коллективных, долевых, корпоративно-акционерных, муниципальных, государственных, межгосударственных, смешанных и других форм собственности для разделения и взаимодействия в их рамках функций и полномочий различных групп собственников. Эти же факторы делают структуру форм собственности динамичной, меняющейся под воздействием конкретной экономической ситуации, конкуренции и различий в их эффективности. Структура и организация форм собственности усложняются, возрастает их многоуровневость, некоторые из них перерастают национальные границы, порождая новые аспекты трансформации собственности, связанные с транснациональным характером крупнейших экономических структур.

Наконец, наличие и взаимодействие разных форм собственности образуют предпосылки для участия одного и того же человека или групп людей в отношениях разных форм собственности. Человек может быть одновременно субъектом государственной и частной, акционерной и индивидуально-частной, других форм собственности. Этот аспект многосубъектности создает предпосылки не только для использования личного трудового потенциала, обеспечения социальной защиты людей и т.п., но и для социального динамизма, для становления социальной структуры нового типа.

Одной из важнейших пропорций в структуре отношений собственности становится соотношение государственных и негосударственных форм. Повышение или понижение доли государственной собственности является основой различных экономических стратегий (хотя в общей структуре собственности всегда преобладают негосударственные формы). Различия же в структуре самой государственной собственности, специфика механизма взаимодействия негосударственных и государственных форм собственности, регулирования экономических процессов во многом предопределяют особенности конкретных вариантов общественных устройств смешанного типа.

В целом различные аспекты перемен в отношениях и формах собственности свидетельствуют об усилении их смешанного характера на индустриальной и, особенно, постиндустриальной стадиях. Существо этой смешанности и ее противоречия заключаются не только и не столько (и это принципиально важно) в наличии разных форм собственности, что характерно для любых стадий развития, но и в следующем:

нарастании, соединении и интеграции в одних и тех же формах собственности разных и даже полярных начал: частных и общих, капиталистических и некапиталистических, национальных и транснациональных и т.д.;

взаимодействии, взаимодополнении, частичном пересечении субъектов различных форм собственности: корпоративных и мелких, акционерных и частных, негосударственных и государственных и т.д.;

дополнении и корректировке результатов функционирования одних форм собственности другими, благодаря частичному совпадению их субъектов;

сочетании и интеграции производственных, потребительских, социально-гуманистических, в том числе интеллектуальных, ориентиров реализации и развития отношений собственности.

Иными словами, сущность различных тенденций изменения отношений собственности заключается в постепенном формировании их сложной, многоаспектной, многоуровневой, динамичной системы, интегрирующей различные начала, формы, ориентиры, источники и стимулы развития.

Формирование социальной структуры смешанного типа

Сдвиги в структуре субъектов и форм собственности по существу предопределили изменение характера социальной структуры. Социальная структура капиталистического общества в основном отражала содержание отношений собственности на средства производства, т.е. их концентрацию у ограниченной части общества – капиталистов и отсутствие у другой части – пролетариата, наличие мелкой собственности у третьей части – мелких предпринимателей, сочетающих труд и собственность. По мере корректировки капиталистических отношений, роста доходов и повышения жизненного уровня рабочего класса понятие "пролетариат" постепенно утрачивало свой прямой социально-экономический смысл. Рабочий класс стал в определенной мере дифференцироваться на слои, различающиеся по уровню жизни, хотя основной критерий социальной структуры – капиталистическая концентрация собственности на средства производства сохранялся.

Черты социальной структуры, свойственной капитализму, стали ослабевать и постепенно размываться на втором этапе (30–60-е годы) изменения характера общественного развития, когда существенные перемены стали происходить в отношениях и формах собственности, в способах и механизмах экономического оборота. Эти процессы ускорились на третьем этапе (начиная с середины 60-х годов), когда стали ощутимы тенденции трансформации производственных и социально-экономических основ капитализма. Главное изменение, которое произошло в социальной структуре, заключается в замене определяющего исходного критерия ее формирования (капиталистической собственности на средства производства) множественностью оснований. Социальные слои стали возникать определяясь:

спецификой собственности на ее различные объекты – средства производства, финансовый капитал, объекты непроизводственного назначения, продукты интеллектуальной деятельности и т.д.;

спецификой форм собственности и их субъектов – мелкая, средняя

и крупная индивидуально-частная собственность, акционерная, кооперативная, коллективная, муниципальная, государственная собственность, слои людей, не имеющих собственности;

спецификой предпринимательства – мелкие, средние, крупные предприниматели, монополисты и олигархи;

функциями, выполняемыми в отношениях собственности – менеджеры, организаторы производства, рантье и т.д.;

профессионально-отраслевыми общностями – энергетики, горняки, машиностроители и т.д.;

гуманитарными и социокультурными факторами – по уровням образования, видам интеллектуальной деятельности и т.д.;

уровнем, качеством и условиями жизни – высшими, высокими, средними, ниже среднего, низкими.

Множественность оснований, по которым формируется социальная структура, подрывает господство капиталистических принципов общественного устройства или, во всяком случае, отодвигает их на второй план. Образование, например, различных слоев собственников средств непроизводственного назначения, продуктов интеллектуальной деятельности, частичных собственников (управленцев, организаторов и т.п.) не связано с природой капиталистических отношений и не отражает ее. Эти и многие другие социальные слои являются следствием производственного и общественного прогресса, создающего новые производственно-технологические, производственно-экономические, социально-экономические и социальные условия и взаимосвязи. Капитализм создал стимулы, обеспечивающие прогресс, но результаты последнего преодолели капиталистические начала и границы. И поскольку значимость посткапиталистических факторов и черт обустройства общества возрастает, постольку в социальной структуре и социальных связях все большую роль играют слои и силы, отражающие эти факторы.

Особенностью социальной структуры, в основе которой лежит ряд факторов, является то, что образующие ее различные социальные слои пересекаются по своему составу.

Одних и тех же людей или их группы по разным структурообразующим критериям можно отнести к различным социальным слоям. Соответственно каждый социальный слой состоит из людей, по тем или иным характеристикам и интересам входящих в другие слои. Пересечение социальных слоев означает, что возникают точки или линии частичного совпадения или соединения их интересов, т.е. происходит своего рода диффузия социальных интересов.

Наибольшее число пересечений различных слоев и интересов происходит в характеристиках состава населения по уровню и качеству жизни, поскольку любой человек, к каким бы слоям он ни относился по всем другим критериям, обязательно входит в ту или иную социальную группу по условиям и качеству жизни. Поэтому социальные слои, выделяемые по уровню и качеству жизни (или более широко – по условиям жизнеобеспечения), фактически интегрируют все другие срезы социальной структуры – по объектам, формам, функциям собственно-

сти, отраслевым общностям и т.д. Причем бóльшая часть слоев, выделяемых по формам и функциям собственности, гуманитарным и социокультурным факторам, предпринимательству, профессиональным общностям, практически совпадает со средним слоем по условиям жизнеобеспечения или, точнее, образует его. В результате в социальной структуре формируется широкий средний социальный слой как следствие преодоления полярности капиталистического общества (капиталисты – некапиталисты), сокращения пределов социальной дифференциации и воплощения интеграционной тенденции в социальной структуре.

Углубление процессов, следствием которых является средний слой, определяет и основные направления его развития. В принципе тенденция становления среднего слоя заключается в постепенном охвате им всего общества, но такой результат невозможен в силу процессов дифференциации, которые в том числе происходят и в среднем слое. Однако закономерна тенденция расширения его границ. Другое направление – постепенное упрочение общности стратегических интересов и ориентиров социальных групп, образующих средний слой, заключающихся, с одной стороны, в обеспечении общественной стабильности, гарантирующей достигнутый уровень жизнеобеспечения, а с другой стороны, – в создании предпосылок для различных аспектов социальной динамики (упрочения положения в отношениях собственности, повышения профессионального уровня, социокультурного развития и т.д.). Следовательно, средний слой является носителем широкого спектра стимулов общественного развития при сохранении социальной стабильности.

Рассмотренные особенности развития социальной структуры свидетельствует о том, что она формируется как смешанная в двух аспектах. Во-первых, в ней существуют слои, несущие капиталистические начала (крупные собственники средств производства и финансового капитала, олигархические группировки и др.), и слои, создаваемые посткапиталистическими по своей сути процессами производственного, интеллектуального, социокультурного, экономического развития. Это свидетельствует о незавершенности становления социальной структуры и всего общественного устройства нового типа и делает социальную структуру противоречивой, дифференцирует социальные ориентиры развития, может обусловить непоследовательность экономической и социальной стратегий, вызвать напряженность и конфликтные ситуации в обществе.

Во-вторых, наблюдается смешанность самих социальных слоев и их интересов, что свойственно природе смешанного общества и является выражением интеграционного характера его социальной структуры. Данный аспект развития социальной структуры обеспечивает ее устойчивость и динамизм, поскольку расхождение интересов социальных групп и слоев, возникающих, например, на базе различных форм собственности, может гаситься или уменьшаться тем, что эти группы имеют общие интересы как представители отраслевой общности или как собственники накопленного непроизводственного богатства, относятся к среднему слою и т.д. Однако внутренняя противоречивость сме-

шанной социальной структуры сохраняется, и противоречия могут принимать и иногда принимают острые формы из-за несоответствия государственной экономической и социальной политики интересам отдельных слоев, ухудшения экономического положения, экологической ситуации и т.п. Часто подобные противоречия переплетаются с противоречиями капиталистического характера. Но интегрированность развивающейся социальной структуры и интересов разных социальных слоев позволила выработать механизмы разрешения возникающих противоречий на базе социального партнерства и социальных согласований, в которых участвуют представители всех заинтересованных сторон[2].

Многоукладный характер смешанного общества и его особенности

Одной из конституирующих черт новых общественных систем, свидетельствующих о их смешанном характере, является многоукладность (многосекторность)[3]. Объективно потребности становления многосекторности связаны с наличием производственно-технических, технологических, ресурсных основ для развития производств, хозяйственных структур и предпринимательства разных типов, с многообразием отношений и форм собственности и дифференцированностью целевых ориентиров деятельности.

Возникновение социально-экономического уклада (сектора) не может обеспечить только та или иная форма собственности, необходимо чтобы потенциал производственной или хозяйственной ниши и ресурсов, на котором она основывается, был достаточен для развития относительно целостного воспроизводимого блока (системы) отношений и связей, обладающего рядом специфических черт.

Поэтому количество общественных укладов (секторов) и их структура не совпадают с имеющимися формами собственности. Следует также иметь ввиду, что уклады в принципе делятся на две группы: уклады как остатки общественных систем, преобладавших в прошлом, и уклады, возникающие в результате перемен в способах производства и общественных отношениях. Перспективы этих групп укладов на всех предшествовавших стадиях развития были по существу противоположными. Первые постепенно теряли свой удельный вес и разрушались (хотя некоторые из них не исчезали полностью), вторые, в конце концов, становились господствующими.

---

[2] С точки зрения развития социальной устойчивости и вообще становления обществ смешанного типа опасность представляют сохраняющиеся монопольно-олигархические группировки, особенно если учитывать их транснациональные связи и интересы, возможности установления господства в политических структурах и т.д. Опасности такого рода могут быть предотвращены лишь сочетанием посткапиталистических трансформационных процессов в различных сферах общественных отношений и, соответственно, сужением политико-экономической базы олигархии.

[3] Понятия "социально-экономический уклад" и сектор, "многоукладность" и "многосекторность" в данном случае используются как тождественные, хотя в принципе понятие "социально-экономический сектор" может использоваться в более широком (и менее определенном) смысле, чем понятие "уклад".

Трансформация капитализма дает основания для вывода о существенном изменении характера развития общественных укладов и взаимосвязей между ними, что является одним из показателей не просто смены очередной общественной системы другой, а становления систем нового типа. Суть происходящих перемен заключается в следующем:

новые уклады, прежде всего, возникают не наряду с ранее существовавшими отношениями, а в результате постепенного изменения содержания последних. Отсюда – постепенность достижения социально-экономической определенности новых укладов и возможная вариантность последней под воздействием различных факторов;

специфичность и неравномерность трансформации различных блоков капиталистических отношений обусловливают их содержательное, функциональное и морфологическое расслоение. Соответственно происходит формирование укладов, как сохраняющих капиталистическое содержание, так и утративших или утрачивающих его, но взаимодействующих в производственном и социально-экономическом планах. Данные обстоятельства свидетельствуют о незавершенности становления смешанных систем и возможной вариантности их развития в зависимости от значимости в них тех или иных укладов, т.е. о формировании смешанных систем разных типов;

неизбежность частичного совпадения функций и производственно-хозяйственных сфер, охватываемых разными укладами, обусловливает конкурентный характер взаимосвязей между ними, подвижность их структуры при сдвигах в эффективности и конкурентоспособности отдельных из них. В свою очередь, такая подвижность является основой динамизма систем смешанного типа, их приспособляемости к меняющимся условиям развития, а значит, и их исторической перспективности;

разное социально-экономическое содержание и динамизм структуры общественных укладов, образующих смешанные системы, свидетельствует об отсутствии целостной, объединяющей их субординированной цепи экономических отношений. Экономическим фактором, гарантирующим устойчивость и воспроизводимость смешанных систем, является присущий им способ экономического оборота, обеспечивающий взаимодействие укладов, сдвиги в их структуре, возможности трансформации существующих и возникновения новых укладов, интеграции их совокупности.

Таким образом, в отличие от ранее существовавших общественных систем устройства смешанного типа характеризуются:

необязательностью (а в относительно развитом состоянии – отсутствием) господствующего уклада (системы), субординирующего всю совокупность общественных отношений и определяющего социально-экономическую сущность данного устройства;

не подавлением, а конкуренцией, динамичностью структуры и взаимопроникновением (интеграцией) укладов в рамках общего воспроизводственного процесса.

Как уже отмечалось, системы смешанного типа проходят самые первые этапы своего развития и говорить применительно к ним о сло-

жившихся общественных укладах и их структурах еще рано. Но некоторые обобщения уже можно сделать. Прежде всего, следует отметить, что при существенных различиях в соотношении конкретных укладов в разных европейских и других странах, сам состав укладов различается незначительно. Основные из них, образующие ткань экономических и социальных отношений, практически совпадают во всех странах. Это:

уклад среднего и, частично, крупного предпринимательства, основанный преимущественно на акционерной собственности и распространенный в большинстве производственных и социально-инфраструктурных отраслей и сфер народного хозяйства. Данный уклад не имеет четкой социально-экономической определенности. Под давлением жесткой конкуренции субъекты производственной и хозяйственной деятельности этого уклада все в большей мере вынуждены ориентироваться на повышение качества продукции и услуг, на поиск постоянных, гарантированных потребителей продукции. В этих условиях ориентиры и критерии получения более высокой прибыли перестают быть самоцелью, а их значимость, прежде всего, определяется необходимостью обеспечения расширенного воспроизводства, создания инвестиционной базы, технической и технологической модернизации и т.п. Развитие и расширение акционерных и других долевых начал в отношениях собственности также постепенно трансформирует капиталистический характер этого уклада, включая и отношения эксплуатации. В перспективе данный уклад, вероятно, будет все в большей мере ориентироваться на упрочение своей социальной базы посредством, во-первых, расширения круга собственников, за счет включения в их состав частичных собственников из различных групп населения, во-вторых, повышения доступности продукции и услуг для разных социальных слоев. В процессе реализации и усиления такой ориентации будет формироваться его посткапиталистическое содержание.

Одна из социальных форм, развивающихся преимущественно в рамках среднепредпринимательского уклада, – недавно возникшие производственные структуры, основанные на долевой собственности трудовых коллективов, являющейся результатом одного из направлений трансформации капиталистической собственности.

Большее распространение такая форма получила в США, где ее становление осуществляется на программной основе. Насколько велики перспективы этого направления трансформации, определить пока трудно, но несомненно, что это – один из вариантов перехода к посткапиталистическим отношениям;

мелкопредпринимательский уклад, охватывающий преимущественно сферы производства товаров народного потребления, розничной торговли, бытового обслуживания, посреднической деятельности, деля их с укладом среднего предпринимательства. В условиях постиндустриальной стадии уклад малого предпринимательства получил возможность развиваться также в сферах научного обслуживания, информации, в ряде отраслей социального обслуживания и других. Он основывается преимущественно на индивидуально-частной и мелкогрупповой

(долевой) собственности и по своей природе не является капиталистическим. Капиталистические отношения вырастали из него лишь в силу социальной дифференциации в условиях становления или развития капитализма. Но в иной, посткапиталистической среде, когда меняются как целевые ориентиры, так и основы социальных отношений, выделение из мелкого бизнеса более крупных структур или ликвидация мелких предприятий уже не тождественны развитию капитализма. С точки зрения современных социальных ориентиров и результатов деятельности малое и среднее предпринимательство близки;

монопольно-олигархический уклад, созданный в условиях монополистического капитализма, сохраняющийся (и в ряде случаев усиливающийся) до сих пор. Этот уклад мало подвержен социально-экономической трансформации. Им в значительной мере охвачены крупные народнохозяйственные комплексы и сферы (электронные и информационные, научные, энергетические, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие, машиностроительные, химические и другие), в нем сосредоточен крупный финансовый капитал. Олигархический капитал использует в целях концентрации дополнительных ресурсов акционерную собственность. Его упрочение и приспособление к растущей конкуренции в значительной мере происходит посредством экспансии, захвата источников сырья, рынков, подавления конкурентов, создания транснациональных структур, проникновения в государственную власть и т.п. способами, подрывающими потребности и возможности общественной трансформации.

Располагая экономической мощью, крупнейшими производственно-финансовыми и другими хозяйственными структурами олигархия обладает возможностями и перспективами развития в постиндустриальных условиях. Более того, в рамках этого уклада разрабатываются и осваиваются многие постиндустриальные, в том числе электронные, информационные и другие технологии.

Все это предопределяет крайне противоречивую роль монопольно-олигархического уклада в общей посткапиталистической трансформации. С одной стороны, в этом укладе создается ряд производственных предпосылок общественных перемен. С другой стороны, он становится основным препятствием на пути их осуществления. Отсюда – противоречивость капиталистических и посткапиталистических начал не только внутри отдельных трансформирующихся укладов, но и между укладами.

В современных условиях монопольно-олигархическая верхушка усиливает свое воздействие на экономическое и общественное развитие благодаря возросшей роли финансового капитала, сосредоточенного в руках олигархии. Финансовый капитал, обладая способностью самовозрастания в процессе своего автономного оборота и финансовых спекуляций, превратился в мощное средство, которое можно использовать в самых различных позитивных и негативных целях, стабилизируя или дестабилизируя экономическую и социальную ситуацию. Финансовый капитал стал и одной из основ транснациональной экспансии олигархии, превращения ее в субъект межнациональных и миро-

вых связей. Способствуя развитию этих связей и процессов глобализации, олигархия в то же время деформирует их, негативно влияя на производственно-хозяйственную структуру соответствующих регионов и стран, ставя их в экономически зависимое положение.

Тем не менее, усиление гуманистической направленности развития, необходимость ориентации производственно-хозяйственной деятельности на улучшение жизнеобеспечения различных слоев, изменения отношений собственности в той или иной мере неизбежно влияют и на монопольно-олигархический сектор. Его включение в трансформационные процессы в дальнейшем может проходить на базе перемен в отношениях акционерной собственности, увеличения антимонопольных ограничений в хозяйственной деятельности, развития демократических начал в политической системе, установления законодательных норм и форм участия монопольных структур в решении национальных, региональных и местных проблем. Общий смысл этой сложной проблемы заключается в том, чтобы использовать экономический потенциал этого сектора при одновременном ограничении его олигархической составляющей;

государственный уклад, различающийся по своему удельному весу, структуре, функциям, но имеющийся во всех странах.

В ряде стран государственный уклад развивается на базе государственного хозяйства (государственных производственных, обслуживающих, социокультурных и других предприятий и организаций) и государственных ресурсов (финансовых, получаемых через налоги, земельных, минеральных, недвижимости и др.). И хозяйство, и ресурсы необходимы государству для выполнения его регулирующих экономических и социальных функций. Доля государственного хозяйства в различных сферах экономики и в разных странах различна: от небольшой, до весьма существенной (до 20–30% в отдельных случаях). Причем она меняется в зависимости от конкретной ситуации и реализуемой стратегии. В 70–80-х годах происходило ее повсеместное значительное снижение в связи с необходимостью осуществления очередных структурных сдвигов и переходом к неолиберальной стратегии, созданию условий для усиления конкуренции, ликвидации нерентабельных предприятий и т.п. Это не значит, что в дальнейшем не возникнет потребности в расширении государственного сектора для решения новых социальных или экономических проблем. Динамизм структуры, как уже отмечалось, – одна из основных черт смешанного общества и его экономической составляющей.

В других странах государственный уклад основывается на государственных ресурсах, прежде всего финансовых. Благодаря этим ресурсам государство проводит структурную экономическую политику (в первую очередь через финансово-кредитное регулирование, механизмы государственных программ и государственных заказов) и социальную политику. Доля концентрируемых государством ресурсов также может меняться в зависимости от избираемой стратегии и специфики задач экономического и социального стимулирования, а также обеспечения социальной защиты и гарантий. Но во всех случаях по мере

развития посткапиталистических трансформационных процессов функции государственного экономического и социального регулирования возрастают. В принципе государственный уклад является основой согласования различных экономических и социальных процессов становления общества смешанного типа;

муниципальный уклад – в развитых странах развивается уже давно как база формирования жизненной среды территориальных общностей людей. Экономически этот уклад прежде всего основывается на предприятиях и организациях социальной и коммунальной сфер и муниципальных финансовых, земельных и других ресурсах, находящихся в муниципальной собственности. Однако в целом жизненная среда на территории обеспечивается всей совокупностью находящихся на ней производственных, обслуживающих, социокультурных и других структур, относящихся в основном к малому и среднему предпринимательству. Их деятельность экономически в определенной мере регулируется муниципалитетами, в том числе посредством муниципальных заказов и программ. Поэтому муниципальный уклад по существу представляет своего рода смешанную систему, ориентированную на удовлетворение потребностей населения. В условиях посткапиталистической трансформации и становления общества смешанного типа муниципальный уклад становится одним из первых элементов его структуры, создаваемым деятельностью территориальных сообществ;

кооперативный уклад существует практически во всех странах, общественная система которых трансформируется в общества смешанного типа, но его удельный вес в них различается очень сильно. Практически повсеместно существует потребительская, т.е. торгово-сбытовая кооперация, встречаются различные формы кредитной кооперации. В большей мере кооперация развита там, где возникает необходимость наладить четкую систему соединения производства, переработки, сбыта сельскохозяйственной продукции, поставляемой фермерскими хозяйствами, а также материально-техническое и технологическое обслуживание последних. В этих случаях преимущественно развивается вертикальная кооперация. В ряде стран кооперация функционирует в сферах строительства и других.

В данном случае важно отметить, что кооперация как социальная и экономическая форма возникает в качестве способа защиты мелкого (или относительно мелкого) производства и хозяйства от наступления крупного капитала или как способ самоорганизации населения для решения его общих проблем. Следовательно, в самой природе кооперации заложены определенные антикапиталистические начала. Хотя в капиталистической среде кооперация функционирует в соответствии с законами капиталистической конкуренции, целевым ориентиром ее деятельности остается реализация интересов и потребностей членов кооперативов. Поэтому кооперация органично вписывается в процессы посткапиталистической трансформации, в значительной мере пересекаясь и интегрируясь с муниципальным и мелкотоварным укладами;

теневой уклад – по существу является сферой отношений капиталистического и даже докапиталистического типа, но осуществляющих-

ся вне рамок закона и потому особенно опасных. Теневые отношения не только не отделены от криминального мира, но и часто сливаются с ним. Теневой уклад многолик. Его различные аспекты включают уход от налогов, сокрытие производства, коррупцию, запрещенные виды деятельности, в том числе наиболее социально вредные (оружие, наркотики) и т.д. Опасность теневого уклада состоит и в том, что он проникает практически во все другие уклады и вносит деформирующие начала в процессы общественной трансформации и развития, тем более, что теневые криминальные синдикаты достигают иногда весьма крупных размеров. В определенной мере теневой уклад может быть сокращен корректировкой налогового и хозяйственного законодательства, но его наиболее опасные сегменты могут быть ограничены или ликвидированы лишь силой государства. Здесь многое зависит от социальной сути государства и его целевых ориентиров;

семейный уклад – один из общечеловеческих способов организации жизни, являющийся синтезом естественных (физиологических, психологических и других) и общественных факторов ее воспроизводства. Значение и сложность семейного уклада в жизни общества в современных условиях возрастают в силу целого ряда обстоятельств:

нарастания многообразия форм собственности, с которыми так или иначе связана семья;

изменения структуры семейного хозяйства, в том числе в результате повышения роли собственности на объекты непроизводственного и смешанного назначения, возможностей соединения в нем потребительских, производственно-потребительских и производственных (малое предпринимательство) функций;

усложнения семейных экономических отношений под воздействием предыдущих факторов;

воздействия на семью состояния государственных и других внешних форм социальных гарантий и защиты.

В конечном счете именно в семейном укладе воплощаются уровень комфортности (дискомфортности) жизни, ее условия и качество. И, наоборот, состояние семейного уклада оказывает обратное воздействие на общественное поведение людей и на их социальные ориентиры, на благополучие общества.

Поэтому семейный уклад очень тесно взаимодействует со всеми общественными укладами, и одной из функций последних является создание предпосылок для развития семейного уклада и осуществления в нем перемен, соответствующих современной ступени развития.

Таким образом, большинство укладов формирующегося смешанного общества взаимодействует, в определенной мере между ними развиваются интеграционные процессы. Основой такого взаимодействия являются конкуренция укладов, борьба за потребителя, предопределяющая характер социальной ориентации их деятельности. Стержнем функционирования большинства укладов, позволяющим обеспечивать их воспроизводство и реализовывать экономические и социальные ориентиры, является предпринимательство. Именно предпринимательство составляет одну из важнейших движущих сил развития смешанно-

го общества. Соответственно возникает проблема создания эффективной общественной предпринимательской среды, определения роли ее в развитии рыночных и нерыночных начал, места рынка в посткапиталистическом обществе.

Рынок и рыночные отношения – это общая экономическая система, отражающая частные начала в отношениях собственности (или обособленность, разделенность собственности), развивающаяся и видоизменяющаяся по мере общественного развития, но всегда выполняющая свои основные функции способа:

взаимосвязи и сопоставления разнородных видов и результатов деятельности,

обмена результатами деятельности,

доведения ресурсов до отраслей и сфер хозяйства,

экономического оборота в целом.

Развиваясь в рамках различных специфических социально-экономических систем рыночные отношения становятся способом (или одним из способов) реализации отношений данной системы и обеспечения ее функционирования и воспроизводства. Чем больше основы рыночной и специфической систем соответствуют друг другу, тем полнее используется потенциал рыночных отношений и больше их роль в социально-экономическом и общественном развитии в целом.

Капитализм создал наиболее широкие, по сравнению с ранее существовавшими, возможности развития рыночной системы. Но и рынок стал способом становления и реализации капиталистических отношений, охвата ими разных сфер хозяйства, включения в них различных ресурсов и т.д.

Однако такая интеграция капитализма и рынка не сделала их тождественными, хотя бы потому, что рынок – это система общеэкономическая, а капитализм – специфическая (преходящая)[4]. Поэтому трансформация капитализма не является основой ликвидации рыночной системы, а сохранение рынка – не равнозначно сохранению или воспроизводству капитализма.

Посткапиталистическая трансформация означает освобождение рыночной системы от капиталистической формы и, тем самым, модифицирует ее. Но общества смешанного типа являются рыночными по своей природе в силу их многоукладности и многообразия в них форм собственности. Становление общественных систем смешанного типа меняет социально-экономические ориентиры и последствия развития

---

[4] Даже в начальные периоды становления капитализма смена натурального хозяйства рыночным не была автоматически равнозначна развитию капиталистических отношений. Возникавшее и развивавшееся мелкотоварное хозяйство в меру своих сил конкурировало с капиталистическим и противостояло ему. Иной вопрос, что конкуренция часто проигрывалась, но мелкотоварное производство восстанавливалось и продолжает существовать по сей день. В.И. Ленин в книге "Развитие капитализма в России", скрупулезно исследовав развитие товарного хозяйства и рынка во всех секторах экономики, от крупных до самых мелких, и отождествив его со становлением капитализма, тем самым, ошибся в оценке уровня развития капитализма и его корней в России. В дальнейшем это привело к серьезным негативным последствиям в теории и практике революции.

рыночных отношений в результате перемен в отношениях собственности, содержании общественных укладов и социальной структуре общества. Одновременно смешанные системы расширяют пределы развития рыночной системы, делая более сложной и разнообразной структуру как субъектов, так объектов рыночных отношений, развивая и усиливая взаимосвязи и обмен между отраслями и сферами экономики и между общественными укладами.

Вместе с тем эти же факторы делают недостаточным рыночный способ обмена деятельностью для становления, функционирования и развития смешанного общества. Социально-экономическая множественность, производственно-технологическая теснота и социальная ориентация общественных связей на жизнеобеспечение различных слоев населения, реализация гуманистических направлений развития вызывают необходимость и создают предпосылки прямого и косвенного регулирования экономических процессов. Институтом, который может осуществлять такое регулирование является государство, ставшее субъектом отношений собственности и рынка. Дополнительное регулирующее воздействие оказывает местное (муниципальное) самоуправление населения. Главными экономическими способами регулирования являются государственная (и муниципальная) собственность и воздействие на рынок через государственно-рыночные механизмы (программы, заказы, финансово-кредитные инструменты). В данном случае важно отметить, что рыночный и государственно-регулирующий способы экономического оборота не противостоят, а взаимодополняют, пронизывают друг друга, т. е. интегрируются. Такой интегрированный способ экономического оборота и обеспечивает, как уже отмечалось ранее, целостность и динамичность систем смешанного типа. Это подтверждает тот факт, что два основных современных, периодически меняющихся типа экономической стратегии – неолиберальный и неокейнсианский – в разных пропорциях, но содержат как рыночные, так и государственно-регулирующие начала.

Демократия как политическая основа общества смешанного типа

Среди различных аспектов общественной трансформации особое место занимают перемены в политическом устройстве общества. Политическая система представляет сложный блок отношений, связанных с установлением общественных норм, регламентирующих различные стороны жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей, принципов организации общества и управления ими. Главной функцией политической системы является законодательное оформление, закрепление и поддержание устойчивости сущностных черт общественной системы и, соответственно, условий вертикальных и горизонтальных общественных взаимосвязей во всем их многообразии. Для реализации данных функций необходимы особые институты и их органы, обладающие полномочиями устанавливать общественные нормы, правила и способные в соответствии с ними управлять обществом. Та-

ким важнейшим институтом являются государство и его основное звено – органы политической власти. Поэтому в более конкретном выражении политические отношения – это отношения между различными социальными силами, слоями, группами людей и отдельными людьми по поводу получения, удержания и воспроизводства политической власти, осуществления властных функций, контроля за деятельностью власти и смены власти. Так как общество социально дифференцировано, власть для поддержания и воспроизводства общественной системы опирается на силовые органы и структуры (различные органы правопорядка, армию и т.п.), которые являются ее обязательными атрибутами.

Полномочия и атрибуты политической власти, ее функции в общественной жизни создают потенциальные возможности превращения ее в силу, стоящую над обществом, способную заставить общество подчиняться диктату государства[5].

Все это обусловливает относительную автономность политического устройства и государственной власти в общественной системе, вариантность соотношения политических и экономических составляющих системы, а соответственно, и вариантность общественного развития в целом. Значимость данного фактора для становления общества смешанного типа особенно велика, ибо в рамках одной общественной системы должны не просто сосуществовать, но и трансформироваться и интегрироваться различные социальные, экономические, социокультурные и другие начала. Политическое устройство может:

создать благоприятную или, наоборот, неблагоприятную среду для развития многообразия взаимодополняющих экономических и социальных отношений, социокультурных, идеологических и мировоззренческих позиций;

способствовать или препятствовать взаимодействию различных социальных сил и начал;

расширять или сокращать возможности выбора людьми решений в различных сферах жизнедеятельности;

содействовать снижению или росту социальной дифференцированности;

выражать интересы всего общества или отдельных социальных слоев и т.д.

---

[5] Наиболее ярким и отталкивающим примером воплощения такой возможности в жизнь было установление в ряде стран фашистской политической диктатуры и господства фашистской идеологии. Последствия этого варианта господства политического устройства над обществом хорошо известны. Другой пример – конструирование общественной системы под давлением политической власти и государства в Советском Союзе, приведшее к перерождению социальной сути самой власти и созданию общественного устройства, не только не соответствующего прокламировавшимся целям, но и во многом противоположного им. В принципе же ситуации установления господства политической власти над обществом встречаются в мире достаточно часто. Они могут быть связаны с попытками как переустройства общества, так и упрочения существующих систем. Еще чаще – это утверждение диктатуры олигархий, кланов, магнатов, политических авантюристов, опирающихся на определенные социальные силы и т.п., т.е. явления общественного регресса.

Если политическое устройство по своей сущности противостоит тенденциям становления общества смешанного типа или не трансформируется в этом направлении, то трансформация и других сторон общественных отношений будет отклоняться от становления их взаимодействующих и интегрирующихся смешанных основ и начал. В результате, даже при наличии необходимой производственной базы, вместо общества смешанного типа может возникать конгломерат разнородных, конфликтующих друг с другом социальных сил, структур, отношений, идеологий и т.п., т.е. общественная бессистемность, таящая угрозу не только глобального кризиса данного национально-государственного сообщества, но и его разрушения[6].

Поэтому одним из обязательных условий становления общества смешанного типа является такая трансформация политического устройства и власти, которая обеспечивала бы:

их демократичность и открытость для различных социальных сил, выражение ими интересов разных слоев общества;

гарантии невозможности превращения власти в силу, господствующую над обществом, навязывающую обществу порядки и отношения, соответствующие интересам отдельных социальных слоев или власти как таковой;

исключение силовых способов создания социально-экономических основ смешанного общества, так как силой невозможно достигнуть взаимодополнения и интеграции различных общественных начал;

опору власти на первичные территориальные и производственно-хозяйственные уровни, на которых реально взаимодействуют различные социальные слои и начала, выявляется характер общественных отношений между людьми.

Вполне понятно, что трансформация политического устройства в элемент общественной системы смешанного типа может произойти лишь в процессе становления такой системы. Но важно, чтобы на самых начальных его этапах существующее политическое устройство не отторгало современные трансформационные тенденции и способствовало созданию благоприятной среды для их развития. В том случае, когда политическая власть осознает общественную полезность и перспективность смешанного общественного устройства и содействует целенаправленному движению в этом направлении, она может стать решающим фактором постепенного поэтапного приближения к нему, даже если еще предстоит создать для этого необходимые производственно-технологические и структурные предпосылки и преобразовать само политическое устройство[7].

---

[6] Подобная или близкая к подобной ситуация сложилась в Советском Союзе к концу 80-х годов и в настоящее время существует в России, что и определяет как необходимость и приоритетность, так и сложность перемен в политическом устройстве страны, обеспечивающих политически благоприятную среду ее движения к смешанному обществу.

[7] Это подтверждается движением в направлении смешанного общества ряда развивающихся стран на основе целенаправленной реализации соответствующих государственных стратегий, причем не суть важно какими понятиями определяется будущее обще-

В нынешних развитых странах изменения в политических устройствах и системах власти, которые в конечном счете сделали их способными к восприятию и углублению современных трансформационных процессов, отчасти начались еще в периоды упрочения капитализма. В периоды корректировки капиталистических отношений в XX веке они значительно расширились[8]. При многообразии способов происходивших перемен (от революционных до эволюционных) и различиях конкретных форм, которые принимали политические системы в разных странах, их объединяла общая демократическая направленность, ставшая одной из важнейших сторон изменения характера общественного развития в XX веке. Она включала:

расширение социальной базы власти;

определение условий конкурентной борьбы за власть и демократической смены власти (посредством волеизъявления народа);

разделение функций ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) как гарантии недопущения концентрации власти и установления ее иерархии тоталитарного или авторитарного типа;

создание в разных странах в различных формах системы подконтрольности и ответственности власти перед обществом и ее высших представителей как гарантии предотвращения диктата и произвола власти.

Данные процессы осуществлялись вместе со сдвигами в экономических и социальных отношениях и стали органической частью трансформации капитализма в общества смешанного типа. В итоге выработались три основные формы демократического политического устройства: парламентская республика, президентская республика, конституционная монархия. Различия между ними не имеют принципиального значения, поскольку во всех них содержатся и разными способами реализуются отмеченные демократические начала, а их выбор объясняется историческими и национальными особенностями.

Создание государственных демократических политических систем в развитых странах, где в различных формах и в разной мере реализуются тенденции становления смешанных обществ – свершившийся факт. Но было бы ошибкой считать, что политическая составляющая смешанного общества в них уже полностью создана. Политические от-

---

ство (социализм с соответствующей спецификой, современный капитализм и т.п.). Но принципиально важно, чтобы политическая система создающегося общественного устройства постепенно приобретала демократические черты, способные трансформировать и интегрировать различные экономические, социальные и другие начала. Для некоторых государств данного типа – это, может быть, самая сложная задача, которую им предстоит решить на пути к смешанному обществу.

[8] Процессы создания и развития демократических политических систем шли не просто и не гладко. Достаточно вспомнить фашистский вариант развития в центре Европы. Но даже в рамках демократических устройств возникали трудности обеспечения согласования ветвей власти, ее дееспособности и устойчивости, проявления авторитарных начал и т.п. Однако опыт становления смешанных обществ подтверждает, что оно может быть успешным лишь при создании подлинно демократических политических устройств, обеспечивающих открытость общества для взаимодействия различных сил, содержащих потенциал прогресса.

ношения – суть отношения осознанные и для их трансформации в отношения смешанного общества необходимо:

чтобы было достигнуто общественное понимание относительности границ между частными и общественными началами, разными формами собственности и социально-экономическими укладами, социальными слоями, политическими платформами и т.п.;

чтобы все эти реалии воспринимались не противостоящими или мешающими друг другу, а взаимодополняющими, пересекающимися, интегрирующимися;

чтобы их наличие стало свидетельством естественно-нормального состояния общества.

То есть необходим переворот в общественном сознании и общественной нравственности, в понимании и в восприятии людьми разных сторон, форм и начал общественного бытия. А для этого должны быть пройдены многие этапы изменения содержания и структуры экономических, социальных, социокультурых отношений и институтов.

Принципиально важным направлением становления политической (социально-политической) системы смешанного общества, которое дополняет и может существенно корректировать государственно-политическое устройство, является развитие самоуправления населения как одной из сторон гражданского общества. Современное гражданское общество представляет собой совокупность горизонтальных отношений между гражданами, обеспечивающих реализацию их самодеятельности и самоорганизации в экономических, социальных, социокультурных, политических и иных сферах жизнедеятельности в выбираемых ими формах. Основа развития гражданского общества – это свобода граждан и их сообществ от государства в выборе приоритетов, предпочтений и форм деятельности и ответственность за сделанный выбор и его результаты и наличие государственных гарантий такой свободы. Гражданские свободы могут реализоваться тем полнее, чем больше материальная, интеллектуальная, социокультурная и т.п. база, которой обладают граждане для самоорганизации.

Движение к обществу смешанного типа, с одной стороны, создает более благоприятные предпосылки для развития гражданского общества, так как растет разнообразие отношений собственности, социальных связей, улучшается среда жизнеобеспечения. С другой стороны, развитие гражданского общества – один из обязательных аспектов становления смешанных систем, поскольку само население включается в повышение многообразия эффективных хозяйственных, социокультурных и других отношений и структур. Высшей формой самоорганизации и самодеятельности граждан и их сообществ является самоуправление населения. Оно заключается в том, что население самостоятельно управляет формированием среды жизнедеятельности и жизнеобеспечения в рамках локальных (муниципальных) территориальных образований, создавая необходимые для этого и подотчетные ему органы. В результате в социально-политическом устройстве общества возникают и развиваются негосударственные начала и институты (негосударственный сектор), а в общественной системе – еще

один аспект ее "смешанности" – разделение и взаимодополнение государственных и гражданских начал. В социально-экономическом плане гражданские, в том числе самоуправленческие, начала необходимы для создания на территории такой среды жизнедеятельности, которая ориентирована на интересы населения и обеспечивает место всем группам населения и отдельным людям. Политически самоуправление населения необходимо для смешанного общества, во-первых, как форма прямого взаимодействия различных социальных сил в общих интересах, что является одной из гарантий социально-политической стабильности, во-вторых, как способ ограничения государственной власти над людьми, создания противовеса ей через самоорганизацию населения. Самоуправление становится звеном, завершающим формирование структуры институтов политической демократии. По мере становления обществ смешанного типа соотношение между государственными и гражданскими началами, вероятно, будет меняться в пользу последних, что позволит сделать более эффективными первые.

Развитие межгосударственной интеграции

Становление различных составляющих общества смешанного типа, начиная от постиндустриальных производственных основ, включая экономические, социальные и другие аспекты и кончая политической демократией создает благоприятные предпосылки для еще одного направления его развития – формирования межгосударственных экономических и политических образований и постепенной межгосударственной интеграции. Экономическая интеграция, выросшая из постепенно усложнявшихся межгосударственных объединений, возникших после второй мировой войны, стала базой политической интеграции, особо интенсивно развивающейся в Западной Европе в последние десятилетия. В свою очередь ослабление и размывание межгосударственных экономических и политических границ еще более углубило экономическую интеграцию, приведя к созданию единой межгосударственной валюты (евро). Взаимовыгодная разносторонняя интеграция европейских стран, в том числе тех, которые исторически многократно находились в продолжительных и тяжелых военных конфликтах, – факт беспрецедентный. Он свидетельствует о возможностях в отдаленной перспективе изменения форм мироустройства на базе развития систем смешанного типа.

Однако этот аспект становления смешанного общества не только длителен, но и крайне сложен. Есть несколько факторов, которые могут приостанавливать или прерывать его и вообще приводить к большим неожиданностям:

во-первых, сохранение национальных особенностей, традиций и интересов, которые уже сейчас создают ряд шероховатостей и трудностей при выработке и реализации общей экономической политики, создании общей валюты, унификации системы мер и весов и т.д. В случае же достаточно ощутимого нарушения национальных особенностей не

исключены вспышки национализма и возникновения дезинтеграционных процессов;

во-вторых, разница в уровне развития интегрирующихся стран и их различный производственный и иной потенциал, которые таят опасность возникновения тенденций не только взаимовыгодной интеграции, но и интеграционного подчинения одних стран другими и ответного ограничения сфер и пределов интеграции;

в-третьих, конкуренция не только между странами, но и мировыми центрами притяжения, в частности давно существующим американским (США) и растущим западноевропейским (Европейское сообщество) полюсами. В ближайшей перспективе возможны усиление или вспышка конкуренции на валютных рынках, конкуренции валют за сферы влияния, за раздел мирового валютного рынка. Это может вызвать попытки теми или иными способами ослабить интеграционный потенциал Европейского сообщества;

в-четвертых, экономические и политические аспекты интеграции оказались сопряженными с военно-политическими аспектами. В условиях стремления к реализации национальных или интегрированных межнациональных интересов посредством расширения зон влияния, подчинения других стран данное обстоятельство может порождать ситуации силового давления и военных конфликтов. Примером тому является агрессия против Югославии и планомерное разрушение этой страны под благовидным предлогом защиты демократии и прав человека. Такие повороты и последствия международных интеграционных процессов свидетельствуют о возможности глубоких регрессивных деформаций их смысла, способных самым негативным образом отразиться на самых различных аспектах общественной трансформации.

Все это означает, что становление новых общественных систем должно еще преодолеть немало противоречий и противодействий, связанных с сохранением отношений уходящих времен.

2.3. Интеграционная сущность новых общественных систем

Содержание основных сторон формирующихся посткапиталистических общественных устройств свидетельствует о том, что эти устройства, пусть постепенно, со многими противоречиями, возможными перерывами, проходя через целый ряд этапов своего становления и т.д., но все-таки утрачивают:

социально-классовую определенность и значение классовой структуры как основной характеристики состава общества;

такую целостность системы общественных отношений, которая основывается на господстве в обществе соответствующего класса или социального слоя;

доминирующее положение соответствующей формы собственности на средства производства в системе социально-экономических отношений;

социальные противостояния и антагонизмы как главный источник противоречий и развития общества;

временны́е параметры развития, определяемые исторически ограниченным сроком господства того или иного социального класса – собственника средств производства.

Это означает, что новые общественные устройства теряют признаки формаций. Человеческое сообщество постепенно приходит к другим основам и способам своей общественной организации.

В связи с очевидными социальными переменами в развитых странах и крахом огосударствленной системы весьма широкое распространение получили представления о том, что формационный подход заменяется цивилизационным. Но такого рода замены не раскрывают и не объясняют сути происходящих общественных сдвигов.

Во-первых, цивилизации и формации – это разнопорядковые общественные системы. Цивилизации характеризуют тип общественной культуры – материальной, духовной (в том числе религиозной), регионально-исторической, национальной. Они могут классифицироваться по различным критериям. Поэтому можно говорить о нескольких цивилизациях применительно к одному и тому же времени и месту.

Формации характеризуют содержание социальных (общественных) отношений между людьми и общественное положение последних. Если нет или не будет формаций, то возникнут общественные системы другого типа, но того же назначения, ибо человеческое общество не может существовать вне того или иного устройства социальных отношений.

Между цивилизациями и формациями существует тесная взаимосвязь. Цивилизации являются той культурной средой, в которой развиваются социальные устройства. Последние в свою очередь развивают цивилизации и могут привести к смене некоторых их видов (например, цивилизаций, выделяемых по культуре (типу) производства, в то время как другие виды цивилизация (например, религиозные или национальные) сохранятся). Короче говоря, цивилизации и формации отражают разные срезы устройства общества и не могут заменять друг друга. Поэтому целесообразно, в случае постепенной утраты общественными устройствами социальных отношений формационных признаков, выявлять новые типы общественных устройств, их сущностные особенности и содержание различных сторон общественных отношений в них.

Вновь возникающие системы невозможно определять исходя из какого-либо одного социального критерия (что характерно для капиталистической, огосударствленной и других формаций), ибо такого критерия больше не существует. Первый признак новых систем, который хорошо просматривается при анализе всех их основных черт, – их смешанный характер. Это системы смешанные, поскольку они содержат как разные общественные начала, отношения, формы, так и возможности трансформации одних начал в другие, переходные состояния социально-экономических и других отношений. Именно смешанные системы и приходят на смену формационным.

Но сама по себе констатация смешанности новых способов и форм общественного устройства не достаточна для определения их социальной сущности, ибо смешанность может иметь различное содержание[9].

Часто как сущностная характеристика новых систем используется социальная множественность их отношений, что находит отражение в таких понятиях, как многоукладность (многосекторность), полиформизм (полиморфизм), плюральность, полифонизм и т.п.[10] Но наличие отношений разных типов – лишь один из аспектов развивающихся систем. К тому же как таковая многоукладность – явление отнюдь не новое. В принципе акцентирование внимания на множественности типов отношений в рамках новых систем очень близко по смыслу их определению как смешанных.

В ряде случаев современные системы рассматриваются в качестве открытого общества, что правомерно, поскольку динамизм смешанных систем, действительно, делает их открытыми для конкурентоспособных, имеющих необходимую базу укладов и направлений экономического, социального, социокультурного и иного развития. Но опять-таки это лишь одна из черт новых систем[11].

Для определения сущности новых общественных систем необходимо выделение такой их черты, которая бы охватывала и соединяла все остальные и отражала изменение характера и типа общественного развития.

Если вернуться к рассмотренным ранее основным сторонам смешанного общества, то не трудно заметить, что наиболее существенной чертой, которая содержится в каждой из них и обеспечивает становление и воспроизводство их целостности и динамики, определяет сущность социальной ориентации их развития, является *интеграция*.

Именно интеграцией характеризуются:

взаимосвязи в рамках производственного постиндустриального потенциала;

отношения собственности, соединяющие разные начала в их отдельных формах и всей совокупности последних, восполняющие результаты функционирования различных видов собственности и т.д.;

формирование социальной структуры;

взаимодействие и динамику общественных укладов;

---

[9] В последние 40 лет понимание смешанности (даже не общества, а только экономики) менялось неоднократно, отражая разные аспекты взаимодействия неоднородных социально-экономических начал: свободы рынка и государственного регулирования, частной и государственной собственности, разных укладов и т.д.

[10] Автором данного материала ранее использовались некоторые из приводимых здесь понятий для характеристики сущностных особенностей нового общества, при этом отмечалась их неточность или недостаточность [18].

[11] Необходимо также обратить внимание на то, что понятие "открытое общество" уже было использовано в науке применительно к современным западным обществам для их характеристики как имеющих мало общего с капитализмом и приближающихся к идеалам свободы, справедливости и честности под защитой закона [19]. То есть открытость общества в данном случае рассматривается с позиций достижения высших социально-нравственных критериев.

взаимодополнение рыночных и нерыночных начал в способе экономического оборота;

государственные и гражданские начала и формы политической демократии;

межнациональные и межгосударственные экономические и политические отношения и т.д.

Развитие интеграции во всех этих и других сферах общественных отношений, с одной стороны, определяет направления и содержание их трансформации, а с другой, – является механизмом осуществления последней. Наоборот, нарушение интеграционных тенденций и процессов, их деформации, приостановки и т.п. равнозначны ослаблению основ смешанного общества, усилению социальных и других противостояний, обособления, конфликтов, одним словом – общественному регрессу. *Следовательно, современные общества, смешанные по форме, являются интеграционными по существу.*

Общественные интеграционные процессы многообразны и в принципе бесконечны. Это означает, что, во-первых, интеграционные общества в своем развитии могут проходить множество стадий, каждая из которых будет характеризоваться своими аспектами, акцентами, содержанием, социальными последствиями интеграции; во-вторых, по мере общественного развития будет расти уровень интегрированности (целостности) общества, но он никогда не сможет достигнуть своего предела, поскольку человеческое сообщество дифференцировано по своей природе. Соответственно, неизбежно возникновение новых аспектов социальной дифференциации, различий между частными и общими началами в организации жизненной среды и жизнедеятельности и т.д. Поэтому будут воспроизводиться основы социальной динамики и дальнейшего развития интеграции. Смешанные интеграционные общества в силу самой их природы никогда не смогут достигнуть какой-либо высшей, окончательной стадии или точки своего становления и развития. В этом историческая перспективность нового типа общественных отношений и организации общества.

Что же касается современной стадии, которую проходит становление интеграционного общества, то ее сущность определяется трансформацией общества социальных противостояний (капитализма) в общество социального взаимодействия. Возможно, это и будет началом новой эры в развитии человечества, которая не дает всеобщего социального равенства и полного удовлетворения потребностей, но обеспечит более разнообразные возможности и стимулы реализации потенциала всего общества и человеческой личности ради самой человеческой личности.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВ СМЕШАННОГО ТИПА ЗА РУБЕЖОМ

3.1. Начальный этап трансформации капитализма

Сложившаяся в первой половине XX века в центрах мирового капитализма и на его периферии социально-экономическая и политическая ситуация была переходной [20]. Назрели и происходили качественные, коренные внутрисистемные преобразования, призванные реализовать общие тенденции мирового научно-технического и социально-экономического прогресса. В передовых промышленных странах Запада эти сдвиги приняли характер эволюционной трансформации капиталистической системы, формирования зрелого индустриального общества.

Возможности такой трансформации заложены в присущих капитализму экономических и социально-политических механизмах, позволяющих, хотя и с глубокими противоречиями, воплотить объективную логику общемирового развития. К этим внутренним источникам относятся прежде всего рыночные механизмы, которые служат самонастройке и саморегулированию системы, обусловливают ее восприимчивость к научно-техническому прогрессу. Механизмы политической демократии открывают возможности реализации социально-экономического прогресса на путях социальных и институциональных реформ, придающих общественно-экономической системе определенные новые черты. Именно совокупное действие этих механизмов придало капиталистической системе конца 20-х – начала 30-х годов гибкость, необходимую и достаточную для ее самопреобразования на том этапе.

Необходимость трансформации системы диктовалась накопившимися ее внутренними противоречиями, взрыв которых проявился с особой силой в кризисе 1929–1933 гг., охватившем все развитые страны капитализма.

В послевоенное время насущность преобразований системы усугублялась вызванной второй мировой войной хозяйственной разрухой в воевавших странах, задачей коренного обновления на новом техническом уровне производственного аппарата во всех странах, в том числе и тех, которые не служили ареной военных действий.

Новая мировая политическая и социально-экономическая ситуация, возникшая после и вследствие этих глобальных пертурбаций, факт существования социалистического лагеря требовали радикальной перестройки всех экономических, и в особенности социальных, механизмов.

Проведенные в различной степени, темпах и конкретных формах в демократических странах Запада реформы позволили этим странам выйти из глубочайшего экономического кризиса 1929–1933 гг., осуществить восстановление разрушенного второй мировой войной хозяйства, технологическую и структурную перестройку национальных эконо-

мик, вывести экономическую эффективность системы на новый уровень. В то время как пик коренной ломки пришелся на конец 40-х – начало 50-х годов, этот этап трансформации, формирования зрелого индустриального общества завершился в середине 70-х годов. Согласно теории длинных волн и долгосрочного циклического экономического развития он в общем и целом совпадает с так называемым четвертым циклом Кондратьева, понижательная фаза которого приходится на 1920–1936 гг., а повышательная – на 1951–1972 гг.

В результате преобразований сложились новые модели капитализма: технико-технологическая и отраслевая, организационно-производственная и управленческая, социально-экономическая. Последняя включает новую модель экономического роста, экономической и социальной политики, новый тип социального консенсуса. Эта реформистская модель капитализма нашла теоретическое обоснование в трудах Д.М. Кейнса и его последователей. Ее практическому воплощению положила начало политика "Нового курса" Ф. Рузвельта.

Для рассматриваемого этапа трансформации капитализма характерно широкое развитие и господство массового стандартизированного производства, позволявшего на данной ступени НТР в наибольшей мере реализовать "эффект масштаба". Этому соответствовали и императивы структурной перестройки, главным из которых в промышленности стал переход от "электричества и стали" как ведущих секторов производства к "нефти и автомобилю".

В сфере организации и управления производством возобладал тейлоризм и особенно его фордистская модификация со свойственными им иерархическими принципами управления, жестким разделением функций и контролем за их выполнением, техницистским подходом к человеку как придатку производственной системы. Поточно-массовое производство требовало соответствующих по объему и характеру рынков сбыта, огромного увеличения числа потребителей притом более или менее однородной продукции, т.е. перехода к стандартам массового потребления.

Коренным образом трансформировался и механизм участия государства в общественной жизни. В ряде стран (в особенности в Европе в 50–60-х годах) не только выросли масштабы государственного сектора экономики, но и изменились формы и функции государственного экономического регулирования. В этих целях были задействованы новые регуляторы и институты, в том числе индикативного и стратегического планирования, государственной поддержки частного сектора. С помощью нового механизма, сформировавшегося в первую очередь в финансово-бюджетной сфере, правящие круги индустриально развитых стран смогли сразу же после войны осуществить инвестиции в приоритетные отрасли хозяйства и быструю его перестройку. Получив возможность воздействовать на динамику общественного спроса, они использовали в соответствии с постулатами кейнсианства финансово-бюджетные инструменты и инструменты денежной политики для стабилизации экономики, регулирования занятости, смягчения циклических колебаний.

Развитие антимонопольного законодательства, проведение антимонопольной политики оказали влияние на изменение структуры рынков. Они были направлены на ограничение свободы монополий, защиту конкурентного механизма от деформаций, связанных с действиями монополий, снижение издержек монополистической конкуренции. Новое взаимодействие монополии и конкуренции наложило печать и на природу, и на поведение крупных корпораций, составлявших костяк экономики.

Именно для данного этапа трансформации капитализма характерно формирование социального "трансфертного" государства, т.е. государства, проводящего активную социальную политику путем перераспределения значительной доли общественного продукта. В 60–70-х годах эти расходы в форме пособий и субсидий, связанных с социальным страхованием и обеспечением, ежегодно росли высокими темпами и составляли в 1981 г. в США – 21,0%, Японии – 17,5, ФРГ – 31,5, Франции – 23,8, Италии – 29,1, Великобритании – 24,9% ВВП [21].

Эволюция отношений собственности выразилась в том, что наряду с увеличением в ряде стран роли государственной собственности, бурным развитием акционерной собственности, т.е. формы сочетающей частные и коллективные начала, получили распространение новые групповые формы собственности. Появление этих новых институтов (пенсионных, страховых фондов), поддерживаемых и контролируемых государством, привело к значительному расширению слоя собственников и в то же время позволило решить проблему привлечения денежных сбережений населения для финансирования производственных инвестиций и повышения темпов экономического роста.

Политика доходов на всех уровнях национальных экономик, социальная политика правительств индустриально развитых стран складывались, как и происходившая диффузия прав собственности, под давлением борьбы рабочего класса и всех остальных трудящихся за свои экономические права. В результате серьезных достижений в этой борьбе изменились формы и пропорции в распределении национального дохода между прибылью и заработной платой, начала действовать тенденция к росту доли в нем средних по доходам групп. Быстрый экономический рост и повышение экономической эффективности открыли возможности для сложившегося в 60-х годах либерально-реформистского консенсуса.

На фоне активизации мировых интеграционных процессов происходила трансформация и всего мирового капиталистического хозяйства в целом. Необходимость выхода на мировые рынки, связанная с распространением в развитых индустриальных странах массового стандартизированного производства, и одновременное усиление их зависимости от источников сырья и дешевой рабочей силы, приводили ко все большему втягиванию в общее русло цивилизационных процессов отставших стран третьего мира и к видоизменению отношений метрополий и колоний. Основными субъектами этих интеграционных процессов были национальные монополии, крупнейшие из которых становились транснациональными корпорациями.

Таким образом, в ходе трансформации капитализма на рассматриваемом начальном этапе происходили процессы, определенным образом модернизировавшие и частично модифицировавшие его, создававшие предпосылки для последующего преобразования капиталистической системы в новую общественную систему. Начало формирования последней относится к следующему этапу трансформации капитализма: этапу перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии.

3.2. Основы и процессы становления смешанного общества

Достигнув пика своего развития в ведущих промышленных странах в конце 50-х – начале 60-х годов, индустриальная система со второй половины 60-х годов начала вползать в глубокий кризис, приобретавший все более глобальный характер.

В этот период выявилась со всей очевидностью серьезная разбалансированность научно-технических, экономических, социальных и экологических факторов экономического роста. Императивы научно-технической революции на новом ее витке, растущая интернационализация экономики вошли в противоречие с падением экономической эффективности в результате исчерпания возможностей сложившейся системы регулирования экономики, подрывом стимулов к труду и накоплению. Кроме того, углублялось противоречие между требованиями, предъявляемыми к субъективному фактору, образовательному уровню и творческому потенциалу работника, и его отчуждением от конечных результатов труда в индустриальной системе, ориентацией на материальное потребление как цель жизни, стандартизацией производства и потребления.

Экономический рост сопровождался ускорением истощения природных ресурсов, нарушением равновесия между деятельностью человека и природной средой, разрушением ее естественных кругооборотов. Все более явными становились экологические ограничения на пути распространения западной модели индустриального общества, западных стандартов массового потребления с запада (севера) на восток (юг).

Эти острейшие противоречия индустриализма с особой силой проявились в совокупности демографического, экологического, энергетического, сырьевого, продовольственного и структурного кризисов и привели к длительной стагфляции в большинстве развитых стран. С особой разновидностью этих глобальных кризисов столкнулась советская экономика, которая, не реализовав всех преимуществ индустриализма в силу деформирующего воздействия огосударствленной системы, изведала тем не менее его негативные последствия.

Разрешение сложившихся противоречий стало возможным на путях перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития. Основой этого процесса служит переход к новому технологическому способу производства, соответствующий новому этапу НТР. Именно на данном этапе реализуется тенденция к превращению науки

в непосредственную производительную силу, а НТП – в системообразующий фактор. Движущей силой научно-технического развития становится информатика, базирующаяся на развитии микроэлектроники, компьютерной технологии, телекоммуникаций, роботостроения. Не случайно среди крупнейших корпораций – лидеров мировой экономики ныне доминируют компании, находящиеся на переднем крае революционных сдвигов в области информационных и коммуникационных технологий. Их беспрецедентный рост привел к значительным подвижкам в корпоративной иерархии. Так, американская компания Майкрософт перешла в рейтинге крупнейших американских компаний за 1995 г. с 13 места на 7, увеличив свою суммарную рыночную стоимость с 33 до 59 млрд долл. за один год. Поставщик микросхем к персональным компьютерам, компания Интел поднялась с 26 на 8 место, а ее рыночная стоимость выросла за один год с 25 до 57 млрд долл. [22].

Наука, знания, информация становятся на современном этапе приоритетными факторами производства наряду с трудом и капиталом. Развитие науки, высоких технологий, информатики, создавая условия для резкого повышения эффективности производства, преобразует и все стороны жизни общества, позволяя ему перейти на новую ступень цивилизационного прогресса эволюционным, неконфронтационным путем. Информатизация общества – такова главная характерная черта постиндустриальной стадии, именуемой также "информационным обществом". Переход к информационному обществу совпадает с новой, пятой длинной волной кондратьевского цикла. Начало его повышательной фазы, связанной со структурной перестройкой экономики на базе информационных технологий, приходится на середину 80-х – начало 90-х годов.

Развитие информационных технологий, биотехнологии, ресурсосбережение, создание новых композитных материалов, наукоемких продуктов массового использования открывают возможности для широкой диверсификации производства и продукта и для формирования и удовлетворения разнообразных, в том числе новых потребностей, их индивидуализации. Именно эти процессы делают многовариантность, разнообразие коренной чертой постиндустриальной стадии развития. Как считает один из основоположников теории постиндустриального общества О. Тоффлер, разнообразие и неоднородность служат важнейшими признаками перехода к постиндустриализму [23].

Становление инновационной экономики, повышение гибкости всех сфер экономической и общественной жизни накладывают печать на структуру национальных экономик на всех их уровнях: секторном, отраслевом, на уровне предприятий. С начала 80-х годов действует тенденция к относительному сокращению доли всей промышленности в общей численности занятых, падению абсолютного числа занятых в добывающей промышленности, стабилизации его в обрабатывающей промышленности; продолжает действовать тенденция к уменьшению абсолютного числа занятых в сельском хозяйстве. Опережающее развитие наукоемких отраслей высоких технологий сопровождается

реструктуризацией традиционных базовых отраслей промышленности, переживающих глубокий кризис (угольной, сталелитейной).

Одновременно резко ускорился рост сферы производства услуг. В 1933 г. в США в сфере услуг (включая транспорт, связь, оптовую и розничную торговлю, финансы, страхование, риэлторство) было занято 67% активного населения [24]. В 1991 г. здесь было создано 60% ВВП (в ценах 1972 г.) [25]. По данным Э. Вильховченко, в 80-х годах в развитых странах с информатикой прямо или косвенно было связано более половины рабочей силы и свыше 60% трудовых функций [26].

Технологическая и организационная перестройка, диверсификация производства, утрата "эффектом масштаба" роли решающего фактора в конкурентной борьбе и возрастание доли мелкосерийного производства, дифференциация потребностей и спроса усиливают тенденцию к деконцентрации производства, бурному росту малых и средних фирм. В США, Германии, Японии удельный вес малых предприятий, производящих примерно половину ВВП, превышает 95% [27].

На этапе перехода к постиндустриальной стадии наметился поворот от техноцентристской к антропоцентристской системе производства. Он проявляется в пересмотре тейлористских подходов к организации производства, новой модели развития и использования человеческих ресурсов, преобразовании механизма трудовой мотивации.

Децентрализация производства и управления, автономизация и повышение роли производственных микроколлективов способствуют изменению структуры основного хозяйствующего субъекта – крупной корпорации. Она становится более фрагментарной, сочетающей принципы иерархии, команды, централизованного контроля над ресурсами с образованием гибких и автономных производственных ячеек. Ослабление вертикальных структур и развитие горизонтальных связей формируют ячеисто-сетевую модель корпорации.

Нарождаются новые механизмы сотрудничества, ведущие к развитию делового партнерства компаний, отраслевых и региональных сетей сотрудничества. В электронной промышленности США в 1995 г. стратегические альянсы объединяли 55% фирм, а в области технологий и исследований – 70% [28].

Налаживание многообразных кооперативных связей между фирмами в области НИОКР, совместных технологий и новых видов продукции, информационного и инфраструктурного обеспечения, многие другие формы сотрудничества создают основу для новых межфирменных союзов, сетевых форм организации. Переговоры становятся непременным элементом отношений между участниками рынка. Деловое партнерство образует противоречивое единство с конкуренцией, становится наряду с ней неотъемлемым компонентом диверсифицированных, сложных рыночных структур.

Интересен опыт Японии, в которой в ходе жесткой конкурентной борьбы сформировались гибкие промышленные группы – кейрецу. Ядро их составляют наиболее жизнеспособные промышленные и торговые компании. Последние интегрированы по горизонтали и вертикали с помощью перекрестного владения акциями, разветвленных предпри-

нимательских – субподрядных и информационных сетей, системы отраслевых ассоциаций. Построенные по принципу универсального партнерства, кейрецу дают повод называть японскую экономику экономикой альянсов. По словам американских экспертов, это – новый экономический институт, отрицающий и "чистую иерархию", и "чистый неоклассический рынок" [29].

Отличительная черта трансформационного процесса на стадии постиндустриализма – теснейшая взаимосвязь и взаимопроникновение двух относительно самостоятельных ветвей мирового общественного прогресса: научно-технического и социально-экономического. Это, с одной стороны, результат резкого возрастания роли в нем субъективного начала, а с другой, – важнейший фактор, делающий возможной и необходимой антропоцентристскую модель производства, социальную переориентацию экономики и общества. Центр социально-экономического развития все более сдвигается к интересам личности с ее разнообразными потребностями. В результате происходит многосторонняя гуманизация труда и жизни людей. Это, в свою очередь, предъявляет новые требования к экономическим, социальным и политическим институтам.

Процессы диверсификации потребностей и потребления, отход от обезличивающей стандартизации делают учет не только текущих, но и перспективных потребностей людей непременным условием экономического успеха фирмы. Ориентация на удовлетворение индивидуализированных потребностей все больше становится основой принятия решений в инновационной, структурно-инвестиционной и других сферах производственной деятельности.

Усиление социальной ориентации производства, его антропоцентристский характер проявляются в различных формах гуманизации труда на предприятиях, связанных в частности и с его детейлоризацией, развитием гибких и мобильных форм занятости. Одной из таких форм, стимулируемой информатизацией управления, является дистанцированный наемный труд. По примерным оценкам, эта форма трудовой деятельности охватит в ближайшее время в развитых странах от 15 до 25% рабочей силы [30].

О социальной переориентации экономики свидетельствует также увеличение затрат на развитие человеческого потенциала на уровне отдельных фирм и на уровне всего общества. Вследствие бурного развития социальной инфраструктуры во многих странах социальные инвестиции, значительная и растущая часть которых составляют инвестиции в человека, увеличиваются быстрее капиталовложений в материально-вещественные элементы основного капитала.

В ведущих индустриальных странах государственные расходы на образование, здравоохранение, жилищное строительство составляют значительную долю ВВП. В США они равнялись в 1989 г. 6%, Японии – 10,8 (1990 г.), Германии – 10,9, Англии – 12,2% (1990 г.) [31]. Другим индикатором роста вложений в развитие человека служит продолжительность школьного обучения. В 1990 г. этот усредненный для развитых стран показатель составил 10 лет [32].

Представляя собой основу нового этапа трансформации капитализма, постиндустриальная стадия, продвинув вперед решение ряда острейших социально-экономических проблем индустриализма, не только не смогла преодолеть многие его противоречия, но более того, усугубила некоторые из них. К ним относится устойчиво высокий уровень безработицы, затрагивающей прежде всего работников мало- и неквалифицированного труда, нарушение окружающей среды, обострение других глобальных проблем, в том числе нищеты, голода, бедности, в первую очередь в отсталых странах и регионах мира, и др. По данным ООН, растет разрыв в доходах на душу населения между одной пятой самых богатых и одной пятой самых бедных стран мира.

Вместе с тем постиндустриализм порождает и новые, специфические для него, противоречия. Последние связаны с системой "человек-техника" на данном витке технологического цикла, с нарождающейся новой социальной дифференциацией общества, членением его на 3 группы: "информационную аристократию", "информационный пролетариат", т.е. огромную массу работников умственного труда, связанных с техническим обслуживанием информационных процессов, и "манипулируемых потребителей" информационных, а вслед за ними статусных и материальных благ.

Одна из главных тенденций, присущих постиндустриальной стадии, состоит в глобализации развития и интенсификации интеграционных процессов. Действие общей логики мирового научно-технического и социально-экономического прогресса, пробивающей себе путь сквозь противоречия и конфликты, обусловливает преобладание механизмов синхронности над механизмами диахронности. В результате начинает складываться единое мировое экономическое, информационное и телекоммуникационное, культурное пространство.

Новая ступень глобализации связана с превращением многонациональных хозяйствующих субъектов (ТНК) в один из основных агентов развития и возрастанием их роли в распространении научно-технических достижений, с либерализацией торговли и открытием национальных экономик, развитием телекоммуникаций и транспорта.

Преодоление конфронтационности, катастрофизма в общественном развитии создает условия для активизации взаимосвязей между всеми членами мирового сообщества, формирования мироцелостности, основанной на соразвитии его отдельных компонентов: регионов, национальных экономик, находящихся на различных этапах движения к постиндустриализму, развитых и развивающихся стран, центра и периферии. В то же время эта тенденция не устраняет конфликтов и противоречий между ними, острейшей конкурентной борьбы за рынки сбыта, за нахождение каждой корпорацией и даже страной своей ниши в международном разделении труда.

Мировое интеграционное развитие, втягивая в свое русло все большее число стран, составляющих периферийный массив, вместе с тем наталкивается в ряде государств бедного юга (в первую очередь, в странах Африки южнее Сахары) на трудно преодолимые препятствия. Это – глубочайшая отсталость этих стран, их неготовность адаптиро-

ваться к императивам современного НТП, структурным изменениям на мировых рынках.

Процесс интеграции приобретает самые различные формы. Происходит быстрый рост международных межрегиональных альянсов фирм, двухстороннего и многостороннего экономического сотрудничества отдельных стран, внутри крупных регионов мира и между ними. Эти процессы институционализируются в рамках международных (МВФ, Всемирный банк) и региональных (ЕБРР и др.) экономических организаций. При этом преобладающей формой интеграции становится ее регионализация, развитие вслед за национальными региональных сетей сотрудничества, создание мощных региональных экономических союзов типа ЕС, АТЭС, НАФТА и др.

Переход к постиндустриальной стадии развития стал основой нового этапа эволюционной трансформации капитализма, на котором выявились тенденции возникновения общественной системы нового типа – смешанного, полиформического, открытого общества.

Становление новых сложных общественных систем – ответ на вызовы времени, диктуемый императивами постиндустриального антропоцентристского развития, свойственной ему диверсификацией производственных, экономических и социальных структур, индивидуализацией потребностей и потребления, глобализацией экономического развития, его многовариантностью.

Мировое интеграционное развитие, с одной стороны, углубляет взаимозависимость всех его субъектов , с другой, – втягивает в мировой хозяйственный оборот все большее их число, приводит в действие все больше социально-экономических, политических, культурных и многих иных факторов. Отсюда обострение противоречия между необходимостью стабильности и предсказуемости, требующейся для принятия экономических, политических и других решений, и ростом непредсказуемости и неопределенности, вызываемым дестабилизирующим влиянием многосубъектности и многофакторности происходящих процессов.

Усложнение мирового экономического развития требует устранения ригидности сложившихся экономических, социальных и политических структур, их радикальной трансформации. Эта трансформация и составляет содержание и основу общего процесса перехода к общественным системам нового смешанного типа, призванным придать общественному развитию достаточную гибкость и высокую приспособляемость к условиям быстро меняющегося, многоцветного мира. Как пишет генеральный секретарь Римского клуба Б. Шнейдер, становление новой системы связано с растущей взаимозависимостью государств, углубляющимся взаимодействием самых разнообразных факторов, увеличивающейся сложностью мира [33].

Западные ученые рассматривают смешанную экономику как исторический продукт эволюции индустриальных обществ и трансформации капиталистической системы. Авторы одной из специальных работ на эту тему французские экономисты Ж. Лафай и Ж. Лекайон пишут: "В большинстве развитых стран вся национальная экономика стано-

вится смешанной экономикой, которая выступает как особая система социальной организации" [34]. Именно это глобальное понятие применимо, по их мнению, к экономике всех некоммунистических стран.

В западной литературе современная развитая экономика характеризуется как сложное взаимодействие, сложная смесь рыночных и нерыночных институтов. По словам упоминавшегося выше Б. Шнейдера, эта новая система является в основе своей рыночной экономикой, которая нуждается в коррекциях. "Эта система должна быть всеобщей, но одновременно различной применительно к разным странам и это будет не капитализм и не социализм. Однако мы сможем описать эту систему лет через десять. Пока что на сей счет не существует никакой теории. Нам приходится быть прагматиками, лавировать между экспериментированием и домыслами" [35].

Действие общих тенденций мирового развития, глобализация экономических процессов формируют общие черты и характеристики смешанных обществ в передовых индустриальных и ряде развивающихся стран. Это позволяет говорить о качественно новых явлениях и механизмах мирового социально-экономического развития.

В процессе трансформации экономики и общества увеличивается число разновидностей основных форм собственности, их многообразие, усложняется их природа, а также меняется и их содержание – выражаемые ими отношения. Одна и та же форма собственности служит базой разнообразных способов хозяйствования.

Эволюция частной собственности, образующей каркас современного рыночного хозяйства, проявляется в усилении ее деперсонификации и институционализации, превращения ее из индивидуальной в коллективную форму частной собственности в виде собственности различного рода институтов и фондов. В Великобритании доля страховых и пенсионных институтов в акционерном капитале составляла в конце 80-х годов 42%, в США – 27% [36].

Особенно велика доля коллективных держателей акций в Японии. В 1985 г. доля юридических лиц в акционерном капитале составляла 76,1%, причем 80% из них представляли финансовые институты. Сравнительный анализ показывает, что в то время как в США соотношение акционерных капиталов индивидуальных владельцев и юридических лиц составляет пропорцию 7:3, в Японии к 80-м годам этот капитал разделялся в обратной пропорции 3:7 [37].

Усложнение форм частной собственности выражается в расширении перекрестного владения акциями, формировании финансово-промышленных групп, отраслевых и региональных сетей сотрудничества.

К старым, но меняющим содержание формам относится мелкая акционерная собственность, развитие которой получило мощный импульс в результате приватизации. Принципиально новой является форма трудовой акционерной собственности, большая часть которой основана на системе ЭСОП. Эта форма собственности получила наиболее широкое развитие в США, где к началу 1994 г. насчитывалось 9,5 тыс. таких компаний, в которых было занято от 10 до 11 млн человек [38].

В изменившихся техноэкономических и социальных условиях при поддержке государства стало возможным быстрое распространение новой формы мелкой частной собственности и основанного на ней типа хозяйства. Таковы многочисленные венчурные фирмы, являющиеся неотъемлемым звеном системы НИОКР.

Государственная собственность (в разных странах и в разное время по-разному) сосредоточена в тех производствах и отраслях, где рыночные сигналы неэффективны и функционирование предприятий на частной основе оказывается затруднительным или невозможным.

Государственный сектор в производственно-хозяйственных сферах не играет сколько-нибудь значительной роли в США и Японии. В Европе доля произведенного в нем ВВП колебалась в 60-х годах от 10% в Германии до 30% в Австрии. Возобладавшая в 80–90-х годах тенденция к приватизации привела к сокращению доли госсектора. Как отмечается в докладе Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) за 1992–1993 гг., "приватизация стала главным экономическим феноменом в 80-х годах во всем мире" [39].

В условиях корпоратизации государственных предприятий, внедрения конкурентно-рыночных принципов в управление ими (в том числе и в отраслях, относящихся к естественным монополиям), развития смешанных форм государственно-частной и государственно-коллективной собственности, проведения на государственнных предприятиях активной социальной политики государственная собственность реализует иную систему интересов и выражает во многом другие отношения, чем несколько десятилетий назад. На ее базе развиваются новые смешанные формы государственно-частного и государственно-коллективного предпринимательства.

Становление современных смешанных систем предполагает и усложнение механизма экономического регулирования, представляющего собой единство конкуренто-рыночного, корпорационного и государственного регулирования. Формируется полнокровное рыночное хозяйство. Свойственный ему действенный механизм саморегулирования, самоорганизации позволяет – хотя подчас и не без потерь – приспосабливаться к непрестанно меняющимся внутренним и внешним условиям. Сложная система взаимопереплетающихся рынков и рыночных институтов дополняется и взаимодействует с многообразными формами корпорационного регулирования, основанными, главным образом, на иерархических принципах управления и контроля внутри предприятий и разработке долгосрочной стратегии в области производства и маркетинга.

Современные диверсифицированные рыночные структуры диктуют необходимость диверсификации форм государственного регулирования. Действующая ныне (хотя и постепенно ослабевающая) тенденция к дерегулированию, т.е. сокращению масштабов прямого государственного вмешательства в процесс воспроизводства, сопровождается не ослаблением экономических функций государства, а их усложнением. Это выражается как в диверсификации систем и форм государственного регулирования, так и в их переориентации, смещении в них ак-

центов, переходе от "жестких" методов к "мягким". Государство все больше выступает в качестве организатора экономического, правового и социально-политического пространства для сложных рыночных структур.

Вместе с тем сохраняется роль прямого государственного регулирования, основанного на государственном ресурсном обеспечении, в тех сферах, где действие рыночных механизмов недостаточно или оно вступает в противоречие с интересами общества. Необходимость обеспечения национальных конкурентных преимуществ в сфере НИОКР, поощрения технологических прорывов, минимизации негативных последствий НТР, а также достижения иных приоритетных целей социально-экономического развития требует от государства проведения строго ориентированной научно-технической, структурной, социальной и экологической политики.

Одно из важнейших направлений деятельности государства в современном смешанном обществе – охрана окружающей среды. Хотя на рубеже 70–80-х годов был достигнут определенный прогресс в поисках оптимального сочетания рыночных стимулов и государственного регулирования в этой сфере, тем не менее действующий природоохранный механизм все еще неэффективен для решения острейших экологических противоречий, увязки общественных и частных, национальных, региональных и локальных интересов.

Формой политического устройства, адекватной смешанному обществу, является демократия. Система демократических институтов представляет собой сеть сдержек и противовесов. Этот же принцип реализуется и в системе разнообразных экономических, правовых, социальных сдержек и противовесов, присущих также и социально-экономическим механизмам смешанного общества.

В сложном противоречивом единстве многочисленных подсистем и субструктур смешанного общества каждая из них выступает в качестве противовеса, сдержки другим подсистемам: один сектор – другому (государственный – частному и наоборот), одна форма экономического регулирования – другой (государственное регулирование – корпоративному и рыночному регулированию и наоборот). Осуществляется и перекрестное взаимодействие: формы рыночного, корпорационного регулирования влияют на функционирование государственного сектора, а государственное вмешательство определяет условия деятельности частного сектора. Но действуют все эти подсистемы прежде всего как взаимодополняющие друг друга, субсидиарные формы[1].

Противоречивый характер взаимодействия, присущая смешанной экономике система сдержек и противовесов нашли наиболее яркое отражение в симметричных западных теориях "осечки рынка" и "осечки

---

[1] Применение методологического принципа дополнительности в научных исследованиях предполагает, что взаимоисключающие и взаимоограничивающие друг друга "дополнительные" классы понятий, которые могут в зависимости от особых условий использоваться обособленно, только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию, т.е. воспроизводят целостность (Философский словарь. М., 1991. С. 127).

государства". Играя роль противовеса частному сектору, государственный сектор самим своим существованием оказывает на него давление в ходе конкурентной борьбы (например, через политику цен, занятости и заработной платы на государственных предприятиях). В случае "осечки рынка", там, где рынок не может обеспечить оптимальное распределение ресурсов, поскольку рыночные сигналы оказываются неэффективными, государственные предприятия корректируют и дополняют действия частного сектора. И наоборот. Давление частного сектора, представленного различными формами предприятий, в значительной мере определяет границы государственного сектора, подталкивает корпорацию и коммерциализацию государственных предприятий. "Осечка государства" стимулирует процессы приватизации.

Принцип сдержек и противовесов служит также осью механизмов рыночного, корпоративного и государственного регулирования. Он реализуется через разветвленную сеть экономических, юридических, политических институтов и инструментов, форм экономической и социальной политики.

Особенность смешанных систем состоит также в отсутствии четких границ между образующими их подсистемами: в формировании в развитых индустриальных странах промежуточных, пограничных зон между государственным и частным секторами; тесном сотрудничестве и разнообразных кооперативно-производственных, научно-технических, финансовых, торговых и других формах связи между ними; миграции предприятий, имеющих сходную природу, из одного сектора в другой; существовании смешанных государственно-частных, государственно-кооперативных предприятий с подвижной долей государственного участия.

Как отмечалось на X конгрессе Европейского центра государственного предпринимательства, штаб-квартира которого находится в Брюсселе, существуют взаимопроникновение государственного и частного секторов, постоянные связи между ними. Некоторые исследователи идут еще дальше, трактуя размывание четких границ между частным и государственным секторами как признак новой, более высокой фазы движения развитых индустриальных стран от смешанной экономики к "экономике согласований". Датские экономисты К. Нильсен и О.К. Педерсон пишут: "Становится все труднее провести границу между государством и рынком. Экономические решения более не являются ни частными, ни общественными". "Частные и коллективные интересы смешиваются по мере вовлечения агентов во взаимодействие" [40].

Многосекторность и полиформизм, взаимодействие и взаимопереплетение секторов и социальных форм, присущие смешанным общественно-экономическим системам, высокая структурная и социальная мобильность придают им гибкость, адаптивность и динамизм.

Принципиальной чертой смешанного общества является развитие систем социального партнерства, социальной защиты различных групп и слоев населения и достижение социального консенсуса. Формируется новый тип социального согласия, реализуемый в развитии социального

"трансфертного" государства, различных форм сотрудничества, партнерства, компромисса.

Начавшаяся с середины 70-х годов переориентация экономической политики означала отход от либерально-реформистского консенсуса, основанного на кейнсианской разновидности реформизма. Новые механизмы позволили расширить рамки консенсуса за счет включения в него тех социальных сил, выразителями интересов которых выступили консерваторы и которые не были охвачены согласием, достигнутым в 60-х годах. Это прежде всего новые средние слои смешанного общества, выступавшие за сокращение налогов, снижение государственных расходов и государственной благотворительности. Вместе с тем, по данным политологических исследований, именно эти слои, не допустившие радикального сокращения социальных программ и, следовательно, распада консенсуса, содействовали его модернизации и укреплению на основе расширения его социальной базы [41].

Особенно ярко это демонстрирует опыт США и Великобритании, где неоконсервативные идеи претворялись в жизнь консервативными правительствами, а, значит, наиболее последовательно. Стремление правящих кругов этих стран сохранить и упрочить консенсус во многом объясняет разрыв между неоконсервативной идеологией и реальными процессами, широко используемой риторикой и прагматизмом в экономической и социальной политике, которая в значительной мере осуществлялась методом проб и ошибок.

В борьбе различных социальных сил за модернизацию консенсуса упрочились элементы социального "трансферентного" государства. Несмотря на падение темпов роста доли социальных расходов в ВВП в развитых странах за последнее десятилетие, социальные расходы этих государств остаются достаточно высокими как в абсолютном, так и в относительном выражении. Они составляли в 1989 г. в США – 10,6% ВВП, в Германии – 29,4%, в 1990 г. в Японии – 18,6%, в Англии – 25,6% ВВП [42].

Наряду с нарождающимися формами соучастия в собственности и управлении (получившими особое развитие в Германии), прямой производственной демократией в качестве средства социального интегрирования все чаще используется переговорный процесс. Происходит сближение с механизмами увязки интересов в мелком бизнесе, для которого характерны социальная сплоченность и неформальное лидерство профессионалов, а также в кооперативах и предприятиях, находящихся в коллективной собственности, неформальных группах. Действует тенденция к сближению статуса трудящихся в производстве с их статусом и правами в гражданском обществе.

Эти новые формы консенсуса неразрывно связаны с усилением гибкости занятости и трудовых отношений.

Вместе с тем фактором, противодействующим высокой мобильности, свойственной социальной структуре смешанного общества, и основой для возникновения новых социальных конфликтов служит сегментация рынка труда. Последняя связана с жестким разделением его на рынок полуквалифицированного и неквалифицированного тру-

да, с одной стороны, и рынок высококвалифицированного труда, – с другой.

Трансформация капитализма ведет к изменению роли профсоюзов. Социальный состав профсоюзов становится более дифференцированным: в них входят представители средних слоев, относящихся к наемным работникам: служащих, интеллигенции, среднего менеджмента. Расширяются общественные функции профсоюзов в общедемократической борьбе за социальную справедливость и солидарность.

Однако так как с переходом к современному смешанному обществу основные функции профсоюзного движения оказываются в известной мере выполненными, в большинстве развитых стран оно переживает кризис. Доля членов профсоюзов в общей численности наемных работников упала во Франции и США до 10–15% [43].

Очевидно, назрела необходимость пересмотра традиционной тактики многих профсоюзов, их функций. На повестку дня профсоюзного движения может быть поставлена защита уже достигнутого, борьба за дальнейшее расширение участия работников в управлении предприятиями, принятии стратегических решений. Его задача первостепенной важности – отстаивание прав наиболее уязвимых и эксплуатируемых групп наемных работников: женщин, иммигрантов, временных работников и др.

Следует также отметить, что за пределами консенсуса 80–90-х годов оказываются социальные группы смешанного общества, которые по разным причинам как объективного, так и субъективного порядка попадают в маргинальные слои. Как пишет американский экономист С. Латуш, "отверженные развитием образуют четвертый мир маргинализированного населения" [44]. Это проявляется в существовании в развитых странах обширных групп населения, живущих на грани бедности, и миллионов людей в развивающихся странах, находящихся за этой гранью.

Полиформическая природа современного высокоразвитого общества, многообразие образующих его производственных и социально-экономических структур определяет разнообразие типов смешанных общественно-экономических систем, их многовариантность. Наряду и в противоречивом единстве с преобладающей тенденцией к синхронизации развития различных стран, их конвергенции действует тенденция к диверсификации, дивергенции национальных моделей и типов смешанной экономики.

Переход к новой смешанной экономической системе, смешанному обществу протекает с разной скоростью, при огромном разнообразии конкретно-исторических условий в различных странах и регионах мира. В отечественной экономической литературе, посвященной проблемам смешанной экономики, подчеркивается, что в развитых индустриальных странах основные ее типы складывались под влиянием и с учетом конкретных условий, в которых оказались эти страны в переломные периоды их истории (И. Осадчая), что смешанная экономика формируется путем использования разных методов (Е. Арко) [45].

Факторы, детерминирующие различия отдельных типов смешанной экономики и, следовательно, их многообразие, могут быть условно поделены на четыре основные группы. Эти четыре группы факторов образуют четыре вида контекстов: институциональный, общеэкономический, национально-исторический (культурный), а также динамический[2]. Данные контексты детерминируют поведение экономических и социальных субъектов, реализуя тем самым в конкретных формах общие, универсальные черты и принципы смешанного общества.

К первой группе факторов – институциональному контексту относится система институтов, оформляющая сложившиеся или складывающиеся отношения (собственности, предпринимательства, управления, экономической политики, социального партнерства и посредничества интересов и др.) и способствующая их трансформации. Таковы государственные, частные и смешанные предприятия, учреждения и организации: властные и общественные, коммерческие и некоммерческие, рыночные и нерыночные. Это – вся экономическая и правовая инфраструктура рыночной экономики, включая юридические законы, нормы и предписания, освящаемые писаным или обычным правом. Совокупность этих институтов регулирует поведение хозяйствующих субъектов.

Современная смешанная экономика имеет сложную институциональную структуру, состоящую из множества субструктур. Важнейший ее институт – рынок сам является совокупностью многочисленных институций, включает как правовые нормы и правила, определяющие условия сделок, так и организационные структуры, образующие инфраструктуру рынка. То же самое можно сказать и о другом институте – современном предприятии. На его уровне складывается сложная совокупность институциональных форм, что позволяет характеризовать предприятие как "продукт и рынка и права" [46].

Создание структур и механизмов, относящихся к институциональному контексту, – длительный и сложный процесс, идущий и сверху и снизу. Это и наиболее уязвимое место российских реформ, в ходе которых допущено по объективным и по субъективным причинам серьезное отставание в формировании институционального контекста, основ современного рыночного хозяйства, его инфраструктуры. По-прежнему насущными остаются задачи создания полнокровной банковской системы, инфраструктуры денежных, финансовых, товарных рынков и рынка труда, механизмов банкротств и конкуренции, базы договорных отношений между предприятиями, реформы налоговой системы и др.

Ко второй группе относятся факторы, образующие контекст, который условно можно назвать общеэкономическим или макроэкономическим.

---

[2] Понятие контекста как среды и общих и константных условий, в которых действуют все социальные субъекты и посредством которых определяются разные модели их поведения, разрабатывается в социологической литературе. Особо важную роль понятие контекста играет в компаративистике, при международных сопоставлениях.

Общеэкономический контекст образуется природным, производственным, научно-техническим и людским потенциалами страны. Сюда входят природные сырьевые и энергетические ресурсы, трудовые ресурсы (их состояние и квалификация, в том числе уровень предпринимательского, менеджерского корпуса), состояние фундаментальной и прикладной науки, системы образования и профессионального обучения и другие факторы. Общеэкономический контекст включает также масштабы страны и национальной экономики, уровень экономического развития, сложившуюся секторальную, отраслевую и территориальную структуру экономики, производственную инфраструктуру, технологическую структуру производства, уровень и характер его концентрации, специализации и кооперирования и ряд других экономических параметров. К этому же контексту могут быть отнесены географическое и геополитическое положение страны, ее участие в международном разделении труда и мировой торговле.

Огромное разнообразие природно-климатических, демографических, технико-экономических и структурных условий, входящих в общеэкономический контекст, сложившийся в ходе предшествующего развития, определяет специфику процесса трансформации, создания предпосылок для движения по пути к современному обществу. В ряду этих факторов приоритет принадлежит уровню технико-экономического развития страны. Исходный высокий уровень технико-экономического развития создает наиболее благоприятные условия формирования такого общества. Очевидно, что разные страны – развитые и развивающиеся – начинают свое движение к этому обществу с различных стартовых площадок. Достигнутый в настоящее время ведущими индустриально развитыми странами уровень развития представляет собой и количественно и качественно необходимый потенциал для дальнейшего становления смешанного общества. Вместе с тем достижение этого уровня во многом было обеспечено уже начавшимися процессами движения к этому обществу.

Третью группу факторов образуют условия, составляющие национально-исторический и культурный контекст. Этот контекст включает самые разнообразные механизмы и факторы, детерминирующие складывающийся в той или иной стране тип смешанного общества: социальные, социально-психологические, национальные, исторические, культурные, религиозные. Он охватывает социально-культурную, национально-этническую и конфессиональные структуры населения, национальные черты, характер и традиции, ментальность народа, базовые ценности и культуру страны (нормы социального поведения, морали и этики: отношение к труду, предпринимательству, власти и статусу, ориентацию лидеров, стиль управления и т.д.), а также ее социально-культурную инфраструктуру, особенности исторического развития и другие факторы.

Входящие в национально-исторический и культурный контекст условия играют роль культурно-исторических доминант движения к современному смешанному обществу. Они отражают момент инерционно-

сти в этом движении и определяют невозможность произвольной трансформации тех или иных механизмов. Будучи исторически заданными ее ограничителями, культурно-исторические доминанты также служат важными критериями отбора возможных для данной страны вариантов смешанного общества, во многом определяют форму и содержание формирующегося в ней типа смешанного общества.

Наконец, к четвертой группе факторов, которую можно назвать динамическим контекстом, относится скорость движения страны к современному высоко развитому индустриальному и постиндустриальному обществу, осуществлению технической и структурной перестройки, становлению экономических, социальных и политических механизмов, адекватных обществу нового, смешанного типа. Темпы формирования этих механизмов различны в разных странах и регионах. Они определяют степень продвинутости каждой страны по пути к современному обществу. Быстрота структурных реформ в сочетании с их системностью, комплексностью и последовательностью определяет и эффективность создаваемых механизмов современного рыночного хозяйства. В связи с этим, в особенности для переходных экономик, остро встает проблема выбора модели реформ: от разновидностей "шоковой терапии" (Польша, Чехия и др.) до "градуалистской модели" (Китай, Вьетнам).

3.3. Типология зарубежных смешанных обществ

Институциональный, общеэкономический, национально-культурный и исторический, динамический контексты и образующие их факторы оказывают интегрированное воздействие на формирование того или иного типа смешанного общества. Их специфика и различное соотношение в конкретных условиях предопределяют формирование смешанных обществ разных типов, к которым относятся группы стран, обладающие рядом сходных черт и находящихся примерно на одном уровне общественного прогресса.

Таковы североамериканский, западноевропейский, скандинавский, дальневосточный (страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, новые индустриальные страны (НИС) первой и второй волны) и латиноамериканские типы складывающегося смешанного общества.

Эти типы конкретизируются и в определенной мере внутренне дифференцируются под воздействием, во-первых, специфики каждой отдельной страны и, во-вторых, выбираемых целевых ориентиров, стратегий и моделей развития и их смены. Стратегии и возникающие на их основе модели экономического и социального развития можно условно разделить на три основные группы – либеральную (получившую название неоконсервативной по названию партий, ее проводивших), реформистскую (вернее либерально-реформистскую) и социал-реформистскую (социал-демократическую). Различия между ними прежде всего связаны с разной ролью государства в развитии и регулировании экономических и социальных процессов. До 30-х годов (за исключением периодов войн) вопрос о государственном регулировании практически не вставал, а среди экономических теорий господствовала

концепция саморегулирующегося рынка. Последующий исторический опыт развития разных стран показал, что государственное регулирование с определенного момента стало объективно необходимым. В результате возникли названные стратегии и модели экономического развития и обосновавшие их концепции. Наибольшее распространение получили две первые их них, хотя в отдельных странах (например, Швеции) была реализована и социал-демократическая модель.

Либерально-реформистская стратегия и модель стали складываться в кризисных 30-х годах, получив наибольшее распространение в послевоенное время. Ее теоретической базой явилась кейнсианская теория эффективного спроса, положенная в основу государственных программ выхода из кризиса, включающих также обширный блок мер по социальной защите населения. Большинство реформистских партий как либерального, так и социал-демократического толка использовали кейнсианскую доктрину в своей практической деятельности. В условиях функционирования рыночной экономики основными стимулами, которые заставляют работать производство, являются совокупный спрос и прибыль. Согласно кейнсианскому учению, через управление кредитно-денежными и налогово-бюджетными механизмами государство способно воздействовать на расширение (в период кризиса) или сужение (в период перегрева) совокупного спроса и через него на динамику реального производства. Расширение производства и непроизводственной сферы в свою очередь решает проблему занятости и платежеспособности спроса, тем самым закладывая предпосылки выхода из кризиса и экономического роста в перспективе. Такая политика государства предполагала, с одной стороны, прогрессивный рост налогообложения, с другой – рост государственных расходов, в том числе на социальные нужды. Применение либерально-реформистской стратегии и сложившейся на ее основе модели развития позволила странам Запада не только выйти из экономического кризиса, но и создать экономические основы смешанного общества и социализации экономики. Главную роль в этом процессе сыграла активная государственная политика. До середины 70-х годов западные страны развивались по этой модели. Но длительное развитие в рамках этой модели привело к инфляционным процессам и сдерживанию экономического роста.

Близко к этой модели, но с большей долей социализации и государственного вмешательства в экономику стоят социал-реформистские стратегии и модели развития общества. Логика развития всех этих стратегий и моделей вызывала необходимость использования в практической деятельности государства институционализма. Институциональная система включает свод основополагающих правил законов и соответственно сеть институтов, организующих социально-экономическую среду, в том числе рыночное хозяйство, повышающих конкурентоспособность последнего и эффективность функционирования экономики в целом (через антимонопольную политику, антитрестовские законодательства, поддержку малого и среднего бизнеса, организацию различных рыночных структур и т.д.).

Использование институционализма не отрицается и в другой стратегии – неоконсервативной, которая стала господствующей в конце 70-х – начале 80-х годов.

Суть неоконсервативной стратегии и соответствующей модели – в максимальном сокращении прямого государственного вмешательства в экономику, в раскрепощении рыночных сил, поскольку, по мнению ее сторонников, основным инструментом регулирования является сам рынок, способный обеспечить устойчивое, стабильное развитие. Главная задача государства – создать благоприятные условия для конкуренции и развития рыночной экономики в целом. В основе неоконсервативной стратегии лежат современные либеральные идеи, опирающиеся преимущественно на такое направление экономической мысли как монетаризм. Сторонники этой стратегии считают, что государственное регулирование денежного спроса нарушает действие естественных рыночных сил и является причиной усиления инфляции, а вслед за ней и других негативных явлений. Первыми эту стратегию развития приняли правительства США, Англии и ФРГ. С ее применением произошло изменение целей, ориентиров и приоритетов в макроэкономической политике этих стран и их экономических моделях. Главными стали повышение эффективности и конкурентоспособности экономики, решение долговременных задач, связанных с НТР, развитием науки и растущей глобализации хозяйства. Ставка делалась на всемерное развитие рыночного хозяйства и расширение частного сектора во всех его формах. С целью преодоления инфляционных процессов изменилось кредитно-денежное регулирование. Были проведены налоговые реформы, в том числе с целью уменьшения налогового обложения частного сектора и создания стимулов к накоплению и экономическому росту. Осуществлены процессы приватизации, денационализации и дерегулирования. Подверглись упорядочению социальные расходы государства. В результате перехода к данной модели удалось ограничить размеры инфляции, усилить рыночные стимулы, повысить эффективность хозяйства за счет структурной перестройки, добиться экономической стабильности. Следует отметить, что в 80-х годах наблюдался длительный экономической подъем. Однако в этот период так и не был преодолен бюджетный дефицит, а во многих европейских странах сохранялась высокая норма безработицы, приостановился рост реальных доходов населения, стало нарастать социальное напряжение.

Очередной кризис начала 90-х годов вновь заставил правительства западных стран использовать кейнсианские методы краткосрочного регулирования для поддержания спроса и преодоления чрезмерной безработицы. Не утрачивает своей актуальности и политика, направленная на снижение процентных ставок и расширение инвестиционного спроса. В отношении социальных расходов правительства западных стран добились снижения темпов их роста, но на их сокращение не пошли, и они остаются одним из компонентов, формирующих эффективный спрос.

Таким образом, опыт показывает, что использование тех или иных стратегий и моделей экономического развития определяется практиче-

скими потребностями, требованиями жизни, императивами экономики и зависит от этапа развития. По существу использование разных моделей или их элементов есть ответ на вызов времени, представляет собой поиск оптимального сочетания разных способов хозяйствования, которые на разных этапах развития дают различный экономический и социальный эффект. В известном смысле здесь действует принцип маятника, хотя с известного периода все развитые страны используют обе системы регулирования – и рыночную, и государственную. В трудные периоды роль государства увеличивается, в периоды более или менее стабильного развития – уменьшается. Но в целом, начиная с 30-х годов и по сегодняшний день все большее значение в деятельности государства приобретают гуматинарные функции, его сознательные акции по формированию социальной направленности развития экономики. Решение социальных проблем становится условием решения проблем экономических.

Типы смешанных обществ и их национальные варианты формируются под интегральным воздействием всех ранее рассмотренных факторов, стратегий и моделей.

Образцом североамериканского типа смешанного общества является модель США. Экономика США характеризуется тем, что государственное регулирование здесь в значительно меньшей степени, чем в других странах, опирается на государственный сектор в сфере производства. В отличие от западноевропейских стран, в которых в послевоенные годы в результате частичной национализации образовался обширный государственный производственный сектор, размеры последнего в США невелики. Тем не менее в США сложилась своеобразная форма государственно-частного предпринимательства через систему государственных заказов. Контрактная система, вовлекая в осуществление государственых программ частный бизнес, в том числе в новейших отраслях промышленности (не только крупные, но и средние и мелкие фирмы), формирует весьма обширный гарантированный государственный рынок, что само по себе является важным организующим и регулирующим механизмом. Через эту систему перераспределяется основная масса бюджетных средств, направляемых на военные, научно-технические и социально-экономические цели.

Другое направление государственного вмешательства в американскую экономику связано с обеспечением необходимой современному хозяйству производственной и социальной инфраструктуры, научной и информационной базы, создание которых не под силу или невыгодно частному капиталу, а также с регулированием ряда отраслей инфраструктуры (установлением правил, регулирующих условия вступления в отрасль, инвестиционной деятельности, ценообразования, распределения продукта). После перехода к стратегии дерегулирования в середине 80-х годов число таких отраслей значительно уменьшилось (авиаперевозки, дальняя телефонная связь и др.).

Главное воздействие на экономику государство осуществляет через такие рычаги, как госбюджет, кредитно-денежная система, хозяйственно-правовое законодательство. Центральное место среди них за-

нимает бюджетная система (на уровнях федеральной, штатной и местной власти), на которую ложится задача обеспечения ресурсами функций государственного регулирования. Бюджет является главным инструментом государственной макроэкономической политики, через него распределяется свыше трети ВВП страны.

В основном за счет бюджета функционирует и созданная в США система социального обеспечения. Она включает в себя социальное страхование (трудовые и другие пенсии, пособия, медицинские услуги лицам, охваченным страховкой по программе медикейр, страховые пособия по безработице) и вспомоществование (велфер) – программу помощи бедным.

Американский вариант организации социальной инфраструктуры в большей степени, чем в других странах, ориентирован на рыночное распределение услуг в социальной сфере. Государственные ресурсы призваны как бы дополнить затраты частного сектора. В последние годы особенностью развития этой сферы является и все большая ее децентрализация – передача ряда программ с федерального уровня на региональный. В целом, используя конкурентно-рыночный и государственный механизмы, государство успешно регулирует экономические и социальные процессы развития страны.

До середины 70-х годов развитие смешанной экономики в США, как и в других странах, происходило по либерально-реформистскому варианту. Но старые кейнсианские концепции и механизмы регулирования оказались неприспособленными к новым экономическим реалиям конца 70-х – начала 80-х годов. Наметился и произошел кризис сложившейся системы государственного регулирования экономики. Стала очевидной необходимость ее смены. Методы макроэкономического регулирования перестали соответствовать изменившимся внешним и внутренним условиям общественного воспроизводства. В новых условиях оказалось нарушенным соотношение между государственными механизмами воздействия на экономику (бюджетной и налоговой политикой, чрезмерным регулированием рыночных процессов, своеобразным перекосом развития социальной сферы, подрывающим трудову мотивацию и др.) и недостаточно стимулируемыми рыночными механизмами, что привело к снижению эффективности хозяйства. К тому же разрастание государственных функций сопровождалось ростом государственного аппарата, увеличением налогов, дефицитом бюджета. Необходимо было найти новую меру соотношения между государственными и рыночными механизмами стимулирования динамичного развития хозяйства. Поэтому начиная с 80-х годов возобладала неоконсервативная стратегия.

С изменением модели функционирования хозяйства изменились характер макроэкономической политики, масштабы и методы государственного вмешательства в экономику. Политика консерваторов была направлена на раскрепощение рыночных сил и включила в себя перестройку бюджетной системы, трансформацию налоговой системы, дерегулирование и ослабление регламентации хозяйственной деятельности, стимулирование частных инвестиций, расширение масштабов при-

ватизации, насколько это позволяли условия США, определенное ограничение социальных бюджетных расходов, передачу многих социальных и хозяйственных функций с федерального на штатный и местный уровни и т.д.

Особенно успешными были последние годы развития страны: устойчивые темпы экономического роста, низкий уровень инфляции, самый низкий уровень безработицы, самая низкая доля лиц, получающих вспомоществование и впервые за многие десятилетия – выход на сбалансированный, бездефицитный бюджет. В известной степени такие достижения объясняются умелым и сбалансированным сочетанием принципов либерализма и государственного регулирования в экономической политике.

Западноевропейский тип смешанного общества характеризуется более существенной ролью государства и государственного сектора в экономическом и социальном развитии и регулировании. Эта роль относительно больше и разнообразнее (по сравнению с североамериканским опытом) при любой стратегии развития. Разная степень соотношения государственных и негосударственных начал, различные формы организации экономики и жизнеобеспечения людей определяют национальные варианты развития смешанного общества.

Социальное рыночное хозяйство **Германии**, как национальный вариант смешанного общества, представляет разновидность либеральной модели рыночной экономики, включающей не только ее стандартные элементы: гарантирование индивидуальных свобод и прав частной собственности, децентрализацию экономических решений, свободное ценообразование и свободную конкуренцию, интеграцию в мировое хозяйство, но и активное участие государства в экономических и социальных процессах. Эта модель была разработана и реализована не в последнюю очередь благодаря уникальной комбинации исторических и экономических факторов, сложившихся в Германии после второй мировой войны.

Сторонники этой модели исходили из того, что рыночная экономика социальна уже сама по себе. Государство, заинтересованное в благополучии своих граждан, не имеет более действенного средства для достижения этой цели, чем постоянная забота о сохранении и эффективном функционировании рыночных механизмов. Важнейшими задачами правительства являются: стабильность денежной системы, обеспечение благоприятной экономической конъюнктуры, участие в создании и совершенствовании необходимой производственной и социальной инфраструктуры, оказание поддержки мелкому и среднему предпринимательству, содействие либерализации внешней торговли. Активная предпринимательская деятельность государства осуществляется в классической форме субвенций или прямых субсидий, включаемых в бюджеты разных уровней. Немецкие эксперты выделяют 19 видов вмешательств, из которых 8 видов регулирования – денежного типа и 11 видов неденежного типа в форме налоговых льгот и субсидий, распределяемых между 47 отраслями национальной экономики. Все они подчинены единой цели: решению проблем структурной политики и

поддержанию традиционно важных сфер экономики: аграрной, транспортной, энергетической.

К социальной политике предъявляются два главных требования. Во-первых, она должна соответствовать рыночному характеру экономики, т.е. не должна вторгаться в механизм ценообразования путем фиксирования цен, заработной платы, квартплаты и т.д. Во-вторых, социальная помощь уязвимым слоям населения должна оказываться в форме субсидий, которые, в свою очередь, ограничиваются минимумом средств к существованию. Государственное регулирование цен необходимо только в случае сбоев рыночного механизма.

С момента своего возникновения социальное рыночное хозяйство понималось его теоретиками как связанная с фундаментальными ценностями социальная технология, система целей которой открыта для возможных изменений.

Развитие смешанной экономики Германии в форме социального рыночного хозяйства происходило под влиянием многообразного воздействия Немецкого федерального банка, независимого от законодательной и исполнительной власти и проводящего гибкую и эффективную политику. Это обстоятельство оказало позитивное влияние на построение социального рыночного хозяйства в тех странах, чьи финансовые системы были тесно связаны с немецкой маркой – в Австрии и Швейцарии.

Последовательная увязка кредитно-денежной политики этих стран с такой стабильной валютой, какой является немецкая марка, позволила сравнительно быстро и наименее безболезненно воплотить в жизнь основные постулаты социальной рыночной экономики.

Кроме ряда основных черт модели социального рыночного хозяйства, в этих странах появилась своя специфика, которая определялась соотношением частных и государственных институтов в экономической структуре страны. Для Германии, например, характерны, с одной стороны, сокращение государственного участия в сферах промышленности, услуг, транспорта, а, с другой, – концентрация его усилий на поддержке структурно передовых отраслей промышленности, на поддержании конкурентоспособности страны в условиях большей открытости рынка и развивающегося процесса интернационализации мирохозяйственных связей.

В **Австрии** обширный государственный сектор стал основой "корпоративистского социализма". Он был одним из средств достижения социального согласия, поскольку сделал возможным действие специфического механизма достижения баланса интересов. В этом механизме важную роль играла политика цен, доходов и занятости, которая осуществлялась, в первую очередь, через политику цен, заработной платы и занятости на государственных предприятиях.

В Германии и Австрии создание рыночной экономики характеризовалось социальной направленностью, но пути осуществления социальной защиты населения в них различны. В Германии социальная политика отделена от экономической. Отказываясь от поддержки нерентабельных предприятий, здесь осуществляют социальную защиту насе-

ления, в том числе безработных, не за счет предприятий, а за счет специальных бюджетных и внебюджетных фондов. Стремление к максимализации благосостояния, а значит, и социальной справедливости реализовалось здесь на путях повышения экономической эффективности в сфере производства.

По-иному обстояло дело до последнего времени в Австрии. Социальные гарантии давались населению не столько прямо, сколько через систему субсидий и дотаций государственным предприятиям. Это обрекало последние на сравнительно низкую эффективность. Процессы приватизации и дерегулирования, происходящие ныне в Австрии, в определенной мере сближают австрийский вариант смешанной экономики с германским.

Формирование **британского** варианта смешанной экономики происходило под воздействием активной роли государства в экономических и социальных процессах. Государство в Англии исторически играло существенную роль, а проведенная в послевоенный период частичная национализация ряда отраслей хозяйства и создание единой системы государственного здравоохранения и социального обеспечения привели к формированию обширного государственного сектора. Сложилась разветвленная система государственного регулирования экономики, включавшая правительственные заказы, участие государства в деятельности ВПК, в воспроизводственном процессе, в финансировании НИОКР, социальной сферы, в предоставлении прямых субсидий частным предприятиям и др. К 1980-м годам Великобритания, с одной стороны, далеко продвинулась по пути социализации хозяйственной жизни. С другой стороны, обострились ее экономические проблемы, произошло снижение эффективности хозяйства, а также утрата динамизма и позиций в мировом хозяйстве. Все это потребовало изменения экономической политики на принципах неоконсерватизма, ограничения государственного вмешательства в экономику и предоставления большей свободы рыночным силам. Именно в Великобритании неоконсервативный сдвиг в экономической и социальной политике нашел наиболее последовательное воплощение, получив название по имени тогдашнего лидера консервативной партии Маргарет Тэтчер – тэтчеризма.

В 1980–1990 гг. была проведена поэтапная приватизация большинства государственных предприятий, в том числе естественных монополий – телефонной связи, газо- и электрораспределения, водоснабжения и др. Одновременно шел процесс поощрения частного предпринимательства, приватизации общественных работ и услуг, расширения участия частного сектора в социальной сфере. В результате возросли доходность предприятий, стандарты обслуживания и увеличилось число собственников-акционеров, в основном за счет наемных работников приватизируемых фирм. Уменьшение вмешательства государства в частный сектор выразилось и в политике дерегулирования: ликвидации контроля над ценами, заработной платой, дивидендами и т.п., устранении многих ненужных бюрократических процедур. Серьезному реформированию подверглась социальная сфера, прежде всего рынок труда, а также здравоохранение и социальное обеспечение. Целью мероприя-

тий в этой сфере были повышение эффективности ее функционирования, ограничение роста социальных расходов, усиление адресного характера бесплатной медицинской помощи и т.д. В целом экономическая политика консерваторов на этом этапе оказалась успешной. Реформированный механизм государственного регулирования, изменение пропорций между государственным и частным секторами, развитие сектора мелкого предпринимательства, снятие многих бюрократических препон, мешающих хозяйственному развитию, новая политика занятости и т.д. позволили повысить эффективность экономики и ее конкурентоспособность, укрепить позиции страны на международной арене.

Французский вариант смешанной экономики отличается этатистскими началами. Обширный государственный сектор представляет собой весьма неопределенное образование с размытыми границами и постоянными диффузными процессами взаимопроникновения форм собственности. Исторически сложившаяся система государственного регулирования – одна из наиболее развитых в Западной Европе. Франция – единственная страна в Европе, сумевшая реализовать концепцию экономического развития на основе государственных планов – программ, во многом определивших успехи реконструкции и экономического роста в послевоенный период. В соответствии с задачами и условиями очередного этапа развития методы разработки и реализации этих программ эволюционировали от относительно жестких императивных принципов к основанному на диалоге – консенсусе индикативному планированию, до сих пор окончательно не утратившему значения.

Франция позднее других европейских стран вступила на путь либеральных реформ, реализация которых лишь подтвердила устойчивость прежних традиций. Крупномасштабная приватизация не стала, как предполагалось, механизмом либерализации, а лишь усложнила формы государственного вмешательства.

Смешанная социально-экономическая система **Италии** характеризуется наличием обширного государственного сектора, традициями активного государственного вмешательства в экономику, развитым крупным частным бизнесом, а также рядом укладов, унаследованных от раннего капитализма. В целом модель отличается внутренним динамизмом, который позволил стране, заметно отставшей в экономическом развитии, не имеющей собственной топливно-сырьевой базы, достигнуть невиданно высоких темпов экономического роста (уступая лишь Японии) и выйти на пятое – шестое место среди индустриально развитых стран по объему ВВП.

Государственный сектор, занимающий ключевые позиции в итальянской экономике, не обособлен в замкнутое образование, а органически вписывается в структуру рыночных отношений, тесно взаимодействуя с частным капиталом и руководствуясь рыночными критериями. Наиболее многочисленную и экономически значимую категорию государственных предприятий составляют акционерные общества со смешанными капиталом, полностью интегрированные в национальную

экономику и имеющие широкие связи на мировом рынке. АО с государственным участием объединены в несколько мощных холдинговых групп, действующих практически во всех отраслях экономики Италии. Неакционированную часть в структуре государственного сектора представляет сеть кредитно-банковских учреждений, специальных кредитных институтов и банков публично правового характера, а также огосударствленное электроэнергетическое объединение ЭНЭЛ – единственный случай национализации в стране.

Либеральные реформы не внесли радикальных изменений в положение государственного сектора в итальянской экономике. Задачи принятого в 1992 г. Закона о приватизации сводились в основном к разукрупнению холдинговых объединений, отсечению непрофильных производств и к широкому акционированию тех звеньев, где государство выступало единственным собственником, при сохранении контрольного пакета акций в руках государства.

Крупный частный капитал – база новейших технологий и НТП в экономической системе Италии. Крупнейшие итальянские компании (Фиат, Ферруцци, Пирелли, Оливетти и др.) продвинуты в технологическом развитии и соответствуют мировым техноэкономическим стандартам. В крупном частном бизнесе наиболее четко выражены основные характерные черты итальянской модели развития – прерывность и скачкообразность экономического роста, маневренность и гибкость менеджмента, сложный комплекс взаимоотношений между промышленным и банковским капиталом.

Италия – классическая страна малого бизнеса. Мелкие и средние предприятия, составляющие основу итальянской промышленности (90% компаний и предприятий, входящих в Конфиндустрию (Конфедерация итальянских предпринимателей)), имеют не более 100 занятых. Располагая крайне ограниченными финансовыми возможностями, эти предприятия в большинстве своем долгие годы функционировали на отсталой производственной базе, что существенно снижало конкурентоспособность итальянской промышленности в целом. В последние годы при содействии банков, специально созданных общественных и государственных учреждений предпринимаются меры по модернизации мелких и средних предприятий, их технической переоснащенности, улучшению внутренней организации труда.

Специфика национальных условий формирования рыночных структур в Италии создала достаточно емкое экономическое пространство для развития кооперативного сектора. Удельный вес кооперативов в ВВП страны к началу 90-х годов достигал 10%. В кооперативах занято около 40% активного населения. Кооперативная деятельность представлена практически во всех отраслях экономики. Современная итальянская кооперация, приспосабливаясь к условиям постиндустриального развития, постепенно эволюционирует от традиционных форм к вертикально и горизонтально интегрированным кооперативным центрам предпринимательского типа, являющимся по существу широко диверсифицированными и высоко конкурентоспособными компаниями.

Итальянская модель характеризуется развитой социальной инфраструктурой и высокой степенью социальной защиты. По расходам на пенсионное обеспечение и социальное страхование Италия занимает одно из первых мест в Европе. В настоящее время в связи с кризисом государственных финансов социальная программа свертывается.

В рамках сложившейся модели не удалось устранить серьезные диспропорции регионального развития, в частности преодолеть глубокое экономическое отставание Юга. Остаются нерешенными проблемы хронически высокого государственного долга и бюджетного дефицита (в 1996 г. в процентах к ВВП, соответственно, 124,4 и 6,7), что является серьезным осложнением на пути к европейской интеграции.

Шведское смешанное общество является классическим вариантом реформистской скандинавской модели с ярко выраженной социальной направленностью и преобладанием социал-демократии в партийно-политической системе. Его отличительной чертой является значительно более высокий уровень воздействия государства на экономику и в особенности на социальную сферу, чем в других странах. В частности, это проявляется в перераспределении через госбюджет более половины ВВП, создаваемого преобладающим в производстве частным сектором, существовании мощной системы социальной защиты населения, корпоратистской системы социального партнерства.

Социальная политика носит упреждающий характер, так как базируется на использовании профилактических мер, направленных на предотвращение бедности. Это позволяет сузить разрыв между доходами высших и низших по доходам групп, обеспечить национальный консенсус и на этой основе – политическую и экономическую стабильность.

Экономика Швеции отличается от экономики других европейских стран высоким удельным весом экспорта в ВВП. Крупные промышленные компании имеют ярко выраженную международную ориентацию. Почти половина промышленной продукции Швеции идет на мировой рынок. Для Швеции характерна высокая степень институционализации экономики. Быстрыми темпами растет доля различных институтов и учреждений, т.е. страховых и инвестиционных компаний, различного рода акционерных компаний и фондов "с общественными целями" и нефинансовых фирм, занимающихся коммерческой деятельностью. Важнейшей тенденцией является усиление процессов концентрации и централизации в кредитно-финансовой сфере.

На нынешнем этапе назрела необходимость модификации шведской модели. Это вызвано нарушением баланса между социальными и экономическими факторами экономического роста, в значительной мере подорвавшим его стимулы и источники.

Примером оптимального сочетания тенденций мирового трансформационного процесса и национальной специфики служит либеральная модель **японской** смешанной экономики.

Страна сумела эффективно приспособить общие формы и механизмы функционирования развитых индустриальных экономик применительно к своим конкретным условиям, к своим этическим и культурным нормам. Это позволило Японии уже в начале 80-х годов выйти на авансцену мирового экономического развития. Беспрецедентный экономический рост не только способствовал быстрому движению страны к постиндустриальной стадии, но и обеспечивал относительно безболезненный характер этого процесса, создавал условия для минимизации социальных издержек структурных реформ. В результате структурной перестройки 70-х – начала 80-х годов формировался новый технологический уклад производства, была создана широкая база для высокотехнологичных и наукоемких производств, бурного развития информатики, робото- и микропроцессорной техники.

Для Японской смешанной экономики характерен относительно невысокий удельный вес крупных государственных и смешанных государственно-частных предприятий. Важным источником гибкости японской экономики и ее высокой конкурентоспособности служит широкое развитие среднего, мелкого и мельчайшего предпринимательства. К 1989 г. 80% работников приходилось на предприятия с числом занятых менее 10 человек. Далеко зашедший процесс деперсонификации собственности привел к тому, что подавляющей частью акционерного капитала (в 1985 г. – 76,1%) владеют институциональные инвесторы. Невысокий удельный вес крупной государственной собственности сочетается с активным использованием механизмов административного, правового и экономического государственного регулирования в его прямых и косвенных формах. Для Японии характерна более высокая степень государственного контроля над экономикой по сравнению с другими индустриально развитыми странами.

Особенность японской экономики состоит в ее ориентации на сбережения, производство и экспорт при вспомогательной роли личного потребления. Сыгравшие положительную роль в экономическом успехе страны такие ее специфические институты, как приоритет производителя над другими правами человека, система пожизненности и инициативы, перестали соответствовать потребностям развития современного смешанного общества. Переход к этому обществу требует осовременивания и корректировки традиционных социальных институтов и модернизации социальной политики. Императив повышения качества жизни диктует необходимость сокращения рабочего дня, роста личного потребления, усиления внимания к проблемам защиты окружающей среды.

Реструктуризация японской промышленности, отвечающая новым условиям, в том числе внутрирегионального развития в АТР, включает переориентацию ряда отраслей на внутренний спрос, закрепление за ними уже завоеванных позиций и на этом рынке. Во внешнеторговой политике приоритетными становятся увеличение импорта, расширение доступа иностранной конкуренции на внутренний рынок, ограничение экспорта.

Глобальный финансовый кризис, поразивший страны Юго-Восточной Азии и глубоко задевший также и Японию, подтвердил необходимость смены модели экономического развития. Одним из главных его проявлений стал начавшийся еще со времен рецессии начала 90-х годов дальнейший подрыв доверия к государству, "социальному менеджменту", под которым подразумевается руководство обществом со стороны органов государственной бюрократии. Выход из кризиса японские экономисты видят на путях последовательного дерегулирования, отказа от всевозможных государственных регламентаций на рынке труда и финансовых рынках, от поддержки структурно депрессивных отраслей промышленности.

Активно включившиеся в мировой трансформационный процесс благодаря быстрым темпам экономического роста и индустриализации так называемые неоиндустриальные страны (НИС) использовали сходные модели экономического развития. Эти страны характеризуют две отличительные черты: во-первых, относительно высокий уровень подушевого дохода по сравнению с другими развивающимися странами и, во-вторых, в основном промышленная, а не сырьевая структура экспорта. К их числу относятся ряд стран восточно-азиатского региона и Латинской Америки.

В ходе форсированного индустриального развития НИС применялись специфические механизмы государственного экономического регулирования и прежде всего эффективная промышленная политика, направленная на поддержку отраслей, находящихся на основных направлениях НТП и обеспечивающих экспортную ориентацию национальных экономик.

Ускоренная модернизация НИС стала возможной благодаря органическому соединению современных форм организации хозяйства с социальными институтами этих стран, основанными на национальных традициях, оказавшимися восприимчивыми к общемировым тенденциям социально-экономического прогресса.

Различаются две модели экономического развития НИС Восточной Азии – первого эшелона (северо-восточная модель) и второго эшелона (юго-восточная модель).

К НИС первого эшелона относится четверка "маленьких драконов": **Ю. Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг.** Для этой группы стран характерна особо тесная интеграция общественных и частных начал, государственного, корпоративного и рыночного регулирования. Разрабатывая и реализуя долгосрочную экономическую стратегию и целенаправленную промышленную политику, государство смогло обеспечить в них такие темпы накопления капитала, технического прогресса, структурных изменений и в конечном счете роста производительности труда, какие невозможно было бы достичь за относительно короткий исторический срок двух-трех десятилетий с помощью одних только рыночных механизмов. Была задействована система институтов прямых и косвенных регуляторов, стимулирующая рост инвестиций и экспорта и позволившая осуществить быстрый переход от политики импортозамещения к поэтапной реструктуризации экспорта. Последняя состояла

в последовательном переходе от экспорта сырьевых товаров к экспорту сначала трудоемкой, затем капиталоемкой и, наконец, наукоемкой и высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности. Государственная поддержка, носившая селективный характер, состояла в мерах по ограничению импорта и конкуренции на внутреннем рынке, льготном финансировании, прямых субсидиях, а также в различных формах финансового и организационного содействия продажам за рубеж, кредитованию и НИОКР. Она оказывалась в первую очередь тем отраслям, которые на данном этапе являлись наиболее эффективными с точки зрения технологического и управленческого потенциала. По мере становления этих отраслей, государственная поддержка их сокращалась и переносилась на вновь нарождающиеся отрасли. Промышленная политика заключалась в создании сменяющих друг друга поколений все более технологичных отраслей и захвате новых ниш на мировых рынках. Если в 1965 г. на долю данной группы стран приходилось 13% совокупного экспорта развивающихся стран, то к 1900 г. эта доля превышала 60%.

Создание нового технологического уклада определило и начало коренных социальных сдвигов, формирования социальной структуры современного смешанного общества. В Ю. Корее, наиболее репрезентативной стране первой группы, уже на рубеже 70–80-х годов обозначились новые подходы к социальной политике. В условиях стихийного роста общественного недовольства, разрыхления авторитаризма, демократизации экономической и политической жизни государство сделало упор на изменение политики доходов, перейдя от мер по ограничению роста потребления, замораживания зарплаты к установлению минимума зарплаты, развитию системы социального страхования, созданию социальной инфраструктуры. В 90-х годах на первый план социальной политики выдвинулись проблемы жилищного строительства, развития городского транспорта, охраны окружающей среды.

Стабильный экономический рост, адекватная социальная политика, развитие системы высшего образования создавали условия для смягчения социального неравенства, роста доходов, существенного повышения жизненных стандартов различных слоев и групп населения. Ускорилось формирование среднего класса – базы устойчивого политического и экономического развития. Так, в Ю. Корее и других странах этой группы, при определенных различиях, закладывались предпосылки становления современного смешанного общества и вступления на путь постиндустриального развития.

Во многом сходные процессы индустриальной трансформации, хотя и со значительным отставанием во времени, происходили и во второй группе стран – **Малайзии, Таиланде, Индонезии.** В отличие от северной группы стран НИС в южной части восточноазиатского региона использовалась более либеральная политика, в которой акцент делался не столько на систему мер прямого государственного вмешательства, сколько на методы макроэкономического регулирования, либерализацию торговли и прямые иностранные инвестиции. Длительность

импортозамещающей стадии индустриализации объясняется спецификой этих стран. Чтобы приблизиться к уровню жизни, достигнутому на севере региона, эти страны, продолжая стимулировать инвестиции, экспорт и структурные сдвиги, должны решить задачу выхода за рамки отраслей, связанных с природными ресурсами, либо с дешевым малоквалифицированным трудом, и создания следующего поколения отраслей с более высокими квалификационными и технологическими параметрами.

Неоиндустриальные страны Восточной Азии стали очагом острого финансового кризиса, охватившего с различной глубиной разные страны и регионы мира и перерастающего в глобальный кризис. Этот кризис обнаружил уязвимые места как северо-восточной, так и юго-восточной азиатской моделей экономического развития. К ним относятся "перегрев экономики", структурные перекосы, чрезмерное разбухание банковской системы, разросшейся на "плохих" кредитах, непомерное расширение инвестиционной деятельности, зависимость от иностранного спекулятивного капитала, отсутствие эффективных форм финансового регулирования и корпоративного управления.

Кризис со всей силой поставил эти страны перед необходимостью смены модели экономического развития, перехода к новому этапу структурных реформ, в частности в области методов и форм государственного экономического регулирования.

НИС Латинской Америки, вставшие на путь социальной и технологической модернизации, находятся в силу большого разнообразия природных, исторических и социально-политических условий на разных ступенях "догоняющей индустриализации". Наиболее продвинулись на этом пути **Бразилия, Чили, Мексика.**

В целом для латиноамериканских стран типично длительное пребывание на импортзамещающем этапе индустриализации из-за отсутствия необходимых средств, требуемых для оснащения экспортных производств импортными капитальными товарами. Индустриальное развитие носило зигзагообразный характер, включало моменты попятного движения вырвавшихся вперед стран (Бразилия, Мексика в 80-х годах).

Начало 90-х годов ознаменовалось кардинально новым этапом в развитии этих стран, переходом от традиционной политики импортозамещения к новой стратегии открытой экономики. Реализация этой модели, условно называемой "эффективной трансформацией", "экономической трансформацией при социальной справедливости", позволяет ведущим латиноамериканским странам (Бразилии, Чили, Мексике) осуществить структурные преобразования, необходимые для последующего движения к смешанному обществу.

Приватизация и дерегулирование проводятся в этих странах на основе принципа "больше свободного рынка и меньше государства". В Чили в сфере государственного управления фактически остались лишь старые меднорудные месторождения и добыча нефти. Приватизация носит особенно масштабный характер в Бразилии, где за 7 лет было продано 56 государственных предприятий, в том числе крупней-

шие металлургические, нефтехимические, авиастроительные и телекоммуникационные предприятия, железные дороги, банки, предприятия производственной инфраструктуры (электро-газоснабжения). Доходы от приватизации в ведущих странах Латинской Америки – Аргентины, Бразилии, Мексике, Венесуэле, Колумбии и Перу составили за последние годы в общей сложности 40 млрд долл.

Прорыночные реформы, использование эффективных механизмов макроэкономического управления открыли простор рыночным стимулам производства, созданию высокотехнологичных отраслей, прорывам на мировые рынки. Этому же способствовало использование гибких форм государственного регулирования. В Бразилии важную роль сыграли льготное долгосрочное финансирование реального сектора через специально созданный "Национальный банк экономического и социального развития", резкое снижение процентной ставки по кредитам в этот сектор.

Особенностями латиноамериканского общества всегда являлись глубочайшая социальная дифференциация, пропасть между правящими элитами и беднейшими массами населения, обусловливавшие характерную для него политическую, экономическую и социальную нестабильность. В условиях неолиберальных реформ начала 90-х годов разрыв между бедными и богатыми при слабости среднего класса не только не уменьшился, но даже возрос. В Бразилии с ее ультрасовременной промышленностью на грани нищеты живут 24 млн человек.

Финансовый кризис, начавшийся в Юго-Восточной Азии, не смог не затронуть крупных рецепиентов краткосрочных кредитов и портфельных инвестиций, которыми являются страны Латинской Америки и прежде всего Бразилия, вызвав экономический спад. Однако реализация принятой правительством Бразилии детально проработанной антикризисной программы, под которую она рассчитывает получить от МВФ помощь в размере 41 млрд долл., должна обеспечить уже в 2001 г. экономический рост (4%) и вернуть доверие инвесторов.

Используя массивную внешнюю помощь, успешно преодолевает кризис 1995 г. Мексика. Задействовав механизмы макроэкономической стабилизации, государство сделало ставку на развитие обрабатывающей промышленности, использование внутренних источников сбережений при уменьшении зависимости от внешних источников финансирования. Усиливается внимание к социальной сфере, включая борьбу с бедностью и безработицей, развитие систем образования, социальной защиты и здравоохранения, подготовки кадров высшей квалификации.

Реализация политики, направленной на замедление инфляции, рост реальной заработной платы, развитие социальной сферы позволяют достичь в данных странах определенного уровня национального согласия. Это открывает перспективы вступления в последующем наиболее продвинутых стран региона на путь постиндустриального развития, постепенного движения к смешанному обществу.

Глава 4

СМЕШАННОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

4.1. Характер и результаты общественных перемен в России в 90-х годах

Быстро разраставшийся кризис огосударствленной олигархической системы, ослабление, а затем и разрушение Советского Союза в 1991 г. поставили перед Россией вопрос о стратегических путях ее дальнейшего развития. Вопрос этот оказался отнюдь не риторическим. Не имевшая достаточных источников саморазвития и адаптации к меняющимся условиям огосударствленная система вступая в свой глобальный кризис была не способна выработать трансформационные тенденции развития страны. Крах политической составляющей системы, игравшей в последней ведущую роль, окончательно дезорганизовал экономику, нарушив присущий огосударствленной системе способ экономического оборота, совокупность производственно-хозяйственных связей, плановые институты и механизмы их организации. Россия оказалась перед прямой угрозой экономического развала. В этот решающий момент социальные и политические силы, выступившие против государственного олигархизма, прежде всего за демократизацию общества, не смогли предложить какую-либо общеприемлемую и рациональную долгосрочную стратегию развития. Эти силы были внутренне дифференцированы и по-разному представляли себе будущее общественное устройство страны. Социалистические течения связывали перспективы общества с обновленным социализмом "с человеческим лицом". Скрытые и отрытые либералы, назвавшие себя демократами, считали необходимой реализацию либеральной доктрины, плодами которой должны были стать свобода рынка, конкуренция, экономический рост, сопровождающийся экономическим и социальным расслоением, концентрацией собственности и капитализацией страны. Демократические силы, еще не отделившиеся от либеральных течений, связывали развитие страны со становлением системы демократии, т.е. народовластия, способной гарантировать защиту интересов разных слоев народа и обеспечить им не только политические, экономические и иные свободы, но и социальные гарантии как базис этих свобод. Наконец, своего рода попутчики демократических перемен использовали борьбу с огосударствлением как способ захвата власти и собственности или правового оформления положения собственников, сохранения власти, овладения государственной машиной и обеспечения себе максимума политических, экономических и социальных выгод.

В процессе падения конструкций государственной олигархии расслоение подобных сил стало неизбежным. Власти перестроечного периода оказались неспособны раскрыть олигархическую сущность огосударствленного строя, показать необходимость его смены, учесть ми-

ровые тенденции и специфику страны и на этой основе четко определить стратегические цели, смысл и пути социально-экономических, политических, других общественных преобразований, последовательно и эффективно провести необходимые реформы. Вместо этого в течение 1985–1989 гг. они пытались использовать различные направления реформирования в целях модернизации и упрочения существовавшего строя. Их действия были противоречивыми, не доводились до конца, часто принимали характер быстротечных кампаний. Затем под натиском расширявшегося демократического движения началась быстрая сдача позиций огосударствления, прежде всего в политической сфере, бывшей его главной опорой.

В этих условиях наиболее готовой к проведению радикальных социально-экономических перемен оказалась праволиберальная ветвь общественных движений, ориентированная на максимально быструю капитализацию страны. В руках правых либералов и быстро превратившейся в них значительной части партийно-государственных функционеров разных уровней, начиная с высшего, и оказалась государственная власть.

Получив власть, либералы сразу же приступили к радикальным реформам. Обычно при анализе этих реформ внимание обращается на либерально-монетаристскую доктрину, ставшую инструментом их проведения. Роль данной доктрины как одного из существенных факторов, которые определили содержание и результаты реформ, преуменьшать нельзя. Но сама теоретическая и практическая конструкция радикальных реформ значительно сложнее. Она включает:

цель реформирования, заключающуюся в максимально быстром конструировании капитализма;

главные направления изменения существовавшего экономического строя: разрушение государственного хозяйства; создание частной собственности от мелкой до крупной с последующей концентрацией ее основной части в руках крупных (стратегических) собственников; ликвидацию централизованного способа экономического оборота и замену его механизмами свободного рынка, обеспечение внешней открытости экономики, резкое расширение объемов импорта и притока в страну иностранного капитала и т.д.;

способы реформирования: отказ от государственного регулирования важнейших экономических параметров и процессов (ценообразования, хозяйственных связей, инвестиционной деятельности, товарооборота и других); проведение жесткой монетаристской политики для достижения рыночного равновесия и одновременно ликвидации значительной части хозяйственных и даже отраслевых производственных структур, не вписывающихся в критерии и процессы капитализации, что позволило бы ускорить концентрацию собственности; осуществление так называемого первоначального накопления капитала на базе создания благоприятных условий для широкомасштабных товарных, денежных и иных спекулятивных операций; быстрое проведение массовой приватизации на условиях, открывающих широкие возможности приобретения собственности номенклатурой и представителями спеку-

лятивного капитала (занижение стоимости приватизируемых объектов, свободное обращение приватизационных ваучеров и т.п.); последующие переделы собственности через продажу государственных пакетов акций, частичную скупку акций членов трудовых коллективов, выпуск дополнительных пакетов акций, перепродажу производственных и других объектов и т.д.;

методы реформирования: проведение реформ по вертикали сверху вниз под жестким административным контролем государства с установлением сроков, форм и других параметров осуществляемых мероприятий, что вело к игнорированию конкретных экономических и других условий, не позволяло искать наиболее эффективные и приемлемые решения возникавших проблем; опора при проведении реформ не на верховенство закона, а на пирамиду исполнительной власти, находившейся в руках правых либералов, и принимаемые этой властью указы, постановления и т.п. Поэтому многие решающие реформаторские действия, в том числе приватизация, реформирование аграрной сферы и другие, полностью или в значительной мере, осуществлялись не имея под собой законодательной базы.

Одним из атрибутов праволиберальных реформ стал идеологический камуфляж их сущности. Вначале капиталистическая направленность реформ прикрывалась демократической фразеологией, задачами преодоления экономического кризиса, после решения которых якобы предполагалось выяснять дальнейшую социально-экономическую ориентацию развития страны. Однако вместо преодоления кризиса началось разрастание его глобального характера, периодически дававшее о себе знать не только падением производства, но и прямыми угрозами его полной остановки; всплесками социальных конфликтов; нарастанием неплатежей, включая пенсии и заработную плату; обвалами платежеспособности государства и курса рубля и т.п. Сама действительность выявила сущность реализуемой стратегии перемен, после чего капитализация страны была объявлена столбовой дорогой ее возвращения в лоно цивилизованных государств и народов. Правда, последние почему-то движутся иным путем, в ином направлении и не без успеха.

Если говорить о праволиберальной стратегии в целом, то нельзя не заметить в ней смеси процессов, совершенно необходимых для ликвидации огосударствленно-олигархического строя (восстановления рыночной системы и ее институтов, приватизацию и развитие частной собственности, децентрализацию экономического оборота), их капиталистической начинки и административно-централистских начал регулирования. Это обстоятельство явилось следствием того, что капитализм в России в конце XX века не развивался как естественный процесс, выигрывая в конкуренции с другими направлениями, а стал насаждаться благодаря государственной политике, подавлявшей или не допускавшей иные варианты перемен. В результате были ослаблены и деформированы позитивные тенденции и направления преобразований, в том числе подорваны стимулы производственного предпринимательства, инвестиционной деятельности и т.д. Более того, деформиро-

ванными оказались и капиталистические начала в первую очередь благодаря разрастанию спекулятивного капитала, криминализации экономических отношений, искусственно ускоряемой концентрации капитала у узкой группы людей.

Все это предопределило крайне противоречивые, в основном негативные и опасные для будущего страны результаты праволиберальных реформ.

Экономические результаты можно рассматривать, во-первых, с точки зрения состояния и структуры экономических отношений и, во-вторых, с точки зрения количественных характеристик экономической ситуации. Что касается второго аспекта, то он достаточно хорошо известен. Это – обвал производства и ухудшение его структуры, еще больший обвал производственных инвестиций, разрушение значительной части производственного и научно-технического потенциалов, снижение уровня потребления основных продуктов питания, падение уровня жизни большей части населения и т.д. Но это все следствия тех процессов, которые происходили в экономических и социальных отношениях.

Среди таких процессов прежде всего можно выделить начавшееся в ходе развертывания малого предпринимательства и приватизации развитие ряда новых (частных, долевых, смешанных) и разрушение ранее существовавших (государственных и колхозных) форм собственности. Однако эти процессы шли таким образом, что ни одна из вновь возникших форм собственности не обрела относительной устойчивости и механизмов эффективной реализации содержащихся в ней отношений. Старые же формы собственности утратили как удельный вес, так и среду, в которой они функционировали. Государственная собственность находится в полуразрушенном состоянии, сферы ее распространения сужаются, круг ее функций четко не очерчен, продолжается неэффективная приватизация крупнейших производственных объектов. Колхозная собственность административным путем была превращена преимущественно в акционерную.

Основная, вновь созданная форма собственности – акционерная в значительной части фактически таковой не является, ибо акционеры не имеют дохода на акции, не распоряжаются акционерным капиталом, оборот акций не развит, осуществляется в спекулятивных целях.

Крупная частная или акционерная собственность, сосредоточенная в банковских, финансовых и финансово-промышленных структурах, в том числе олигархического характера, поражена вирусом спекулятивного капитала, стремлением их фактических хозяев к обогащению посредством создания финансовых пирамид, отвлечения капитала от производства, вывоза его за границу и т.п. Это оказывает разрушающее воздействие на экономику, что особенно проявилось в августовском (1998 г.) кризисе, в бесконечных поисках иностранных капиталов и бесплодных попытках вернуть обратно капитал, вывозимый из страны.

Смешанная акционерная собственность, а в ней находится основная часть крупнейших производственных объектов, неэффективна, поскольку государство не научилось управлять собственными пакетами

акций, а главное – отсутствует экономическая среда для крупного предпринимательства.

Мелкая частная и групповая собственность не получила необходимого распространения в сферах промышленного и сельскохозяйственного производства из-за невыгодности производственного предпринимательства. Преимущественно она развивается в торговле и сфере бытового обслуживания. Благодаря ее становлению и росту было улучшено обслуживание населения, но финансовая нестабильность, рост цен, зависимость от импорта продовольствия и товаров широкого потребления дестабилизируют возможности роста этой формы собственности.

Некоторые другие формы собственности, в принципе способные играть существенную роль в общественных отношениях, находятся в зачаточном или в крайне угнетенном состоянии. Среди них можно выделить муниципальную собственность, возникновение которой является свидетельством прогресса в общественных отношениях, но которая с самого начала была деформирована несозданностью ее экономической и финансовой баз. В числе ненужных оказалась кооперативная собственность, традиционно игравшая и способная в дальнейшем играть принципиально важную роль в развитии крупных сфер народного хозяйства России и сейчас почти отсутствующая в нем. Таковы издержки ориентации на господство капиталистических частных форм собственности.

Ситуация, сложившаяся с формами собственности и средой их развития, непосредственно отразилась на начавшемся формировании социально-экономических укладов. Практически реформы были направлены прежде всего на формирование двух укладов капиталистического типа – мелкопредпринимательского (как общей базы капитализма) и уклада крупного капитала (как воплощения стратегического господства капитализма). Что касается мелкопредпринимательского уклада, то он получил определенное развитие. Малое предпринимательство с переменным успехом стало возрождаться еще в период кризиса огосударствленной системы. Его развитие особенно ускорилось после принятия в 1992 г. Указа Президента о свободе торговли. Но сложившимся социально-экономическим сектором его считать нельзя. С самого начала его структура была деформирована влиянием спекулятивного капитала и невыгодностью производственного предпринимательства. Поэтому явно недостаточна его производственная составляющая, слаба экономическая и технологическая база малого предпринимательства. А главное, экономические механизмы (рыночные и нерыночные), обеспечивающие его воспроизводство (сбытовая, снабженческая, маркетинговая, информационная, консультационная, финансово-кредитная и прочая инфраструктура), в значительной мере заменены административными структурами и программами, не обеспеченными ресурсами.

Относительно же капиталистической ориентации развития малого предпринимательства следует заметить, что пока оно в первую очередь решает проблемы выживания в условиях экономического и финансового кризисов и ему не до рождения капитализма ежедневно, ежечасно

и ежесекундно. Во всяком случае число средних капиталистических структур, возникших на базе малого предпринимательства, не велико. Характер его дальнейшей социально-экономической трансформации во многом зависит от будущей стратегии развития страны.

Значительно быстрее происходило становление крупного капитала. Он в основном обрел форму монопольно-олигархического уклада, который быстро формировался (под воздействием политики создания стратегических собственников) в питательной среде обособившегося оборота спекулятивного денежного капитала и сращивания государственной власти и капитала.

Казалось, что становление этого уклада, воплощавшего господство капитала в экономике и обществе, близко к завершению.

В нем сосредоточилось от 2/3 до 3/4 общественного богатства. Интересы этого уклада стали преобладать в финансовой политике, в приватизации, в развитии банковского сектора, в решении политических проблем и т.д. Проявились тенденция замены государственного олигархизма, имевшего при всей его общественной негативности некоторые экономические и социальные обязательства перед народом, о чем ранее уже говорилось, монопольно-олигархическим строем, который внутренне свободен от всяких обязательств перед страной и растет за счет перераспределения общественного богатства исключительно в свою пользу всеми доступными способами.

Но августовский кризис (1998 г.) показал, что основы этого уклада не столь прочные, ибо он не смог создать систему производственно-хозяйственных связей, организующих весь воспроизводственный процесс (или овладеть такой системой). Часть крупнейших структур этого уклада, связанных с финансовыми спекуляциями, рухнула, их средства исчезли. Тем не менее, олигархия как социально-экономическое явление существует, и в случае сохранения стратегии общественного развития, реализовавшейся в 90-х годах, этот уклад может не только возродиться, но и усилить свои экономические и политические позиции. Возникновение монопольно-олигархического уклада и вообще олигархических тенденций – это наиболее яркое выражение деформаций экономических отношений как результата стратегии насаждения капитализма в условиях России конца XX века[1].

Еще совсем недавно господствовавший государственный сектор теперь оказался в тяжелейшем положении. И дело не в том, что его доля в народном хозяйстве резко упала[2]. Это естественный процесс, сви-

---

[1] Нельзя однозначно относить к монопольно-олигархическому укладу естественные монополии и, тем более, рассматривать их в качестве одной из его основ. В случае развития монопольно-олигархических тенденций естественные монополии могут быть включены в структуру такого уклада. Но в иных социально-экономических условиях они могут и должны стать одним из мощных факторов роста и трансформации российской экономики в соответствии с тенденциями современного производственного и социального прогресса.

[2] В основных фондах доля государственного сектора снизилась с 91% в 1991 г. до 45% в 1996 г. В общем объеме промышленного производства государственный сектор составляет около 9%, а в большинстве других отраслей – значительно меньше.

детельствующий о ликвидации огосударствленного строя. Неестественны и незакономерны снижение уровня использования и частичное разрушение потенциала этого сектора, в том числе обеспечивающего развитие научного, технического и технологического прогресса. До сих пор четко не определены функции, структура, перспективы развития государственного сектора, его роль в реструктуризации экономики, решении многих макроэкономических проблем. Государственный сектор, который может и должен быть одним из факторов, стабилизирующих и инициирующих развитие, в сложившейся в России политико-экономической ситуации стал рассматриваться в качестве источника лишних затрат.

Другой общественный сектор – муниципальный возник в результате передачи части государственной собственности местного уровня (относящейся в основном к социальной сфере и жилищно-коммунальному хозяйству) в собственность муниципалитетов. Считать этот сектор хотя бы относительно сложившимся социально-экономическим укладом было бы крайне преждевременно.

Этот сектор практически не имеет собственной производственной базы и ресурсов для обеспечения производственно-хозяйственных и социальных связей, регулирования структуры хозяйства и формирования жизненной среды в пределах муниципалитетов или на межмуниципальных уровнях. Финансовая база муниципалитетов недостаточна даже для поддержания переданных им в собственность объектов и организаций социальной сферы. Между тем, именно муниципальный уровень мог бы стать одной из основных исходных точек перехода к социально-экономическому росту.

Происходящие социально-экономические перемены оказали разнонаправленное воздействие на семейный уклад. Важнейшее изменение, происшедшее в этом укладе – его быстрая дифференциация.

Структура хозяйства очень узкого круга семей меняется в результате возрастания доли предметов и объектов роскоши, демонстрации богатства, расходования средств на цели и в объемах, свидетельствующих об отклонении от разумных потребностей и об отрыве от реальной общественной среды.

Уклад жизни и хозяйства значительной части (до 50%) семей формируется под воздействием изыскания различных источников и способов выживания в условиях роста цен, падения реальных доходов, невыплат заработной платы, безработицы и т.д. Для хозяйства этой части семей характерен рост его производственной составляющей (ведение и расширение подсобного, приусадебного, садового хозяйства для получения продольствия в личных и товарных целях, ремесленная деятельность и т.п.). Определенная доля таких хозяйств перерастает и будет перерастать в дальнейшем в мелкопредпринимательские единицы. Но для большей части семей их производственное хозяйство является прежде всего источником получения жизненно необходимых натуральных продуктов.

Структура хозяйства и жизненный уклад семей частично среднего, но преимущественно выше среднего уровня изменялись благодаря бо-

лее широкому использованию новейших электронных, электротехнических, информационных и других средств и повышению в накопленном богатстве доли социокультурных благ.

Поляризация семейного уклада свидетельствует о том, что фактически в последние годы он распался на несколько принципиально различных по своим характеристикам секторов, что отражает общие процессы социального расслоения и нездоровья общества.

Единственным бурно растущим в последние годы укладом оказался сектор теневой и криминальной экономики. Создавшаяся среда экономической, социальной и политической неопределенности, переходности, дифференциации и т.п. наиболее благоприятна для роста теневых и криминальных отношений. Стремление уйти в тень стимулировалось также налоговым бременем, расширением криминального и государственного рэкета, усложненными процедурами решения организационных и правовых вопросов. В расширении криминальных отношений большую роль сыграли формы и методы приватизации, фактическое покровительство проводившейся политикой роста теневого капитала. Все это открыло дорогу не проникновению, а вхождению криминала в экономические и политические отношения, в том числе на основе сращивания власти, капитала и криминала.

В результате теневой и криминальной уклады утратили даже относительную четкость своих границ, проросли в ткань официальных экономических отношений, хозяйственных и политических структур. С учетом данного обстоятельства можно утверждать, что имеющиеся сведения о том, что теневая экономика составляет от 20% до 40% в общем объеме производства, носят условный характер. Реально уже трудно отделить друг от друга теневые и официальные отношения, теневое и официальное хозяйство и производство. В этом главная особенность и опасность криминально-теневого сектора в настоящее время и еще бóльшая угроза в перспективе.

Перемены в отношениях собственности и общественных укладах неотделимы от начавшегося восстановления рыночного способа экономического оборота и системы рыночных отношений. По существу отказ от централизованного ценообразования и регулирования экономических процессов, с одной стороны, и становление частных и других форм собственности и типов хозяйства, с другой, создают основу перехода к рыночным отношениям и делают его необходимым.

Но рынок – сложная система отношений, которые осуществляются через совокупность институтов и механизмов, устанавливающих и регулирующих различные аспекты экономических взаимосвязей.

К сожалению, торопливость в проведении реформ в отмеченных ранее целях привела к тому, что переход к рыночным отношениям произошел раньше, чем были созданы необходимые для этого рыночные институты и механизмы. К 1992 г. практически отсутствовали товарные, фондовые, денежные и другие рынки и их инфраструктуры и, соответственно, современные рыночные механизмы регулирования цен, межотраслевого перелива капитала, стимулирования инвестиционных процессов и т.д. В начале рыночных реформ по существу единствен-

ным механизмом, который должен был обеспечить рыночное равновесие, была монетаристская политика выжимания денег из обращения и подавления спроса. Это сразу же подорвало производственную активность и, наоборот, стимулировало погоню за деньгами. Деньги стали самым популярным товаром. Начался оборот денег ради получения денег. Отсюда стали расти спекулятивные денежные операции, ссудные проценты, финансовые пирамиды, финансовые олигархии. Тем самым развитие рыночных отношений, рынка как системы экономического оборота, было деформировано. Центр экономической деятельности оказался перенесенным из сферы производства в сферу обращения и денежного оборота. Это извратило экономические стимулы, создало предпосылки обвала производства, роста спекулятивного и олигархического капитала, заменило создание реальных экономических основ финансовой стабильности достижением ее видимости.

Обвал собственного производства и невыгодность производственного предпринимательства привели к тому, что развитие внешнеэкономических рыночных связей, открытость экономики вместо создания конкурентной среды в стране, притока в нее внешних инвестиций и т.п. увеличили экспорт энергетического и другого сырья, импорт продовольствия и внешние финансовые заимствования и подорвали безопасность страны.

Если попытаться выделить общую черту, характерную для различных аспектов экономических результатов общественных перемен в России, то ею, вероятно, будет дезинтеграция. Она свойственна отношениям собственности и укладам, различным сторонам экономического оборота и рыночной хозяйственной среды. Дезинтеграция как следствие целевых установок реформ стала важным фактором искажения прогрессивной направленности демонтажа огосударствленной экономической системы.

Политико-экономические результаты прежде всего определяются сращиванием государственной власти и капитала, особенно, крупного, которое началось в период массовой приватизации и углубилось в процессе последовавших переделов собственности на базе формирования крупных монопольных полугосударственных структур, частных финансовых и финансово-промышленных образований, в том числе олигархического характера, с участием государственных чиновников или использованием их властных возможностей. Такое сращивание стало одной из важнейших основ возникновения и расширения нового олигархизма и криминализации не только отдельных аспектов, но и совокупности экономических и других общественных отношений[3].

---

[3] Криминализация общественных отношений тем более опасна, что она порождается существующими официальными экономическими и правовыми нормами. Если человек (пусть исключительных способностей) за два-четыре года может получить средства, достаточные для приобретения самолетов, машин, зарубежных поместий и вилл, строительства собственных домов типа "дворец", открытия и наполнения счетов в зарубежных банках и т.п., то можно утверждать, что он ограбил немалое число себе подобных. Если выясняется, что он получил все это вполне законно, то значит существующая система отношений преступна, ибо она разрешает особо изворотливым

Социальные результаты можно разделить на несколько групп:

резкая и быстрая социальная дифференциация, возникновение узкого слоя особо богатых и широких слоев бедных и беднейших людей;

разрушение старой системы государственных социальных гарантий (что является неизбежным результатом смены общественной системы) без замены ее минимально необходимым уровнем социальной защищенности (что является следствием характера и содержания проводимых социально-экономических перемен). Общегосударственные социальные гарантии, зафиксированные в Конституции, экономически не обеспечиваются и нарушаются;

возникновение своего рода социального беспредела (невыплаты заработной платы, пенсий, длительное отсутствие индексации доходов или мизерная индексация при обвалах рубля на фоне обогащения олигархических и околоолигархических слоев);

формирование экономически активных, предпринимательских слоев, стремление людей найти своим трудом нишу в меняющихся общественных условиях, что создает определенные предпосылки для социального динамизма. На фоне общей социальной дезинтеграции данное обстоятельство свидетельствует о потенциальных возможностях изменения социально-экономической ситуации и среды при проведении политики, обеспечивающей место в обществе всем его слоям.

Политические результаты крайне противоречивы и неоднозначны. Еще в конце перестройки под давлением демократических сил произошла общая демократизация общественной жизни и политической системы. Были достигнуты свобода слова, развитие многопартийности, возможность реальных выборов власти и т.д. Но после развала Советского Союза процессы демократизации затормозились, а после событий осени 1993 г. практически прекратились. Была окончательно установлена и конституционно оформлена система авторитарного правления в форме президентской республики, осуществляющая диктатуру праволиберальных сил. Было установлено фактическое всевластие Президента, поднятого над официально установленными ветвями власти и реально не несущего ответственности перед обществом за свои действия[4].

Стремление обеспечить доминирование президентской власти как гаранта реализации праволиберальной стратегии капитализации страны при соблюдении внешних демократических форм определило специфические черты государственно-политического устройства и власти и их общую неэффективность.

людям, состоящим при власти, около власти, у спекулятивного капитала, грабить других, а может и все общество в целом. Такая система побуждает менее изворотливых, но не менее "жаждущих" получать желаемое криминальными путями – рэкетом, взятками, убийствами, шантажом, использованием власти. В подобной системе борьба с криминалом не может быть победоносной, хотя бороться с ним, разумеется, все равно необходимо.

[4] Предусмотренное Конституцией отстранение Президента от власти столь сложно с точки зрения установления факта его ответственности, многоэтапно, допускает принятие Президентом различных упреждающих мер и практически почти неосуществимо.

Прежде всего наряду с тремя конституционными ветвями власти (законодательной, исполнительной и судебной) фактически создана четвертая – президентская власть, выполняющая установочно-командные функции и на деле определяющая направления развития страны[5]. Президент может наложить вето на принимаемые законы и заменять отсутствующие законы собственными указами. Многие принципиальные вопросы социально-экономического переустройства решались и решаются по таким указам. Президент имеет собственные разветвленные органы власти (администрацию, Совет Безопасности, институт представителей в регионах, в законодательных органах и другие), вырабатывающие или обязанные проводить в жизнь политические, экономические, идеологические и прочие установки. Президент формирует Правительство, не опирающееся на парламентское большинство, и распоряжается им по своему усмотрению (поддерживает, изменяет состав, отправляет в отставку). Гипертрофия властных функций Президента столь велика, что парламент (прежде всего его нижняя палата – Государственная Дума) реально начинает во многом выполнять совещательные и рекомендательные функции, а в случае не устраивающих Президента действий может быть просто распущен. Авторитарный характер власти на федеральном уровне распространен и на региональные и муниципальные уровни, где главы администраций занимают доминирующие позиции по отношению к представительным органам и обладают фактической полнотой властных функций. Законодательная власть построена таким образом, что не только лишена контрольных функций над деятельностью исполнительной власти, но и поставлена под контроль последней, поскольку половину членов верхней палаты парламента (Совета Федерации) составляют главы регионов. Законодательно правительство, прямо и жестко подчиненное Президенту, лишено возможности самостоятельно проводить экономическую и социальную политику и вообще предпринимать самостоятельные действия. Функции правительства и исполнительной власти в управлении страной реализуются в урезанном виде.

Перекосы, а соответственно, и противоречия между президентской, законодательной и исполнительной ветвями власти дополнились нерешенностью проблем разделения функций власти по ее уровням. Становление России как федеративного государства прежде всего предполагает разделение функций и полномочий между федеральным центром и регионами. Отсутствие четких критериев такого разделения, центробежные тенденции, выросшие в начале 90-х годов, и усиление авторитарных начал власти в центре и регионах стали труднопреодолимыми препятствиями на пути решения этой проблемы. Заключение договоров между центром и регионами о распределении полномочий позволило снять остроту и ослабить возникшие разногласия, угрожавшие устойчивости и целостности страны. Однако кардинально вопрос не ре-

[5] Президентская власть есть не что иное, как изъятие у законодательной и исполнительной власти функций, связанных с полномочиями принятия решений по важнейшим аспектам устройства и развития страны.

шен до сих пор. С одной стороны, выборность глав администрации, их опора на население, положение каждого региона как субъекта Федерации с широкими правами, слабость центральной власти в силу отмеченных ранее обстоятельств значительно усилили положение региональных лидеров и их роль в поддержании целостности страны. С другой стороны, все это не может компенсировать неэффективность организации и функционирования федеральной власти.

В настоящее время начался очередной этап усиления властных претензий региональных лидеров по двумя направлениям:

во-первых, по линии приведения пропорций распределения бюджетно-финансовых ресурсов между центром и регионами в соответствие с их функциями и полномочиями (т.е. увеличение доли регионов). Решение этой проблемы действительно необходимо для обретения региональной властью экономической базы реализации ее функций. Сдерживается оно боязнью центра лишиться в кризисных условиях даже минимально необходимых ресурсов для покрытия общегосударственных потребностей и непредвиденно возникающих затрат в случае различного рода чрезвычайных ситуаций, в том числе в отдельных регионах;

во-вторых, по линии достижения их решающей роли (через создание ряда блоков) в формировании законодательных органов власти (Государственной Думы), т.е. превращения парламента по его составу в орган, соответствующий интересам глав регионов. Пока остается неясным, в какой мере эти интересы будут соответствовать преодолению глобального общественного кризиса в стране и упрочению ее целостности, но вполне очевидно, что подчинение парламента региональным властям нанесет основательный удар по представительству в нем интересов различных социальных слоев и сил, а, следовательно, и по демократическим началам в государственно-политическом устройстве.

Принципиальным шагом в становлении демократических основ политического устройства страны явилось зафиксированное в Конституции положение о том, что органы местного самоуправления не входят в структуру государственной власти. Это стало началом формирования негосударственного (гражданского) сектора в политическом устройстве. Были созданы муниципальные образования, выбраны их главы и представительные органы. Однако эти процессы приняли во многом формальный характер, поскольку муниципальные органы оказались в финансовой и во многом в административной зависимости от органов региональной власти. Отсюда – неизбежные противоречия между ними и тенденции включения муниципалитетов в сферу действия региональных властей. Население имеет весьма туманные представления о своих муниципальных правах. Местная власть, как и в прошлом, воспринимается людьми не в качестве органов, создаваемых ими самими и для себя, а как стоящая над ними сила. Впрочем, по сути, она во многом таковой и является. То есть, до становления реального самоуправления населения как института гражданского общества надо еще пройти весьма сложный путь.

Говоря о состоянии политического устройства страны в целом, нельзя не заметить разинтегрированности всех его основных блоков (президентской, законодательной, исполнительной, центральной, региональной и муниципальной власти), противоречий и борьбы за власть внутри отдельных блоков. Во многом это является отражением состояния экономики и социальных отношений. В то же время экономическая ситуация и экономические отношения стали результатом политического развития. Но у этого образовавшегося круга есть начало – избранная праволиберальная стратегия ускоренной капитализации страны. Для того чтобы разорвать сложившийся порочный круг, необходимо устранить основу его возникновения. Решение данной проблемы предполагает наличие обоснованной рациональной стратегии с четкими целевыми ориентирами, поддержки этой стратегии населением и социально-политических сил, способных ее реализовать.

4.2. Особенности России и стратегия ее развития

Основой прекращения разрастания и преодоления глобального общественного кризиса и его разрушительных и дезинтеграционных экономических, социальных, политических, национальных, территориальных и иных результатов и последствий в России может стать только смена праволиберального (точнее, псевдолиберального) стратегического курса преобразований. Различного рода корректировки и подчистки способов и методов его реализации не могут принципиально изменить положение. Эти способы – органическая и необходимая часть проводимой стратегии принудительного насаждения капитализма в стране и возможности их уточнений (при сохранении данной стратегии) минимальны. Существенные же перемены в них неизбежно привели бы к иным ориентирам развития. Представим себе, что переход к рыночному способу экономического оборота, включая отказ от централизованного ценообразования, установления хозяйственных связей и т.п. происходил бы поэтапно в меру создания соответствующих рыночных институтов и механизмов, а приватизация осуществлялась бы постепенно с соблюдением индивидуального подхода к формам и срокам приватизируемых предприятий, исходя из получения реального экономического эффекта, без свободно обращающихся ваучеров и т.п. В этом случае не произошло бы фантастического, периодически повторявшегося взлета инфляции и не менее фантастических экономического обвала и социальной дифференциации. Но тогда не возникло бы основ для роста спекулятивного капитала, перенесения центра экономической деятельности в сферы обращения и финансов, предпосылок неоднократного передела и концентрации собственности и т.д., ставших базой капитализации страны. Вместо нее создавались бы условия становления разных форм хозяйства и социально-экономического секторов. Массы людей в большинстве регионов страны не были бы брошены в ту экономическую и социальную пучину, в которой спасается только тот, кто может, а те, которые не могут, получают свободу идти ко дну. Государство продолжало бы соблюдать основные экономиче-

ские социальные гарантии, хотя их масштабы постепенно сокращались бы в силу перемен в структуре и содержании экономических отношений. Значит, цели капитализации страны оказались бы недостижимыми. Ее развитие пошло принципиально иначе. Следовательно, надо отчетливо сознавать, что цели, способы, методы и результаты реализуемой в 90-е годы стратегии составляют единое целое. Утверждения же о том, что ухудшение экономической, социальной и иной ситуации – это последствия груза предшествующих периодов или некоторых ошибок и недостаток методов реформирования, замедления темпов последнего, а не содержания реформ, являются не более, чем социальным обманом. За попытку быстрой капитализации страны надо платить ту цену, которую страна и ее народ платят. И если темпы капитализации были бы или будут еще быстрее, то и цена ее поднимется еще выше. В принципе праволиберальная (радикальнолиберальная) верхушка это хорошо понимает. Об этом свидетельствуют утверждения о необходимости ускорения реформ на основе принятия так называемых непопулярных решений, т.е. мер, ведущих к дальнейшему снижению жизненного уровня большей части народа[6].

Главные вопросы, возникающие в связи с реализацией радикал-либеральной стратегии, связаны с тем в какой мере оправдана и оправдана ли вообще столь высокая плата за эту стратегию. Действительно ли, что:

движение к капитализму является закономерным и необходимым вариантом развития страны и в конечном счете обеспечит экономический и социальный прогресс, благосостояние и свободу различных слоев населения;

становление частной и других форм негосударственной собственности и современного рыночного хозяйства тождественно созданию в стране капиталистической системы;

любой другой вариант развития, кроме капиталистического, будет означать возврат к огосударственной системе, и для России есть единственная альтернатива: капитализация или огосударствление?

Отвечая на последний вопрос, следует отметить, что такой альтернативы в действительности не существует. Она выдумана для обоснования попыток насаждения в стране капитализма. В принципе же огосударствление может преодолеваться в ходе целенаправленного программного перехода к разнообразным частным, общим, коллективным и иным формам собственности, типам хозяйства, социально-экономическим укладам, восстановлению рыночного способа экономического

---

[6] Радикал-либералы понимают и то, что замедление темпов капитализации и, тем более, попытки предотвращения спекулятивных и иных неправомерных форм концентрации общественного богатства крупными собственниками или разобраться в законности способов такой концентрации, в том числе монопольно-олигархическими структурами и лицами, их олицетворяющими, таят угрозу самой стратегии капитализации. Это обстоятельство, в частности, явилось реальной причиной отставки в мае 1999 г. Правительства России, возглавлявшегося Е.М. Примаковым, последовавшей сразу же, как только правящая верхушка усмотрела в действиях главы Правительства намек на возможность подобного разворота событий.

оборота, обеспечению свободы экономической деятельности, предпринимательству при сохранении ряда регулирующих функций государства и обеспечении им необходимых социальных гарантий. Одной из органичных сторон такого характера развития было бы становление современного, т.е. регулируемого и социально ориентированного рынка, отнюдь не тождественного капитализму. Рыночную систему являющуюся одной из общих экономических систем, в принципе неправомерно отождествлять с капитализмом, представляющим историческое преходящее общественное устройство. В рамках капитализма рыночные отношения проходят лишь один из этапов своего развития. Капитализм не возможен без рынка, но рынок был и будет возможен без капитализма.

Результатом социально-экономических перемен в этом случае стали бы ликвидация огосударствления общественной системы, создание рыночного хозяйства, но без капитализации страны. Вместо капитализации движение пошло бы в направлении становления общественной системы смешанного типа, т.е. в том же самом направлении, в котором трансформируются общественные системы развитых и некоторых других стран. Только исходные точки развития в этих случаях будут полярными для капиталистических стран – это трансформация частной капиталистической собственности и капиталистических отношений. Для России – преодоление господства огосударствленных форм, снятие огосударствления с экономики и общества. Соответственно способы и конкретные варианты развития будут различными.

Перемены, связанные со становлением разных форм собственности и социально-экономических типов хозяйства, начинались в Советском Союзе во второй половине 80-х годов. Тогда они потерпели неудачу из-за неспособности партийно-государственного руководства осознанно и последовательно реализовать соответствующую стратегию, которая практически была бы направлена против экономических основ существовавшей власти. После краха политической системы государственного олигархизма могли быть созданы предпосылки для осуществления данного варианта развития России, но этому помешал захват реальной власти радикал-либералами, ориентированными на капитализацию страны.

Однако проблема выбора целевых ориентиров и вариантов развития России остается. Об этом свидетельствуют явные экономические и социальные провалы стратегии капитализации, недовольство реализуемым курсом широких слоев народа, неприятие ими капиталистических начал общественных отношений, возникновение, хотя и в урезанном, часто деформированном виде, различных форм собственности и хозяйства.

В итоге возникает несколько вопросов:

во-первых, почему стратегия капитализации страны оказывается столь неэффективной и разрушительной;

во-вторых, насколько вообще реально создание в России в конце XX – начале XXI веков капиталистической системы;

в-третьих, чем может закончиться попытка капитализации страны в случае ее неудачи;

в-четвертых, в какой мере приемлемо для России и практически осуществимо движение страны к обществу смешанного типа с учетом российских особенностей и сложившейся в стране ситуации?

По существу в конце XX века перед Россией встал тот же вопрос, который стоял перед ней и в конце века XIX: быть ли ей капиталистической? Как известно, тогда и социал-демократы, и либералы всех оттенков, включая легальных марксистов, давали на этот вопрос однозначный ответ – быть. Однако начавшееся превращение капиталистического уклада в общественную систему довольно быстро обернулось антикапиталистической революцией октября 1917 г. Тем самым выяснилось, что капитализм как господствующая система не соответствует особенностям России и основной части ее народа, прежде всего небуржуазного в своей массе крестьянства и пролетариата.

Сейчас новые либералы опять полагают, что иного разумного пути, кроме капиталистического, для России нет и стараются подать эту мысль как нечто само собой разумеющееся.

Между тем, происходящее в стране, вызывает большие сомнения в правильности подобных утверждений. Более того, есть основания считать, что насаждение в России всеобъемлющей капиталистической системы в конце XX века не менее бесперспективно, чем и сто лет тому назад.

Таких оснований два. *Первое* заключается в том, что, как уже отмечалось, время капитализма прошло или, во всяком случае, проходит, ибо в основном решены задачи индустриализма. В России создание и развитие индустрии и реального обобществления производства в основном происходило на основе не капитализма, а огосударствления, но оно происходило несмотря на все недостатки этого процесса, структурные диспропорции и т.п. Попытка в этих условиях переходить к капитализму, осуществлять шоковую терапию, первоначальное накопление капитала, концентрировать собственность в руках "стратегических" собственников неизбежно должна была привести и привела к изъятию средств из производства, к разрушению индустриального потенциала, экономическому обвалу, растаскиванию общественного богатства, падению жизненного уровня основной части населения страны. В 90-х годах вместо игр с капитализмом нужны были иные решения, которые создавали бы среду, стимулирующую технические прорывы и переход к общему более высокому технологическому уровню народного хозяйства, осуществление структурных сдвигов, ориентацию экономики на удовлетворение потребностей населения и повышение качества его жизни. Для этого требовались концентрация государственных ресурсов на реализацию соответствующих производственно-экономических и структурных программ, переход к разнообразным формам собственности и производственно-хозяйственных структур, обеспечение предпринимательской свободы их деятельности. Именно это могло позволить не разрушать экономический потенциал, а по возможности использовать его рациональнее, менять структурно,

вовлекать в экономический оборот ранее неиспользовавшиеся ресурсы, наращивать разные формы мелкого производства и индивидуальной деятельности. То есть требовалось разнообразие социально-экономических, производственных, организационных и институциональных решений, а это уже принципиально иной подход по сравнению с начавшейся безоглядной шоковой терапией, приватизацией и капитализацией.

Второе основание заключается в изначальной неприемлемости капитализма для России как явления общенационального, как господствующей общественной системы. В качестве таковой капитализм не соответствует глобальным особенностям нашей страны, чем и объясняется его неприживаемость в ней. Конечно, Россия уже давно не та, какой она была век тому назад, во времена первого "нашествия" капитализма на нее. Изменились экономические, социальные, социокультурные характеристики российского общества, крестьянство давно перестало быть преобладающей частью населения страны, да и в социальном плане – это уже другое крестьянство, и тем не менее, так же, как и в конце XIX века, страна отторгает попытки ее общей капитализации.

Есть несколько естественно-исторически сложившихся обстоятельств, которые, так или иначе, предопределили коренные особенности России, специфику формировавшейся в ней общественной среды и ее общественного развития.

Среди них прежде всего можно выделить огромное разнообразие ресурсного, природно-климатического, территориального, человеческого потенциала. Освоение различных составляющих этого потенциала обеспечивало ресурсную самодостаточность развития страны на разных исторических этапах. В то же время существующие различия в структуре потенциала, в том числе территориального и национального столь велики, что его использование делает естественно-нормальным и рациональным разнообразие производственно-хозяйственных и социально-экономических форм на любом этапе[7].

Одной из существенных черт российского потенциала является высокий удельный вес северных территорий, усложняющих условия жизнеобеспечения и одновременно всегда являвшихся источником различных ресурсов. Это обстоятельство влияло на характер взаимосвязей между людьми, на ментальность народа, вырабатывая черты общности и взаимопомощи как предпосылки выживания. В этом же направлении действовало преобладание в течение многих веков аграрного способа жизнеобеспечения в неустойчивых природно-климатических условиях, влиявшее на формы расселения, основы культуры, психологического склада людей и отношения между ними.

Другая группа обстоятельств, формировавшая глобальные особенности России, ее геоположение между Западом и Востоком, создавав-

---

[7] В принципе каждая страна в той или иной мере характеризуется внутренним разнообразием существующих в ней условий. Но нет ни одной страны, в которой это разнообразие было бы столь велико, как в России, что и предопределяет ряд качественных особенностей ее общественного развития.

шее объективные основы для интеграции ею элементов западных и восточных цивилизаций и их освоения русской и российской культурой. Одновременно столь же объективно возникала потребность и необходимость ограждения и защиты своей самобытности и самостоятельности, в том числе и от многочисленных внешних военных поползновений. По-видимому, в этом заключается источник многовековых стремлений к расширению *единого* территориального пространства России и в западном, и в восточном, и в южном направлениях, которые частично реализовались на договорной и добровольной основе вхождения в состав страны ряда народов в целях защиты своих интересов и самосохранения, и частично – насильственным военным путем. Последнее, в конце концов, негативно отразилось на обеспечении целостности государства.

Практически каждое из отмеченных обстоятельств и, тем более, вся их совокупность делали естественным и необходимым для России на каждом этапе ее развития разнообразие социально-экономических, национальных, социокультурных, духовных начал, форм, укладов, исключали возможность их унификации. В этом заключается важнейшая глобальная особенность общественного устройства и развития России, характеризующая ее более чем тысячелетнюю историю. Попытки игнорирования или разрушения различных аспектов такого разнообразия общественной среды во все времена дестабилизировали обстановку, вызывали различного рода кризисы и потрясения.

Именно данная особенность России, в которой соединилась ее ресурсная, экономическая, социальная, национальная, социокультурная, социально-психологическая и иная специфика, делали и делают неприемлемой всеобщую капитализацию страны. Разумеется, Россия развивается в рамках общечеловеческого исторического процесса, и она не могла вообще пройти мимо капиталистической стадии. Но капитализм мог развиваться и развивался в ней в качестве одного из общественных укладов. Претензии же капитализма на общественное господство вызвали его революционное отторжение.

Возникновение элементов капитализма или капиталистического сектора в России возможно и даже неизбежно и в настоящее время при становлении различных типов социально-экономических отношений. Но на нынешнем этапе, с учетом достигнутого уровня и существующих тенденциях развития это должен быть сектор, трансформирующийся в посткапиталистические формы. Таким образом, в современных условиях капитализм возможен и полезен в качестве одного из социально-экономических секторов как явление преходящие, а не как долгосрочный целевой ориентир.

Как уже отмечалось, перед Россией уникальная возможность осознанного движения к общественному устройству, по существу посткапиталистического типа, основанному на взаимодействии различных социально-экономических укладов и соответствующего коренным особенностям страны, впервые открылась после антикапиталистической революции в период нэпа. В случае реализации этой возможности Россия могла бы оказаться страной, первой нашедшей новый историче-

ски перспективный вариант развития. Использовать эту возможность не позволила сложившаяся политическая система, направившая страну по пути огосударствления.

После падения огосударствленной системы перед страной вновь открылась перспектива реализовать ее изначальную специфику, уже в условиях посткапиталистической трансформации многих развитых и других стран мира, т.е. войдя в русло мировых трансформационных процессов. Но теперь преградой стала принудительная капитализация страны, не считающаяся с ее экономическими, социальными, национальными особенностями и социально-психологическими чертами народа. Игнорирование глобальной специфики России в современных условиях не только может обречь ее на экономическое и иное отставание, но и поставит под вопрос историческую перспективность страны, ибо она окажется в стороне от основных прогрессивных тенденций мирового и своего собственного развития.

Подобная опасность тем более велика, что капитализация подрывает главные условия, в том числе социально-психологические, жизнеспособности такой страны, как Россия.

Рассмотренные ранее российские особенности, в обобщенном виде выражаемые как необходимость многообразия экономических, социальных, социокультурных и иных общественных структур, форм, отношений, делает особо насущной и сложной потребность достижения целостности, точнее, объединенности страны в территориальных, экономических, социальных, национальных, политических, социокультурных, духовно-нравственных и иных аспектах.

Именно достижение и поддержание единения, на базе использования, развития и совместимости общественного разнообразия по существу и является естественно-историческим условием жизнеспособности России. На различных исторических этапах развития страны на первый план выдвигались различные стороны этой задачи (территориальные, экономические, межнациональные, социальные и другие), но она присуща всей истории России и ее будущему. Без достижения объединенности при сохранении общественного разнообразия Россия длительное время существовать не может. Об этом свидетельствуют и ее богатейший исторический опыт, ее взлеты и падения[8].

Многовековая необходимость поддержания в российских условиях объединенности страны и народа формировала социально-психологический склад последнего, его ментальность. *Идея объединения, общности, целостности при разнообразии условий стала национальной идеей русского и всего российского народа.* Говоря о национальной идее, следует учитывать, что ее нельзя кому-либо "выработать", поменять и т.д. Национальная идея может стать лишь результатом отражения в сознании народа коренных особенностей страны, ее историче-

[8] Одним из главных факторов развала Советского Союза стала унификация (на базе огосударствления) различных аспектов и норм общественных отношений в условиях роста национального самосознания. В принципе же своевременное осознание опасности и ошибочности такого варианта "единения" могло предотвратить нарастание тенденций распада и сохранить целостность страны.

ского предназначения, проверенных длительным историческим опытом. Безусловно, содержание идеи единения достаточно сложно. Для народа, разных его слоев в различных условиях первоочередное значение приобретают те или иные ее аспекты (обеспечение независимости или территориальной целостности, поддержание определенного уровня социальной справедливости, общности правил хозяйственной деятельности, создание условий социального взаимодействия и т.д.), но так или иначе идея объединенности, хотя и в разной мере, присуща основной части народа. Если же реальная действительность резко отклоняется от национальной идеи, то эта действительность начинает отторгаться народом или его соответствующими слоями и в конечном итоге корректируется. Различного рода социальные движения, реформы, революции во многом есть проявления такого отторжения и корректировок.

Антикапиталистическая революция октября 1917 г. – это результат резкого возрастания социального расслоения, подрыва экономической и социальной базы жизнедеятельности основной (крестьянской) массы народа. Ее победе во многом способствовали идеи достижения социального и национального равенства, решения земельного вопроса и т.п. Расхождение действительности с этими идеями и общей идеей объединенности народа на базе равенства и свободы стало причиной социально-психологического отторжения им созданной огосударствленной общественной системы.

Капитализм, как и огосударствление, подрывает возможности реального объединения страны и народа, обеспечение их жизнеспособности, а вместе с ними и российскую национальную идею. Огосударствление делает это посредством государственной унификации общественных условий и отношений, игнорирования необходимости их разнообразия. Капитализм же не объединяет, а наоборот, экономически, социально, социально-психологически, а во многом и национально разъединяет различные слои народа. Практически стратегия капитализации противостоит социально-психологическому складу основной части российского народа, отбрасывает его национальную идею. Отсюда и бесплодные попытки разработать какую-то "новую национальную идею".

Итак, стратегия капитализации России не может вести страну к общественному прогрессу уже в силу изначальных основополагающих экономических, социальных, национальных, социально-психологических особенностей страны и ее народа. Разрабатывая стратегию развития России и определяя ее общественную направленность, непозволительно игнорировать эти особенности, так же как и современные глобальные тенденции общественной трансформации. Учет тех и других позволяет сделать однозначный вывод о возможности прогрессивного и динамичного развития страны на базе реализации российского варианта становления общества смешанного типа. Стратегия движения к такому обществу позволит реализовать особенности российского потенциала, возродит национальную идею и создаст социально-психологические стимулы развития, поставит Россию в один ряд со странами, в

которых происходит становление нового исторически перспективного интеграционного общественного устройства.

Но движение России к смешанному интеграционному обществу будет неизбежно обладать существенной спецификой.

Во-первых, его исходной основой являются глобальные особенности России, которые изначально предопределяют целесообразность и потребность развития в ней различных социально-экономических, социально-культурных, духовно-нравственных и других укладов и типов отношений. В современных условиях под эти изначальные потребности должна быть подведена соответствующая производственно-технологическая, социальная, культурная база. Процесс такого подведения и будет означать становление смешанного интеграционного общества.

Во-вторых, движение России к исторически перспективному общественному устройству связано не с трансформацией капитализма, а с устранением последствий огосударствления, с возрождением рыночного способа оборота, предпринимательства, конкуренции и т.п. То есть по сравнению с посткапиталистической трансформацией западных стран – это движение с другой стороны и для его осуществления нужны специфические действия, механизмы, институты.

В-третьих, реально трансформация России в направлении общества смешанного типа теперь уже может начаться не от огосударствления как такового, а от общественного бессистемья, экономического обвала и глобального кризиса, возникших в результате попыток капитализации страны. Это обстоятельство осложняет движение к обществу смешанного типа, но в то же время позволяет в сложившейся обстановке находить и использовать в целях такого движения различные компенсирующие факторы. В частности, возникновение элементов или основ различных социально-экономических укладов, ослабление монопольного характера экономики в результате потери части производственного потенциала, начавшееся воссоздание рыночных отношений и институтов, предпринимательства разных видов, формирование, хотя и очень непоследовательное, гражданского сектора (самоуправления населения) в политическом устройстве. Наконец, отсутствие уже сложившейся устойчивой экономической и всей общественной системы позволяет делать выбор вариантов и целей дальнейшего развития страны. Поэтому априорные утверждения о том, что перемены и кризис последнего десятилетия чуть ли не закрывают возможности развития в России общества смешанного типа нельзя считать обоснованными.

Помехой на пути такого развития могут прежде всего стать политические факторы, стремление сохранить и продолжить неудачную стратегию 90-х годов.

Отмеченная специфичность исходных начал становления в нашей стране общественного устройства нового типа должна быть учтена в концепции и практической стратегии осуществления данного процесса.

4.3. Основы стратегии движения России к смешанному интеграционному обществу

Основные черты интеграционного общества смешанного типа в России, в случае реализации данного варианта ее развития, в конечном счете будут близки и во многом тождественны характеристикам других подобных общественных устройств. Но существенная специфика, связанная с ранее рассмотренными изначальными и благоприобретенными особенностями страны, неизбежно проявится в характере процесса становления смешанного общества, в его исходных предпосылках, способах и методах реализации, соотношении и роли его различных сторон, внутренней структуре каждой из них и т.д.

Специфика возможного пути страны к смешанному обществу начинается с особой роли *осознанности* и соответствующей целенаправленной стратегии движения к нему.

Дело в том, что огосударствленная система не создала внутренних источников самотрансформации в данном направлении, а перемены 90-х годов были ориентированы на насаждение капитализма. В результате, несмотря на особенности и возможности страны, движение России к обществу смешанного типа не стало не только преобладающей, но и хотя бы одной из официально обозначенных линий ее развития.

Целенаправленность движения России к смешанному обществу предполагает: во-первых, *осознание* главных объективных и рациональных тенденций перемен в различных сферах жизнедеятельности, соответствующих основным особенностям России и социально-психологическому складу ее народа; во-вторых, определение на этой основе *целевых ориентиров* общественного развития (но не целей абсолютов); в-третьих, создание таких экономических, правовых, организационно-институциональных и других условий, которые бы обеспечивали по существу *саморазвитие*, а не насаждение смешанного общества, т.е. инициативу снизу в нахождении наиболее эффективных конкретных способов и форм воплощения ориентиров движения к нему; в-четвертых, выделение на соответствующих этапах *приоритетов* становления смешанного общества, на реализации которых должны концентрироваться экономические, социальные, организационные, правовые и другие усилия. Таким образом, целенаправленность (целеполагание) при становлении смешанного общества исключает абсолютизацию целей, априорное построение конструкций будущего общества с жесткими директивными характеристиками общественных отношений и конечных результатов развития. Это в корне противоречило бы ранее рассмотренной природе смешанного общества, относительности приближения к его целям, динамизму и изменчивости совокупности общественных отношений в нем. Учет данных ограничений целеполагания в движении к интеграционному смешанному обществу особенно важен для России с ее опытом директивного построения социализма, гипертрофированных представлений о возможностях предвидения и познания несуществовавшего общественного устройства, обернувшихся конструированием государственного олигархизма.

Разработка становления в России смешанного общества и практический переход к ее осуществлению связаны с формированием социально-политических сил, обладающих пониманием необходимости, способностями, стремлением и полномочиями создавать в стране благоприятные условия для развития соответствующего ее особенностям и возможностям исторически перспективного общественного устройства[9]. Наличие таких сил необходимо для достаточных гарантий реализации наиболее рационального варианта общественной трансформации России, обеспечивающего ее внутренний прогресс и положение одного из центров мирового сообщества в XXI веке.

Поэтому принципиальная особенность возможного российского варианта становления общества смешанного типа заключается в исключительной важности сдвигов в политических силах, в политических отношениях и политическом устройстве страны как *начальной предпосылки осознанного движения к смешанному обществу*[10]. Смысл и стратегические ориентиры таких сдвигов заключаются в формировании последовательной системы демократии, в основе которого лежит осознание и реализация широкими социальными слоями народа роли субъекта социально-политических отношений, определяющего их цели и содержание, иначе реальная последовательная демократия невозможна. В связи с этим необходимо развитие политической системы по двум взаимосвязанным, но различным линиям: формирования и достижения государственной политической демократии и становления негосударственного сектора социально-политического устройства страны, при нахождении форм и способов обеспечения баланса между ними. Развитие в данных направлениях практически будет означать постепенное становление гражданского общества, являющегося одной из сущностных черт общественных устройств смешанного типа.

Вполне понятно, что реализация данных ориентиров в относительно полных объемах может быть обеспечена лишь в процессе и результате становления смешанного общества в России и гарантирована развитием всей совокупности его сторон.

На первых, особенно исходных, ступенях движения к новому общественному устройству важно начать эти процессы и постепенно углублять их в целях формирования социально-политических условий и сил, обеспечивающих поворот развития страны к смешанному обществу.

---

[9] Под социально-политическими силами в данном случае прежде всего понимаются достаточно широкие слои народа, осознающие возможность и целесообразность нетрадиционного (социализм или капитализм) пути общественных перемен; общественные движения, способные взять на себя осуществление таких перемен и ответственность за это; представители различных управленческих уровней (в первую очередь первичных территориальных), которые многое могут сделать для становления структур и отношений, характерных для смешанного общества, развивая инициативу населения.

[10] В развитых странах, где становление смешанных обществ происходит в ходе естественно-исторической трансформации капитализма, политические факторы не выделяются столь значительно в совокупности других предпосылок и аспектов трансформационных процессов. К тому же демократические политические сдвиги в этих странах в основном произошли еще в период корректировок капиталистических отношений.

В связи с этим можно выделить три основных аспекта демократизации социально-политических отношений.

Первый из них – исключение из системы государственной власти любых основ и возможностей авторитаризма, таящего угрозу реанимации тоталитарных начал и продолжения курса на дезинтеграцию общества. Практически это прежде всего означает:

законодательное ограничение властных функций главы государства и перераспределение их в пользу нижней палаты парламента и правительства;

ликвидацию фактически сложившейся особой президентской (командной) ветви власти путем устранения дублирования деятельности президентских и правительственных структур, сосредоточения всех функций, связанных с исполнительской экономической, социальной и иной деятельностью, в исполнительной ветви власти;

введение законодательных нормативов, ограничивающих разрастание президентских структур;

законодательное установление реальной ответственности президента за экономическую, социальную, политическую ситуацию в стране и результаты его деятельности;

становление системы надзора за деятельностью властей всех уровней, исключающей или пресекающей превышение власти, нарушения законодательных норм, сращивание власти и капитала.

Второй аспект – сохранение и развитие возможностей функционирования в стране различных политических сил, действующих в рамках закона и отражающих интересы различных социальных слоев народа; обеспечение обязательной сменяемости властных структур в соответствии с волеизъявлением народа, а не желаниями людей, возглавляющих федеральную и региональную власть, формировать устраивающие их по составу органы законодательной и исполнительной ветвей власти.

В настоящее время особенно важно сохранение политического многоцветия парламента и недопущение давления на избирателей с использованием административных и других возможностей высшей и региональной власти.

Крайне опасной представляется тенденция образования блоков и движений глав регионов, открыто претендующих на решающую роль в формировании нижней палаты парламента. Создание подобных блоков есть грубое нарушение демократических принципов построения политической системы. Во-первых, главы регионов представляют исполнительную власть и их претензии на фактическое подчинение себе законодательной власти подрывают основы разделения ветвей власти, во-вторых, главам регионов уже обеспечено прямое участие в законодательной деятельности, так как они являются членами верхней палаты парламента.

Превращение губернаторских блоков в постоянно действующие структуры фактически может означать создание государственной властной олигархической сети, ликвидированной в ходе падения огосударствленной системы. Соединение или, тем более, сращивание этой сети с олигархическим капиталом, опасность которого более чем реальна,

стало бы одной из основ становления в стране не демократии, а достижения господства новой олигархии. Преграды на пути такой "трансформации" демократических институтов могут и, наверное, должны быть созданы законодательно, но главным препятствием может стать опыт самого народа, постоянно накапливаемый им в ходе осознания подлинного смысла, результатов и последствий деятельности власти и устремлений различных политических сил.

Третий аспект демократизации – становление самоуправления населения. Особое значение самоуправления в процессе движения России к смешанному обществу объясняется, во-первых, тоталитарным прошлым страны и, во-вторых, ролью, которую оно может сыграть в ее практическом движении к интеграционному смешанному обществу. Становление самоуправления является фактором как подрыва тоталитарных традиций через развитие прямого народовластия, так и изменения социальной сути нынешнего российского государства, обретения им подлинно демократического содержания.

Важность самоуправления населения для демократического развития страны была понята уже на первых этапах преобразований в ней общественных отношений. Свидетельством этого явились многократные дискуссии о содержании и характере самоуправления, о его соотношении с государственной властью и, как результат этих дискуссий, зафиксированное в Конституции страны выведение самоуправления из иерархии этой власти, признание его негосударственного характера.

Однако полемика по вопросам содержания, характера, функций самоуправления отнюдь не прекратилась. По мере перехода к становлению самоуправления растет число различного рода трактовок и практических действий, суть которых, при всем их внешнем разнообразии, – недооценка или отрицание негосударственного характера самоуправления и ущемление его функций в социально-политическом устройстве страны.

Поэтому даже конституционное признание самоуправления населения как феномена, имеющего негосударственный характер, еще неравнозначно его становлению. Угрозы подмены сути самоуправления реальны и стремления их претворения в жизнь встречаются часто.

Базой становления реального самоуправления населения могут стать создание экономических и правовых основ самоуправления, установление демократического порядка определения его форм, установление принципов разделения и взаимосвязи функций и органов самоуправления и государственной власти, выявление возможностей и направления формирования системы самоуправления, обеспечение гарантий предотвращения огосударствления самоуправления.

Одним из наиболее серьезных и неотложных вопросов становления самоуправления является создание его экономических основ, без которых оно невозможно в качестве самостоятельного негосударственного феномена. Экономические основы самоуправления должны иметь достаточно сложную структуру. Прежде всего к ним относится муниципальная собственность, которая может включать земельные и другие природные ресурсы, производственные и инфраструктурные

предприятия и организации, жилищно-коммунальное хозяйство и другие объекты, а также финансовые ресурсы муниципалитетов. Экономической основой самоуправления служит также частное и другое негосударственное хозяйство в рамках муниципалитетов, не входящее в состав корпоративных и прочих крупных немуниципальных структур. Благодаря этому хозяйству прежде всего и формируется муниципальная среда жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

В настоящее время экономические основы самоуправления не созданы. Слабо развиты различные формы малого и среднего производственного предпринимательства, самодеятельные объединения населения в целях решения местных социальных и экономических проблем. Между тем именно инициатива населения на муниципальных уровнях может стать реальным импульсом развития первичных экономических, социальных и политических отношений и структур смешанного общества.

В существенных корректировках нуждаются правовые основы самоуправления. В частности, целесообразна передача населению прав и полномочий по установлению конкретных форм самоуправления, структуры его органов и т.п., которыми в настоящее время наделены субъекты Федерации, что фактически подчиняет самоуправление государственной власти.

Принципиальное значение имеет решение вопроса о разделении функций органов самоуправления и государственной власти. Самоуправление может быть таковым, если оно организует среду жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения в рамках муниципалитета, следовательно, оно должно выполнять весь круг функций по определению приоритетных направлений развития территории, регулированию отраслевой структуры хозяйства, налаживанию внешних и внутренних рыночных связей, развитию необходимой рыночной инфраструктуры, разработке и реализации муниципальных программ, поддержанию и развитию социальной инфраструктуры и т.д.

Функции государственной власти должны ограничиваться решением проблем, имеющих общегосударственный или региональный характер, и надзором за законностью деятельности органов самоуправления.

Спорные вопросы между органами самоуправления и государственной власти могут решаться на основе договоренностей или в судебном порядке. Во всяком случае в решении таких вопросов недопустимы принципы соподчиненности.

Структура и штат органов самоуправления должны определяться населением или его представителями. В этом случае само население, которое будет содержать собственные органы управления, окажется заинтересованным в ограничении их необходимым минимумом.

Наиболее сложной проблемой становления самоуправления населения в России как одного из социально-политических начал смешанного общества является создание гарантий, исключающих возможности фактического сведения самоуправления до уровня подсобного рычага государственной власти, т.е. его огосударствления. Понятно, что соотношение сил иерархической вертикали государственной власти и

самоуправления населения в рамках отдельных муниципальных образований несопоставимо. Стремления к выхолащиванию сути самоуправления, урезанию его функций и базы, низведению самоуправления до уровня микрорайонов, отдельных улиц, домов, подъездов или его полного подчинения региональным органам государственной власти проявились еще до того, как самоуправление сформировалось. Все это создает реальную угрозу воплощению идей самоуправления в жизнь.

Гарантией защиты самоуправления как негосударственного института, не подчиненного государственной власти, видимо, может быть становление его *системы*, объединяющей усилия муниципалитетов и развивающейся снизу, т.е. по инициативе самого самоуправления населения. Основой для развития такой системы является наличие у муниципалитетов многих общих проблем, которые они должны ставить перед региональными и федеральными властями или решать на межмуниципальной основе. Для постановки и решения этих проблем и для защиты интересов муниципалитетов в принципе возможно создание советов или союзов самоуправления на межмуниципальных, областных, республиканских и федеральном уровнях.

Поскольку органы самоуправления подотчетны только образующему их населению, то создание таких советов должно основываться на четких принципах, исключающих нарушение основ самоуправления населения:

добровольность вхождения в совет соответствующего уровня и участия в его работе;

недопустимость принятия советами решений, обязательных для муниципальных органов самоуправления;

подотчетность региональных советов органам муниципального самоуправления и определение направлений их деятельности в соответствии с интересами последних;

формирование региональных советов самоуправления из представителей органов муниципального самоуправления, делегируемых последними;

формирование федерального совета самоуправления из выделяемых региональными советами представителей;

подотчетность федерального совета советам региональных уровней и определение ими направлений его деятельности, круга вопросов, ставящихся перед государственной властью.

Следует еще раз подчеркнуть, что становление такой системы самоуправления может быть полезным с точки зрения создания негосударственных социально-политических структур смешанного общества лишь в случае осознания ее необходимости и формирования самим самоуправлением в качестве способа собственного развития и усиления действенности. Всякое централизованное, властное вмешательство (например, посредством создания при губернаторах советов глав муниципальных образований и иных подобных форм) извращает смысл этой системы и может превратить ее в способ подавления самоуправления. Но если своеобразная вертикаль самоуправления, отличающаяся от вертикали государственной власти тем, что в ней подчиненность

строится не сверху вниз, а снизу вверх, сформируется, то будет легче установить баланс государственной власти и самоуправления, превратить последнее в реальный фактор, во-первых, трансформации социальной государственности в сторону ее демократизации и, во-вторых, ориентации социально-экономического и политического развития на становление смешанного общества и реализации интересов различных слоев народа.

Трансформация социально-политических отношений и устройства страны как исходный пункт ее движения к смешанному обществу может стать успешной только в случае одновременного определения всей совокупности целевых ориентиров его развития и начала их постепенной реализации.

Для выявления стратегических целевых ориентиров и первоочередных задач становления основных сторон смешанного общества, прежде всего, следует определить *глобальные социальные цели* его развития в России. С учетом особенностей страны и российской национальной идеи в общесоциальных стратегических ориентирах должны органично сочетаться два начала: во-первых, обеспечение многообразия направлений и форм экономического, социального, политического, национального, производственного, социально-культурного, мировоззренческого и других аспектов общественного развития; во-вторых, достижение взаимодействия и в конечном счете согласованности и интегрированности этих направлений и обеспечение объединенности общества на началах социальной справедливости, свободы личности, создания среды активного хозяйственного и общественного поведения человека.

Данная общесоциальная направленность, так или иначе, должна просматриваться во всей совокупности целевых стратегических ориентиров, институтов и механизмов движения к смешанному обществу, в приоритетных решениях и действиях по локализации и устранению возникших в последние годы наслоений и извращений олигархического, криминального и теневого характера и по выходу страны из кризиса и преодолению его последствий.

С точки зрения движения к данной цели на первых этапах становления общества смешанного типа приоритетное значение имеет обеспечение в общественном развитии места (ниш) и возможностей реализации потенциала различным социальным слоям на основе:

становления многоукладности экономики, рыночных отношений, предпринимательской среды, конкуренции, государственного поощрения и защиты этих процессов;

предоставления возможностей выбора вариантов экономических, социальных и иных решений на региональных, муниципальных, первичных хозяйственных уровнях и ответственности за них;

создания экономических и политических институтов и механизмов реализации национальных и региональных особенностей;

развития различных форм самоорганизации и самодеятельности людей как институтов гражданского общества;

отработки эффективной системы общегосударственных, региональных и муниципальных форм социальных гарантий и социальной защиты.

Общесоциальные цели становления смешанного общества предопределяют ряд особенностей *общепроизводственных стратегических целей* и приоритетов их реализации на начальных стадиях движения к смешанному обществу. Ранее уже обращалось внимание на то, что изначальная специфика России в принципе позволяет и делает целесообразным ее развитие в направлении общества смешанного типа уже при относительно невысоком производственном уровне. Но общим производственным ориентиром становления смешанного интеграционного общества в стране является формирование (через ряд переходных этапов) и преобладание нового постиндустриального, информационного технологического способа производства. Именно он обеспечит более рациональное использование и наращивание различных составляющих производственного потенциала и может стать базой решения экономических, социальных и других проблем.

Вместе с тем особенностью производственного развития России и его стратегических ориентиров являются длительное сосуществование и сочетание различных технологических способов производства, включая постиндустриальный, индустриальный и доиндустриальные (в том числе ремесленные). Эта особенность объясняется не только и не столько обвалом производства, кризисным состоянием экономики, сколько структурой и разнообразием как ресурсного, так и человеческого потенциала страны, использование которого предполагает наличие разных способов производства. Другой вопрос, что в соотношении этих способов постепенно должен расти удельный вес нового постиндустриального и информационного. Однако, например, ремесленное производство будет существовать до тех пор пока сохранятся потребности в изделиях ручного труда, продукции промыслов и кустарей. Столь же не ограничены временные параметры семейного производства ряда продуктов земледелия.

Более сложным является соотношение индустриального и постиндустриального производства. Первое будет постепенно заменяться вторым, но структура производственного потенциала (в том числе ресурсного) предопределяет целесообразность использования имеющейся индустрии в меру текущих и перспективных потребностей на продукцию ее различных отраслей и комплексов, неоправданность попыток осуществления структурных сдвигов посредством фактически априорного разрушения значительной части индустриального потенциала. Такой подход ведет не к переходу на постнидустриальную стадию, а к откату на доиндустриальный уровень.

Все эти обстоятельства должны быть учтены на первых этапах развития производственных основ смешанного интеграционного общества, на которых приоритетами являются:

перенесение центра экономической политики на развитие производственного сектора экономики;

использование имеющегося производственного (в том числе ресурсного) потенциала для развития крупного, среднего и малого предпринимательства как основы восстановления экономики и создания стимулов осуществления в ней структурных сдвигов;

осуществление наиболее важных научно-технических программ и поддержка перспективных научно-технических направлений и технологических прорывов;

реализация политики реструктуризации экономики с учетом разнообразия ресурсного потенциала страны и его региональных особенностей;

расширение деятельности по защите экологической среды от негативных воздействий производственно-хозяйственной деятельности.

Ориентиры общепроизводственного *развития* органично связаны со *стратегическими целями развития экономических отношений* при движении России к обществу смешанного типа. В конечном счете эти цели заключаются в создании принципиально новой динамичной системы экономических отношений, которая основана на взаимодействии и интеграции их различных типов, функционирует как современное (т.е. социально ориентированное и регулируемое) рыночное хозяйство, обеспечивает благоприятную среду жизнедеятельности и жизнеобеспечения всех социальных групп людей и экономическую свободу личности.

На первых этапах становления смешанного общества главным является создание комплекса условий для устойчивых тенденций приближения к данным целям. К такому комплексу в первую очередь можно отнести:

предотвращение нарастания и преодоление криминализации экономики на базе смены социально-экономической стратегии, устранения механизмов роста спекулятивного, теневого и олигархического капитала и его сращивания с государственной властью;

формирование экономических и правовых институтов и механизмов, гарантирующих возможности реального становления, динамики и интеграции разных форм частной, коллективной, ассоциированной, государственной, смешанной форм собственности и хозяйства;

постепенное изменение структуры и содержания отношений собственности на базе усиления многосубъективности собственности; превращения одних и тех же групп людей в субъекты разных форм собственности; возрастания значения нетрадиционных объектов собственности (информации, знаний, результатов интеллектуальной деятельности) и объектов непроизводственного назначения и, соответственно, расширения видов собственности; развития процессов трансформации форм собственности;

создание (прежде всего на базе развития предпринимательской среды) механизмов становления функционирования и динамики экономических укладов двух, пересекающихся друг с другом, типов: основанных на трансформации (изменении содержания) и интеграции форм собственности и различающихся по критериям предпринимательства (малое, среднее, крупное) или формирующихся по типам собственности и хозяйства частный, государственный, муниципальный, кооперативный, семейный и т.п.;

реализация комплексного подхода к становлению рыночного хозяйства, т.е. взаимосвязанное формирование системы рынков, рыноч-

ной инфраструктуры и рыночных институтов на общенациональном, региональном и других уровнях и достижение внутренней ориентации этого хозяйства на реализацию интересов разных социальных групп и решение социальных проблем в стране;

формирование совокупности экономических, правовых и социально-политических институтов и механизмов, обеспечивающих развитие экономических отношений с учетом национальной, региональной и местной специфики.

Развитие новой динамичной системы социально-экономических отношений, основанной на изменении содержания и структуры отношений собственности, их субъектов и объектов, становлении, взаимосвязи и постепенной интеграции экономических укладов предопределяют важнейшие тенденции и *стратегические ориентиры формирования социальной структуры и социальных отношений* смешанного общества.

Главным долгосрочным ориентиром и направлением перемен в этой сфере должно стать постепенное формирование социальной структуры неклассового типа как воплощения социальной интегрированности, общности различных слоев народа, достижения социальной справедливости и свободы личности. Для России данный стратегический ориентир и практическое движение в соответствии с ним имеют особое значение, поскольку они станут современным и исторически перспективным выражением российской национальной идеи и, следовательно, основой восстановления социально-психологических факторов развития страны.

Центральным аспектом и ориентиром формирования новой социальной структуры является становление среднего слоя и постепенного превращения его в основную социальную силу. Рост среднего слоя – это реальное свидетельство интеграции различных групп населения на бесклассовой основе и изменения социальных отношений. В России развитие данной тенденции могло бы стать способом осуществления идей социальной общности, близких большей части российского народа, при сохранении целого ряда форм социальной дифференциации, т.е. без превращения этих идей в некий утопический идеологизированный постулат.

Одновременно стратегия социального развития должна быть направлена на ослабление воздействия на общество остающихся социально-классовых различий, в том числе связанных с возникновением капиталистических отношений и структур и длительностью процесса их трансформации в посткапиталистические отношения.

Принципиальное значение для реализации данного стратегического направления имеет становление отношений социального согласия и снятия социальных противоречий и проблем через механизмы социальных договоренностей и институты гражданского общества.

Для относительной реализации данных целей Россия должна пройти целый ряд этапов становления общества смешанного типа.

Начинать же движение к нему придется с решения иных задач, и главными среди них являются:

преодоление тенденций и процессов углубления социальной дифференциации и формирования социальной структуры на классовой основе в связи с переделом собственности и капитализацией страны;

восстановление среднего слоя на базе оживления малого и среднего предпринимательства, поддержки и развития сфер науки, культуры, социальной инфраструктуры;

предотвращение дальнейшего падения уровня жизни большей части населения как следствия проводимой социально-экономической политики и переход к его постепенному повышению и сближению у разных социальных слоев;

обеспечение выполнения конституционных социальных гарантий и восстановление гарантированных возможностей образования и социокультурного роста, здравоохранения и отдыха, выбора видов деятельности и т.д. При всех негативных чертах огосударствленной системы разные слои народа обладали этими возможностями, хотя далеко не в равной мере и недостаточном объеме. Утрата ее и является подлинной социально-экономической причиной ностальгии по прошлым временам. Разумеется, формы собственности на социальные объекты, услуги и условия должны быть различными (государственными, муниципальными, ассоциированными, частными и т.д.) и только их совокупность может удовлетворить соответствующие потребности людей. Но есть ряд общих социальных потребностей и условий, обеспечение которых в настоящее время и в перспективе будет определять возможности развития нации, и базой их удовлетворения прежде всего должны стать общественные формы собственности;

отработка механизмов и создание институтов разрешения социальных противоречий и конфликтов на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальных) на базе трипартизма и других форм договорных отношений, а так же местного, общественного, производственного самоуправления.

Одним из важнейших общесоциальных ориентиров стратегии становления смешанного интеграционного общества является обеспечение свободы личности. Движение к этой важнейшей цели общественного прогресса, кроме постепенного создания ранее рассмотренных политических, экономических и социальных предпосылок и гарантий предполагает *формирование свободной социально-психологической и духовной среды*. Суть создания такой среды заключается в обеспечении свободы выбора и определения каждым человеком духовных, мировоззренческих, культурных и других ценностей и личных жизненных установок. Поэтому стратегия становления смешанного общества должна включать защиту человека от навязывания ему государством и различного рода мировоззренческими и подобными им образованиями идеологических, социокультурных, религиозных, атеистических и т.п. предпочтений. Человек – гражданин лично свободен только в том случае, если он выбирает эти предпочтения сам, исходя из окружающих его жизненных условий, из накопленного им опыта и полученного знания. Государство и общество должны содействовать улучшению жизненной среды, расширению знаний, освоению ценностей культуры в широком

смысле этого слова. Выбор же духовных и других ориентиров остается за каждым конкретным человеком, но для того, чтобы его сделать, человек должен осознать и психологически ощутить свою свободу.

Падение огосударствленной системы в России означало снятие духовных и идеологических оков, но проблема личной социально-психологической и духовной свободы граждан страны далеко не решена. Во-первых, для создания и, тем более, психологической реализованности такой свободы надо достаточно долго пожить в новой среде. Во-вторых, возникшая среда не совсем новая. Сейчас действительно нет директивных мировоззренческих, идеологических, социокультурных установок, горизонты этих сторон личной свободы несоизмеримы с прежними. Однако фактическое навязывание миропонимания, социальной ориентации и т.п. продолжается с неменьшим напором через зависимые от государства и олигархических структур средства массовой информации, через образовательные и прочие программы и в других формах. Только вместо лжесоциалистической идеологии идет пропаганда квазилиберальной лжи, атеистические постулаты заменены религиозно-церковными и т.п. Все это не что иное, как воплощение старого социально-классового подхода к общественному развитию, когда господствующие социальные силы стараются создать выгодную для них духовную и социально-психологическую среду. Для перспектив развития России это опасно потому, что подрывает возможности достижения как национальной общности, целостности, так и личной свободы, т.е. всю совокупность социально-психологических стимулов развития. Соответственно, в случае перехода к стратегии становления смешанного интеграционного общества в нее должны быть включены и стратегические ориентиры формирования подлинной духовной и мировоззренческой свободы личности.

Стратегические ориентиры и приоритеты ближайших периодов движения к смешанному интеграционному обществу необходимо сочетать со *стратегическими целями развития России в рамках мирового сообщества*, которые предопределяются тем, что одной из общих черт общественных систем смешанного типа является развитие межгосударственной экономической и политической интеграции, позволяющей на первых этапах полнее учитывать особенности потенциала каждой страны, а в отдаленном будущем, возможно, привести к становлению новых форм мироорганизации. Соответственно, движение России к смешанному обществу включает интеграцию со странами и группами стран, переходящими к общественным устройствам смешанного типа. Причем геоэкономическое и геополитическое положение и потенциал России в принципе позволяют выполнять функции одного из мировых экономических, социальных, культурных, политических полюсов (центров).

Но достижение этих целей прежде всего предполагает преодоление возросших в последние годы тенденций превращения страны в сырьевую базу и рынок продовольствия и товаров народного потребления развитых европейских и других стран, что означает подмену экономической интеграции потерей экономического суверенитета, а так-

же прекращение роста, а затем ослабление внешней финансовой зависимости страны.

Эти тенденции должны быть заменены постепенным и эффективным нарастанием открытости страны для мирохозяйственных, политических, гуманитарных (в том числе личностных) связей, ее выгодным участием в международном разделении труда, освоении и использовании мировых достижений в научно-технической, производственно-технологической областях, в сферах культуры, искусства и других.

Открытость России для мира и мира для России следует использовать в интересах страны и ее народа и расширения международного сотрудничества, соблюдая необходимую сбалансированность в отношениях между Западом и Востоком, но в первую очередь соблюдая устойчивость и наращивание долгосрочных связей с теми традиционными партнерами, которые заинтересованы в них на взаимовыгодной основе.

Отмеченные цели и приоритеты стратегии перехода к становлению в России смешанного общества должны учитываться при решении текущих экономических, социальных и иных проблем страны, в том числе связанных с последним финансовым кризисом, поддержкой производства, восстановлением финансовой системы и т.д. Последствия проводившейся в 1992–1998 гг. социально-экономической политики, поставившей государство на грань внутреннего и внешнего банкротства, делают решение данной задачи крайне трудным.

Выход из этой ситуации может быть найден только при условии, что так называемые непопулярные меры для спасения страны не сведутся к очередному затягиванию поясов, т.е дальнейшему понижению уровня жизни, а прежде всего будут направлены на развитие производственного предпринимательства и хозяйственной активности людей, на реальное устранение криминального, теневого и олигархического капитала, на предотвращение утечки капитала из страны, на привлечение средств населения для инвестирования экономики под реальные гарантии, на своевременную выплату заработанных денег, на реализацию гражданских прав во всей их полноте. То есть при условии, что эти меры станут свидетельством перехода к действительно новой социально-экономической политике, а в качестве итога их осуществления будет ясно просматриваться начало улучшения положения широких слоев народа.

Изменения в стратегических целях социально-экономических перемен, необходимые для осознанного движения к смешанному интеграционному обществу, неотделимы от перехода к новым способам и методам их осуществления. Сама направленность реализуемой ныне стратегии движения страны, связанная с ломкой ранее существовавших отношений, становлением монопольно-олигархических структур, с экономической и социальной напряженностью, угрозами конфликтов и т.п., предопределила важнейший принцип ее осуществления – инициирование перемен государством, выбор и предписание им способов, темпов, форм их проведения. Как уже отмечалось, реформирование проходит в основном по вертикали сверху вниз. Данному принципу со-

ответствуют и методы реформирования: с одной стороны, централизация процессов реформирования и осуществление их государственными органами и структурами, создаваемыми на всех территориальных и хозяйственных уровнях (отсюда раздувание государственного управленческого аппарата); с другой стороны, резкое сокращение функций государства как субъекта ведения хозяйства и социального гаранта, рост псевдолиберальных начал непосредственно в организации производства, экономического оборота, поддержании условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей. Такое противоречивое на первый взгляд сочетание административно-централистских и якобы либеральных методов реформирования в действительности вполне соответствует смыслу реализуемой стратегии – ускоренному осуществлению первоначальной и последующей концентрации капитала, неоднократному переделу собственности.

Но такие принципы и методы не могут соответствовать стратегии движения страны к обществу смешанного типа. Принципами ее реализации должны стать:

синхронизация рассмотренных ранее и законодательно осуществляемых демократических перемен в социально-политическом устройстве страны и перехода к комплексной реализации стратегии становления смешанного интеграционного общества;

сочетание инициатив, идущих снизу и сверху и достижение договоренностей между различными хозяйственными и управленческими уровнями при выборе конкретных форм, сроков, методов социально-экономических перемен, обеспечивающих учет местных, региональных отраслевых и других особенностей и ситуаций;

определение демократизирующимся государством приоритетов экономического и социального развития и выработка новых, в том числе рыночных, механизмов его участия в реализации этих приоритетов (государственные программы, контрактные и резервные формы и механизмы и т.д.);

создание государством хозяйственных и правовых предпосылок реализации инициативы первичных и последующих хозяйственных и территориальных уровней в осуществлении стратегии движения к смешанному обществу;

разделение функций и взаимодействие органов государственной власти и самоуправления населения по организации экономики и среды жизнедеятельности и жизнеобеспечения как гарантия эффективного вовлечения в этот процесс всех сегментов материального и духовного потенциала страны.

Раздел II

СТАНОВЛЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА – УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Глава 5

УРОВЕНЬ И ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Высокая экономическая и социальная эффективность функционирования смешанных экономик развитых и ряда других стран, их динамизм и гибкость в прогрессивном изменении структуры производства, успехи в освоении достижений научно-технического прогресса делают необходимым учет зарубежного опыта при определении перспектив формирования смешанной экономики в России на основе имеющегося экономического, научно-технического и трудового потенциала.

В этой связи возникает вопрос о том, реальна ли ориентация на развитие смешанной экономики в России (есть ли для этого производственные основы) в свете различий в производственной и социально-экономической сферах между экономически развитыми странами и нашей страной. Для ответа на вопрос о наличии или отсутствии производственных основ движения России к обществу смешанного типа необходимы, с одной стороны, оценка производственно-экономического, научно-технического и трудового потенциала, а с другой – анализ тенденций их изменения за период прошедший с начала 90-х годов.

Стартовые условия, имевшиеся в начале 90-х годов, и современное состояние экономического, научно-технического и трудового потенциала страны существенно различаются.

5.1. Производственно-экономический потенциал

С 1990 г. производственно-экономический потенциал страны претерпел серьезные количественные и качественные изменения вследствие обвального спада производства. ВВП сократился почти на 40% и составил в 1997 г. 60,3% к уровню 1990 г. Объем промышленной продукции за этот период снизился вдвое, объем подрядных работ – в 3 раза, объем продукции сельского хозяйства уменьшился на 63,6%.

В то же время надо учитывать исходное состояние этого потенциала в конце 80-х – начале 90-х годов. К началу 90-х годов в стране был

создан огромный производственный аппарат экстенсивного типа, в котором четко определились серьезные воспроизводственные диспропорции:

преимущественное развитие отраслей, производящих средства производства при весьма слабом развитии отраслей, производящих предметы потребления;

высокая доля промежуточного продукта при слабом развитии отраслей, производящих конечный продукт;

высокая (как нигде в мире) норма накопления – 24–25% при весьма ограниченной доле потребления;

утяжеленная структура производства – гипертрофированное развитие топливно-энергетических и металлургических отраслей при недостаточном развитии обрабатывающих отраслей. Удельный вес сырьевого, топливно-энергетического и материалопроизводящего комплексов, т.е. отраслей с повышенной фондо- и материалоемкостью, составлял в объеме промышленного производства к концу 80-х годов около 50%. В это время в экономически развитых странах происходил резкий поворот в сторону отраслей социальной инфраструктуры и наукоемких производств. В итоге в 70-х и 80-х годах в России формировалась структура производства, нацеленная на экспорт сырьевых ресурсов, для которой характерным было серьезное отставание развития производственной и социальной инфраструктур.

В конце 80-х годов соотношение долей первичной экономики, т.е. нижнего структурного слоя (горнорудное производство, сельское хозяйство, лесная промышленность и рыбное хозяйство) в общих затратах США и СССР (в том числе и России) составляло 12:30. Причем тенденции развития первичной экономики в структуре производства были противоположны. В США первичная экономика имела тенденцию к сокращению одновременно с расширением перерабатывающей, научно-информационных сфер; в России первичная экономика расширялась с одновременным сокращением удельного веса перерабатывающей и научно-информационных сфер. США постепенно переходили к постиндустриальной структуре производства, Россия все больше отставала в этом процессе. Экспортно-сырьевую направленность развития производственного потенциала в определенной мере ослабляла его милитаризация (около 80% отраслей промышленности в той или иной степени работали на ВПК).

В отраслях ВПК были сосредоточены высококвалифицированные научно-инженерные и рабочие кадры, передовое по мировым стандартам оборудование, использовались новейшие технологии. По ряду направлений (аэрокосмические исследования и технологии и др.) имело место опережение других стран.

В то же время, когда в индустриально развитых странах существовал постоянный трансферт инноваций из ВПК в гражданские отрасли и на этой основе происходило технологическое обновление производства, в нашей стране обратная связь ВПК с гражданскими отраслями была существенно слабее. Это в значительной степени обусловило глубокий разрыв в уровнях техники и технологии в ВПК и гражданских отраслях.

Все большее отставание от индустриально развитых стран по уровню эффективности производства, производительности труда предопределялось состоянием основных производственных фондов. В 60-х и 80-х годах 80–85% капиталовложений направлялось на прирост производственных фондов и только 20–15% на их обновление в действующем производстве. В структуре основных фондов преобладала их пассивная часть с большим объемом незавершенного строительства (долгострои). В 1990 г. в незавершенном строительстве были омертвлены средства, равные 1/4 прироста национального дохода[1]. Активная часть фондов характеризовалась резким отставанием по техническому и технологическому уровням. Около 40% основных производственных фондов приходилось на физически и морально устаревшее оборудование. Затраты на ремонтные работы составляли около 1/3 объема капиталовложений. Фактические сроки службы большей части оборудования превышали нормативные в 2–2,5 раза.

Различные составляющие материально-технической базы относились к разным этапам развития техники. Незавершенность первичной механизации сосуществовала с автоматизацией современного уровня и т.д. Все это затрудняло и иногда делало невозможным освоение современных технологий.

Одной из самых слабых сторон развития материально-технической базы была низкая восприимчивость производства к достижениям НТП. По этой причине внедрение передовых технических и технологических новшеств нередко осуществлялось административным путем. В России гражданские отрасли производства существенно отставали по техническому и технологическому уровням от индустриально развитых стран по всем ведущим направлениям НТП. Не менее 50% (по некоторым оценкам – не менее 80%) выпуска продукции машиностроения не отвечало мировому техническому уровню. Продукция производственного назначения в подавляющей массе была неконкурентоспособна на мировом рынке. Внедрение и эффективное использование принципиально новой техники и новых технологий наталкивалось на несовершенство организационной структуры производства.

Имел место резкий разрыв в уровне механизации основного и вспомогательного производств, что являлось одной из главных причин существования значительной массы ручного неквалифицированного и малоквалифицированного труда. Доля занятых ручным трудом в промышленности (без занятых ремонтом и наладкой машин и механизмов) составляла к началу 90-х годов около 35%, в строительстве – свыше 56%, в сельском хозяйстве – более 70%. Значительной оставалась сфера монотонного утомительного труда в условиях поточно-конвейерного производства, особенно на сборочно-монтажных работах. В промышленности было механизировано всего 25–30%, автоматизировано не более 6% сборочных работ.

---

[1] Причем прирост капиталовложений происходил за счет значительного повышения внутреннего и внешнего долга. Удельный вес амортизации и долгосрочного кредита в структуре источников финансирования капиталовложений практически оставался неизменным.

Большой удельный вес составляли рабочие места с неблагоприятными условиями труда. Особенно тяжелое положение было в химической, нефтехимической, нефтедобывающей, угольной, металлургической и других отраслях.

В целом к началу 90-х годов была сформирована высокозатратная структура производства, в которой приращение нового эффекта было сопряжено с нарастающими затратами. Отдача производственных фондов постоянно снижалась при резко снижающихся темпах роста производительности труда.

Имели место колоссальные потери, связанные с распылением государственных капиталовложений, неустановленным оборудованием, недоиспользованием производственных мощностей, затовариванием, производством лишней, ненужной обществу, продукции (в ряде отраслей до 25%) и т.п. факторами.

Существовавшие экономические механизмы не позволяли динамично осуществлять прогрессивную перестройку производственного потенциала страны.

Однако несмотря на воспроизводственные диспропорции и неблагоприятные тенденции в России к началу 90-х годов был создан мощный производственный потенциал индустриального типа. Производственная база отраслей ВПК, применяемые там техника и технологии соответствовали мировому уровню или превосходили его. Беду России – чрезмерную милитаризацию экономики на том этапе можно было превратить во благо. Отрасли ВПК и сопряженные с ними отрасли с современными технологиями, высококвалифицированными кадрами при научно-обоснованной программе конверсии могли явиться тем ядром, которое позволило бы осуществить технико-технологическое обновление всего народного хозяйства. Как показывает мировой опыт, важным фактором формирования производственной базы и хозяйственных структур смешанной экономики в ряде стран явились демилитаризация хозяйства, успешное проведение конверсии. Причем были разработаны и реализованы государственные программы конверсии, ориентированные на эффективное стимулирование предприятий, переходящих на высокотехнологичное производство гражданской продукции. Особенно в этом отношении нагляден пример Японии.

Что касается гражданских отраслей промышленности, относящихся к группе А, то, по нашим оценкам, уровень развития техники и технологии в них соответствовал примерно уровню развития индустриально развитых стран середины 60-х годов; в отраслях группы Б – середины 50-х годов. Уровень техники и технологий в сельском хозяйстве России трудно сравнивать с развитыми западными странами, поскольку российского технико-технологического варианта (сверхмощные тракторы, крупные животноводческие комплексы, при незначительном развитии стредств малой механизации и слабой производственной инфраструктуре) не было ни в одной индустриально развитой стране. Но по эффективности и продуктивности сельского хозяйства Россия отставала от этих стран на несколько десятилетий.

К началу 90-х годов в России в материальном производстве трудилось 70% занятого населения, в непроизводственных отраслях 30%, что характерно было для структуры занятости в индустриально развитых странах в конце 60-х годов.

Высокий уровень был достигнут в развитии предметной специализации за счет создания заводов-гигантов замкнутого цикла. В то же время имелось существенное отставание в уровне развития подетальной и технологической специализации, что являлось одной из важнейших причин сохранения значительной массы ручного труда, низкого уровня эффективности производства. К концу 80-х годов только 1,5–2% общего объема изделий и услуг общемашиностроительного применения производилось на специализированных заводах, остальное – в собственных цехах и участках предприятий.

Главной причиной застоя в развитии подетальной и технологической специализации было огосударствление хозяйства, исключавшее разнообразные гибкие экономические формы, частные, кооперативные, коллективные, смешанные, с помощью которых можно было бы вывести с крупных предприятий производство необходимых им заготовок, узлов, деталей, инструмента, оснастки и т.д., сделать его специализированным, а соответственно создать условия для комплексной механизации и автоматизации, сокращения ручного труда.

Как показывает мировой опыт, малый и средний бизнес осуществляет изготовление этой продукции более эффективно и мобильно, чем крупные предприятия.

В индустриально развитых странах существенный импульс развитию смешанной экономики был дан возникновением новых средств труда и технологий на основе НТР. Широкое применение получили средства труда с индивидуальным и многомоторным электроприводом, легко перемещающиеся в пространстве, с высокой степенью автоматизации, гибкие, легко поддающиеся переоснащению для производства различных видов продукции. Данный тип оборудования резко усилил разделение труда, технологическую и подетальную специализацию, явился материальной основой развития малого и среднего бизнеса, становящегося все более необходимым условием развития крупного массового производства. Вместе с тем данный тип орудий труда обусловил необходимость интенсивного развития диверсификации и интеграционных процессов. В начале 70-х годов совершался переход от старой механической технологии к новому технологическому способу производства, основанному на применении электрохимических, лучевых, ультразвуковых способов обработки в сочетании с полной автоматизацией производства на основе бурного развития электроники, особенно микроэлектроники.

В начале 90-х годов в России данный технико-технологический способ производства был характерен главным образом для отраслей ВПК. Основная масса гражданских отраслей материального производства была основана на использовании традиционной механической технологии, возможности которой для роста производительности труда, повышения эффективности производства давно себя исчерпали.

Переход гражданских отраслей на новый технологический способ производства в тех условиях сдерживался отсутствием механизмов и стимулов реализации достижений НТП в производстве, имманентным рыночной экономике.

Необходимость плюрализации экономических форм на том этапе обусловливалась состоянием производительных сил. Поскольку уровни развития субъективного и материально-вещественных факторов были чрезвычайно различны в разных сферах и отраслях, а соответственно неоднородными были и технико-технологические способы производства (от ремесленного и мануфактурного до комплексно-автоматизированного), постольку требовались и разные формы хозяйства и предпринимательства: кооперативные, коллективные, смешанные и т.д. В разгосударствлении и плюрализации форм и способов ведения хозяйства в первую очередь нуждалась сфера, связанная с удовлетворением индивидуальных потребностей человека, а также производством массовой продукции потребительского спроса, где необходимы гибкость, динамизм, мониторинг изменения потребностей и т.д. Сюда же относились производства, требующие особой гибкости, мобильности, творческого характера труда и творческого отношения к труду занятых в них работников (сфера НИОКР, проектно-конструкторских и инженерно-технических работ и т.д.).

Предпосылкой развития разных социально-экономических типов хозяйства на местном уровне в начале 90-х годов являлось наличие неиспользуемых местных сырьевых и производственных ресурсов и квалифицированной рабочей силы при общем товарном дефиците, особенно ряда товаров первой необходимости. Развязывание инициативы людей, развитие различных форм хозяйства в зависимости от их эффективности применительно к конкретным условиям позволило бы в тех условиях решить целый комплекс социально-экономических проблем (увеличить занятость, формировать средний слой, социально ориентировать экономику и т.д.).

Таким образом, хотя по уровню развития производства в целом, кроме ВПК, в начале 90-х годов Россия существенно отставала от западных развитых стран, однако, имея в виду ее природный ресурсный потенциал, индустриальный характер производства, необходимо признать наличие в этот период производственных предпосылок и возможностей для постепенного движения к экономике смешанного типа. Это было бы альтернативой поощрявшемуся тогда так называемому первоначальному накоплению капитала и формированию спекулятивного рынка.

Однако шанс был упущен, развитие пошло именно по второму варианту. Обвальный спад производства в 90-х годах в определенной степени (по нашей оценке на 1/3) был связан с освобождением от малоэффективных, ненужных обществу видов производств, продукция которых не имела спроса, ни на внутреннем, а тем более на внешнем рынке. Вместе с тем из-за отсутствия продуманной социально-экономической политики данный процесс имел тяжелейшие экономические и социальные последствия.

Обвальный характер свертывания производства в ВПК путем сокращения (не менее чем в 4 раза) госзаказа оборонной промышленности при отсутствии эффективной стратегии конверсии привел к значительному разрушению производственного, научно-технического и кадрового потенциала в этом комплексе. Между тем отрасли ВПК могли стать базовыми точками экономического роста при научнообоснованной стратегии конверсии и трансферте инноваций из отраслей ВПК в гражданские отрасли.

В условиях кризиса еще более ухудшилась производственная структура. Произошло повышение удельного веса добывающих отраслей и снижение удельного веса обрабатывающих отраслей вследствие более быстрых темпов падения производства в последних.

Современное состояние производственного потенциала страны резко усилило ее внешнюю экономическую зависимость, характерную для стран – экспортеров сырья.

На топливо, сырье (при незначительной доле их переработки) приходится около 80% экспорта, что в стоимостном выражении составляет более 20% ВВП.

Причем, как и в 1990 г., сохраняются некомплексный характер использования природных ресурсов и огромные потери попутного газа и ценных компонентов нефтяных месторождений.

Слабое развитие, а зачастую отсутствие обрабатывающей промышленности, обеспечивающей глубокую переработку природного сырья, приводит к тому, что страна, экспортируя сырье, фактически теряет значительную часть потенциального эффекта. Развитие отраслей, обеспечивающих глубокую переработку природного сырья, – важнейшая точка перспективного экономического роста.

Обвальное падение объема производства в обрабатывающей промышленности, особенно в машиностроении (в 1997 г. 38% от уровня 1990 г.), в значительной степени означало обвальный спад высокотехнологичного производства в отраслях ВПК, а также в определенной степени (по нашей оценке на 20%) – сокращение выпуска малоэффективной, неконкурентноспособной машиностроительной продукции. Аналогичный спад производства произошел и в высокотехнологичных гражданских отраслях: в приборостроении, электронике, микроэлектронике, производстве станков с ЧПУ, в производстве сложной бытовой техники.

Импорт продукции вместо импорта технологий существенным образом подорвал позиции отечественных производителей на внутреннем рынке и усилил спад производства, в том числе в отраслях, производящих товары массового потребления.

За прошедший с 1990 г. период происходило снижение производства в строительстве. Объем подрядных работ составил к уровню 1990 г. в 1997 г. – 32%. Вместе с тем позитивным явилось создание за прошедший период небольших мобильных строительных организаций с численностью до 50–100 человек (в основном частных или смешанных), конкурирующих между собой в обслуживании населения, а, соответственно, значительно повысивших качество строительных

работ. За счет них общее число строительных организаций в этот период удвоилось.

В то же время снижение в основных фондах строительства удельного веса машин, оборудования и другой техники почти в 2 раза значительно увеличило сферу применения ручного труда, в том числе неквалифицированного и малоквалифицированного.

С 1990 г. происходило снижение уровня использования имеющихся производственных мощностей в промышленности до 15–20% в легкой и пищевой промышленности, до 50–70% в отраслях тяжелой промышленности.

Одновременно повышался удельный вес изношенного оборудования, доля обновления основных производственных фондов постепенно снижалась. Коэффициенты обновления и выбытия основных фондов в народном хозяйстве в процентах в сопоставимых ценах 1990 г. составляли в 1992 г. – 2,3, а в 1997 г. – 1,5 и 1,1 и 1,0 соответственно.

В 1990 г. в промышленности доля физически и морально изношенных основных производственных фондов составляла 40–42%, в настоящее время – более 50%; более чем в 2 раза снизился коэффициент обновления основных производственных фондов.

В худшем состоянии основные производственные фонды в сельском хозяйстве. И поскольку воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве в крупных масштабах вообще невозможен без техники, постольку обвальный характер сокращения сельскохозяйственного производства напрямую связан с состоянием его материально-технической базы. В условиях тяжелейшего экономического положения сельскохозяйственных предприятий способом обеспечения их материально-техническими средствами для выполнения необходимого объема сельскохозяйственных работ может стать создание МТС на частной, кооперативной и смешанной основе.

Отсутствие необходимой материально-технической базы в производстве обусловливает наличие огромной массы ручного труда. По оценочным данным, треть работников в промышленности, половина в строительстве, 2/3 в сельском хозяйстве заняты ручным неквалифицированным и малоквалифицированным трудом. Основная масса ручного труда сосредоточена во вспомогательном производстве. При этом отсутствует подъемно-транспортное машиностроение. Не налажено массовое производство средств механизации погрузочно-разгрузочных, транспортных и складских работ.

В целом производственно-экономический потенциал страны находится в весьма своеобразном состоянии. С одной стороны, омертвлены огромные производственные мощности, с другой, – имеется возможность с помощью экономических методов государственного регулирования (одна из форм – госзаказ) без дополнительных капиталовложений обеспечить производство крайне необходимой для населения продукции. Это дало бы возможность отработать методы государственного регулирования в условиях развития рыночных отношений, селективно отобрать производства, развитие которых позволило бы постепенно вытянуть по цепочке из кризиса всю экономику.

Важнейшим условием поддержания, обновления и развития производственного потенциала могло стать переключение финансовых средств, использовавшихся внутри финансового сектора (в значительной мере в спекулятивных целях), на инвестирование реального сектора. Однако решение этой важнейшей проблемы натолкнулось на проводившуюся монетаристскую политику, обусловившую невыгодность и ненадежность долгосрочных вложений в производство. Изменение ситуации предполагает смену реализуемой экономической стратегии.

Во многих отраслях пик спада производства пришелся на 1995–1996 гг. В 1997 г. начиналось определенное оживление. Повысилось по сравнению с 1996 г. использование производственных мощностей в металлургии (производство проката черных металлов, стальных труб); в производстве минеральных удобрений, синтетических смол и пластмасс; в машиностроении (производство турбин, генераторов к ним, электромашин, электродвигателей, экскаваторов, легковых автомобилей, автобусов, подшипников, холодильников и др.); в производстве деревянных домов, картона; в легкой промышленности (производство хлопчатобумажных и шерстяных тканей); в пищевой промышленности (производство молочных и плодоовощных консервов, кондитерских изделий, пива).

В 1997 г. объем промышленной продукции составил 102% к уровню 1996 г., в том числе в добывающих отраслях 103, в обрабатывающих 102%. Наибольший рост имел место в фармацевтической промышленности – 128%. Ряд остальных отраслей дали рост менее заметный: цветная металлургия – 105%, химическая – 102, нефтехимическая – 103, металлообрабатывающая – 104, машиностроение – 103, текстильная – 102, швейная – 102%.

Для производства появились более четкие ориентиры – какую продукцию производить, с помощью какой технологии и техники, на каком сырье, для какого потребителя и т.д. Однако это оживление не имело надежной экономической базы. Продолжалась и даже усиливалась реализация монетаристской политики, что в конце концов привело к жесточайшему финансовому и общеэкономическому кризису в стране, начавшемуся в августе 1998 г. Этот кризис означает, что улучшение ситуации с использованием, реструктуризацией и развитием экономического потенциала вновь отодвинулось на неопределенный срок.

Структура производства деформировалась в направлении к доиндустриальной, существенный урон нанесен не только отраслям, основанным на традиционной механической технологии, но и высокотехнологичным производствам, особенно в отраслях ВПК. Процесс информатизации находится на первоначальном этапе и протекает крайне вяло. Так что проявившиеся за последние годы тенденции удалили страну от формирования производственных основ постиндустриального общества.

Вместе с тем производственные основы для формирования отношений смешанной экономики, связанные с индустриальным характером производства, сохраняются, хотя и в ухудшенном варианте.

Поскольку Россия получила в наследство промышленность, в значительной степени так или иначе связанную с военно-промышленным комплексом (с наличием передовых технологий), постольку необходима государственная программа конверсии, в которой было бы предусмотрено решение ряда вопросов: 1) определение производств, необходимых для обеспечения обороноспособности; 2) обеспечение ориентации производств, подлежащих перепрофилированию при сохранении уровня наукоемкости и высокой технологичности, в первую очередь на выпуск продукции для технико-технологического переоснащения гражданских отраслей; 3) развитие рыночных отношений, затрагивающих сферы интеллектуального труда, особенно в сфере НИОКР ВПК, превращение продуктов, имеющих форму научных и инженерных разработок, новой информации, изобретений и т.д. в товары, реализуемые через соответствующие рыночные структуры, в том числе и на мировом рынке.

Вопрос о производстве продуктов интеллектуального труда как товаров в народном хозяйстве и особенно в ВПК и налаживание системы их рыночного сбыта весьма важен, поскольку существует опасность скупки по дешевке иностранными фирмами наиболее перспективных научных и инженерных разработок из-за нищенского положения специалистов.

Превращение продуктов НИОКР военно-промышленного комплекса в товары явилось бы импульсом плюрализации хозяйственных форм в сфере интеллектуального труда.

В гражданских отраслях движение к смешанной экономике прежде всего связано с развитием подетальной и технологической специализации, с процессами, которые, как показывает мировой опыт, успешно развиваются в частной, кооперативной и смешанной формах. Для России вопросы углубления специализации (развития ее прогрессивных форм) являются важными с точки зрения повышения экономической эффективности, поскольку позволяют решить проблему комплексной механизации и автоматизации и значительного сокращения ручного неквалифицированного, малоквалифицированного труда, создать условия для перераспределения рабочей силы в сферу услуг и в информационную сферу. Процесс вывода ряда вспомогательных производств начался в конце 70-х и в 80-х годах, когда крупные предприятия создавали отдельные мастерские по производству оснастки, инструмента, комплектующих изделий в малых городах, поселках, на селе. Однако на основе развития мелкого и среднего предпринимательства (в частной, кооперативной, смешанной формах) эти процессы могут значительно интенсифицироваться, одновременно решая технико-экономические и социальные проблемы.

Имеются производственные основы для развития различных форм кооперации (на основе частных, смешанных начал) в сельском хозяйстве, промышленном производстве на муниципальном уровне в малых и средних городах, в моногородах (где доминирует одна производственно-хозяйственная структура) и т.д. Такими основами является наличие свободного земельного фонда, недоиспользованных производственных мощностей, местных сырьевых ресурсов и т.д.

Широкая сфера для частного и кооперативного предпринимательства открывается в сфере обслуживания жилищного фонда, включая ремонтные, сантехнические работы, тепловодообеспечение, содержание в порядке территорий и т.д.

С развитием кооперативных, частных и смешанных форм хозяйства связаны возрождение и развитие народных промыслов.

Перспективным является широкое развитие кооперации в сфере услуг и производстве ряда товаров широкого потребления на основе вовлечения в нее домашних хозяйств с неработающими членами семьи (женщины, имеющие детей, трудоспособные пенсионеры, подростки, работоспособные инвалиды, неполностью обеспеченные работой люди и др.).

В силу неразвитости сферы обслуживания населения и наличия в народном хозяйстве квалифицированных профессиональных специалистов открываются перспективы развития частных кооперативных, смешанных форм в образовательной, медицинской, юридической, социальной и других сферах.

5.2. Научно-технический потенциал

К концу 80-х – началу 90-х годов в стране был накоплен мощный научно-технический потенциал, по уровню сопоставимый с американским и европейским. Этот потенциал был базой движения к постиндустриальной стадии развития. Разработкой научно-технических проблем были заняты 4,6 тыс. научных организаций, в которых работало 1,9 млн человек, в том числе специалистов, выполняющих научные исследования и разработки, свыше 1,2 млн человек.

По ряду направлений фундаментальных исследований, которыми занималась академическая, вузовская и ведомственная наука, страна имела несомненный приоритет.

Широкое развитие получила отраслевая наука, в которой работало свыше 80% от общей численности занятых исследованиями и разработками. Стали развиваться новые формы интеграции науки и производства – научно-производственные объединения, межотраслевые научно-технические комплексы.

Ассигнования на науку на протяжении 80-х годов постепенно возрастали, составив в начале 90-х годов 130% к уровню 1980 г., доля их в национальном доходе составляла более 5%.

Научный потенциал страны был достаточно высок несмотря на ряд серьезных проблем в его развитии: исследования и разработки в значительной степени были ориентированы на ВПК; сильно отставала в развитии опытно-экспериментальная база; слабым было техническое оснащение (особенно приборами).

Но главное, что мешало развитию науки и производства, – это отсутствие органичной связи между ними по многим звеньям и направлениям научных разработок. Четко ощущалась, с одной стороны, невостребованность результатов научных исследований производством (сроки освоения научной продукции нередко превышали 10 и более лет), с

другой, – слабая заинтересованность самой науки в подготовке научной продукции, действительно необходимой производству.

В 90-х годах в связи с экономическим обвалом произошел подрыв имевшегося научно-технического потенциала. Резко снизились ассигнования на науку. В 1992–1998 гг. ассигнования по разделу "Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу" в федеральном бюджете снизились в 2 раза. Резко сократились ассигнования на исследования и разработки гражданского назначения (не менее, чем в 5 раз). И хотя в последние годы данный вид ассигнований был увеличен (в 1997 г. на 18,1% выше уровня 1996 г.) объем их составлял только 23,3% от уровня 1991 г. Почти в 2 раза сократились внутренние затраты на исследования и разработки[2].

Одновременно с сокращением бюджетных и внутренних ассигнований на науку, происшедшее падение производства, прежде всего в ВПК, резко сократило спрос на НИОКР.

Сокращение ассигнований на науку сказалось на оплате труда работников, занятых в этой сфере, стимулировало отток квалифицированных кадров, привело к свертыванию ряда важнейших направлений, резко ослабило материально-техническую базу.

За период 1991–1997 гг. число организаций, выполняющих исследования и разработки, сократилось на 10%, особенно резкое сокращение произошло в сфере НИОКР. Число конструкторских бюро сократилось в 2,1 раза, проектных (проектно-изыскательских) организаций в 5,5 раза.

За прошедшие годы резко снизились престиж научного труда и его оплата. Особенно негативным явилось снижение уровня оплаты научного труда по сравнению с другими категориями занятых.

В 1997 г. ниже научного оплачивался труд в здравоохранении, образовании, культуре и сельском хозяйстве. Такого положения не наблюдается ни в одной стране мира.

В 1997 г. по сравнению с 1990 г. численность работников, занятых в сфере исследований и разработок, составила 48,7%. Причем наибольшее сокращение коснулось исследователей и техников. Свертывание научных исследований, резкое уменьшение оплаты труда стимулировали отток научных кадров за рубеж. В первую очередь уезжали самые квалифицированные кадры. С 1989 по 1992 г. из России выехало на постоянное место жительства около 10% научных сотрудников (более 75 тыс. человек), только из РАН эмигрировало 17% научных работников. В последующие годы ежегодный отток научных кадров составлял 5–6 тыс. человек.

"Утечка мозгов" происходит также в форме выезда за рубеж на временную работу, главным образом на конкурсной основе. Примерно 10–15% из этого контингента остается за рубежом навсегда. По масштабам данная форма потери научного потенциала значительно превышает прямую эмиграцию. Между тем стоимость подготовки 1 высо-

---

[2] Внутренние затраты на исследования и разработки – затраты на выполнение исследований и разработок собственными силами организаций.

коквалифицированного специалиста научно-технического профиля обходится государству 800 тыс. долл. Только от ежегодной эмиграции научных кадров и специалистов (около 5,5 тыс. человек) России наносится ущерб порядка 4,4 млрд долл. в год. Весьма интенсивно идет процесс внутренней "утечки мозгов", т.е. уход ученых в другие сферы деятельности, не связанные с наукой.

В результате разрушены целые научные школы, направления, научные коллективы, создававшиеся десятилетиями. Постепенно разрушается материально-техническая база науки, особенно в академических институтах. Простаивает, приходит в негодность дорогостоящее оборудование, приостановлены закупки приборов, оборудования и материалов. В значительной части институтов прекращена подписка на иностранную литературу и периодику, сведены до минимума научные контакты, связанные с командировками.

Вместе с тем с 1990 г. происходил и ряд позитивных процессов в данной сфере. Если до 1990 г. научная продукция не считалась товаром, труд ученых в подавляющей части был обезличен и не оплачивался в соответствии с полученным результатом, то с 1991 г. начал формироваться рынок научно-технической продукции. Однако этот процесс далеко не завершен. Значительное число научных открытий и изобретений, сделанных в предшествующие десятилетия, особенно в отраслевых научных учреждениях, пылится на полках или продается по дешевке за рубеж. Квалифицированная научная экспертиза и правовая защита позволили бы вовлечь эту продукцию в торговый оборот не только на внутреннем, но и на международном рынке, и тем самым получить источник финансирования отечественной науки, исследователей и изобретателей.

Положительным явился процесс демонополизации научной сферы. В результате приватизации отраслевых научных организаций, реформирования государственного сектора науки и создания новых научных организаций в настоящее время около 1/4 их общего числа основаны на частной и смешанной (без иностранного участия) формах собственности.

Положительными являются также сдвиги в распределении затрат на исследования и разработки в пользу рыночно-ориентированного предпринимательского сектора, что свидетельствует о продолжающемся формировании рынка научно-технической продукции.

Как показывает мировой опыт, именно в сфере НИОКР формируются наиболее разнообразные экономические формы организации (индивидуальные, частные, кооперативные, государственные, корпоративные, смешанные), в которых осуществляются научная деятельность и опытно-конструкторские разработки.

Для решения многочисленных задач, возникающих в процессе деятельности фирм, создаются временные научно-исследовательские коллективы, непосредственно входящие в фирму или сотрудничающие с ней на коммерческой основе, коллективы, одновременно обслуживающие ряд фирм и т.д. Причем постоянно происходит процесс отпочкования от фирм научно-исследовательских групп, работающих на самостоятельной основе.

Плюрализация отношений в сфере НИОКР обусловлена, с одной стороны, творческим характером труда в этой области деятельности, эффективность которого определяющим образом зависит от адекватности экономической формы, в которой он осуществляется; с другой, – от характера орудий научного труда. Компьютеризация научной сферы и НИОКР, оснащение приборами, основанными на микроэлектронике, явились материальной основой увеличения возможностей получения информации, повышения эффективности работы и многообразия организационных форм. В России в сфере НИОКР данные процессы только начинают развиваться.

Вместе с тем существует опасность внедрения в сферу взаимосвязей науки и производства посреднических структур, носящих сугубо спекулятивный характер, которые будут диктовать условия реализации научной продукции и науке и производству.

Важным компонентом научно-технического потенциала, формирующим движение в направлении постиндустриального общества, является инновационная активность, от которой зависит внедрение результатов исследований и разработок в производство, т.е. НТП в реальном секторе экономики.

В нынешних условиях инновационная активность в России находится на крайне низком уровне как в количественном, так и качественном отношении. Разработку и внедрение технологических инноваций осуществляют всего 5% промышленных педприятий. Почти 2/3 из них сконцентрированы в машиностроении (44,1%) и пищевой промышленности (19,4%), химии и нефтехимии (7,4%), в легкой промышленности (6,5%). Доли остальных колеблются в пределах от десятых долей процента в микробиологии, электроэнергетике, стекольной, фарфоро-фаянсовой, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности до 3,5% в промышленности стройматериалов.

Наиболее распространенная форма инновационной деятельности – исследования и разработки.

Другая форма – технологическая подготовка и осуществление пробного производства с помощью приобретенных машин, оборудования, связанных с внедрением инноваций, используется на 48,7% инновационно-активных предприятий. Наибольшая доля инновационных затрат (57%) связана с расходами на технологическую подготовку, пробные испытания и т.д.

В месте с тем крайне слабо развиты инновации, определяющие перспективы технологического развития, т.е. связанные с получением новых технологий (включая патентные и беспатентные лицензии). На них приходится всего 2,3% затрат на инновации; 42,4% их сосредоточено в машиностроении и металлообработке, 19,6% – в топливной промышленности, 13,9% – в химии и нефтехимии.

Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности крайне низок – 2,2% (за январь–сентябрь 1997 г.), в том числе: в черной металлургии – 3,4%, машиностроении и металлообработке – 6,8, микробиологической – 15,1, пищевой – 2,3, легкой – 2,2%. При этом доля принципиально новой или

вновь внедренной продукции равна 7%, а продукции значительно усовершенствованной – около 5%.

Причины крайне низкой инновационной активности заключаются в недостатке средств предприятий и в недоступности для них более передовых западных технологий. России преимущественно продают технику, но не технологии. В настоящее время основным источником финансирования инновационной деятельности являются собственные средства предприятий – 77% затрат на инновации, 12% составляют иностранные инвестиции. Поддержка инновационной деятельности предприятий из средств бюджета не превышает 6% инновационных затрат, в том числе из средств федерального бюджета 4%, из средств бюджетов территорий – 2%. В свете создавшегося положения следует, на наш взгляд, селективно поддержать обновление тех отраслей и производств, которые наиболее важны с точки зрения осуществления технологических прорывов, реструктуризации экономики и восстановления экономического потенциала страны на качественно новом уровне.

5.3. Трудовой потенциал

По образовательной и профессионально-квалификационной занятости Россия в начале 90-х годов находилась примерно на уровне индустриально развитых стран конца 70-х – начала 80-х годов. При этом необходимо отметить, что в ряде областей науки (особенно научно-естественного профиля), техники, производств ВПК профессионально-квалификационный и образовательный уровень занятых был не ниже, а в ряде случаев и выше уровня развитых стран. Вместе с тем необходимо отметить, что характерной чертой состояния рабочей силы на том этапе являлась ослабленная и искаженная трудовая мотивация, что выражалось в ослаблении ответственности, инициативности, предприимчивости, творческого отношения к труду. Все это было вызвано отсутствием условий для творческой самореализации в силу всеобщего огосударствления экономических и социальных отношений.

За период 1990–1997 гг. произошли серьезные изменения в трудовом потенциале страны. В конце 1997 г. численность экономически активного населения составила 71,4 млн человек или 48% от общей численности населения; 65 млн человек (91,0%) были заняты в экономике и 6,4 млн человек (9,0%) не имели занятия, но активно его искали[3]. Официально зарегистрированы службой занятости в качестве безработных 2,0 млн человек или 2,8% экономически активного населения, кроме того, в 1997 г. за границей находились 21,1 тыс. человек. Контракт на работу в качестве специалистов заключили 29% выехавших граждан, в качестве рабочих – 55%. Около 72% выехавших имели высшее и среднее специальное образование.

Обвальный спад в экономике не сопровождался соответствующим спадом занятости. В производстве по ряду экономических и социальных причин сохраняется резервная рабочая сила. По экспертным оцен-

[3] По методологии МОТ данный контингент классифицируется как безработные.

кам, в 1990 г. удельный вес лишней рабочей силы в отраслях материального производства составлял около 30%. По нашей оценке, в настоящее время резервная рабочая сила в прозводстве при данном технологическом уровне составляет около 10–15%.

Ухудшились характеристики трудового потенциала по состоянию здоровья занятых. На фоне повышения заболеваемости и смертности населения за период 1990–1997 гг. особенно ухудшились эти показатели у контингентов населения трудоспособного возраста, детей и подростков. Например, число лиц, впервые признанных инвалидами, на 10000 человек населения возросло за этот период на 51,8%, в том числе детей в возрасте до 16 лет – более чем в 2 раза.

Произошло ухудшение возрастных характеристик трудового потенциала. Если в начале 90-х годов удельный вес возрастных контингентов от 15 до 54 лет в составе занятых составлял 88,2%, а более старших возрастов 11,8%, то в 1997 г. соответственно 56% и 23,6%, в том числе доля лиц наиболее дееспособного возраста (20–49 лет) соответственно 73,8% и 52,4%.

Вместе с тем в 90-х годах продолжается процесс повышения уровня образования работников. В трудовой потенциал включается молодежь, имеющая высшее, среднее специальное и среднее образование. Однако интенсивная внешняя миграция значительно сокращает численность лиц с высшим и средним специальным образованием.

Позитивным для перспектив развития трудового потенциала России является то, что значительная часть молодежи не потеряла ориентацию на продолжение образования, о чем свидетельствуют данные о конкурсе на вступительных экзаменах в вузах (в 1992 г. на 100 мест было подано 185 заявлений о приеме, в 1997 г. – 188), а также увеличение численности студентов высших учебных заведений (в 1992/93 учебном году на 10000 населения приходилось 178 студентов, в 1997 г. – 207). Численность студентов средних специальных учебных заведений за тот же период несколько сократилась (соответственно 141 и 137 человек).

В то же время резко падает численность лиц подросткового возраста, ориентированных на получение полного среднего образования. Если в конце 80-х годов среднее образование получали более 80% молодых людей в возрасте до 18 лет, то в 1995 г. – только 65%.

По данным социологических опросов, 27% детей хотят или будут вынуждены покинуть школу после 9 классов. В связи с этим в ближайшее десятилетие трудовой потенциал России будет в значительной степени пополняться за счет малообразованной молодежи с подорванной трудовой мотивацией. С учетом того, что весьма низким становится престиж инженерно-технического и научного труда, наметившиеся негативные тенденции изменения трудового потенциала идут вразрез с общемировыми тенденциями интеллектуализации общественного труда и усложняют в дальнейшем обеспечение социально-экономического прогресса страны.

За прошедший период существенно изменился характер хозяйственного поведения населения. В конце 80-х – начале 90-х годов для основной массы трудоспособного населения было характерно отсутствие

инициативности, соответствующих знаний, квалификации, навыков функционирования в рыночной экономике, притом это касалось не только рядовых работников, но и руководителей производства. В современных условиях, когда для основной массы населения встала проблема просто физического выживания, в народе проявилась масса способностей к предпринимательской деятельности и к выживанию в сложной ситуации. Все это свидетельствует о том, что население обладает большим потенциалом, а в определенной степени знаниями и навыками для деятельности в разных экономических формах рыночного хозяйства.

Глава 6

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Состояние производственного потенциала в России к 90-м годам свидетельствовало о необходимости осуществления комплексного и динамичного изменения его технико-технологических и структурных характеристик в целях создания материальных основ перехода к новому типу экономического роста, обеспечивающему:

усиление социальной направленности экономического развития;

максимизацию экономического, социального, экологического и иных видов эффекта, получаемого на затрачиваемые ресурсы;

формирование благоприятной жизненной среды.

В качестве первоначальных должны были решаться задачи преодоления отставания отраслей и сфер хозяйства, непосредственно влияющих на условия и уровень жизни населения; устранения гипертрофии в структуре народного хозяйства производства средств производства для средств производства и военно-промышленного комплекса; обновления технической и технологической базы капитального строительства; концентрации внимания и ресурсов на развитии электроники, информатики и других направлений, открывающих перспективы перехода к постиндустриальной стадии развития.

Сложность ситуации заключалась в том, что существовавшая огосударствленная социально-экономическая система не содержала внутренних сил, достаточных для решения этих задач. Она оказалась неспособной к реализации современных моделей экономического роста, созданию механизмов своевременного и эффективного освоения и распространения в народнохозяйственных масштабах новых научно-технических достижений.

Создание предпосылок повышения эффективности функционирования производственного потенциала и общественного воспроизводства предполагало изменение существовавших экономических отношений, замену административных методов регулирования народного хозяйства принципиально новой системой, сочетающей рыночные механизмы и государственное регулирование макропроцессов (преимуще-

ственно косвенными методами), которая должна была обеспечить эффективное распределение и использование ресурсов (материальных, финансовых, трудовых). Институциональные преобразования, реализующие данное направление экономических реформ, должны были сформировать для хозяйственных субъектов новые рыночные ориентиры и мотивации эффективной деятельности, полноценную рыночную среду их функционирования.

Формирование неущербной рыночной среды функционирования субъектов хозяйствования является обязательным условием обеспечения комплексности и целенаправленности преобразования всех сторон экономических отношений, включая становление новых отношений собственности, изменение способа экономического оборота, развитие предпринимательства и конкуренции и т.д. При отсутствии такой среды любые изменения в экономических отношениях теряют или меняют реальное содержание и из стимулов и механизмов развития могут превратиться в стимулы и механизмы экономической деградации.

6.1. Механизмы и последствия разрушения производственного потенциала

К сожалению, модель экономического реформирования в России не была ориентирована на формирование совокупности стимулов повышения активности и эффективности производственной и хозяйственной деятельности предприятий и других хозяйственных субъектов. В идеологии экономических реформ преобладало деструктивное начало. Механизмы экономических преобразований (либерализация цен, приватизация, подавление инфляции, преодоление дефицита госбюджета и др.) использовались таким образом, что активизация производственной деятельности и инвестиции в реальный сектор были невыгодными. В результате они стали механизмами разрушения материального базиса российской экономики, деградации всех факторов производства.

Наиболее разрушительное воздействие на экономику оказали перманентный отток громадных финансовых ресурсов из сферы материального производства и распад фундаментальных связей и пропорций общественного воспроизводства, что неизбежно наносило все увеличивающийся ущерб производственному потенциалу страны.

В этом направлении действовало несколько механизмов, включенных на старте реформ. Среди них прежде всего следует выделить использовавшиеся механизмы либерализации цен и приватизации. Эти механизмы быстро дополнились механизмами, породившими систему взаимных неплатежей. Либерализация цен лишила предприятия оборотных средств и обесценила их основные производственные фонды[1]. Механизмы приватизации способствовали перекачке прибыли пред-

[1] В течение двух лет с момента либерализации цен не проводилось индексации стоимости основных фондов, в результате чего у предприятий фактически исчезли амортизационные отчисления.

приятий в госбюджет, а затем, через спекулятивный оборот ваучеров – в коммерческие структуры. Занижение стоимости приватизируемых объектов до сих пор является источником обогащения крупных собственников. Далеко не последнюю роль сыграл в отвлечении финансов от реального сектора механизм покрытия дефицита госбюджета посредством выпуска государственных ценных бумаг, доходность которых существенно превышала рентабельность предприятий.

Как видим, уже на начальных стадиях реформ объектом нефункционального перераспределения была не только прибыль хозяйствующих субъектов, но и фонд возмещения затрат на производство. В последние годы в процесс перераспределения оказался вовлеченным и необходимый продукт – источник воспроизводства рабочей силы: невыплата заработной платы стала неизбежным следствием действия используемых методов реформирования.

Следствием негативного воздействия принятых методов экономических преобразований на экономику стало быстрое углубление кризисной ситуации в реальном секторе. Проявления экономического кризиса, характерные для дореформенного периода, дополнились новыми, еще более глубокими деформациями и диспропорциями в сфере материального производства. Накопление кризисных элементов превратилось в нарастающий процесс, в результате которого многие параметры функционирования реального сектора (инвестиционный спад, сужение воспроизводства основных фондов предприятий) упали до предельных значений.

Длительность кризиса в сфере материального производства и углубление вызываемых им диспропорций и отклонений в осуществлении процесса воспроизводства отразились на процессе общественного воспроизводства в целом, деформировали макропропорции функционирования экономики. Кризис вышел за пределы реального сектора. Симптомами этого процесса стали: нарастание кризисной ситуации в банковской сфере, рост числа разоряющихся банков, рост внутреннего и внешнего государственого долга и расходов по его обслуживанию, критически низкий уровень доходов госбюджета, не покрывающий минимальных потребностей государства в финансировании расходов, и др. Все это привело к глубокому финансовому кризису, начавшемуся в августе 1998 г., положившему начало новому витку системного экономического кризиса.

Еще более обострились проблемы инвестиционного обеспечения реального сектора, разрушения банковской и финансовой систем страны, девальвации рубля, внешнего долга.

Глобальный экономический кризис и его последний виток существенно усложнили ситуацию с формированием материальных основ становления смешанной экономики, с решением проблем обновления технических, технологических и структурных параметров производственного потенциала, накопленного в дореформенный период. Проблема преодоления деформаций и дефектов материальной базы производства, характерных для периода огосударствленной системы, трансформировалась прежде всего в проблему поддержания и восстановления ос-

новательно разрушенного и продолжающего разрушаться производственного и научно-технического потенциала страны.

В истекшие годы реформ возникла реальная опасность негативного изменения экономического типа страны, приобретения им черт, характерных для стран с полуколониальной экономикой, среди которых:

деградация структуры народного хозяйства;

беспрецедентное по масштабам падение объемов производства;

практический паралич инвестиционной активности хозяйственных субъектов;

тяжелейшее финансовое состояние большинства промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий;

разрушение российского научно-технического потенциала;

рост внешней финансовой задолженности, подрывающей экономическую и политическую самостоятельность страны.

Значение структурных изменений в экономике трудно переоценить. Их характер, масштабы, глубина и направленность определяют возможности и тип экономического развития, степень экономической безопасности, решение проблем занятости и т.д.

В нормальных экономических условиях изменения в структуре народного хозяйства и реального сектора экономики основываются на изменении структуры инвестиций в целях осуществления научно-технического прогресса в разных отраслях и секторах экономики.

Структурная перестройка является важнейшим компонентом экономической политики развитых стран. Государство в этих странах формирует направления структурной перестройки на стадии научных исследований, направляя структурные изменения в заданное русло. Основные тенденции и направления структурных изменений в современной промышленности – ориентация на развитие ресурсосберегающих, экологически чистых технологий, на расширение производства наукоемкой продукции, прежде всего микроэлектронной техники и технологии.

Российская экономика переживает тяжелейший структурный кризис. Структурные деформации затронули все сферы и отрасли экономики. Нарушены нормальные пропорции развития реального сектора и сферы обращения, пропорции между отдельными отраслями национального хозяйства (промышленностью, строительством, сельским хозяйством, транспортом), пропорции внутри этих отраслей.

Механизм структурных изменений в современной России – неравномерный спад производства в различных отраслях и сферах хозяйства. Неравномерность стихийного процесса сокращения производства в отраслях промышленности качественно изменяет ее структуру: произошел очевидный сдвиг пропорций в пользу сырьевых отраслей и отраслей первичной переработки, производящих промышленную продукцию. Наибольший спад произошел в отраслях, выпускающих инвестиционную подукцию (машиностроение, стройматериалы) и потребительские товары (пищевая и особенно легкая промышленность).

Развитие регрессивного характера пропорций между обрабатывающими отраслями промышленности и ее топливно-энергетическим се-

ктором дополняется негативными качественными изменениями характера пропорций в обрабатывающей промышленности. В ней наблюдаются более высокие темпы спада и сокращение удельного веса отраслей с высокой степенью переработки, наукоемких отраслей, аккумулирующих высокие технологии (авиастроение, космическая промышленность, материаловедческая и др.). Соответственно растет удельный вес отраслей первичных переделов, особенно отраслей с экологически вредным производством (металлургия – черная и цветная, некоторые отрасли химической промышленности и др.).

Структурные сдвиги в данном направлении приняли характер устойчивой тенденции. Они равнозначны разрешению основных факторов экономического роста, уничтожению предпосылок реализации его современных тенденций, закреплению сырьевого характера структуры промышленного производства. Все это подрывает возможности обновления российского производственного потенциала.

Процесс деградации структуры промышленного производства продолжается, поскольку проблема преодоления неуправляемого сокращения масштабов промышленного производства далека от своего решения. Более того, на современном этапе экономического кризиса усиливается действие факторов, способных перевести структурный кризис в новую фазу. Прежде всего имеется в виду сокращение конечного спроса.

На микроуровне платежеспособный спрос потребителей конечной продукции опускается на предельно низкий уровень вследствие опережающего роста цен на потребляемые материальные ресурсы по сравнению с ценами на конечную продукцию и более высоких темпов роста себестоимости продукции по сравнению с темпами роста цен на реализуемую продукцию.

На макроуровне усиливается бюджетный кризис, сокращающий государственные расходы, и без того не обеспечивающие выполнение государством его экономических и социальных функций. В первом квартале 1997 г. расходы федерального бюджета составили 12,4% ВВП против 14% за первый квартал 1995 г.

Кроме того, статистика фиксирует действие ряда факторов, связанных с процессом ценообразования, снижающих конкурентоспособность промышленной продукции на мировых рынках, а также ограничивающих спрос на нее на внутреннем рынке. Эти колебания мировых цен на продукцию ряда отраслей (химической, нефтехимической, целлюлозно-бумажной, цветной металлургии), более высокий уровень издержек производства на некоторые виды продукции по сравнению с уровнем экспортных цен в дальнем зарубежье (прокат черных металлов, стальные трубы, первичный аллюминий, рафинированная медь, никель – на 32%–70%) и оптовых цен предприятий по сравнению с мировыми ценами на ряд товаров (некоторые виды стали, олово, цинк и др. – на 15% – 40%).

Продолжение данной тенденции изменения ценовой конъюнктуры на мировых рынках неизбежно приведет к сокращению рынков сбыта российской продукции, а начавшийся быстрый рост цен на отечествен-

ную продукцию на внутреннем рынке ослабит ее конкурентоспособность с импортируемой продукцией даже в случае дальнейшего повышения таможенных пошлин.

Достижение предельного уровня платежеспособного спроса потребителей конечной продукции и сокращение рынков сбыта отечественной промышленной продукции в дальнейшем могут вызвать новую волну спада производства.

Продолжение структурного кризиса в российской экономике существенно осложняет проблему создания материальных предпосылок становления смешанной экономики и смешанного общества, решение которой предполагает преодоление возникшей тенденции превращения структуры российского производства в структуру, типичную для стран третьего мира. Без решения этой проблемы экономика России будет полностью зависеть от внешнего рынка: с одной стороны, от конъюнктуры сырьевых рынков в силу переориентации структуры производства на экспорт сырьевых ресурсов, с другой, – от внешних производителей инвестиционной продукции, с третьей, – от импорта продовольственных и других товаров народного потребления. Такая деградация структуры экономики сделает невозможным переход к прогрессивному типу экономического роста, в основе которого лежит становление смешанной экономики. Поэтому преодоление тенденций, ведущих к негативным переменам в производственном потенциале страны, превратилось в одну из центральных предпосылок ее развития по прогрессивному и исторически перспективному варианту.

Решение данной проблемы неотделимо от принципиальных изменений в процессах распределения и перераспределения финансовых ресусов, в финансовой политике, функционировании финансовой системы и ее взаимосвязей с реальным сектором экономики. Именно ухудшение финансового состояния реального сектора вследствие проводившейся экономической, в частности финансовой, политики и особенностей созданной финансовой системы стало прямой причиной разрушения производственного потенциала.

Качественные изменения финансового состояния промышленных и других предприятий свидетельствуют о реально происходившем углублении кризиса финансовой системы, о достижении предельных значений сокращения источников финансирования не только расширенного, но и простого воспроизводства на уровне предприятий.

Кризис финансов предприятий оказал крайне негативное воздействие на состояние финансов в общенациональных масштабах.

В результате ситуация, нагнетавшаяся постепенно, резко обострилась в августе 1998 г., когда возраставшее напряжение в различных аспектах финансовых и производственных взаимосвязей, функционировании финансовых структур и платежных способностях государства было взорвано новым финансовым и системным кризисом.

Постепенно нарастали деформации процесса денежного обращения, поскольку расчеты между предприятиями все больше осуществлялись вне сферы денежного обращения. Векселя и другие заменители денег стали выполнять роль параллельных денег, не имеющих обрат-

ной связи с денежным рынком. Неплатежи превратились в своеобразный источник обеспечения предприятий оборотными ресурсами.

В российской экономике стихийно формировалась система связей и механизмов, отличных как от бывших огосударствленных административных, так и от нормальных рыночных. Данная система заполняет вакуум, образовавшийся из-за недостаточности и некачественности государственного регулирования, низкой результативности экономической политики.

Финансовая система страны оказалась не в состоянии выполнять свою функциональную роль в структуре общественного воспроизводства, в аккумуляции финансовых ресурсов, их распределении на рыночной основе между отраслями и сферами хозяйства, а также в финансовом обеспечении простого и расширенного воспроизводства с помощью финансово-кредитных и фондовых институтов.

Финансы в значительной мере обслуживали свое собственное движение, функционировали автономно, изолированно от реального сектора.

Развитие финансового сектора за счет материального производства привело к глубоким деформациям процесса общественного воспроизводства, всей системы экономических отношений, которые правомерно отнести к более глубинным проявлениям экономического кризиса:

собственность на капитал все более концентрировалась в финансовой сфере и функционировала в основном в денежной форме. Большая часть капитала перестала трансформироваться в производственную форму, что блокировало возможности его реального накопления и ограничивало последнее только денежной формой;

денежное обращение стало в меньшей мере обслуживать и опосредовать производство и обращение товаров;

масштабы роста ссудного капитала расширились далеко за пределы потребностей общественного воспроизводства, даже с учетом того, что в рыночной экономике постоянно существует его избыток. Практически бóльшая часть ссудного капитала использовалась исключительно в спекулятивных операциях;

деформированы источники роста ссудного капитала: он увеличивался не за счет реального накопления, а за счет перераспределения ресурсов из производства, за счет обмана вкладчиков и т.д. Накопление денег оторвалось от реального накопления.

Логическим завершением нарастания деформаций во взаимодействии финансового и реального секторов российской экономики мог стать острый кризис финансового сектора, поскольку возможности его паразитирования на финансовых ресурсах реального сектора приблизились к исчерпанию. Однако не было принято никаких мер по смягчению обострявшихся противоречий и деформаций.

Не последнюю роль в финансовых и экономических событиях сыграла абсолютизация монетаристских методов регулирования экономики. Следствием сосредоточения усилий на снижении инфляции посредством сокращения денежной массы и уменьшения дефицита госбюдже-

та любой ценой явилось отсутствие государственной структурной политики, инвестиционной политики, не говоря уже о научно-технической политике. Ни в одной цивилизованной экономике эти процессы не пускаются на самотек и являются объектами непременного государственного регулирования. Об этом свидетельствует опыт использования монетаризма в США и других развитых странах для регулирования экономики. Во-первых, в этих странах данный метод применялся в условиях, которые по сравнению с российским кризисом можно назвать процветанием; во-вторых, даже незначительные по нашим меркам депрессивные явления в реальном секторе были серьезным основанием для принятия активных мер, противодействующих спаду производства; в-третьих, в этих странах не прекращалась инвестиционная деятельность и ситуация в реальном секторе контролировалась и регулировалась государством.

В России монетаристские методы начали использоваться в условиях, когда масштабы спада производства были уже более значительными, чем масштабы спада производства в Англии и в США к концу периода доминирования монетаристских методов регулирования. Естественно, что в этих условиях спад производства превысил все допустимые и более или менее безопасные для нормального воспроизводства пределы. Такую цену за снижение инфляции не стала бы платить ни одна из развитых стран. В экономических условиях России монетаристские методы в случае их использования должны были сочетаться с методами, ограничивавшими масштабы спада производства. Нарушение этой предпосылки привело к тому, что объект оздоровления сократился наполовину, оставшаяся часть продолжает деградировать, разрыв между ее состоянием и современными основами экономического роста увеличивается. Это беспрецедентный метод экономической стабилизации ценой утраты ее объекта.

По существу разные подходы к оздоровлению и обновлению экономики и лишь формальное сходство в использовании монетаристских методов Западом и Россией дали резко различные результаты. Англия и США, не допустив значительного экономического спада, не имели проблем восстановления промышленного производства и могли активизировать структурную перестройку в направлении повышения доли наиболее прогрессивных отраслей экономики и технологического обновления других. В России беспрецедентное сокращение масштабов производства, фактически стимулировавшееся проводимой политикой, отодвинуло позитивную структурную перестройку на неопределенный срок, усложнив ее осуществление задачами восстановления промышленности, сельского хозяйства, инвестиционной сферы, научно-технического потенциала.

Хотелось бы возразить сторонникам использования исключительно монетаристских методов регулирования экономики, интерпретирующих кризисное состояние российского производства вполне естественным приспособлением его структуры, объемов и других параметров к потребностям рынка. Уязвимое место данной интерпретации состоит в том, что механизмы разрушения российского производства

имеют мало общего с механизмами функционирования рынка. Происшедшее в России не было результатом естественного, регулируемого рынком и рыночной конкуренцией процесса сокращения производства и вымывания ненужных отраслей. Механизмами экономического обвала в России, как уже отмечалось, были, с одной стороны, обесценивание средств населения и предприятий в результате либерализации цен в 1992 г., с другой стороны, спекулятивное, невозможное для развитых стран перекачивание ресурсов из сферы материального производства в сферу обращения. Это механизмы особого рода, являющиеся продуктом недальновидной экономической политики.

В результате "ненужными" оказались прежде всего наукоемкие производства, производство инвестиционной продукции, т.е. материальная основа реализации современных тенденций экономического роста.

Выход из создавшейся ситуации видится только в радикальном изменении концепции государственного регулирования российской экономики и переходе к стратегии становления смешанной экономики, действительно современной рыночной системы хозяйства.

6.2. Экономические приоритеты восстановления и наращивания производственного потенциала

Принципиальная смена приоритетов экономической политики в целях поддержки, обновления, реструктуризации и развития производственного потенциала должна быть осуществлена по следующим направлениям:

отказ от доминирующей роли монетаристских методов регулирования экономики и выдвижение на первый план активной и, главное, реально действенной структуры инвестиционной и научно-технической политики государства;

перенос акцента в процессе государственного регулирования с финансовой стабилизации производства[2];

ориентация структурной политики на преодоление тенденций формирования структуры производства с ведущей ролью сырьевого сектора и на восстановление и рост производственного и научно-технического потенциала отраслей и предприятий, обеспечивающих возможности дальнейшего развития научно-технического прогресса, высоких технологий[3];

---

[2] В связи с этим отметим, что периодически наблюдающееся снижение темпов спада производства и даже элементы незначительного оживления в отдельных отраслях не являются основанием для оптимизма, поскольку в целом перелома негативных тенденций до сих пор не происходило. Структурный, инвестиционный и научно-технический кризис продолжается.

[3] Примером такого подхода к регулированию экономики может служить опыт стран Западной Европы середины 70-х годов, когда четко проявившееся технологическое отставание этих стран от США и Японии обусловило перенос акцентов в регулировании на развитие производственной и научно-технической сфер. Переориентация происходила в соответствии с концепцией "технологической Европы".

реализация метода оживления производства посредством расширения инвестиционного и потребительского спроса одновременно со стимулированием разработки, предложения и реализации новых технологических решений;

усиление акцента в государственном регулировании инвестиционной деятельности на восстановление источников накопления на уровне предприятий и других хозяйственных субъектов при одновременном создании благоприятных условий для вложения частного иностранного капитала непосредственно в реальный сектор.

Реализация названных приоритетов предполагает необходимость радикальной корректировки механизмов макрорегулирования их ориентации на восстановление реального сектора.

Безусловно, приоритетное значение имеет разработка системы мер по нейтрализации и устранению причин разрушения материальных и финансовых основ функционирования реального сектора и, прежде всего, промышленности, мер, которые позволили бы активизировать процесс формирования источников простого и расширенного воспроизводства в реальном секторе.

На данном направлении существенный положительный эффект может дать реформирование налоговой системы в сторону сокращения налогового бремени и стимулирования роста производства и инвестиций в основной капитал.

Реалистично оценивая возможности позитивного воздействия на производство налоговых инициатив, необходимо отметить и признать, что они будут действительно эффективны только в том случае, если одновременно с ними будет разработана и осуществлена не менее эффективная система административных и экономических мер по радикальному сокращению масштабов теневой экономики, во всех без исключения ее проявлениях: в сокрытии и уводе доходов от налогообложения, в том числе и посредством использования посреднических, нередко криминальных структур; нелегальном вывозе капиталов за рубеж; разрастающихся масштабов бартерного обмена между предприятиями, не учитываемыми в отчетности объемов производства и реализации продукции и т.д.

Однако облегчение налогового бремени, возможно, несколько сократит степень сокрытия доходов предприятий от налогообложения, но радикального изменения в масштабы теневой экономики не внесет. А это означает возможность того, что около половины всех доходов, создаваемых в экономике, в том числе в промышленности, может быть изъято из легального хозяйственного оборота. Соответственно сократятся финансовые источники обеспечения расширенного воспроизводства и доходы бюджетов всех уровней. Угроза столь значительных масштабов изъятия финансовых ресурсов из процесса общественного воспроизводства теневой экономикой является результатом не только и не столько недостатков налоговой системы, сколько просчетов и упущений правового регулирования различных направлений институциональных рыночных преобразований (в частности, приватизации государственной собственности, становления акционерных основ организа-

ции промышленного производства), а также формирования рыночной инфраструктуры (фондового рынка, банковской системы и др.). Налоговая реформа, усиливая стимулы к легализации доходов, тем не менее, не в состоянии преодолеть мотивации к формированию и сокращению теневой экономики. Для решения этой проблемы необходимы разработка и реализация государственной программы, обеспечивающей ликвидацию всех каналов изъятия ресурсов из легального оборота. Особое внимание в ней должно быть уделено перекрытию таких каналов утечки ресурсов, как посредническая деятельность, недостатки акционерного законодательства, связанные с неотрегулированностью отношений головных организаций с дочерними предприятиями и т.д. Меры по пресечению нелегальной хозяйственной деятельности целесообразно сочетать с механизмами, позволяющими на компромиссной основе легализовать значительную часть теневой экономики.

Важным направлением оздоровления финансовой системы является также разработка мер по радикальному сокращению бартерных отношений между предприятиями, которые не только сокращают налогооблагаемую базу, но и оказывают крайне негативное воздействие на финансовые результаты их деятельности. Механизм негативного воздействия бартера на финансовое состояние предприятий связан, в частности, с тем, что он неизбежно увеличивает сроки расчетов между ними почти в 2 раза, что существенно замедляет оборот средств предприятий. Кроме того, цены по бартеру, как правило, выше рыночных, следствием чего является рост издержек производства. Поскольку расширение бартерных связей в значительной степени является следствием дефицита наличной денежной массы в хозяйственном обороте, постольку основой его преодоления должно стать обеспечение необходимых пропорций между материальными и денежными составляющими экономического оборота и в результате вытеснение из платежных отношений квазиденежных средств, блокирующих формирование потенциала накоплений в реальном секторе. Наряду с этим необходимы и определенные штрафные или налоговые санкции сначала за расширение бартерных отношений, а затем, по мере преодоления дефицита денежной массы, – за его использование. Целесообразно и предоставление налоговых льгот за его сокращение, что не повлечет за собой снижения собираемости налогов, поскольку оно будет расширять налоговую базу.

Значительные резервы стабилизации финансовых основ развития производственного потенциала связаны с осуществлением его реструктуризации. Дело в том, что крупные и средние промышленные предприятия загружены в среднем всего на 35%. Значительная часть основных производственных фондов физически и морально изношена, не менее значительная их масса не соответствует структуре и объему спроса. Сохранение в течение длительного времени излишнего и обесцененного оборудования существенно снижает потенциал экономического развития, так как увеличивает издержки по обслуживанию и поддержанию основных фондов. В свою очередь, рост издержек производства неизбежно оказывает инфляционное давление на экономику. В связи с этим представляется целесообразным списание излишнего и

сильно изношенного оборудования, а также оборудования, не имеющего перспектив быть востребованным рынком.

Достижение прогресса в финансовой стабилизации в реальном секторе позволит активизировать процесс формирования источников инвестиционной деятельности и восстановления воспроизводственных процессов. Разумеется, обеспечение роста инвестиционной активности невозможно без формирования необходимых предпосылок на макроуровне, в частности, таких как снижение дефицита государственного бюджета, снижение ставки рефинансирования Центрального банка и др. Особая роль в восстановлении инвестиционного процесса в реальном секторе принадлежит государственной поддержке этого процесса. Одно из важных направлений такой поддержки – гарантирование эффективных инвестиционных проектов, создание для этой цели гарантийных залоговых фондов, которое будет способствовать вовлечению в инвестиционный процесс частного отечественного и иностранного капиталов. При этом целесообразна поддержка не валового роста инвестиций, а роста эффективных инвестиций, позволяющих повысить конкурентоспособность отечественной продукции и снизить издержки производства. Это предполагает повышение требовательности к эффективности инвестиционных и инновационных проектов и к качеству их экономического обоснования. Генеральным же направлением активизации инвестиционной деятельности, обновления и наращивания производственного потенциала является достижение способности предприятий и других субъектов хозяйства к самофинансированию, т.е. восстановление финансовых основ их функционирования.

Глава 7

АГРАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: СПЕЦИФИКА, СОСТОЯНИЕ, ПРЕДПОСЫЛКИ ОБНОВЛЕНИЯ

7.1. Особенности аграрного потенциала, причины и последствия его разрушения

В структуре производственного потенциала России особое место занимает аграрный потенциал.

Во-первых, его основой является специфический тип производительных сил – использование человеком биологических, физиологических и иных процессов живой природы. Особенности этого типа производительных сил делают необходимым существование и развитие сельского способа организации жизнедеятельности и жизненной среды, сельского строя жизни, охватывающего все аспекты общественных отношений, т.е. сельской общественной системы.

Во-вторых, специфика аграрного потенциала, дифференцированность природно-климатических и земельных условий предопределяют возможности и необходимость разнообразных техно-технологических, пространственных, хозяйственных, социально-экономических реше-

ний для его организации и использования. Это означает, что рациональное использование аграрного потенциала изначально предполагает развитие в рамках сельской сферы разных социально-экономических секторов и укладов. Иначе говоря, сельская сфера – это естественная среда развития смешанной экономики.

В-третьих, Россия обладает богатым и многообразным природным и земельным потенциалом, различающимся по регионам и внутри регионов. И, соответственно, российский аграрный сектор, российское село являются одним из главных источников импульсов становления в стране общества смешанного типа.

В-четвертых, в течение многих десятилетий специфика аграрного потенциала и села крайне слабо учитывалась в экономической политике, хозяйственной практике и вообще в существовавшей огосударствленной общественной системе. Развитие земледелия было подчинено доктрине неоспоримых преимуществ крупного производства, упрощенно сводимого к прямой концентрации факторов производства в рамках одного предприятия.

Структура социально-экономических форм организации земледелия была ограничена огосударствленными крупными предприятиями (колхозами и совхозами) и жестко регламентируемым, а порою и третируемым, личным подсобным хозяйством населения.

Материально-техническая база земледелия приспосабливалась к постепенному расширению масштабов сельскохозяйственных предприятий. Ее развитие длительное время ориентировалось на наращивание отдельных видов техники, а не систем машин и новых технологий. Потребности в материально-технических ресурсах личного подсобного хозяйства игнорировались. Поэтому в целом техническая и технологическая база земледелия была несбалансированной и деформированной.

Экономические отношения внутри сельского хозяйства и между ним и другими сферами народного хозяйства основывались на жесткой административной централизации всех аспектов хозяйственной деятельности, экономического оборота и процессов распределения. Необходимость рыночных начал функционирования сельскохозяйственных предприятий и эквивалентного характера связей земледелия с промышленными отраслями отрицалась или игнорировалась. Даже в 1965–1985 гг., когда доля и объемы вложений в сельское хозяйство значительно возросли, эквивалентность в отношениях с ним не была достигнута.

Наконец, перспективы самого села ставились под сомнение, ликвидировались малые поселения, предпринимались другие меры, ослаблявшие сельский потенциал.

В принципе, любого из этих обстоятельств было бы достаточно для неэффективного использования аграрного потенциала. Но, как правило, вся их совокупность оказывалась налицо. В таких условиях приходится удивляться не трудностям, которые испытывала страна в обеспечении продуктами земледелия и агропромышленного комплекса, а тому, что аграрный сектор и сельскохозяйственные предприятия смогли не только выжить, но и постепенно наращивать продуктивность и объемы производства.

К 90-м годам необходимость в аграрных преобразованиях не только назрела, но и была очевидной. Однако та аграрная политика, которая осуществлялась с 1992 г., отнюдь не благотворно отразилась на аграрном потенциале и земледелии. Эта политика имела два стержня:

декретированная и быстрая смена социально-экономических основ и форм ведения сельского хозяйства;

резкое снижение государственной поддержки села и роли государства в регулировании агропромышленных связей (в том числе ценовых пропорций) в условиях перевода экономического оборота на свободные рыночные начала. Между тем аграрная сфера не терпит диктата (и это было подтверждено многими предыдущими десятилетиями), но нуждается в эффективной государственной поддержке (об этом недвусмысленно свидетельствует как советский, так и богатый мировой опыт). Говоря другими словами, суть аграрной политики и потребности развития аграрного потенциала и аграрного сектора оказались разнонаправленными.

Бывшие колхозы и совхозы, вновь возникшие коллективные и частные предприятия оказались в тяжелейших финансовых условиях из-за резкого обострения диспаритета цен, снижения государственной поддержки, невыполнения большинства аграрных программ, обязательств государственных и коммерческих структур. С 1992 по 1997 г. цены на промышленные товары выросли в среднем в 8,4 тыс. раз, а на сельскохозяйственные – в 1,7 тыс. раз. Потери села от диспаритета цен составили 230 млрд деноминированных руб. Доля убыточных сельскохозяйственных предприятий превысила 80%.

С установлением открытости продовольственного рынка государство не предприняло никаких сколько-нибудь действенных мер для защиты внутреннего сельского товаропроизводителя. При высокой материало- и трудоемкости отечественного производства (затраты кормов в 2–3 раза, а труда в 4–5 раз, в том числе в животноводстве – почти в 10 раз выше, чем в странах–экспортерах) российским товаропроизводителям стало невозможно сохранять свои позиции на продовольственном рынке. В то время как в странах–экспортерах действует эффективная система бюджетной поддержки и экспортных субсидий аграрному сектору, которая позволяет зарубежным поставщикам существенно снижать цены, в том числе продавать часть продукции по демпинговым ценам, представлять дешевые кредиты, различные скидки и отсрочки платежей покупателям их продукции, в России не оказывается поддержки собственному производству и реализации продовольственных товаров. В результате перед августовским (1998 г.) финансовым кризисом около половины, а в крупных городах до 70–80% потребности в продовольствии удовлетворялось за счет импорта.

В условиях рынка при переходе на многоканальный свободный сбыт продукции сельские товаропроизводители были оттеснены не только внешними конкурентами, но и внутренними посредниками. Многочисленные посреднические фирмы, возникшие в центре и регионах, стали монополистами на рынке средств производства для аграрной сферы, диктующими невыгодные для сельских товаропроизводи-

телей условия и повышающими цены для конечных потребителей. Сложилась парадоксальная ситуация: свобода в организации производственного процесса и сбыта продукции, которой так не хватало в прошлом и предоставление которой (даже частично) могло стать началом преодоления существовавшего аграрного кризиса без дополнительных вложений, в условиях так называемой либерализации экономики стала способом удушения сельскохозяйственных предприятий и углубления аграрного кризиса. Результатом этой ситуации было падение аграрного потенциала сельскохозяйственного производства и уровня потребления продовольственных продуктов населением.

Объем ВВП сельского хозяйства с 1990 по 1997 г. понизился почти на 40%, на 1/3 упала производительность сельскохозяйственного труда. Несмотря на рост импорта продовольствия, произошло резкое снижение потребления пищевых продуктов значительной части населения России. Общее потребление продовольствия в среднем на одного жителя страны уменьшилось примерно на 1/3. В 80-х годах по этому показателю Россия была на 6–7 месте, а к середине 90-х годов оказалась на 40 месте в мире.

Резкое ухудшение экономической ситуации в стране с 17 августа 1998 г., неурожай большинства сельскохозяйственных продуктов делают проблему восстановления аграрного сектора страны наиболее приоритетной. В августе по сравнению с июлем импорт сократился на четверть. Большая часть этого сокращения приходится на продовольственные товары.

Коллапс банковской системы, сепаратизм некоторых региональных властей, запрещающих вывоз продовольствия за пределы их территории, снижают возможность сельских товаропроизводителей эффективнее реализовать урожай, занять место внешних поставщиков на рынке мясных, молочных, яичных товаров, затрудняют обеспечение этими и другими пищевыми продуктами населения крупных городов.

Аграрный производственный потенциал России, который и до реформирования значительно отставал от развитых стран мира как по количественным, так и по качественным показателям, в последние годы быстро разрушается, выбывают из сельскохозяйственного оборота бывшие плодородные земли, падение поголовья скота идет нарастающими темпами, а изношенные сельскохозяйственные техника и оборудование не восстанавливаются.

Процесс реструктуризации и реформирования сельскохозяйственных предприятий превратился в процесс их фактического разрушения. Больше половины сельскохозяйственной продукции сейчас выращивается в мелких личных подсобных хозяйствах и на садово-огородных участках, в которых почти отсутствуют современные технические средства и используются примитивные орудия.

В XX веке всеобщей проблемой в мире стало резкое ухудшение природных и социальных условий производства продовольствия вследствие урбанизации, сокращения сельскохозяйственных угодий, увеличения антропологических и техногенных нагрузок на почву. Процесс сокращения земель, находящихся в активном сельскохозяйственном

использовании, в России происходил постоянно, но его темпы в последнее десятилетие существенно выросли. С 1985 по 1997 г. из сельскохозяйственного оборота выбыло около 9 млн га, в том числе свыше 6,5 млн га пашни. В первой половине 80-х годов на одного жителя приходилось свыше 1 га, а в 1997 г. этот показатель снизился до 0,85 га пашни. И это при сокращении численности населения в стране.

Резкое сокращение государственного финансирования программ и мероприятий по воспроизводству и повышению плодородия, осуществления противоэрозийных мероприятий, мелиорации, сведение до минимума внесения минеральных и органических удобрений в 90-х годах привели к тому, что состояние земельного фонда стало быстро ухудшаться. Вынос из пашни питательных веществ стал превышать их поступление в 4–5 раз. В 1997 г. сельским товаропроизводителям было продано минеральных удобрений лишь 28,8% от объема продаж в 1992 г.

Из федерального и из региональных бюджетов почти перестали выделяться средства на мелиорацию и другие почвозащитные мероприятия.

В итоге в последнее десятилетие одному из важнейших богатств России, основному производственному ресурсу аграрного сектора – земельному фонду был нанесен большой ущерб, что стало существенной причиной падения сельскохозяйственного производства и проявлением экономических и социальных неудач реформирования села.

Усиление диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию негативно отразилось на животноводстве. С 1992 г. самый низкий темп рост закупочных цен был по таким продуктам, как мясо, молоко, яйца, в то время, как цены на корма росли значительно быстрее. Это привело к росту убыточности животноводства и резкому сокращению поголовья животных и птицы. Так, в 1997 г. по сравнению с 1992 г. численность крупного рогатого скота составила 51,2% (в том числе коров – 58,4), свиней – 43, овец и коз – 22,3%.

Происходит ухудшение состояния технического потенциала аграрного сектора, что подтверждается количественными и качественными показателями. За последние 7 лет парк тракторов сократился на 36%, зерноуборочных комбайнов – на 41%. Нагрузка пашни на один трактор выросла на 25%. В несколько раз выросли сверхнормативные сроки эксплуатации сельскохозяйственной техники. Большинство основных фондов имеют высокую степень физического и морального износа.

Многие сельскохозяйственные предприятия (как малые, так и крупные) сейчас не в состоянии приобретать в собственность ставшую для них очень дорогой технику. В настоящее время создаются машинно-технологические станции. На начало 1998 г. было организовано 287 таких станций, еще около 200 находятся в стадии регистрации, но их число совершенно недостаточно, а плата за пользование и аренду техники очень высока. Существенно улучшить техническое обслуживание сельскохозяйственных предприятий, включая фермерские и крестьянские хозяйства, они не могут.

С конца 60-х годов в стране стали создаваться механизированные животноводческие комплексы, птицефабрики, применяться новые технологии в растениеводстве и животноводстве. Хотя это коснулось лишь незначительной части колхозов и совхозов, но там, где применялись технико-технологические новшества, производительность труда поднималась в 4–5, а в отдельных случаях в 10 и более раз. Такие хозяйства располагали наиболее ценной частью производственно-технологического и кадрового потенциалов села и требовали особого, наиболее взвешенного подхода при смене форм хозяйства и собственности. Но и к ним были применены отмеченные ранее основные принципы аграрной политики. В результате многие из хозяйств распадались на более мелкие, рушились новые технологии, разрывались установившиеся в прошлом производственные связи, что привело к невозможности соблюдения строгих производственных правил и нормативов, и эти хозяйства утратили свои преимущества по производительности труда и другим показателям или вообще перестали существовать. В некоторых регионах страны, в частности в Белгородской, Орловской, Воронежской областях, местные власти уже с 1994 г. обратили внимание на восстановление производственного потенциала животноводческих комплексов и птицефабрик, а также их прежних связей с поставщиками кормов, сырья и полуфабрикатов. В настоящее время в Московской, Ленинградской, Тверской и Орловской областях возникают интеграционные связи птицефабрик с торговыми и банковскими структурами, что, как правило, положительно отражается на их работе, но не меняет тяжелой ситуации в аграрном секторе.

Научно-технический потенциал АПК сосредоточен в основном в системе научно-производственного и учебного обслуживания села. Практически во всех регионах имеются станции по селекции и семеноводству, по борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных, защиты растений, ветеринарные лаборатории, НИИ, проектно-конструкторские и опытные хозяйства, сельскохозяйственные техникумы и т.д. Большая часть этих предприятий и организаций сохранилась в качестве государственных. Сейчас они, как и другие структуры, представляющие госсектор, испытывают большие трудности, связанные с сокращением бюджетного финансирования. В этих условиях не все из них справляются с задачей сохранения и, тем более, повышения своего потенциала, но их роль в развитии сельскохозяйственного производства, подготовке кадров, в разработке и внедрении ноу-хау остается достаточно высокой.

В последние годы эта система расширилась за счет частных и акционерных учебных заведений и информационно-консультативных служб. В некоторых регионах эта сеть создавалась при финансовой и организационной поддержке региональных властей и международных организаций. В них широко используются компьютерная техника и технологии, информационно-консультативная работа нередко приближается по своей организации к мировым стандартам.

Но в целом аграрный сектор из-за глобального кризиса, отсутствия финансовых ресурсов и непродуманных преобразований форм соб-

ственности и хозяйства становится все более экстенсивным, а зачастую его структуры переходят к полунатуральному хозяйству.

Происходят количественные и качественные изменения кадрового потенциала села. За последнее десятилетие доля сельского населения возросла в общей численности населения России с 26% до 27%, а доля занятых в сельском и лесном хозяйстве осталась примерно на прежнем уровне – более 14% от общего числа занятых во всех отраслях и сферах экономики. Но социальная структура занятых в аграрном секторе значительно изменилась: появились частные товаропроизводители–фермеры, увеличился слой людей, работающих в личных подсобных хозяйствах и на садово-огородных участках. В акционерных, коллективных и других хозяйствах работники стали собственниками земельных долей и имущественных паев.

Однако социально-экономические изменения на селе пока не только не привели к улучшению материального и общественного положения большей части населения и работников, но сделали их еще менее обеспеченными экономическими и социально менее защищенными. В массе своей люди, формально став собственниками, фактически лишились основ своего экономического обеспечения. Так, среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве в 1992 г. составляла 66,5%, а в 1997 г. – только 43,9% средней оплаты работников в стране. По данным Госкомстата РФ, при прожиточном минимуме в 411,2 руб. в месяц в 1997 г. среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве равнялась 423,2 руб. Во многих регионах России постоянные задержки выплат заработанных денег в коллективных хозяйствах составляют шесть и более месяцев. Большинство мелких и средних ферм, как и крупных предприятий, находятся на грани банкротства. Неслучайно в последние три года число фермерских хозяйств, прекративших свое существование, превышает число вновь созданных.

В последнее время произошли изменения и в профессиональной структуре кадрового потенциала села. Многие специалисты (агрономы, зоотехники, ветеринары, механизаторы и экономисты) создали собственные фермерские хозяйства, в связи с чем обеспеченность акционерных и других предприятий работниками со специальным сельскохозяйственным образованием уменьшилась. Вместе с тем в подготовке сельских кадров высшей и средней квалификации наметилась положительная тенденция к расширению преподавания таких дисциплин, как агробизнес и менеджмент, а также, особенно в конце 80-х и начале 90-х годов, обучение фермеров за рубежом.

Разрушение потенциала аграрного сектора в основном происходило из-за необоснованного выбора экономических приоритетов, неоправданного падения государственной поддержки, ухудшения финансового состояния сельских хозяйств. Все это привело к резкому снижению объемов инвестиций в аграрный сектор. Доля АПК в общем объеме инвестиций в России уменьшилась в 1997 г., по сравнению с 1991 г., с 31 до 7%, а сельского хозяйства – с 10,8 до 2,5%. В результате выбытие основных производственных фондов на селе, начиная с 1994 г., в 4–5 раз превышает их ввод.

При уменьшающихся объемах затрат на вложения в сельское хозяйство в огромных размерах происходят хищения бывшей государственной и колхозной собственности, а также средств, выделяемых из централизованных и местных фондов на производственные и социальные инвестиции.

Объективный анализ состояния аграрного сектора показывает, что нет оснований рассчитывать на его скорую стабилизацию. Причина состоит не только в недостатке средств федерального и региональных бюджетов, в несовершенстве рыночной инфраструктуры, в плохо разработанных методах государственного регулирования. Дело гораздо серьезнее. Главный вопрос – в принципиальных подходах к аграрной политике, к учету специфики аграрного сектора и социально-экономических последствий его реформирования. Для предотвращения дальнейшего падения аграрного потенциала, обеспечения его стабилизации, реструктуризации, наращивания и эффективного использования и для создания условий выполнения аграрным сектором его экономических и социальных функций необходимо изменение принципов и стратегии аграрного реформирования. Это особенно ощутилось осенью 1998 г., когда произошел очередной кризисный обвал экономики, обусловленный экономической политикой, проводимой последние семь лет. Он выявил то обстоятельство, что продовольственная проблема – одна из первостепенных в российском государстве и она не может быть решена преимущественно на основе расширения импорта продовольствия. Нужен свой эффективный и развитой аграрный сектор.

В перспективном развитии акцент может делаться на сочетание преимущественного самообеспечения продовольствием с импортом некоторых (в основном не производимых в стране) продуктов. При этом импорт технико-технологических средств, отдельных продовольственных товаров высшего качества должен использоваться для модернизации собственного производства. Конечно, надо учитывать, что в нынешнем состоянии агропромышленное производство не способно обеспечить значительную часть потребностей в продуктах питания. Поэтому без стимулирования импорта продовольствия не обойтись. Однако стратегический курс должен быть направлен на модернизацию и развитие отечественного агропромышленного комплекса.

Государство должно определять суть, принципы, направления, способы, сроки аграрных реформ, учитывая их социальные последствия для крестьян и для потребителей продовольственной продукции, а также возможности роста производства и повышения его технического и технологического уровней.

В принципе Россия имеет собственные ресурсные возможности выйти на мировой рынок как экспортер определенной части высококачественной и экологически чистой сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Но это может стать лишь результатом последовательной реализации экономической и социальной стратегии и политики, ориентированных на эффективное и динамичное развитие аграрного потенциала, аграрных отношений и всего агропромышленного комплекса, учитывающих присущие им особенности.

7.2. Основы и приоритеты стратегии обновления аграрного потенциала и трансформации аграрных отношений

Аграрный производственный потенциал является базой развития аграрных отношений, но только при условии, что последние соответствуют специфике аграрного производства и состоянию самого потенциала. В этом случае (и только в этом) аграрные отношения становятся движущей силой эффективного использования и наращивания аграрного потенциала. В результате развитие аграрного сектора приобретает рациональные и динамичные формы. То есть взаимосвязи аграрного потенциала и аграрных отношений органичны, если их состояние, структура и другие характеристики в статике и динамике соответствуют изначальной специфике аграрных производительных сил и особенностям конкретных регионов и территорий.

В истории России такой взаимосвязи аграрного потенциала и экономических отношений практически не было. Об этом свидетельствуют существовавшие и существующие особенности материально-технических средств, технологий, производственно-обслуживающей инфраструктуры, социальных и организационных типов хозяйства, внутренних и внешних экономических отношений аграрного сектора. О деформациях аграрного потенциала и аграрных отношений огосударствленной общественной системой ранее говорилось. Тогда игнорирование специфики аграрного сектора породило хронический аграрный кризис. В 1992–1998 гг. положение еще более усугубилось. Насаждавшиеся аграрные отношения и формы хозяйства в принципе не соответствовали ранее созданному аграрному потенциалу, который не мог стать их базой. В свою очередь методы реформирования и экономическая среда, которые были уготовлены аграрному сектору, вместо стимулов и средств реструктуризации и наращивания его производственного потенциала обрекли этот сектор на разрушение.

Поэтому изменение аграрной политики в первую очередь должно быть направлено на постепенное и последовательное приведение аграрного потенциала, аграрных отношений и народнохозяйственных связей аграрного сектора в соответствие с его природой. Именно это позволит реализовать заложенные в аграрном секторе возможности формирования экономических, социальных и иных структур и отношений, характерных для общества смешанного типа. Решение данной задачи предполагает комплексность изменения как аграрной политики, так и всех аспектов функционирования аграрного сектора и его положения в народном хозяйстве.

Можно выделить четыре общих направления аграрной стратегии и политики, которые во многом предопределят и их более конкретные составляющие:

во-первых, становление рыночной среды развития аграрного сектора;

во-вторых, обеспечение разнообразия производственно-экономических, социально-экономических и организационных способов и

форм ведения земледелия, выбор и эффективность которых зависят от конкретных условий;

в-третьих, максимально возможный учет при решении всей совокупности аграрных проблем региональной и территориальной специфики ведения земледелия и организации жизненной среды, включая ее природно-климатические, почвенные, технологические, экологические, расселенческие, инфраструктурные, национально-исторические, демографические и другие аспекты;

в-четвертых, отработка рациональных институтов и механизмов государственной поддержки аграрного сектора.

Взятые вместе, эти стратегические направления обеспечат формирование смешанной аграрной экономики, динамизм ее структуры на конкурентной рыночной основе и конкурентоспособность в межотраслевых взаимосвязях. В рамках этих направлений целесообразно выстраивать основные блоки аграрной политики.

Трансформация отношений собственности и социальных типов хозяйства. Ранее уже отмечалось, что установленное в огосударствленной системе абсолютное господство двух унифицированных типов крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов), процессы экстенсивного наращивания их размеров, административно-централистские принципы их организации и функционирования и т.п. коренным образом противоречили многообразию условий ведения земледелия, не позволяли эффективно использовать аграрный (в том числе земельный) потенциал, деформировали его материально-техническую и, частично, технологическую составляющие и т.д. Наличие личного подсобного хозяйства, во многом связанного с колхозами и совхозами, было крайне важно с точки зрения увеличения объемов производства сельскохозяйственной продукции, снабжения его населения и повышения доходов его значительной части. Но оно отнюдь не решало проблему многообразия типов предприятий и более рационального развития материально-технической базы земледелия. Преодолеть углублявшийся аграрный кризис без изменения отношений собственности и социальной структуры земледелия было нельзя. Поэтому начавшиеся в начале 90-х годов становление фермерского хозяйства, изменения колхозной и совхозной форм хозяйства были необходимыми. Но они дали не позитивные, а негативные результаты. Это произошло потому, что:

перемены в социально-экономической структуре аграрного сектора носили характер очередной кампании, проводились под давлением сверху, при директивном установлении сроков и новых форм хозяйств (преимущественно акционерных), без учета региональных особенностей, экономического состояния предприятий, готовности населения к предлагавшимся новациям и т.п.;

попытка создать широкое фермерское движение, в том числе посредством разделения на фермерские хозяйства части колхозов и совхозов, и превратить фермерство в решающую силу в земледелии не соответствовала аграрной материально-технической базе, социальной, экономической, демографической и психологической среде на селе и была обречена на неудачу;

одновременно со сменой типов хозяйства и формированием фермерства происходило общее и быстрое ухудшение экономического положения аграрного сектора, делавшее ведение сельского хозяйства и сельскохозяйственного предпринимательства не только невыгодным, но и просто разорительным.

В результате изменение форм собственности и хозяйства сопровождалось быстрым падением объемов производства и разрушением производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий.

Происшедшее с аграрным потенциалом и сектором дало серьезные уроки, которые необходимо учитывать:

смена социальной формы хозяйства должна носить не кампанейский, а индивидуальный и сугубо добровольный характер, т.е. инициироваться снизу;

осуществление такой смены целесообразно при совпадении субъективных и объективных условий, т.е. при наличии заинтересованности в ней людей и соответствующей среды ведения земледелия;

переход к новой форме собственности и хозяйства должен быть выгоден для работников, вести к повышению их доходов, делать более благоприятными условия и формы организации труда и т.д.;

формы собственности и хозяйства должны определяться снизу, исходя из конкретных условий и практической целесообразности, соответственно, следует отработать правовые и экономические механизмы изменения форм хозяйства в меняющихся хозяйственных и социальных условиях;

необходимо упростить условия смены форм собственности и хозяйства и максимально расширить возможности их выбора, пресекая лишь возникновение теневых и других социально деструктивных образований. В целом следует обеспечить достаточную динамичность процесса социально-экономической трансформации в аграрном секторе, что позволило бы лучше использовать аграрный потенциал, поддерживать соответствие между ним и формами ведения хозяйства, усиливать предпринимательские и конкурентные начала развития земледелия.

Реализация аграрной политики на основе данных принципов осложняется тем, что недавно с большим минусом практически завершилась всеобщая смена форм собственности и хозяйства, проведенная по классическим канонам не столько социально-экономической, сколько социально-политической кампании. В 1997 г. в стране было около 27 тыс. сельскохозяйственных предприятий, представленных прежде всего акционерными обществами. Размеры этих предприятий по сравнению с колхозами и совхозами по всем показателям существенно сократились, рентабельность снизилась. Уровень их убыточности превысил 20%. Число зарегистрированных фермерских хозяйств составляет около 278 тыс., причем обнаружилась тенденция к сокращению их числа. Около 44 млн семей имеют личное, дачное, садовое, огородное хозяйство. В 1996 г. сельскохозяйственные предприятия произвели 52% сельскохозяйственной продукции (имея 82% сельскохозяйственных угодий), хозяйства населения – 46% (меньше 5% угодий), фермерские хозяйства – 2% (5% угодий).

Сложившуюся в земледелии структуру отрасли по типам хозяйств никак нельзя назвать удачной. Большинство акционерных обществ лишь условно можно считать таковыми, поскольку они не работают как акционерные общества, их капитал не обращается как акционерный и не приносит дохода. К тому же земледелию, в силу его особенностей, в большей мере соответствует не акционерная, а долевая кооперативная форма хозяйства, фиксирующая размеры реальной собственности людей и дающая более широкие возможности выбора вариантов их хозяйственной деятельности в перспективе. Так что при создании соответствующей среды можно ожидать оживления трансформационных процессов сельскохозяйственных предприятий, их дифференциацию по социальным типам, размерам, структуре и т.п.

Фермерские хозяйства сейчас находятся в тяжелейшем экономическом положении. Для значительной их части земледелие уже перестало быть или так и не стало основным видом деятельности, т.е. происходит его фактическая трансформация с весьма неопределенными перспективами. Хозяйства населения также фактически находятся в состоянии трансформации, и ее направления и результаты во многом будут зависеть от аграрной политики. Увеличение размеров (по земельной площади, производимой продукции) части личных хозяйств, повышение их товарности уже превратили эти хозяйства из подсобных в основные по виду деятельности. В то же время хозяйства населения нуждаются в создании для них специальной материально-технической базы, что связано с изменением структуры производственного аграрного потенциала. Решение данной задачи и общее улучшение условий ведения земледелия могут дать недостающие сейчас основы для постепенного превращения значительной части наиболее развитых личных хозяйств населения в специализированные хозяйства фермерского типа.

Таким образом, линия на обеспечение комплекса условий для трансформации социальных типов хозяйств в аграрном секторе остается одной из существенных в структуре аграрной стратегии и политики.

Органично связана с ней, хотя и имеет относительно самостоятельное значение, *проблема собственности на землю и рыночного оборота сельскохозяйственных земель*. При условии становления многосекторного (многоукладного) хозяйства и, тем более, смешанного характера экономики страны в целом возникают потребности развития различных форм собственности на землю. Это – одна из сторон становления смешанной экономики. Наличие разных форм земельной собственности позволило бы обеспечить соответствие типа хозяйства и формы собственности на землю, являющуюся главным естественным средством производства в сельском хозяйстве. Тем самым, разные формы хозяйства могут обрести внутреннюю целостность, которая открыла бы возможности полнее и рациональнее использовать имеющийся аграрный потенциал.

Таким образом, проблема реформирования отношений собственности на землю при демонтаже огосударствленной общественной системы заключается не просто в восстановлении или признании частной земельной собственности, а в создании механизмов и условий развития

многообразных форм собственности: от частной индивидуальной до государственной, включая кооперативные, коллективные, общинные, муниципальные и иные формы, что соответствует развитию разных типов аграрного хозяйства и региональным, в том числе национально-историческим, особенностям и традициям.

Между тем осуществлявшаяся стратегия капитализации страны на базе разрушения реального сектора экономики, роста спекулятивного и олигархического капитала практически свела реформирование земельных отношений к противопоставлению общественной (в данном случае государственной) и частной собственности на землю, признанию последней основой новой аграрной системы в стране и обоснованию необходимости перехода к свободному рыночному обороту (купле-продаже) земли как форме реализации права частной собственности на нее. В частную собственность передано более 150 млн га сельскохозяйственных угодий, или свыше 80% их общей площади. Собственниками (владельцами земельных долей в сельскохозяйственных предприятиях) стали около 12 млн человек, 93% из них получили свидетельства на право собственности на землю. В частную собственность переданы земли фермерских хозяйств и различных хозяйств населения. Хозяйственные итоги происшедших перемен известны, о них ранее уже говорилось, – использование земельного потенциала стало не лучше, а хуже. Произошло это как в силу общих принципов аграрного реформирования (директивность, слабый учет региональных особенностей, ухудшение экономического положения аграрного сектора и т.п.), так и ряда особенностей самого процесса изменения земельных отношений:

реформирование было ограничено заменой государственной собственности на землю частной индивидуальной, становление других форм собственности (кооперативных, коллективных и т.п.), которые позволили бы учесть территориальную специфику и создать более благоприятные условия для развития в аграрном секторе различных типов хозяйств, было исключено;

переход в акционерных сельскохозяйственных предприятиях к частной долевой собственности на землю означал возникновение противоречий и неустойчивости в основах этих предприятий, так как частная паевая собственность на землю не тождественна акционерной собственности на все другие средства и имущество предприятий. В случае ухода работника с предприятия движение акционерного и паевого земельного капитала может происходить по-разному и неоднозначно отразиться на предприятии. Самое большее, что может произойти с акционерным капиталом, – смениться его собственник. Земельный же пай может быть в тех или иных целях изъят из предприятия. В то же время, если человек изымает земельный пай для создания собственного индивидуального хозяйства, то акционерная форма собственности на средства предприятия мало поможет ему в решении данной задачи, особенно в нынешней ситуации;

передача земли в частную собственность практически не улучшила положение работников предприятий как новых землевладельцев ни

с точки зрения величины их доходов, ни с точки зрения условий труда. Только населению, ведущему свое хозяйство, она дала бóльшую уверенность в перспективах этого хозяйства и возможности его расширения, что благотворно отразилось на всех его формах.

Сторонники проводившейся в последние годы аграрной политики полагают, что изменение земельных отношений не привело к положительным результатам в силу его незавершенности, поскольку отсутствуют механизмы залога и свободной купли-продажи земли. Причем залоговые формы рассматриваются как способ получения недостающих финансовых средств, а купля-продажа еще и как путь прихода на землю рачительного хозяина. В действительности, в условиях невыгодности ведения сельского хозяйства, крайне разорительной среды, в которой оно находится, отсутствия средств у подавляющей массы людей, связанных с земледелием, направленность действия этих механизмов (естественно, при некоторых исключениях) будет, видимо, иной. И залог, и свободная купля-продажа земель сельскохозяйственных предприятий будут прежде всего механизмами перераспределения и концентрации земельной собственности в результате отмывания и материализации спекулятивного, олигархического и теневого капитала. В итоге возможно выпадение значительной части земель из сельскохозяйственного оборота, а текущие траты и финансовые обвалы не оставят следа от вырученных за эти земли средств. Достаточно представить, что бы произошло, если бы указанные механизмы начали действовать за некоторое время до событий августа 1998 г. Судьба земельной собственности стала бы идентичной судьбе ваучеров.

При определении направлений, способов, форм трансформации земельных отношений в дальнейшем следует исходить из создания предпосылок более эффективного использования земли как главной составляющей аграрного потенциала, что и может дать дополнительные, в том числе финансовые средства. Исходя их этого целесообразно:

ориентироваться на становление разнообразных форм собственности на землю, включая частные, кооперативные, общинные, коллективные, муниципальные, государственную, для чего необходимы оформление их правового статуса и предоставление права выбора хозяйственным субъектам наиболее рациональной для них формы земельной собственности;

осуществить комплекс мер по формированию институтов и механизмов по рыночным сделкам с землей. В настоящее время в какой-то мере апробированный механизм купли-продажи существует только для земель, находящихся в хозяйствах населения. Но и этот механизм весьма условен, поскольку операции с землей осуществляются местными администрациями, присваивающими себе права разрешать и запрещать акты купли-продажи, устанавливать свои правила, нормы, ограничения и т.п., что является основой произвола и злоупотреблений. Официально начинающаяся в отдельных регионах продажа сельскохозяйственных земель организуется региональными администрациями по ими же устанавливаемым порядкам. Совершенно очевидно, что необходимы специальные институты, осуществляющие рыночные сделки с землей.

Таким институтом может стать ипотечная система, включающая органы учета земель и недвижимости и кадастровой оценки земли, а также органы, которые проводят все операции по залогу, аренде и реализации земель (ипотечные банки), лишенные права преобретать земли в свою собственность. Право выбора формы реализации земли (продажа определенному лицу, обезличенная продажа, аукцион и др.) должно оставаться за ее собственником, за исключением случаев продажи земли за просроченные долги. Правила осуществления операций с землей через ипотечные органы должны быть едиными для всех собственников земли;

обеспечить постепенность и этапность включения сельскохозяйственных земель в рыночный оборот, исключив передел земельной собственности в спекулятивных и непроизводственных целях. Для этого надо незамедлительно законодательно включить в свободный рыночный оборот земли хозяйств населения, передав функции его осуществления в ипотечную систему после ее формирования; отрабатывать рыночные механизмы внутрихозяйственного оборота долей земельной собственности, первоначально обусловив их аренду или куплю-продажу участием арендатора или покупателя в работе данного предприятия и по мере улучшения экономического положения аграрного сектора ослаблять и снимать эти ограничения[1]; постепенно, на законодательной основе, расширять рыночный оборот земель сельскохозяйственного назначения предприятий и земельных фондов, при соблюдении ряда условий (сельскохозяйственное использование земли, запрещение перепродажи в течение установленного времени, ответственность за нарушение этих условий). По мере формирования земельного рынка, его механизмов и институтов, комплексного реформирования аграрного сектора и ослабления аграрного кризиса делать рыночный оборот земли более свободным; разработать и принять земельное законодательство (Земельный кодекс), позволяющее реализовать стратегические направления трансформации аграрного сектора и земельных отношений и предоставляющее регионам свободу выбора конкретных форм, сроков и т.п. реформирования земельных отношений с учетом их специфики в рамках, допускаемых земельным законодательством страны. Быстрое решение данного вопроса тем более необходимо, что, с одной стороны, расширяется нелегальная торговля землей, а с другой, – происходит принятие региональных законов, касающихся собственности на землю и разрешения ее купли-продажи, противоречащих устаревшим федеральным правовым нормам, что угрожает целостности экономического пространства в стране.

Трансформация аграрных отношений в рассмотренных направлениях может быть результативней лишь при условии улучшения обще-

---

[1] Не следует опасаться, что эти меры могут привести к быстрому и существенному переделу земельной собственности. Опыт показывает, что работники сельскохозяйственных предприятий мало заинтересованы в уже разрешенной продаже земли коллективным хозяйствам, фермерам и лицам для личного подсобного хозяйства, так как последние не имеют возможности платить соответствующую плату ни в денежной, ни в натуральной форме, ни посредством оказания услуг.

экономической и социальной среды функционирования аграрного сектора, что в свою очередь предполагает *проведение эффективной политики его регулирования и государственной поддержки.* Государственное регулирование условий ведения аграрного хозяйства и, тем самым, поддержка его межотраслевой и внешней конкурентоспособности – явление общераспространенное в развитых странах. В тех из них, которые ориентируются на самообеспечение продовольствием и его экспорт, доля различных видов государственной поддержки сельского хозяйства в стоимости его реализуемой продукции колеблется от 40 до 70%. Опыт развития отечественного аграрного производства свидетельствует о необходимости таких эффективных форм его регулирования, которые обеспечат:

хозяйственную самостоятельность в решении вопросов его организации и ведения;

предпосылки относительно равноправных связей с другими сферами народного хозяйства.

Нарушение того и другого всегда подрывало основы использования и воспроизводства аграрного потенциала. Это же происходит и в 90-х годах, когда поддержка аграрного сектора резко сократилась, как из-за общего ухудшения финансового состояния страны, так и из-за исключения аграрного направления из приоритетов экономической политики.

Следует иметь в виду, что государственная поддержка аграрного сектора – это не какая-либо благотворительная акция или помощь за счет изъятия средств из других сфер хозяйства. Она является способом возвращения в сельское хозяйство части средств, недополученных им в процессе межотраслевого обмена. Дело в том, что особенности земледелия (сезонность производства) и его продукции (в основном, это продукция для быстрого потребления) ставят его в жесткую зависимость от поставщиков промышленных средств и покупателей продукции, что нарушает стоимостные пропорции обмена не в пользу сельского хозяйства. Поэтому государственное регулирование развития сельского хозяйства в целях его поддержки необходимо всегда.

Однако опыт, особенно 1965–1990 гг., убедил в неотложности поиска эффективных форм регулирования и поддержки сельского хозяйства. Различного рода прямые дотации, субсидии, списания долгов и т.п. оказываются дорогостоящими и малопродуктивными.

Даже в последние годы те недостаточные средства, которые выделялись аграрному сектору, часто не доходили до получателей, а выбор направлений дотаций, субсидий и льготных кредитов нередко определялся субъективными интересами отдельных чиновников. Следовательно, необходимо создание экономических механизмов и институтов, гарантирующих распределение и использование ресурсов в соответствии с реальными потребностями аграрного сектора и народного хозяйства.

Спектр регулирующих механизмов, которые частично уже использовались в аграрной политике и полезно использовать в дальнейшем, достаточно широк. Среди них можно назвать:

межотраслевые ценовые соглашения, которые могут регулировать уровни цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, порядок их изменения и ответственность за нарушение договоренностей;

лизинг, делающий более доступными для сельскохозяйственных предприятий технические средства в условиях их дороговизны;

государственный заказ или система контрактации продукции, которые при соблюдении всеми сторонами договорных условий и жесткой ответственности за их невыполнение будут способствовать изменению структуры сельскохозяйственного производства, гарантировать сбыт значительной части продукции и поступление денежных средств ее производителям;

создание кооперативных или акционерных предприятий на межхозяйственной, муниципальной, межмуниципальной основах по техническому обслуживанию сельскохозяйственных предприятий, выполнению отдельных видов работ, прокату техники и т.д.

При ориентации аграрной политики на свободное становление в аграрном секторе хозяйств различных социальных типов и их конкурентные отношения отмеченные и другие механизмы могут дать больший эффект, чем некоторые из них давали до сих пор. И все-таки механизмы такого рода решают отдельные задачи, связанные с улучшением среды функционирования аграрного сектора. Для решения проблем возрождения аграрного сектора должны работать более глобальные институты и механизмы, в которые могут быть включены и отмеченные ранее.

Представляется, что в настоящее время и в перспективе таким институтом могут стать аграрные (агропромышленные) программы как способ целенаправленного и конкурентоспособного развития аграрного и агропромышленного секторов в условиях становления рыночных отношений. То есть программы должны стать одним из институтов регулируемого рыночного хозяйства. Целесообразно иметь программы разных уровней: федеральные, региональные (межрегиональные), муниципальные (межмуниципальные). По содержанию могут быть программы: функциональные (по реструктуризации материально-технической базы, по освоению новых технологий, по развитию производственной инфраструктуры, по восстановлению плодородия земель и т.д.); отраслевые или продуктовые (по восстановлению или расширению производства конкретного продукта или продукции отрасли); межотраслевые или интеграционные. Учитывая интеграционный характер смешанной экономики данный вид программ особенно важен. Он может охватывать структуры взаимосвязанных блоков отраслей и ориентироваться на получение конечного продукта или эффекта. В рамках интеграционных программ может быть восстановлена и получить рациональные формы воплощения полузабытая, но плодотворная идея агропромышленной и сельскогородской интеграции. Через интеграционные программы легче было бы решать проблемы реструктуризации аграрного производственного потенциала.

Обязательными условиями принятия программы должны стать: ее выполнимость, т.е. ресурсо- и финансообеспеченность, эффективность (выгодность) для участников программы и народного (местного) хозяйства. В соответствии с этими условиями следует определять число программ и проводить отбор их участников, в ряде случаев возможны конкурсные формы отбора. Особое внимание требуется к привлечению в программы инвесторов, заинтересованных в их реализации.

По своему хозяйственно-правовому статусу программы могут стать структурами акционерного типа и в качестве таковых функционировать в рыночной экономике. Через совокупность различных программ возможны привлечение ресурсов в аграрную и агропромышленную сферы и их концентрация на наиболее приоритетных и прорывных направлениях.

Для реализации программного подхода к развитию аграрного сектора и в целом для его функционирования необходимо формирование соответствующей финансово-кредитной информационной, консультационной инфраструктуры как органических частей общей рыночной инфраструктуры. В последние годы регионами достигнут существенный прогресс в развитии информационной и консультационной инфраструктуры, хотя в перспективе ее наращивание остается одним из приоритетных направлений развития аграрного сектора. В случае перехода к программному варианту данная инфраструктура в значительной мере может развиваться в рамках программ.

Сложнее обстоит дело с финансово-кредитной инфраструктурой. Кризис августа 1998 г. показал, что надежной финансовой инфраструктуры аграрный сектор не имеет. Основные банки, занимавшиеся кредитованием сельского хозяйства, оказались банкротами. Даже главный из них – "СБС" – Агро" прекращал свою деятельность и временно выжил только благодаря мощной финансовой помощи государства. Все это нанесло сильный удар по и без того слабой экономике сельского хозяйства. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности создания в перспективе единого крупного акционерного (с участием государства) аграрного банка, способного осуществлять финансовое и кредитное обслуживание субъектов сельскохозяйственной и агропромышленной деятельности всех форм собственности, предприятий и хозяйств.

Другой приоритетный аспект развития аграрной банковской инфраструктуры связан с формированием ипотечной системы. В силу специфики ипотечных отношений и рыночных операций с землей необходимы специальные ипотечные банки, служащие центральным звеном ипотечной системы. Ипотечные банки такого рода сейчас отсутствуют, и их формирование должно происходить вместе со становлением ипотечной системы в целом. Причем возможно создание или единого ипотечного банка с сетью региональных и внутрирегиональных отделений, или самостоятельных региональных (межрегиональных) ипотечных банков со своими отделениями. Возможен и некий промежуточный вариант, когда единый банк будет обслуживать ряд регионов, а другие создадут собственные ипотечные банки. С учетом разного уров-

ня подготовки регионов к развитию рыночных и залоговых операций с землей и становлению ипотечной системы более оправдан, видимо, второй вариант. Но так или иначе создание ипотечной системы со всеми ее институтами – это один из приоритетов аграрной политики, поскольку в условиях перехода к рынку земля будет неизбежно втягиваться в рыночные отношения.

Говоря об аграрной стратегии и политике как факторах обеспечения более рационального использования и обновления аграрного потенциала и становления смешанной экономики нельзя забывать, что они являются частью общей экономической стратегии и политики и будут такими, какими будут последние. Поэтому главное условие изменения аграрной политики – переход к новой социально-экономической стратегии развития России. В рамках этой стратегии аграрная составляющая может обеспечить становление отношений смешанной экономики и смешанного общества в масштабе сельской системы как органической части российского общественного устройства смешанного типа.

Раздел III

СОЗДАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА

Глава 8

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА

Движущей силой становления в России смешанного общества является развитие в ней различных видов массового предпринимательства в разных сферах и отраслях экономики. Предпринимательство формирует реальную конкурентную среду, выявляет ресурсный, производственный и социальный потенциалы развития экономики, включает их в хозяйственный оборот, формирует ниши хозяйственной деятельности для различных слоев населения. Все это, вместе взятое, решает главную задачу – обеспечивает динамизм и эффективность экономического и социального развития, взаимодействие различных общественных сил.

Однако предпринимательство как массовое, эффективно развивающееся явление реально в России еще отсутствует. В прошлом оно не могло возникнуть в силу господства огосударствленной общественной системы. В последние годы оно подавлялось или деформировалось политикой шоковой терапии, монетаризма, ростом спекулятивного капитала, концентрацией богатства у олигархических структур. Следует отметить, что в той или иной мере и в разных формах оно всегда присутствовало в экономике и имеет неоднозначную историю развития.

На протяжении многих лет российское предпринимательство было настолько специфично, что характеризовалось совершенно особыми формами своих основ – конкуренцией и условиями взаимодействия с другими предпринимательскими и непредпринимательскими структурами экономики.

8.1. Деформирование предпринимательства огосударствленной общественной системой

Сформировавшееся в период нэпа массовое предпринимательство в формах частного хозяйства, кооперативных образований и государственных структур (например, концессий) было насильственно приоста-

новлено в конце 20-х годов огосударствленной централистско-административной системой и на протяжении последующих 60 лет существовало в ограниченном и деформированном виде.

Сложившееся в огосударствленной системе предпринимательство в известном смысле приспособилось к ней и выполняло отведенную ему этой системой вспомогательную роль, функционируя преимущественно на базе негосударственного сектора. Этот сектор на разных этапах развития экономики страны занимал существенное место в хозяйственной структуре. В определенных формах предпринимательские начала присутствовали и в государственном хозяйстве. Но они носили весьма специфический и своеобразный характер в силу ограничений и деформаций товарного производства и рыночных отношений, доходивших до их прямого отрицания. Однако объективно экономика не может развиваться без рынка и предпринимательства. Поэтому последние существовали и практически использовались, хотя в извращенных формах (хозрасчета, поиска неформальных каналов получения ресурсов и сбыта продукции и т.п.), в деятельности государственных предприятий и других хозяйственных структур. Особенности предпринимательства, проявлявшиеся и в государственном, и в негосударственном хозяйстве, являлись прямым результатом функционирования централистско-административной системы. Казалось бы, что в этой системе было бы проще и логичнее свести все хозяйственные структуры в однородное иерархические единство, строго подчиненное единому центру, предусматривающему все экономические отношения, отраслевые и территориальные связи, базирующемуся на единых социальных принципах и т.д. Однако этого не произошло. Начиная с периода сплошной коллективизации, которая знаменовала установление полного господства хозяйственного механизма, регламентирующего все экономические процессы, в стране функционировал значительный (и по охвату им населения, и по масштабам производства и влияния на экономику) негосударственный сектор с наличием существенных для сложившейся экономической ситуации предпринимательских начал.

Необходимость в централистско-административной системе негосударственного сектора, который хотя и подвергался огосударствлению с точки зрения определения условий и правил хозяйственной деятельности, но все-таки был связан с предпринимательскими началами, объясняется тем, что только с помощью этого сектора могли быть задействованы многообразные ресурсы, прежде всего местные, инициатива и предприимчивость людей. Этот сектор обеспечивал некоторую хозяйственную свободу, без которой не может существовать ни одна экономика, а особенно экономика такой большой страны, как Россия, со столь различными производственными, социальными и национальными условиями.

Негосударственный сектор – и основной двигатель его развития – предпринимательство – на протяжении многих лет охватывал значительную часть экономики, связанную преимущественно со сферой потребления. Официально он был представлен: колхозами и личным подсобным хозяйством, производившими основную часть продовольствия

(на конец 50-х – начало 60-х годов – около 75% его общего объема); промысловой кооперацией, в которой производилось около 6% продукции всей промышленности (преимущественно товары народного потребления – до 40% всей мебели, 35% трикотажных изделий, 70% металлической посуды и т.п.) [47] и которой оказывалась основная часть бытовых услуг; потребительской кооперацией, осуществляющей торговые связи между сельским хозяйством и промышленностью, городом и селом, перерабатывающей сельскохозяйственную продукцию, производящей товары народного потребления из сельскохозяйственного сырья; зарегистрированной частной практикой, подсобными и кустарными промыслами (в 1985 г. официально было зарегистрировано около 100 тыс. человек, занимающихся частной практикой, подсобными и кустарными промыслами).

По данным государственной статистики, около 1/4 общей численности работников, занятых во всех отраслях народного хозяйства, приходилось на негосударственный сектор. Это не означало, что такая значительная численность работников могла быть отнесена к предпринимательскому слою. Важно, что без предпринимательских начал и без предпринимательской среды этот сектор функционировать и воспроизводиться не мог. Согласно данным официальной статистики, в 1970 г. в структуре денежных доходов населения 0,5% составляли доходы от использования собственности и 6,2% – доходы от предпринимательской деятельности. Но и нормально предпринимательство и его основа – товарные отношения развиваться также не могли. Условия хозяйственной деятельности были огосударствлены. Возможности развития негосударственного сектора, а уж тем более предпринимательства, можно сказать, всесторонне ограничивались установленными параметрами хозяйства, разрешаемыми видами деятельности, централизованным ценообразованием, налогообложением, законодательством о спекуляции и т.п. Это деформировало товарные отношения, предпринимательство и конкуренцию как среду их реализации и развития.

Таким образом, социально-экономическая структура негосударственного сектора была сложной и неоднородной. Неоднозначными и противоречивыми были и условия функционирования его сегментов.

Общественные сегменты этого сектора (колхозы, промысловая и потребительская кооперация) по формам организации, уровню огосударствления, включенности в систему планирования и ограничения хозяйственных свобод были близки к государственному хозяйству. Однако вели производство и хозяйственную деятельность за счет собственных средств и были вынуждены изыскивать различные варианты и формы предпринимательства (особенно при нарушении эквивалентности их связей с государственными сферами хозяйства) как способ выживания и воспроизводства.

Индивидуальные сегменты этого сектора (личное подсобное хозяйство, кустарно-ремесленная деятельность, индивидуальная трудовая деятельность и т.п.) основывались на индивидуальной собственности и в социальном плане далеко отстояли от кооперативных и колхозных организаций. Но внутренне эти сегменты были дифференцированы.

Личное подсобное хозяйство было тесно связано с сельскохозяйственными предприятиями. Оно прежде всего выполняло функции источника компенсации низкого уровня заработка в колхозах и государственных предприятиях и организациях. Размеры и товарность этого хозяйства ограничивались как экономически, так и административно. Занятость в нем в основном носила вторичный характер.

Различные виды индивидуальной производственно-товарной деятельности обладали значительно большей хозяйственной и предпринимательской свободой, развитие которой, однако, было жестко ограничено установленными видами и масштабами деятельности и налоговым бременем, которые пресекали возможности перехода этих форм в другие, более крупные частнопредпринимательские структуры.

Но при всей дифференцированности отмеченных сегментов экономики их объединяло то, что все они основывались на негосударственных формах собственности и обладали товарно-рыночной предпринимательской природой. К тому же все они в той или иной мере взаимодействовали друг с другом, решая проблемы материального обеспечения, сбыта продукции, снабжения населения товарами и т.д., т.е. организуя экономический оборот.

Все это дает основания для вывода о наличии и развитии в экономике страны негосударственного сектора как органически необходимой ей части. Деформации же основ и условий, разного рода ограничения развития этого сектора не позволяли полнее и эффективнее использовать его потенциал для обеспечения потребностей народного хозяйства и населения соответствующими товарами и услугами. Данное обстоятельство, с одной стороны, и наличие неудовлетворенного спроса на товары и услуги, – с другой, стали основой формирования особого сегмента негосударственного сектора – неофициальной экономики, имевшей сугубо предпринимательский характер и частично проникшей и в государственный сектор. Неформальная экономика по мере своего развития усложнялась и стала включать как частнопредпринимательскую деятельность отдельных людей, так и нелегальное производство внутри кооперативных и государственных предприятий, скрытые предпринимательские структуры, противоправные способы перераспределения государственных и кооперативных ресурсов и другие криминальные формы. Вполне понятно, что функции и социальная роль этих видов неформальной экономики различны и в дальнейшем они оказали неоднозначное влияние на развитие предпринимательства и социально-экономическую ситуацию в стране.

Но если иметь в виду частную предпринимательскую деятельность по производству товаров и услуг, то реально она была направлена на сокращение товарного дефицита, удовлетворение потребностей населения, обеспечение занятости и повышение дохода людей, занятых этой деятельностью. В сферу неформальной экономики попали строительство и обслуживание личного жилья, сдача внаем государственного жилья его законными съемщиками, ремонт бытовой техники, пошив одежды и обуви и т.д. Подобные виды обслуживания и производства были недостаточно развиты в государственном и официально раз-

решенном негосударственном секторах. Поэтому они развивались в рамках неформальной экономики преимущественно на предпринимательских началах. Часто такого рода предпринимательством занимались работники на условиях вторичной занятости, временно не работающие, находящиеся в отпусках, не имеющие постоянного места жительства и, следовательно, постоянной работы. Эта весьма значительная часть негосударственного сектора официальной статистикой не учитывалась и определялась как теневая, но с ней был так или иначе связан практически каждый человек как потребитель подобных услуг или как их производитель.

Можно с достаточно большой степенью уверенности утверждать, что к середине 60-х годов основная часть личного потребления сельского и значительной части городского населения страны обеспечивалась негосударственным сектором, развивающимся на деформированных предпринимательских началах. И как это ни парадоксально, но без существования именно этого сектора и предпринимательских принципов, на которых он базировался, не могло существовать, развиваться и укрепляться централизованное огосударствленное хозяйство, ибо негосударственный сектор, в том числе и его неформальная часть, брал на себя выполнение тех функций жизнеобеспечения, которые централизованное государственное хозяйство было неспособно выполнить в силу своей природы.

Стремления и тенденции к тотальному огосударствлению экономики, унификации всех хозяйственных форм не могли реализоваться в полном объеме, ибо выявлялись их экономическая и социальная несостоятельность, неэффективность и практическая невозможность. Такие попытки не только ограничивали и сужали сферу производства и услуг, но и нарушали тот баланс хозяйственных структур и сил, который в известной мере компенсировал огосударствление хозяйства.

Неисчезающий дефицит практически всех видов продукции, особенно сельскохозяйственной, низкий уровень жизни основной части населения сопутствовали становлению огосударствленной социально-экономической системы. В таких условиях негосударственный сектор и вместе с ним и предпринимательство, с одной стороны, были необходимы, а с другой, – становились объектами идеологического неприятия. В данном случае наблюдалось характерное для советской системы явление, заключавшееся в расхождении своего рода конкуренции экономики и идеологии. Идеологически сегменты негосударственного сектора (личное подсобное хозяйство, ремесленно-кустарная деятельность, частная практика и т.п.), связанные с индивидуальным хозяйством и производством, провозглашались "родимыми пятнами капитализма", которые предстояло изжить или которые должны были отмереть сами собой. Кооперативные сегменты этого сектора официально трактовались как "непоследовательно социалистические" и, соответственно, как явление переходное и преходящее. Однако как бы не трактовалась суть негосударственного сектора, он был экономически не только необходим, но и не устраним. Его роль в укреплении экономики страны признавалась. В то же время интересы связанных с ним сло-

ев населения противопоставлялись интересам других слоев общества и прежде всего интересам рабочего класса. Работник индивидуального сегмента негосударственного сектора идеологически определялся не только (в ряде случаев не столько) как производитель необходимых обществу продуктов и услуг, но и как частник, спекулянт, получатель нетрудовых доходов и т.п.[1]

Негосударственный сектор, таким образом, функционировал с элементами рыночных отношений и на основе хозяйственной инициативы и предпринимательства. В негосударственном секторе не планировались и централизованно не учитывались многие хозяйственные действия и процессы, и существовали рыночные отношения. Хотя такие характеристики в разной мере применимы к различным сегментам этого сектора. Они меньше относятся к его колхозным и кооперативным формам.

Представляет интерес то обстоятельство, что у колхозов и потребительской кооперации уровень и структура хозяйственных свобод были неодинаковыми. Колхозы были относительно более свободны по сравнению с государственными предприятиями в организации внутрихозяйственных (внутриколхозных) отношений. Потребительская кооперация (по сравнению с государственными предприятиями и колхозами) была несколько самостоятельнее в своих связях с государством.

Но в целом в государственной политике по отношению к негосударственному сектору всегда, хотя и в разных формах и в разной мере, присутствовало стремление к его ограничению и огосударствлению.

Постоянно проводилась в жизнь линия на вытеснение или замену негосударственных структур государственными. В конце 50-х годов была ликвидирована промысловая кооперация, в 60-х годах колхозы усиленно преобразовывались в совхозы, потребительская кооперация все больше превращалась в бюрократическую, малоподвижную систему, фактически подчиненную ее разросшемуся аппарату и оторванную от населения, бывшего некогда субъектом кооперативной собственности.

Государственное давление на негосударственный сектор, политика его ограничений и запретов всегда негативно отражались на состоянии народного хозяйства. Между тем этот сектор мог бы делать для страны значительно больше. О влиянии негосударственного сектора, с его хотя и урезанными, но предпринимательскими принципами, на экономическое развитие страны свидетельствует то, что одной из причин роста производства продовольствия и товаров народного потребления в стране в 1953–1958 гг. и его снижения в последующие годы являются расширение и некоторое раскрепощение, а затем свертывание и ужесточение условий ведения негосударственного хозяйства. Последние обстоятельства стали одной из причин, ухудшивших социально-экономическую ситуацию в стране и обусловивших необходимость реформ середины 60-х годов. При этом, как показали результаты хозяйствова-

[1] Тем самым, по крайней мере на уровне идеологии, фактически признавалось, что в стране имеются слои населения с предпринимательским "уклоном".

ния в последующие периоды, проводимые "усовершенствования" структур государственного хозяйства не могли решить обострявшиеся экономические проблемы. Можно утверждать, что реформы и в 90-е годы также в определенной мере связаны с предшествовавшим витком огосударствления экономики (в 1990–1991 гг.). Если в 1970 г. в государственной собственности находились 86% основных фондов, то в 1990 г. – уже 91%.

Негосударственное хозяйство с элементами предпринимательства даже в условиях ограничений и деформаций было значительно эффективнее государственного в соответствующих сферах. Известны эффективность личного подсобного хозяйства по производительности труда, в 4–5 раз превосходившего общественное хозяйство, и более высокие экономические показатели в колхозах по сравнению с совхозами [48].

Насильственное сокращение негосударственного сектора, а вместе с ним и тех незначительных хозяйственных свобод, которые временно разрешались, каждый раз ослабляло саму огосударствленную хозяйственную систему, заставляло искать формы, заменяющие негосударственный сектор, в самой этой системе, но таковых в ней не находилось. Об этом свидетельствуют последствия ликвидации промысловой кооперации.

Государственное (местное) хозяйство, сформировавшееся вместо промысловой кооперации на ее материальной базе не приобрело новых преимуществ взамен утраченных кооперативных. Полученные незначительные государственные капитальные вложения принципиально ничего не изменили. Они не расширили хозяйственных возможностей, не повысили производительности труда и заинтересованности работников. Качество производимых товаров и обслуживание населения не улучшилось. Ликвидация же относительно мобильных систем производства и обслуживания в рамках промысловой кооперации привела к возникновению их неузаконенных форм. Ликвидация значительной части колхозов, которые при всей их ущербности сохранили некоторые черты негосударственного хозяйства, сокращение и третирование личного подсобного хозяйства, выступающего, по терминологии того времени, главной помехой в формировании личности "коммунистического типа", усилили этот процесс.

8.2. Двойная экономика

Ликвидация и сокращение сегментов негосударственного сектора, знаменовавшие унификацию социальных типов хозяйства посредством превращения их в государственные, переросли в процессы экстенсивного увеличения размеров предприятий в сферах производства товаров народного потребления и обслуживания.

В ряде случаев началось создание предприятий и комбинатов монополистов в регионах и отраслях, усилились отраслевые принципы организации производства и управления хозяйством при единовременном игнорировании особенностей территорий, это нанесло удар как по

предпринимательству, так и по эффективности функционирования данных сфер экономики. Одновременно расширились разновидности теневых отношений, присущих именно советской системе. Они заключались в использовании сырья и оборудования государственного сектора в негосударственном, в реализации неучтенной продукции, произведенной сверх установленных планов, в приписках, в сокрытии ресурсов, в завышении потребности в фондируемых ресурсах, в нелегальном использовании отходов и т.п. По мере усложнения хозяйства, с одной стороны, и его огосударствления – с другой, росли те виды отношений, которые носили не криминальный, а именно предпринимательский характер.

В результате сформировался тип хозяйства с двойной экономикой, где вторая по отношению к официальной развивалась как уже нелегальная, но не всегда криминальная. Сократив масштабы негосударственного сектора, включающего мелкое производство, оказание услуг населению и т.п., где присутствовало предпринимательство, и ничего не противопоставив взамен, государство спровоцировало рост теневой экономики прежде всего в сфере самого государственного хозяйства. Все те отношения, которые были характерны для негосударственного хозяйства, теперь должны были осуществляться в рамках самого государственного хозяйства, где условий для их развития не было.

Производственная, а еще в большей мере обслуживающая сферы, оказавшись ущемленными с точки зрения официального использования предпринимательских стимулов, ответили созданием теневых структур ("шабашники", запрещенные подсобные промыслы, индивидуальная, фактически частная практика и т.п.), перераспределительными процессами в форме прямого воровства ("несуны"), использованием рабочего времени для производства неучтенных услуг. Постепенно масштабы этих отношений углублялись и расширялись, охватывая новые сферы, отрасли, предприятия. Явление принимало все более массовый характер. Сохранялись потребности производить продукцию из местного сырья мелкими партиями, оказывать индивидуальные услуги, создавать дополнительные производства в сельской местности, чтобы сгладить сезонность сельскохозяйственного труда, и т.п. Поскольку государственные структуры с жесткой регламентацией их деятельности решить эти задачи не могли, постольку, несмотря на огосударствление и запреты, возникали условия и среда для отношений, являющихся в огосударствленном хозяйстве теневыми (параллельными официальным).

Административно-централистская система планирования, нормирования и распределения ресурсов не только породила параллельные хозяйственные отношения, но и фактически обеспечивала их функционирование и нарастание. Особенно наглядно это иллюстрируется многообразными формами перекачки сырья, готовых изделий, денежных средств из легальной, прежде всего государственной экономики в теневую, нелегальную. Расширение этих процессов, невозможность в ряде случаев отделить официальную экономику от нелегальной, теневой, создавали базу криминализации хозяйства.

Выполнение плана любой ценой, огромные омертвленные товарно-материальные ценности в виде запасов являлись в условиях дефицита основой натуральных обменов между предприятиями (кстати, часто в целях обеспечения процесса воспроизводства, а не только в корыстных). Деньги просто не участвовали в таких хозяйственных отношениях. Часто реализация средств производства и предметов потребления происходила в форме их натурального взаимообмена – стройматериалы, станки, телевизоры, легковые машины, квартиры, путевки в санаторий и т.п. менялись на лес, металл, топливо и т.п. Это расширяло дефицит на легальном рынке, вело к формированию черного рынка. Таким образом, предпринимательские начала, подрывавшиеся господствовавшим в тот период хозяйственным механизмом, воспроизводились в деформированном виде и деформировали как негосударственный, так и государственный сектор.

В хозяйственные теневые операции оказывались втянутыми огромные массы людей. Часто работники, чтобы поддержать свое предприятие, выполнить план, не останавливать производство, вынуждены были зарабатывать средства на эти цели неразрешенными или нелегальными способами. Так, во многих случаях запасные части к технике работники, использующие ее, вынуждены были покупать сами (столь "действенной" была система снабжения). Таксист, работающий в таксопарке брал для этого чаевые; шофер на грузовой машине перевозил "левые" грузы; станочнику на заводе "выводилась" более высокая оплата; механизатор, слесарь, сварщик в сельском хозяйстве обслуживал домашнее и личное подсобное хозяйство односельчан и т.п. Предпринимательство оставалось необходимым, но становилось незаконным. На этих началах оно не могло обеспечить эффективное развитие экономики, техническое и технологическое обновление, динамичность производственной, организационной и социально-экономической структур.

Все это расшатывало огосударствленное административно-централистское хозяйство, снижало темпы роста, усиливало структурные диспропорции и отставание по общему уровню развития. Назрела необходимость очередного реформирования экономики.

На его первоначальном этапе в середине 80-х годов преодоление возникших проблем связывалось с ускорением экономического развития на базе более полного использования имеющегося потенциала и внедрения научно-технических достижений. Особое внимание уделялось мобилизации организационных факторов. Говоря другими словами, акцент делался на очередном совершенствовании механизма централизованного планового государственного хозяйства.

В социальном плане ускорение развития связывалось с упрочением социалистических нравственных и моральных ценностей советских людей: солидарности, коллективизма, приоритета общественных интересов и общественной собственности и т.д. Начала действовать программа правовых, государственных и партийных мер по борьбе с разного рода экономическими и моральными отклонениями, как представлялось, негативно влиявшими на социально-экономическую ситуа-

цию. В 1985 г. было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма", а в 1986 г. Постановление ЦК КПСС "О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами" и Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов". Реализация мер, содержавшихся в этих и других подобных документах, с одной стороны, внесла существенный вклад в усугубление экономических, в том числе финансовых, трудностей в стране, с другой стороны, очередной раз основательно ударила по негосударственному сектору, особенно по его разрешенным индивидуально-предпринимательским сегментам.

Если борьба с пьянством и алкоголизмом еще больше усложнила финансовую ситуацию и образовала невосполнимую брешь в государственном бюджете, то борьба с нетрудовыми доходами задела те слои населения, которые своей экономической, во многом предпринимательской, деятельностью компенсировали для населения последствия огосударствления и административных регламентаций в сфере производства продовольствия, товаров народного потребления и услуг.

Особенно пострадало личное подсобное хозяйство. Борьба с нетрудовыми доходами во многих регионах страны вылилась в борьбу с личным подсобным хозяйством. В некоторых областях и районах устанавливались жесткие нормы посадки ранних овощей, клубники, томатов и пр. По отношению к нарушителям ограничений принимались меры прямого действия. Партийные и государственные органы (милиция, прокуратура, местные советы, райкомы партии), мобилизуя соответствующие силы и современную мощную технику (тракторы, бульдозеры), уничтожали теплицы, посадки ранних овощей. Принимались решения по лишению людей приусадебных участков или урезанию последних и т.п. Одним из мероприятий этой кампании был запрет на вывоз продукции из одного региона в другой. В результате пропадала продукция, оказался деформированным колхозный рынок, долгое время остававшийся практически единственным узаконенным институтом свободных рыночных отношений в огосударствленной системе. Экономические и социальные последствия этой борьбы в конечном счете убедили государственную верхушку в необходимости расширения негосударственного сектора, в частности, путем развития индивидуальной трудовой деятельности и особенно новой кооперации в производстве товаров народного потребления, переработке вторичного сырья, в бытовом обслуживании и общественном питании.

После законно разрешенного развития предпринимательства в период нэпа (1921–1927 гг.) вторым его взлетом стало массовое кооперативное движение 1986–1992 гг. За этот относительно непродолжительный период, когда предпринимательство действительно поощрялось как массовое явление, развитие самой кооперации, т.е. важнейшей формы нового российского предпринимательства, успело пройти ряд этапов.

Анализ этих этапов важен и с точки зрения выявления возможностей развития социальной базы предпринимательства и многосекторного хозяйства и для иллюстрации того, как подменялись легитимные

формы предпринимательства теневыми и криминальными. Причем это происходило в условиях еще сохранявшейся огосударствленной системы, когда неформальная или параллельная экономика была ограничена достаточно жесткими правовыми, политическими, социальными и морально-нравственными рамками. О том, что такие рамки были и действительно определяли экономические отношения в стране, свидетельствует быстрая реакция нового предпринимательства на принимаемые государственные решения. Поэтому и этапы становления и развития предпринимательства в форме новой кооперации можно датировать с точностью до месяца.

Первый этап (с августа 1986 г. по май 1988 г.), т.е. до принятия Закона "О кооперации в СССР", характеризовался тем, что кооперация в форме малого предпринимательства с определенными трудностями, вызванными отчасти новизной дела, развивалась в названных выше сферах относительно быстро. Этому способствовал и привычный для советского хозяйства дух очередной кампании, направленной на развитие этой формы предпринимательства, но и желание людей, как правило, молодых инициативных, имеющих неплохое образование, попробовать свои силы в новой предпринимательской среде, оставив малопродуктивную, неинтересную и малодоходную деятельность в государственном хозяйстве. Этот этап помог подготовить один из самых прогрессивных и демократичных экономических законов за все годы советских реформ – Закон о кооперации.

Второй этап (лето–осень 1988 г.) – после принятия Закона о кооперации и до выхода Постановления Совета Министров СССР о запрещении и ограничении для кооперации некоторых видов деятельности – характеризовался интенсивным развитием кооперативов в разных сферах, образованием многих новых их видов в различных регионах, городах, селах, а также практическим перерастанием части кооперации по существу в частное предпринимательство, лишь прикрывавшееся кооперативной формой.

В течение обоих этих этапов сложилась и поддерживалась вера в быстрое и радикальное преобразование экономики и, прежде всего, государственного хозяйства. Речь шла о развертывании элементов рынка – оптовой торговли, о предоставлении самостоятельности хозяйственным звеньям, смягчении жесткого государственного регулирования сбыта продукции, новой системе ценообразования, налогообложения и т.д. На этом этапе широко практиковались различного рода эксперименты в государственном хозяйстве, направленные на предпринимательские перемены в нем. В связи с принятием Закона о государственном предприятии получил широкое распространение принцип хозяйственного расчета в его новом смысле. Хозяйственный расчет еще со времен НЭПа внедрялся в советскую экономику. Однако в условиях всеобъемлющего и жесткого огосударствления использование хозрасчета в целях развития предпринимательства было невозможно. Хозяйственный расчет существовал как метод сопоставления затрат и результатов и выявления на этой основе итогов хозяйственной деятельности. Но в условиях отсутствия рыночных механизмов он в прин-

ципе не мог быть реализован в целях поиска и осуществления эффективных предпринимательских решений. И все попытки ввести его на разных хозяйственных уровнях в качестве способа обеспечения действительной хозяйственной самостоятельности и самофинансирования – хозрасчет предприятий, производственных объединений, внутрипроизводственный хозрасчет, отраслевой, региональный, республиканский – кончались неудачей. Отсюда и поиск его разных форм: полный, неполный, хозрасчет особого рода и т.п., что тоже не могло придать хозрасчету реального предпринимательского содержания.

В новых условиях ожидания быстрых радикальных преобразований некоторые перемены как будто бы начали происходить. Шире распространились хозрасчетные принципы в воспроизводственном процессе на государственных предприятиях, начали учитываться экономические интересы участников производства, важность деления получаемого в результате производственно-хозяйственной деятельности дохода на воспроизводственную и стимулирующую части, возможности расширения источников финансирования за счет собственных и кредитных ресурсов, арендных отношений и т.п. Появились первые предприятия, взятые в аренду коллективами, стали возникать хозяйственные организации на смешанной кооперативно-государственной основе. Ряд предприятий выпустил акции для своих работников.

Однако одновременно стало ясно, что базы для широкомасштабных позитивных рыночных перемен в государственном хозяйстве не создается. Реальная экономическая реформа задерживается. Частная собственность и принципы развития многосекторного хозяйства продолжают оставаться под запретом. Дифференциация между темпами преобразований в государственном хозяйстве и развитием кооперативного предпринимательского сектора растет.

Третий этап в развитии кооперативного предпринимательства начался принятием Постановления СМ СССР о запрещенных видах деятельности, Указа о налогообложении личных доходов членов кооперативов, согласно которому прогрессивное налогообложение этих доходов достигало 90%. Этот Указ был впоследствии заменен документом о правилах налогообложения кооперативов, дополненного разработками мест, письмами Минфина СССР и Госкомцен СССР, направленных на ужесточения и административные регламентации кооперации, соответствующие принципам регулирования государственного хозяйства. Со стороны кооперации, быстро окрепшей, были приняты ответные меры – стали создаваться различного рода объединения, территориальные и отраслевые, выражающие предпринимательские интересы кооперативов, демонстрирующие размах и массовость кооперативного предпринимательского движения.

Кооперативы развивались на предпринимательских принципах, отстаивая экономические свободы, используя диверсификацию хозяйственной деятельности, завоевывая рынки как производители, так и потребители определенных ресурсов. Однако реальная предпринимательская конкурентная среда была ограничена и деформирована. Конкуренция между кооперацией и государственными предприятиями как

хозяйствами, занимающими свои ниши и основанными на различных формах собственности, не росла. Во-первых, у тех и других были разные материальные основы развития. Государственные предприятия имели планово-регулируемую материально-техническую базу снабжения с устойчивым государственным ценообразованием, с законно занимаемыми ими производственными площадями и т.п. Кооперативы же добывали сырье и оборудование из разных источников и по договорным ценам, а производственные площади арендовали у тех же государственных предприятий. Во-вторых, постоянно на этой основе усиливалось сращивание государственных и кооперативных структур в нелигитимных и теневых формах.

Сформировалась вообще парадоксальная конкурентная среда. Кооперативы, призванные производить товары народного потребления и услуги населению, стали конкурировать на потребительском рынке в условиях дефицита и неразвитости рыночных отношений с самим населением. Такие товары, как ткани, шерсть, мясо, масло, мука и т.п., которые могут служить сырьем в производстве товаров и в домашнем хозяйстве, стали предметом раздора, а деятельность кооперативов как рыночных предпринимательских структур предметом ненависти широких слоев населения.

Таким образом, задержка экономических реформ в стране (неясность перспектив государственного хозяйства, отсутствие законодательной базы для использования в экономике многообразных, прежде всего частных, форм собственности и хозяйства, неумение руководства страны искать перспективные и эффективные экономические механизмы преобразования экономики) привела, с одной стороны, к возникновению противоречия между новыми предпринимательскими структурами и стержневой государственной хозяйственной системой, а с другой, – к их сращиванию. Да и само кооперативное движение как предпринимательская форма вылилось в разнородное явление, отвечая различным мотивам своего возникновения. Некоторая его часть соответствовала "классической" кооперации, т.е. служила реализации интересов членов кооператива, не нацеленных на максимализацию прибыли. Вместе с тем все более значительная часть кооперативов строилась на частнопредпринимательских принципах, что было также вполне закономерно в условиях не признаваемой длительное время частной собственности.

В то же время важнейшими итогами деятельности нового кооперативного предпринимательства были, во-первых, демонстрация того, что возможно вложение средств преимущественно самого населения в развитие производства и сферу услуг. Во-вторых, в ходе развития кооперации произошла легализация многих ранее теневых предпринимательских структур. Однако в то же время наблюдалось активное создание новых теневых конгломератов, куда было вовлечено и кооперативное и государственное хозяйство. В-третьих, было практически доказано, что в стране сохранились мощные социальные силы, включающие разные слои населения, готовые и способные развернуть широкую предпринимательскую деятельность в разных социально-эконо-

мических формах. Это означало наличие социальных основ движения страны к смешанной экономике и обществу смешанного типа.

В 1991 г. кооперативное предпринимательство вступило в завершающий этап своего существования. К весне 1992 г. кооперация формально ушла из российской жизни. Это объясняется тем, что из российского законодательства исчезло понятие кооперации. В законах "О собственности в РСФСР" и "О предприятиях и предпринимательской деятельности" ни кооперативная собственность, ни кооперативное предпринимательство не упоминаются. В какой-то мере это исчезновение компенсировалось развитием малых предприятий в разных хозяйственных формах и, соответственно, малого предпринимательства. Однако и этому направлению предпринимательства не повезло уже в условиях новых радикальных российских реформ.

Российский вариант предпринимательства в условиях огосударствленной системы способствовал наряду с другими факторами слому этой системы. Это произошло в том числе и потому, что, не приняв и не развив в полном объеме легитимное предпринимательство, огосударствленная система лишила себя внутренних стимулов развития. Деформировав же и загнав предпринимательство в тень, укрепив параллельную теневую экономику, эта система создала силу, подрывавшую ее стержневые основы. А без предпринимательства она не могла использовать рыночные механизмы в интересах своего производственного и социального развития. Эти механизмы в скрытой форме стали работать против нее.

8.3. Предпринимательство в период стратегии либерализации и монетаризма

Новая волна реформ (с 1992 г.) привела к потере значительной части ранее созданных и активно действовавших структур нового предпринимательства как кооперативного, так и частного, не сумевших пережить резкий взлет инфляции, потери оборотных средств, налоговых ужесточений и т.п. В то же время ключевые элементы этих реформ – либерализация экономики, приватизация государственной собственности и др. не обеспечили создания новой эффективной предпринимательской среды.

Либерализация экономики, проведенная в форме "шоковой терапии" на монетаристских принципах не создала равных правовых условий хозяйствования всем экономическим субъектам. Государственную поддержку, преференции и особый статус получили избранные отрасли, преимущественно сырьевые. Другие отрасли, независимо от их значения для национальной экономики, оказались обреченными на умирание. Предпринимательство в них стало носить точечный и случайный характер. Либерализация по-российски не только не отменила, но и усилила сращивание предпринимательских структур с институтами и органами власти на всех хозяйственных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). Обнародованы многочисленные примеры такого сращивания. Это означает не только становление неравных хо-

зяйственных условий для различных предпринимательских структур, но и расширение неформального, нелигитимного и теневого секторов, разрастание криминального навеса над предпринимательским сектором[2]. Причем этот процесс охватывает предпринимательские структуры разных масштабов и видов. Наконец, в ходе либерализации были созданы неравные условия функционирования предпринимательских структур, работающих на внутреннем и внешнем рынках.

Поддерживая внешнеэкономическую направленность предпринимательства, государство способствовало сокращению доли и роли на рынке отечественного предпринимателя-производителя. Массовый отечественный потребитель стал обеспечиваться преимущественно за счет предпринимателя-импортера и многочисленных посредников, а отечественный предприниматель-производитель оказался в худших условиях, не имеющим достаточных источников накопления. Появившиеся в ходе преодоления многолетнего дефицита и последствий разрыва хозяйственных связей после распада страны новые посреднические структуры, ориентированные на реальный сектор экономики, – товарные биржи, реализовывавшие в основном отечественный товар и заложившие основу инфраструктуры оптового рынка страны, постепенно стали терять свое первоначальное значение для развития реального сектора экономики. Впоследствии они переориентировались на работу с ваучерами, а затем на сделки с валютой и ценными бумагами.

Для развития предпринимательства в ходе либерализации принципиальным явилось разрешение свободной торговли (январь 1992 г.). Свободная торговля и ее становление в качестве предпринимательской сферы дали ряд позитивных результатов. Свобода торговли способствовала поддержке многочисленных слоев населения, обездоленного в процессе реформ безработицей (около 10 млн человек были до августовского кризиса 1998 г. заняты в свободной торговле, – "челноки", а вместе с членами семей их численность составляла 30 млн человек), потерей накоплений, ликвидацией социальных гарантий и т.п. Свободная торговля вовлекла средства населения в предпринимательский оборот, создала основы торгово-сбытовой инфраструктуры, обеспечила товарами различные территории, населенные места, расширила границы товарных рынков, явилась школой обучения предпринимательству. Однако наряду со всем этим свободная торговля с точки зрения развития предпринимательства имела очень серьезные негативные последствия. Во-первых, она отвлекла денежные средства и трудовые ресур-

[2] Учитывая опыт функционирования советской экономики и перемены, происшедшие в российской экономике за годы перестройки и монетаристских реформ, можно выделить четыре типа неформальной экономики: неофициальные, но легальные виды экономической деятельности; неформально-легитимные виды деятельности, получившие распространение вследствие недостатков законодательства и дающие возможность на законных основаниях уходить например, от налогов, прибегая к бартерным сделкам, соответствующему оформлению договоров и т.п.; нелегитимные формы (теневая экономика), под которыми понимаются те сокрытые неформальные экономические отношения, которые могут перестать быть таковыми при изменении законодательства, пересмотре экономических механизмов, смене хозяйственной идеологии и т.п.; криминальная экономика.

сы населения от возможного развития производственной предпринимательской сферы в постоянно расширяющуюся торговую и посредническую деятельность. Во-вторых, неотработанность правовых норм в экономике в целом и в свободной торговле в том числе привела к ее криминализации, недобросовестной конкуренции, к сращиванию предпринимательских структур с таможенными и другими государственными органами и службами.

Оценка проведенных в России монетаристских реформ позволяет сделать вывод о том, что они не обеспечили реальной демократизации хозяйства, не основывались на четких национальных интересах, не были адаптированы к реальным хозяйственным условиям, не отвечали интересам широких слоев населения. Разрушив многие существовавшие хозяйственные формы и институты, в том числе и возникшие в ходе перестройки (такие, как кооперативное предпринимательство), они не создали основ цивилизованного рынка, подменили административно-хозяйственный диктат неформально-теневым и криминальным.

Второй базовый инструмент монетаристских реформ России – приватизация – показал, что ее проведение как централизованного планово-разверсточного по отраслям, регионам, районам и предприятиям мероприятия, осуществляемого в предельно сжатые сроки, не дало экономического эффекта для народного хозяйства и населения страны. Приватизация не привела к формированию широкого слоя эффективно функционирующих собственников-предпринимателей. Реально в ходе приватизации была ликвидирована государственная собственность, причем эта ликвидация не была направлена на получение эффективных экономических и социальных результатов.

Малая приватизация поначалу создала определенные основы для расширения малого предпринимательства в стране. Однако введение обезличенного ваучера и его свободная реализация не дали возможности сформировать массовый слой производственного предпринимательства и использовать для этого имевшуюся материально-техническую базу. Ваучерный этап приватизации (1992–1993 гг.) способствовал росту спекулятивного капитала и сосредоточению на этой основе собственности в руках крайне ограниченных групп людей. Следующий денежный этап приватизации (1994–1995 гг.) расширил возможности концентрации национального богатства в руках крупных собственников, часть из которых превратилась на этой основе в олигархов, диктующих условия выработки и функционирования государственной экономической и социальной политики. Приватизация, в результате, не была направлена на создание эффективного, защищенного в правовом и экономическом отношении массового собственника, заинтересованного в развитии, расширении и росте производства. Между тем только такой собственник мог стать основой развития предпринимательства в стране. Приватизация не способствовала становлению конкурентной, демонополизированной среды. Об этом свидетельствует состояние малого предпринимательства. Экспертные оценки свидетельствуют, что материально-ресурсный и производственно-кадровый потенциал России дает возможность функционировать не менее, чем 12–15 млн ма-

лых предприятий. В то же время, по данным Госкомстата, число таковых колеблется в пределах 800–900 тыс. (с численностью около 5–6 млн чел.), причем одна треть из них находится в Москве [49]. Эти данные свидетельствуют о том, что легитимное малое предпринимательство в стране как массовое явление не сформировано.

Что касается крупных приватизированных структур, в основном акционерных обществ, то их предпринимательская деятельность, как правило, происходит вне профильной сферы в форме создания коммерческих структур для проведения торгово-посреднических операций, перепродажи ликвидных материалов, сдачи имущества в аренду, участия в сделках с ГКО и другими ценными бумагами, получения банковского процента от временно свободных средств, предоставления этих средств для "прокрутки" и т.п. Доля прибыли, получаемой от такого рода предпринимательской деятельности часто превышает 50% балансовой прибыли. Причем рядовые акционеры от такой деятельности имеют очень мало.

Перманентная экономически необоснованная смена собственников на крупных и средних предприятиях практически всех отраслей, частые сделки по продаже пакетов акций, насильственная покупка акций у рядовых акционеров, многоразовая переориентация на новые управляющие структуры, зачастую теневые, долговременные разбирательства в арбитражных судах и судах различных инстанций не способствуют развитию среднего и крупного производства, заинтересованности в нем инвесторов, устойчивости хозяйственной детельности предприятий, формированию предпринимательской среды.

Согласно монетаристской доктрине, в качестве важнейшей сферы, определяющей способы реформирования и основы выхода из кризиса, были выбраны денежно-финансовая сфера и подавление инфляции путем всемерного ограничения денежной массы. Это подорвало экономическое положение производственной и социальной сфер хозяйства, а именно в них могли бы формироваться массовые предпринимательские структуры.

Переход хозяйства на рыночные и предпринимательские основы оказался чрезвычайно сложным – стремительный рост цен, неправомерное изменение ценовых соотношений, диктуемых часто не спросом, а уровнем мировых или монопольных цен, утеря предприятиями накоплений и оборотных средств, разрыв экономических связей, сложности со сбытом продукции, рост износа основных фондов на фоне значительного усиления налогового бремени привели к резкому сокращению реального сектора, трудностям формирования в его прежде всего крупных структурах предпринимательских основ и принципов, их криминализации, необходимости поиска "крыш", поддержки лоббистских структур.

В таких условиях не обеспечивается поступление в бюджет планируемых денежных средств и, соответственно, не выполняются взятые на себя государством обязательства. Приватизация же была нацелена на единовременные отчисления в бюджет от распродажи государственных предприятий и имущества, которая часто была экономически не-

обоснованной и непродуманной. Поэтому на протяжении всего периода массовой приватизации выполнить задания по поступлению в бюджет средств от приватизации и управления государственной собственностью ни разу не удалось. В 1996 г., например, федеральным бюджетом за счет этого источника было получено всего 10,8% от намеченных сумм [50]. Приватизация не привела также к созданию устойчивого фондового рынка как важнейшего механизма развития предпринимательства, в этом числе вовлечения в него населения и накопленных населением финансовых ресурсов.

Практически на протяжении всех лет реформ государством поддерживалось формирование только одной сферы предпринимательства – финансово-банковской системы. Однако игнорирование в экономической политике необходимости развития и поддержки реального сектора на рыночных предпринимательских началах деформировало основы и характер деятельности и этой системы и в конечном счете привело ее к сильнейшему кризису и банкротству в августе 1998 г. Банковская сфера сформировалась как автономный предпринимательский сектор, нацеленный на самообслуживание, на самовыживание, скупку, а зачастую, захват отдельных ресурсно-монопольных структур реального сектора без серьезных обязательств перед ними, без инвестирования их в объемах, необходимых для реструктуризации и развития производства. В ряде случаев подобные приобретения делались в расчете на перепродажу и вывоз капитала за границу, были формой сращивания банковского капитала с государственными и теневыми структурами. Опыт привлечения средств населения, практикуемый многими банками, не только не способствовал развитию в стране предпринимательства на основе эффективного вложения этих средств в реальный сектор, но и был способом отвлечения их от последнего. В то же время не гарантировался возврат этих средств, что в очередной раз убедительно продемонстрировал кризис августа 1998 г. О сомнительном характере предпринимательской деятельности многих российских банков свидетельствуют задержки ими платежей бюджетных средств, переводимых юридическим лицам, спекулятивная "прокрутка" этих ресурсов и т.п. Такая банковская система, да еще при выраженном безразличии государства к реальному сектору, не выполняла кредитных функций. В результате банковское предпринимательство в целом крайне ограниченно способствовало развитию национального предпринимательства.

На сдерживание развития предпринимательства в стране серьезное влияние оказала ориентация экономической политики на жесткое ограничение денежной массы у предприятий, породившая платежный кризис и появление разного рода денежных суррогатов и бартера. В сочетании с высоким уровнем налогов, несовершенством и переменчивостью налоговой системы это обусловило нарастание бюджетного дефицита, увеличило неплатежи, ухудшило положение всех предпринимательских структур и малых, и средних, и крупных во всех хозяйственных сферах, включая банковскую.

Дефицит бюджета и отсутствие достаточной финансовой базы развития реального сектора привели к изменениям в структуре постоянно

нарастающей задолженности каждого всем и всех каждому. Если в первые годы реформ преобладала задолженность предпринимательских структур друг другу (ее доля в 1992–1993 гг. в общей сумме задолженности достигала 80%), то начиная с 1995 г. просроченные платежи распространялись на взаимоотношения предпринимательских структур различных сфер с государством.

Государство, все более вовлекаясь в орбиту неплатежей по госзаказу, по федеральным программам, по финансированию работников бюджетной сферы и т.д., оказалось не способным выполнять свои обязательства по обслуживанию внутреннего и внешнего долга и еще раз обобрало население, своих кредиторов и инвесторов (в том числе крупные банки), фактически оказавшись банкротом.

Таким образом, основной урок развития предпринимательства в ходе реформирования экономики страны в последнее десятилетие (навязывание безальтернативной экономической политики, безответственность принимаемых решений и т.п.) заключается в том, что главную опасность для экономики России, развития в ней рынка и предпринимательства (так же, как и в прошлом) представляют реализуемая социально-экономическая стратегия российского государства, и власть, осуществляющая эту политику.

Это подтверждается и тем, что неформальная экономика во всех ее проявлениях (легитимных, теневых и криминальных) достигла масштабов, свидетельствующих о процессе перерождения *системы* экономических отношений. Если еще в 1992 г. теневая экономика давала 20%, в 1995–1996 гг. 25–40% ВВП, то к 1998 г. эти цифры достигли 40 –70%. (Допустимый уровень доли теневой экономики в ВВП по критерию угрозы национальной безопасности не должен превышать 10–30%, а по критерию относительного благополучия экономики – 5–10%) [51]. Это означает, что неформальные экономические отношения, по существу, все больше переплетаются с формальными и подменяют их.

Можно говорить о том, что к 1998 г. оказалась разрушенной старая и не создана новая общественная система, которая должна выступать в качестве стержня социально-экономического развития страны. Такой стержень не возник ни в политическом, ни в правовом, ни в экономическом аспектах. Отсутствует стратегия становления целостной социально-экономической системы, которую можно было бы противопоставить неформальной (в современном российском случае теневой и криминальной). Этим отличается современная ситуация от той, что была в огосударствленной системе, по отношению к которой неформальная экономика выступала в качестве второй, параллельной. Теперь же неформальную (теневую и криминальную) экономику вполне правомерно рассматривать как неразрывную с формальной, а в ряде случаев как подменяющую формальную, и прежде всего в предпринимательской сфере. Это свидетельствует о том, что крах исторически обреченной огосударствленной системы, в силу избранной экономической стратегии, не стал началом очищения социально-экономических отношений от тенденций нарастания их нелегальных форм.

Неформальная экономика охватывает все новые сферы, а ее проявления, свидетельствующие о глубоком извращении сути предпринимательства, становятся все более многообразными. Имеющаяся статистика свидетельствует о следующей динамике процессов в сфере неформальной экономики. Если в 1993 г. скрытая оплата труда составляла, по официальным данным, 5%, в 1994 г. – 9%, то в 1995 г. – 10% ВВП. Сопоставление доходов и расходов населения давало расхождение в 1993 г. – 1 трлн руб., в 1994 г. – 22,2 трлн рубл., в 1995 г. – 53,6 трлн неденоминированных руб. [52]. Экстраполяция приведенных цифр дает астрономические размеры теневых оборотов в настоящее время, а состояние реального сектора и бюджета государства свидетельствуют о том, что этот процесс прогрессирует. По имеющимся оценкам, реальные расходы населения в 1999 г. превышают его реальные доходы в 2–3 раза; из 200 млрд руб., переданных в 1998 г. в регионы, 85 млрд руб. разворовано. Ежегодная утечка капиталов из страны, по данным ЦБ, составляет 10–15 млрд долл., а по данным МВД, – 25 млрд долл.

Анализ фактов проявления неформальной экономики, позволяет выделить основные направления ее эскалации в стране, которые можно подтвердить обширными материалами средств массовой информации и конкретными примерами ситуации в регионах и хозяйственных структурах. Во властных структурах теневая экономика проявляется в коррупции, взяточничестве, продаже коммерческой информации, ненадежности правительственных контрактов, использовании теневых капиталов при организации выборов, допущении беззакония при реализации собственных решений, проникновением криминальных элементов в структуры власти и т.п. В банковской сфере оборачиваются ресурсы, полученные в нелегальной экономике путем рэкета, "черного нала", сокрытия доходов, ухода от налогов, заключения фиктивных договоров и контрактов, незаконного вывоза капитала за границу, оплаты криминальных синдикатов территориальными и предпринимательскими структурами и т.д.

Процветает лоббизм в формировании законодательства.

С точки зрения развития предпринимательства Россия близка к тому состоянию, когда основная его часть испытывает неуверенность, действительно ли действует в стране государственно (официально) установленный хозяйственный правопорядок или надо ориентироваться на функционирующие нелегальные нормативные системы ("крыши"), поскольку часто именно они возвращают субъектам предпринимательства необходимую уверенность, но уже на неформальной (нелигитимной, нелегальной, теневой) основе. Такими неформальными отношениями охвачены значительные слои предпринимательства (по данным социологических обследований, свыше 80% общей численности предпринимателей). Они все чаще используются для получения государственных должностей, значительных нелегальных доходов от исполнения властных функций, а также гарантируют личную безопасность и социальные привилегии.

8.4. Среда развития предпринимательства

Создание широкого и эффективного предпринимательства возможно только при новой и четко сформулированной стратегии развития общества, основу которой должны составлять преобразования, меняющие характер становления и структуру экономических отношений в стране. Формирование экономических отношений и предпринимательства по вертикали "сверху вниз" должно быть дополнено вертикалью "снизу–вверх", означающей развитие инициативы и деятельности населения, первичных хозяйственных структур, территорий в соответствии с их интересами, особенностями конкретных условий и т.д. Последняя вертикаль должна стать решающей в развитии предпринимательства. Государство же должно создавать и гарантировать нормативную правовую и экономическую среду, обеспечивающую эффективное развитие предпринимательской инициативы снизу в ее различных формах.

Это станет возможным при реальной демократизации экономики, создающей основы развития смешанного хозяйства, каждому из секторов которого будут гарантированы: лигитимная формально-правовая среда; возможность создания необходимой организационной, информационной и производственной инфраструктуры; открытость используемых государством экономических механизмов, исходя из принципа "не навреди", и обеспечение взаимосвязи этих механизмов; равенством стартовых условий всем предпринимательским структурам, независимо от их размеров и сфер деятельности. Это, в свою очередь, будет означать не что иное, как создание в стране конкурентной среды, без которой невозможно массовое и легитимное предпринимательство.

Развитие легитимного предпринимательства в многообразных формах (социальных, отраслевых, территориальных), тормозится, в частности, высоким уровнем монополизации экономики.

Монополизм созданных в прошлом отраслевых и региональных хозяйственных структур, монопольный диктат производителя над потребителем, монопольное положение крупного производства и т.п. не были в достаточной степени учтены при выборе и реализации монетаристской концепции реформирования экономики. Либерализация экономики осуществлялась без преобразования самих хозяйственных основ монопольных структур, без создания жестких антимонопольных систем регулирования экономики и контроля над монополистами. Планово-административные регуляторы были отменены, а механизмы противодействия монополизму в условиях зарождающегося рынка не созданы. Отсутствие таких условий означает сужение конкурентной предпринимательской среды, задержку формирования предпринимательских структур, несбалансированность, асимметричность развития экономики. По существу последнее наиболее характерно в настоящее время для России.

Следующие один за другим переделы собственности без ее приумножения, сделки – однодневки между хозяйственными структурами в целях сиюминутного выживания без ориентации на перспективу, боязнь и нежелание создавать кредитную инфраструктуру в целях разви-

тия реального производства, физическое уничтожение конкурентов и т.п. – таковы ныне некоторые составляющие предпринимательской среды в России.

Изменение сложившейся в предпринимательстве ситуации возможно при создании ряда условий.

Прежде всего необходимо становление многосекторного хозяйства охватывающего все отрасли и сферы экономики. Многосекторное хозяйство понимается как хозяйство сбалансированное, в котором каждый социально-экономический сектор как совокупность предприятий и хозяйственных структур, основанных на соответствующей форме собственности, занимает экономическое пространство в меру своей конкурентопособности. В принципе же в основе развития экономических отношений лежит индивидуальный хозяйственный интерес, а как реализовать этот интерес должны решать сами люди через государственные хозяйственные структуры, корпоративные организации, собственную предпринимательскую деятельность. Государство при этом должно создать институциональный аппарат, экономические условия, хозяйственные механизмы и социальную среду, содействующие реализации членами общества их экономических интересов. Экономические функции государства состоят в том, чтобы создать легитимные условия для развития конкурентной предпринимательской среды, в которой государство может создавать и собственные предпринимательские структуры, функционирующие на общих рыночных конкурентных основах.

В таких условиях каждый сектор займет свою нишу, сформирует свои хозяйственные структуры и будет расширяться или сокращаться в зависимости от экономической конъюнктуры и собственных возможностей, а экономика страны в целом станет реально многосекторной. Важным условием должна быть возможность свободного, а не принудительного выбора людьми той формы реализации своих экономических интересов, которая их больше устраивает в данных условиях. Государство же должно гарантировать социально-экономический динамизм соотетствующими правовыми и хозяйственными механизмами и институтами.

Следует заметить, что многообразие социально-экономических форм хозяйства (моногосекторность экономики) не самоцель, а средство создания конкурентной среды, необходимое условие функционирования симметричной и сбалансированной экономики, в которой демонополизация и конкурентная среда являются естественным состоянием, а потребности и возможности нелигитимных и теневых отношений сводятся к минимуму. В условиях многосекторной экономики создание новых хозяйственных структур и включение их в экономическую деятельность будет определяться конкурентоспособностью, умением действовать в рыночных условиях, а не силой или получением неформальных преференций.

В определенном смысле предпосылки для создания многосекторного хозяйства постепенно создаются, что проявляется в существенном расширении действующих в экономике страны социальных хозяйственных форм, основанных на различных формах собственности.

В госсобственности сохранились преимущественно крупные предприятия. По формам собственности структура предприятий в 1997 г. выглядела следующим образом: 9,3% из общего числа предприятий (организаций) в стране – это государственные предприятия, 7,3% – муниципальные, 5,2% – общественные организации, 69,1% – частные, 9,1% – смешанные, а также принадлежащие иностранцам и лицам без гражданства.

Если в 1985 г. государственные основные фонды составляли 90%, а негосударственные – 10%, то в 1996 г. – соответственно 45% и 55%. В 1985 г. денежные доходы населения формировались на 74,8% за счет оплаты труда, на 16,4% – за счет доходов от собственности и 7,2% – за счет доходов от предпринимательской деятельности. В 1996 г. эта структура изменилась и выглядела следующим образом: 40,5%; 14,1% и 40,2%, соответственно.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в стране преодолен государственный монополизм в институциональной структуре и созданы предпосылки для функционирования многосекторного хозяйства. Однако и общая структура экономики и состояние каждого из складывающихся ее секторов не свидетельствуют о завершенности этого процесса. Более того, имеются серьезные деформации как в общей структуре экономики страны, так и в каждом из социальных секторов хозяйства.

Действительно, общая структура сложившегося многосекторного хозяйства существенно сужена даже по сравнению с теми возможностями, которые ей открывает Гражданский Кодекс РФ. Как уже отмечалось, слабо развит кооперативный сектор. В некоторых отраслях, где он мог бы успешно развиваться, его вообще нет. Малое предпринимательство, включающее малые предприятия различных форм собственности (государственной, муниципальной, частной, акционерной, совместной, долевой и т.п.), не использует те возможности, которые имеются в стране для его развития, особенно местные ресурсы, не включенные в хозяйственный оборот.

Малое предпринимательство действует преимущественно в торгово-посреднической сфере. Даже в Москве, где для малого предпринимательства созданы более благоприятные условия, чем в других регионах страны, его доля по числу занятых в промышленности составляет 14,3%, а в сфере торговли – 27,3% [53]. О том, что малое предпринимательство слабо распространено в производственной сфере свидетельствуют данные социологических обследований. Так, по данным на 1997 г., лишь 10% лиц, занимающихся индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельностью без привлечения наемного труда, были заняты ремонтом и строительством, а 14% имели свои фермы. В то же время 36% респондентов были "челноками", 23% торговали в ларьках и палатках. Частным извозом занимались 3%, составлением компьютерных программ – 2%, изготовлением художественных изделий на продажу – 3%. В малых частных предприятиях, использующих наемный труд, 50% опрошенных предпринимателей заняты бытовым обслуживанием, 35% – розничной и оптовой торговлей, 3% – автосер-

висом, 2% оказывают услуги связи. Производственной деятельностью заняты 12% предпринимателей этой группы, из них 2% производят товары ширпотреба, 2% имеют типографии и издают книги, 8% заняты ремонтом и строительством [54].

Во многих сферах обслуживания, непосредственно связанных с населением, действуют хотя и малые, но монопольные структуры, например в жилищно-коммунальном хозяйстве.

Для современной России характерна концентрация экономической власти на всех уровнях управления, причем происходит усиление этой власти по мере повышения уровня управления и поддержки властью выгодных для нее хозяйственных структур. В результате административное давление на реальный сектор не только не ослабло за годы реформ, но по некоторым аспектам даже усилилось. Об этом свидетельствует не всегда обоснованное вмешательство в хозяйственную деятельность предприятий представителей госорганов, разрастание управленческого аппарата, рост его закрытости, коррумпированности и безнаказанности: с 1985 г. по 1997 г. аппарат органов управления вырос более, чем в 1,5 раза.

Отсутствие четкого разграничения полномочий между различными уровнями власти (в частности, региональной и местной) в экономической сфере ограничивает экономические возможности низовых уровней по поддержке предпринимательства и формированию предпринимательской среды. Слабость финансовой базы низовых территориальных уровней, их финансовая и в целом экономическая зависимость от более высоких уровней, мешает демонополизации хозяйства, не создает условия здорового взаимодействия предпринимательских структур на территории между собой и с муниципальной властью. Например, доходная часть фонда финансовых ресурсов районов города Москвы формируется не прямо за счет поступлений в этот фонд законодательно установленных размеров средств из соответствующих источников (от аренды нежилых помещений, рекламы на территории и т.п.), а сложным путем через комитет по имуществу и префектуры округов. Это осложняет контроль, вуалирует реальные доходы, не дает возможности районам стимулировать те формы предпринимательства, которые в большей мере соответствуют интересам и нуждам жителей.

Монетаристская политика при либерализации цен и внешней торговли, сближении мировых и внутренних цен, лишила отечественного предпринимателя возможности развиваться, используя сырьевую базу и другие ресурсы страны. В массе своей он оказался неспособен конкурировать не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. Как ни парадоксально, но кризис августа 1998 г., приведший к резкому сокращению импорта, может способствовать развитию отечественного предпринимательства и его выходу на внутренний рынок, созданию естественной конкурентной среды. Уже положено начало созданию конкурентного рынка в пищевой промышленности, создаются условия для его формирования в легкой, деревообрабатывающей и других отраслях.

В стране имеются условия для позитивных перемен в сфере предпринимательства. Предпосылками таких перемен являются осознание пагубности для страны происходивших в экономике процессов и желание основной части населения изменить сложившуюся ситуацию, попытки отказаться от ранее проводимого курса, найти механизмы возрождения реального сектора и легитимного предпринимательства.

Глава 9

ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОНОПОЛИИ И СТАНОВЛЕНИЕ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Одной из существенных особенностей российской экономики, влияющих на становление рыночных отношений, конкуренции, предпринимательства и формирование хозяйства смешанного типа, является значительный удельный вес естественных монополий. Неоднозначность влияния естественных монополий на трансформацию российской экономики обусловлена различиями в самих этих монополиях и их внутреннем устройстве, используемыми способами государственного регулирования, низкой степенью развитости и несбалансированностью рынков.

В сложившейся в России ситуации естественные монополии в зависимости от особенностей экономической политики и институциональных преобразований могут существенно ограничить конкуренцию на внутреннем рынке и деформировать рынок и, наоборот, содействовать структуризации хозяйственных связей, организации экономического пространства, созданию опорных конструкций инфраструктуры и т.д. А это будет содействовать развитию предпринимательства, формированию эффективных типов хозяйства. Кроме того, естественные монополии, если они становятся эффективно организованными и функционирующими структурами, – один из важнейших факторов защиты экономических интересов страны в конкуренции на внешних рынках.

9.1. Экономика и естественные монополии: факторы и последствия взаимовлияния

Для выяснения роли воздействия естественных монополий на социально-экономическое развитие России вообще, и рыночные отношения в частности, надо рассмотреть основные факторы, влияющие на возможные варианты взаимодействия монополий с экономикой, ее отдельными сферами и сегментами.

Среди таких факторов прежде всего можно выделить характер самих естественных монополий с точки зрения их хозяйственно-производственной структуры – представляет ли собой компания, признаваемая в соответствии с законодательством естественной монополией, только собственно естественную монополию или же она является вер-

тикально-интегрированным или конгломеративным образованием, имеющим в своем составе естественную монополию как базу всего монопольного образования. Влияние этих двух типов естественных монополий на предпринимательство, конкуренцию, рынок, типы хозяйства будет различным. В свою очередь воздействие экономики на них также может быть различным.

Второй фактор – характер и цели государственного регулирования естественных монополий. Речь в данном случае идет о принципах, методах и целях регулирования ценообразования в рамках естественных монополий (метод предельных издержек, метод средних издержек), дотационности или прибыльности отдельных монополий, возможности возложения на них государством социальных или иных функций, по своей природе относящихся к сфере деятельности самого государства.

Третий фактор – уровень и тенденции экономического и социального развития страны. Движение российской экономики от огосударствленной системы и огосударствленного рынка с доминированием государственных монополий в большинстве сфер хозяйственной и предпринимательской деятельности к формирующейся рыночной экономике с наличием крупных монополистических образований накладывает свой отпечаток на особенности предпринимательства, конкуренции и структуры субъектов хозяйства в отраслях, сопряженных с естественными монополиями. Это в свою очередь отражается на состоянии и тенденциях развития самих монополий, в том числе на их возможностях и заинтересованности в выходе за пределы основной сферы деятельности посредством подчинения себе связанных и даже не связанных с ними структур, приобретении новых зон влияния и т.д.

Поэтому важно определить характер влияния естественных монополий разных типов на сопряженные с ними рынки, на состояние конкуренции на них и, соответственно, на развитие предпринимательства и разных форм хозяйства.

Если говорить о классическом случае естественной монополии, когда уровень минимальных средних издержек совпадает с таким объемом производства, что одна хозяйственная структура обеспечивает весь необходимый объем производства и реализации, а любое разукрупнение (даже если таковое возможно) приводит к росту издержек, то вопрос о конкуренции в рамках рынка основного продукта естественной монополии практически лишается смысла. Наличие естественной монополии фактически означает ликвидацию конкуренции на рынке основного продукта. Тем не менее элементы конкурентности возможны и здесь, даже если теоретически рассматривать рынок естественной монополии в чистом виде. Речь идет о развитии научных исследований в области разработки и предоставления альтернативных, т.е. взаимозаменяемых товаров или услуг. Из того, что в настоящее время практически все альтернативные виды услуг однозначно неконкурентоспособны относительно объемов и издержек естественной монополии, еще не следует, что развитие научно-технического прогресса на определенной стадии не решит эту проблему. Следовательно, в этой сфере

целесообразно создание предпринимательских структур разных типов, которые будут стимулировать более рациональное ведение монопольного хозяйства.

Иное влияние на предпринимательство и рынки оказывают монополии конгломеративного или вертикально-интегрированного типа, ядро которых составляет собственно естественная монополия. В этом случае имеются основы для существенного искажения и подрыва конкуренции в рамках сопряженных отраслей. Манипулирование с ценами и объемами производства в данном случае для потребителя фактически скрывается результатами деятельности сопряженных звеньев (объем продукции или услуг, качество, цены). Соответственно должна существенно усложняться схема государственного регулирования таких естественных монополий. Традиционные методы ценового и объемного регулирования естественных монополий в данной ситуации не ослабят негативного монопольного влияния на рынок, на конкуренцию и предпринимательство.

Специфическое воздействие на конкурентную ситуацию в экономике оказывает такая форма государственного регулирования, как вменение естественным монополиям отдельных квазигосударственных функций, например, социальной (модель перекрестного субсидирования). Суть этой широко распространенной как в России, так и в странах с рыночной экономикой модели сводится к тому, что часть социально значимых потребителей получает продукцию естественной монополии по пониженным тарифам фактически за счет других потребителей, для которых тариф повышается. В этом случае существенно модифицируется конкурентная ситуация на рынке потребителей продукции естественных монополий – стимулируется расширение потребления субсидируемого сегмента при одновременном подрыве конкурентоспособности субсидирующего сегмента. Масштабы искажения конкурентной ситуации в этом случае определяются масштабами данной формы субсидирования. В настоящее время в мировой практике (с определенной долей условности) просматриваются два основных направления использования перекрестного субсидирования через систему естественных монополий. Первое из них предполагает регулирование и поддержание относительно пониженного (на уровне предельных издержек) уровня тарифов для внутреннего потребителя и полное отсутствие такого регулирования во внешнеэкономической сфере деятельности (например, государственная корпорация Сасктел, Канада). Второе направление связано с внутренним перекрестным субсидированием в зависимости от типов потребителей. Если в первом случае практически не происходит ощутимого искажения конкурентной ситуации в стране, то во втором искажение весьма значительно.

Функционирование естественных монополий может оказывать определенное модифицирующее влияние на рынок труда. В рамках общенационального рынка труда такое влияние не будет существенным, однако на локальных рынках труда оно может ощущаться достаточно сильно. Это касается в первую очередь величины цены спроса на рабочую силу. Естественная монополия имеет возможность предложить от-

носительно более высокую, по сравнению со сложившейся рыночной, ставку оплаты труда. В России в рамках локальных рынков это приводит к повышению в среднем ставок предложения труда в регионах со значительными долями естественных монополий. Последствия здесь могут быть двух видов. Первое, связанное с искажением качественной составляющей данного рынка – привлечение относительно более квалифицированных работников на относительно менее квалифицированную работу. Второе – предприятия других отраслей либо проигрывают конкуренцию за квалифицированных работников, либо вынуждены предлагать ставку оплаты труда, превышающую уровень, экономически целесообразный для данного конкретного рынка. Результатом становится деформирование локальных рынков труда в регионах активного функционирования звеньев естественной монополии. Это наиболее ярко проявляется, если действуют не чисто естественные монополии, а конгломеративные образования, в которых естественные монополии составляют лишь ядро.

Влияние естественных монополий на состояние конкуренции на рынках, где они выступают потребителем товаров и услуг, нельзя оценить однозначно. В зависимости от конкретных обстоятельств оно может быть негативным (ограничивать конкуренцию) или позитивным (ее стимулировать). Ограничение конкуренции возникает как следствие слияния (или поглощения) части ранее конкурировавших поставщиков, либо как проявление монополии потребителя (монопсонии), например при навязывании поставщикам неэффективных для общества технических, физических или финансовых параметров потребляемых товаров или услуг.

Стимулирование конкуренции возникает в условиях, когда естественная монополия, имея возможность предложить относительно более высокую цену за товары (услуги) более высоких технических или физических параметров, тем самым стимулирует конкуренцию среди поставщиков.

Позитивный или негативный характер воздействия естественных монополий на конкуренцию на рынках потребляемых товаров зависит от большого числа факторов, ключевые из которых:

совпадение или несовпадение монопсонии (или ситуации, близкой к монопсонии) с естественной монополией. Классическим соединением этих двух видов монополии в России является железнодорожный транспорт. МПС по многим номенклатурным позициям – единственный потребитель, причем по большинству из этих позиций непосредственная переориентация на экспорт технически невозможна. Такая ситуация ведет как к сдерживанию технических инноваций, так и к уходу с рынка части производителей или блокированию их появления;

характер и методы регулирования естественной монополии государством. Метод регулирования по предельным издержкам при теоретической максимизации народнохозяйственного эффекта (с точки зрения соотношения объема производства и цены) зачастую на практике ведет к необходимости субсидирования монополии и делает практически невозможным стимулирование конкуренции между поставщиками

путем ценового поощрения технического прогресса. Использование при государственном регулировании в качестве базового метода средних издержек приводит к ограничению объемов производства и, соответственно, к ограничению объемов потребления товаров и услуг на смежных рынках, что также может негативно сказываться на конкурентной ситуации. Поэтому способы регулирования должны выбираться исходя из конкретной ситуации и обладать достаточной подвижностью при ее изменении.

Влияние естественной монополии на конкурентную ситуацию на финансовых рынках связано не столько собственно с естественной монополией, сколько с ее производственно-хозяйственной и организационной структурами и ролью в экономике тех образований, в состав которых входит естественная монополия. В этом случае ее влияние на финансовые рынки (главным образом со стороны спроса на финансовые ресурсы) будет аналогично влиянию любой иной монополистической структуры такого же масштаба. Способ регулирования деятельности естественных монополий и в этом случае будет накладывать определенный отпечаток на их поведение на финансовом рынке. В случае регулирования по методу предельных издержек воздействие естественных монополий на финансовые рынки фактически будет следствием ее ухода с этих рынков. Бремя же ее финансирования в этом случае перекладывается на бюджетную систему. При регулировании естественной монополии по методу средних издержек (или при неэффективном регулировании по методу предельных издержек) большие возможности компаний, включающих в свой состав естественные монополии, по привлечению средств с финансовых рынков могут привести к вытеснению с рынков заемщиков, не способных конкурировать за займы по относительно повышенным ставкам. Соответственно будет нарушена общая конкурентная ситуация на этих рынках.

Преодоление или ослабление различных направлений негативного влияния естественных монополий на развитие предпринимательства и рынков преимущественно может основываться на совокупности способов и методов, стимулирующих формирование в них рыночных структур и конкурентной среды с учетом объективных особенностей этих монополий, тенденций их трансформации и реального состояния экономики.

9.2. Особенности развития рыночных структур и конкуренции в отраслях естественных монополий

Рациональная организация отраслей естественных монополий в принципе имеет общие черты с отраслевой организацией рыночных структур. Естественная монополия может рассматриваться как вариант отраслевого рынка с объективно высоким уровнем концентрации производства и монопольной власти, предполагающий активное регулирующее воздействие со стороны государства с целью поддержания и развития эффективной конкуренции.

В то же время отрасли естественных монополий обладают рядом технологических и экономических особенностей, которые объективно способствуют развитию тенденций к ограничению как внутренних, так и внешних (по отношению к этим отраслям) конкурентных начал и механизмов. Следовательно, способы государственного регулирования, и вообще воздействия на формирование рыночных структур в отраслях естественных монополий должны учитывать особенности последних и блокировать их возможное негативное воздействие на конкуренцию и предпринимательство. Среди таких особенностей можно выделить несколько наиболее важных:

теснота и регулярный характер технологических связей между стадиями создания конечного продукта, которые требуют поддержания определенных технологических и экономических пропорций во взаимодействии между хозяйствующими субъектами, рационального перераспределения риска между ними. Тесная технологическая зависимость различных стадий производственного цикла в большей мере свойственна таким видам деятельности как электро- и газоснабжение, кабельное телевещание или проводная телефонная связь. В меньшей степени она характерна для нефтяной отрасли, современных телекоммуникационных систем;

сложность и комплексность основных технологических процессов, что предопределяет необходимость объединения различных видов смежной и вспомогательной деятельности;

низкая эластичность и спроса и предложения по цене, обусловленная особой социальной и экономической значимостью, жизненной необходимостью продукции естественных монополий и ограниченными техническими возможностями ее замещения продукцией других секторов хозяйства;

высокие входные барьеры для новых вторжений на рынок и ухода с него, что связано прежде всего с наиболее значительными в сравнении с другими секторами рынка необратимыми издержками (sunk cost), т.е. размерами того капитала, который может быть утрачен при уходе фирмы с рынка. Значительные необратимые издержки в отраслях естественных монополий в свою очередь обусловлены высокой капиталоемкостью большинства стадий единого технологического цикла и преимущественно узкоспециализированным характером используемого здесь оборудования и иных материальных активов.

Данные черты отраслей естественных монополий способствуют росту концентрации и развитию различных интеграционных схем взаимодействия экономических субъектов. В связи с этим наиболее широкое распространение получило вертикальное интегрирование, охватывающее практически все стадии производственно-экономического цикла. Традиционно активно используется так называемая интеграция "назад" с поставщиками сырья и полуфабрикатов, позволяющая расширить доступ к надежным источникам сырья, что особенно важно, учитывая ограниченность и постепенное истощение основных запасов невоспроизводимых природных ресурсов.

На современном этапе в условиях активного внедрения инноваций, замещающих жесткие технологические процессы новыми технологиями дискретного характера, в отраслях естественных монополий все чаще на первый план выходят чисто экономические и сбытовые проблемы. Усиливается стремление производственных компаний к контролю над рыночной средой. С этим связана тенденция к расширению последовательной интеграции, т.е интеграции "вперед", объединяющей этапы производства, оптовой торговли и розничной реализации услуг конечным потребителям.

Основу вертикальных объединений здесь, как правило, составляет интеграция собственности, позволяющая минимизировать трансакционные издержки, связанные с преобладанием узкоспециализированных активов и высокой капиталоемкостью основных производственных процессов. Чаще всего ведущая роль здесь принадлежит государству, но масштабы и формы его участия существенно дифференцированы по различным странам и сферам регулирования.

Так, для нефтегазового и электроэнергетического секторов в США и Великобритании характерна достаточно высокая доля частной собственности. При этом заметная роль здесь принадлежит крупным банкам. В последнее время все более активную роль как в собственности, так и в управлении компаниями начинают играть крупные институциональные инвесторы (инвестиционные и пенсионные фонды, трастовые и страховые компании и т.п.). В странах континентальной Европы преобладает смешанная форма собственности и сохраняется достаточно высокая доля прямого участия государства в капитале крупных энергетических, нефтяных, коммуникационных компаний. Вместе с тем здесь также наблюдаются тенденции к снижению доли государственного капитала. Более выражены они в сфере телекоммуникационного бизнеса[1]. Свои особенности имеет ситуация в основных нефтедобывающих странах Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Здесь безусловной доминантой остается государственная собственность[2].

Достаточно широкое распространение вертикального интегрирования на основе объединения собственности вместе с тем не означает, что данное направление трансформации структуры естественных монополий является единственным. Их институциональная и организационная структуры весьма многообразны и в современных условиях существенным образом трансформируются под воздействием ряда объективных факторов, способствующих устранению или по крайней мере, ослаблению естественной монополии и повышению возможностей развития конкуренции. К числу таких факторов можно отнести следующие:

---

[1] В настоящее время во Франции реализуется программа частичной приватизации крупнейшей государственной компании "Франс телеком", осуществляющейся путем дополнительной эмиссии 25% акций, часть из которых на льготных условиях размещается среди персонала самой компании.

[2] Например, в Саудовской Аравии все нефтяные компании принадлежат правительству либо полностью, либо в рамках владения контрольным пакетом акций.

развитие новых технологий, снижающих порог минимально эффективного объема производства, при котором может быть получена максимально возможная экономия средних издержек. Примеры такого рода технологических прорывов особенно характерны для сектора телекоммуникаций. Развитие технологий электронной передачи письменных сообщений, появление спутниковой и оптико-волоконной связи и др. инноваций снизили барьеры для новых вторжений в этот сегмент рынка, активизировали конкуренцию в интересах непосредственных потребителей услуг[3]. Технологические новации, способствующие минимизации эффективных масштабов производства, характерны и для других отраслей, в частности для электроэнергетики, где с развитием атомных станций и малых электростанций заметно ослабла естественная монополия сетевой передачи энергии;

истощение запасов углеводородного сырья на уже эксплуатируемых и на вновь осваиваемых месторождениях, которое при прочих равных условиях снижает монопольную власть крупных вертикально-интегрированных компаний и повышает конкурентоспособность средних и мелких фирм, разрабатывающих небольшие месторождения или осуществляющих "вторичную" разработку пластов;

относительное снижение эффективности крупных компаний вследствие неэкономичной диверсификации и усложнения системы управления и контроля за их деятельностью создает предпосылки для более активного использования контрактных форм взаимодействия как определенной альтернативы жестким организационным структурам, основанным на интеграции собственности и соединения всех технологических стадий производственного цикла;

развитие новых, в первую очередь электронных систем контроля и передачи информации, способствует сглаживанию информационной асимметрии для производителя и потребителя и расширяет возможности воздействия сигналов обратной связи в отраслях с признаками естественной монополии;

развитие фондового и финансового рынков создает предпосылки для получения дополнительных источников привлечения капитала и одновременно закладывает основы для развития института аутсайдерского рыночного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов в отраслях естественных монополий.

Перечисленные выше факторы отражают наличие определенных предпосылок для преодоления монопольной власти сверхинтегрированных крупных структур и формирования конкурентной среды в тех сферах экономической деятельности, где возможности эффективного саморегулирования объективно ограничены. Вместе с тем реализация этих предпосылок требует значительного усиления и изменения методов регулирующего воздействия со стороны государства. Значительный позитивный опыт трансформации структуры и модели поведения

---

[3] Например, с появлением микроволнового радио и спутниковой связи технически была устранена монополия на дальнюю телефонную связь такого гиганта как "American Telephone & Telegraph".

хозяйствующих субъектов в отраслях естественных монополий накоплен в США и ряде других стран с развитой рыночной экономикой. В последние два десятилетия здесь разработаны и реализуются несколько крупных государственных программ реструктуризации и развития конкуренции в электроэнергетическом и газовом секторах, в сфере телекоммуникаций, а также в системе воздушных и железнодорожных сообщений.

В основу новых подходов к регулированию деятельности отраслей с признаками естественной монополии положен принцип разграничения потенциально конкурентной и естественно монопольной сферы, позволяющий рационализировать необходимое государственное воздействие в этих отраслях. Основной целью здесь является сокращение неэффективного затратного государственного регулирования и замещение его там, где это возможно и целесообразно, механизмами рыночного регулирования.

Имеющийся опыт организации и трансформации рыночных структур в сфере естественных монополий позволяют выделить несколько основных условий, которые должны быть приняты во внимание при осуществлении такой трансформации и становления в ходе ее смешанного хозяйства, в том числе и в России.

Первое. Если отрасль – естественный монополист ранее находилась в полной государственной собственности, то в процессе ее реструктуризации необходимо обеспечить плавное замещение прямого государственного контроля эффективным антимонопольным регулированием. Если отказ от прямого государственного участия, например через сокращение доли государственной собственности в капитале ведущих сырьевых и энергетических компаний, не сопровождается адекватным усилением антимонопольного контроля, монопольное поведение отдельных экономических субъектов может даже усилиться[4].

Второе. Поскольку переход от жесткого государственного регулирования к регулированию на основе рыночной конкуренции никогда не бывает одномоментным и полным, важно следить за тем, чтобы на промежуточных этапах процесса регулирующие правила оставались едиными для всех субъектов конкуренции формирующегося рынка.

Третье. Органы государственного регулирования могут иметь в данной сфере не только цели создания конкурентной среды. Так, от поставщиков электроэнергии и услуг телефонной связи государство может требовать бесперебойного и на льготных условиях обеспечения определенных функций (энергоснабжение социально значимых потребителей, связь в экстренных ситуациях и т.д.), допуская, что соответствующие затраты будут покрываться за счет других клиентов. Дополнительные требования могут быть также связаны с задачами по охране окружающей среды. Все это вызывает необходимость сохранения пря-

[4] В Великобритании в начале 90-х годов была ликвидирована правительственная монополия в электроэнергетике. Энергетические (за исключением ядерных) мощности, ранее принадлежавшие государству, были разделены между двумя крупными фирмами. В результате была создана дуополия, повлекшая за собой повышение рыночных цен вследствие недогрузки генерирующих мощностей.

мого государственного регулирования подобных функций. Важно, чтобы такие регуляторы, с одной стороны, и меры антимонопольной политики, с другой, не вступали в противоречия.

В качестве одного из ключевых направлений трансформации в целях поддержания конкурентной среды в отраслях естественных монополий обычно выделяется обеспечение свободного доступа независимых производителей к сетевой инфраструктуре (магистральным трубопроводам, системам передачи и распределения электроэнергии и т.п.). Конкретные методы его реализации при этом могут существенно различаться.

Наиболее радикальным можно считать метод приватизации и разделения вертикально интегрированных структур. Однако издержки разделения крупных компаний в целом ряде случаев могут быть неоправданно высокими вследствие двух основных моментов: возможных потерь, связанных с утратой эффекта масштаба и опасности невыполнения уже имеющихся обязательств. В России, с учетом ее территориальных особенностей состояния хозяйственных связей и общего экономического положения, этот метод должен применяться с особой осторожностью и при высокой степени обоснованности.

Менее радикальным, но более сложным и многоаспектным является метод "выделения из связки" или "распакечивания". Обычно выделяются два направления "распакечивания": функциональное и операционное.

В первом случае, как правило, сохраняется монополия системного транспортировщика электроэнергии, углеводородного сырья и т.п.[5]. Но при этом в соответствии с нормами антимонопольного законодательства устанавливаются жесткие требования, во-первых, открытого доступа для независимых производителей ресурсов через институт контрактных соглашений, во-вторых, установления единых цен для независимых производителей и для собственных внутренних производителей.

При операционном "распакечивании" может учреждаться (обычно на локальном уровне) независимый оператор, который управляет процессом передачи и распределения ресурсов, обеспечивая открытый доступ к ним и прозрачное ценообразование. При этом монополист сохраняет собственность на соответствующие материальные активы. Основной формой взаимодействия здесь также могут быть контракты. Они, как правило, заключаются на более короткие сроки и позволяют динамизировать процесс распределения ресурсов в зависимости от изменения платежеспособного спроса и потребительских предпочтений.

Вместе с тем подобные структурные изменения сами по себе не гарантируют улучшения конкурентной среды и обеспечения интересов потребителей услуг в отраслях естественной монополии. Структурная

---

[5] Например, Федеральная энергетическая комиссия США (FERC), – основной государственный институт антимонопольного регулирования в отраслях топливно-энергетического комплекса, предусматривает необходимость функционального "распакечивания" для оптовых продаж в передаче электроэнергии между штатами.

трансформация может быть лишь одной из составляющих общей системы институциональных преобразований в этой сфере. Не менее, а может быть и более важное значение, как показывает опыт многих экономически развитых стран, имеет решение таких задач как:

обеспечение действенного государственного контроля за ценами на всех этапах технологического цикла и отработка механизмов тарифного регулирования, где основное место чаще всего отводится методам регулирования на основе установления верхнего предела цены на конечный продукт. Такой метод имеет свою специфику в различных отраслях, но в любом случае речь идет о постепенном отходе от принципов затратного ценообразования;

обеспечение защиты потребителя через усиление надзорных функций государства за безопасностью осуществления хозяйственной деятельности с соблюдением принципа "дружелюбности" по отношению к окружающей среде. Особое значение здесь могут иметь меры по расширению возможностей получения достоверной информации экологического характера;

усиление контроля за монопольной практикой на основе согласования действий органов антимонопольного и отраслевого регулирования.

В ходе экономических реформ в России в 90-х годах обозначились два этапа структурных преобразований в отраслях естественной монополии. Первый относится к периоду с 1992 по 1996 г., когда были проведены акционирование и частичная приватизация в электроэнергетике, связи, газовом хозяйстве и фактически полностью приватизирована сфера нефтедобычи и переработки. В этот же период были сделаны определенные шаги по формированию конкурентной среды в этих сферах экономической деятельности, связанные с внутренней реструктуризацией управления, организацией оптовой торговли энергетическими ресурсами, развитием контрактных отношений в естественно монопольных секторах экономики. Однако предпринятые меры по дерегулированию осуществлялись в условиях общего ослабления контрольных функций государства, отсутствия эффективной системы тарифного антимонопольного регулирования, что негативно отразилось на состоянии большинства реформировавшихся отраслей.

Начало второго этапа реформ обычно связывают с принятием в 1997 г. целого ряда основополагающих программных документов, в которых предусматривался широкий круг краткосрочных и стратегических задач по реформированию сфер естественных монополий на период 1997–2000 гг., включающий задачи по развитию конкуренции и обеспечению недискриминационного доступа к сетевой инфраструктуре естественных монополий.

Заметное продвижение в направлении формирования конкурентной среды было достигнуто в электроэнергетике. Здесь было проведено частичное организационное разделение этапов производства, межсистемной передачи и распределения электроэнергии и заложены основы для формирования федерального оптового рынка электрической энергии и мощностей (ФОРЭМ). В 1997 г. в режим оптовой торговли

переведены крупнейшие генерирующие мощности страны, что позволило упорядочить и активизировать процесс межрегиональной оптовой торговли. В настоящее время через ФОРЭМ реализуется около 35% производимой в стране электроэнергии.

В то же время масштабы оптовой торговли остаются ограниченными и существенно дифференцированы по регионам. В условиях нерешенности проблемы перекрестного субсидирования намерения расширить состав участников рынка за счет крупных потребителей энергии наталкиваются на противодействие региональных администраций. Основной причиной такого противодействия является то обстоятельство, что при значительных масштабах перекрестного субсидирования уход на ФОРЭМ каждого крупного потребителя, как правило, приводит к ощутимому росту тарифов для остальных потребителей услуг региональных энергоснабжающих структур.

Другой важной проблемой остается неразработанность конкурентных механизмов отбора заявок на продажу энергии и неэффективность методов ценообразования. До последнего времени в системе оптовой торговли преобладал затратный принцип формирования тарифов, причем для каждой электростанции ФОРЭМ Федеральная энергетическая комиссия (ФЭК) устанавливала индивидуальные тарифы.

В гораздо меньшей степени структурные преобразования затронули газовую промышленность, что безусловно, имеет основание. Эффект масштаба здесь выражен гораздо сильнее, чем в других секторах естественных монополий, поэтому любые преобразования, способствующие дезинтеграции или разукрупнению должны осуществляться очень осторожно и постепенно.

Основные меры по развитию конкурентной среды были связаны с совершенствованием внутренней структуры РАО "Газпром", обеспечением недискриминационного доступа к магистральным газопроводам, развитием договорных отношений между поставщиками и потребителями газа.

Вместе с тем полностью реализовать поставленные задачи не удалось. Так, торговля газом (прежде всего попутным нефтяным газом) независимых поставщиков существенно затруднена, так как до сих пор отсутствует необходимая регламентация правил и процедур доступа к газотранспортной сети РАО "Газпром", не соблюдается принцип установления единых тарифов для внутрисистемных и независимых поставщиков газа.

В газовом секторе фактически отсутствует независимый, вневедомственный государственный надзор, направленный на защиту потребителей и всего населения страны от возможных неблагоприятных последствий для окружающей среды. В отличие от других сфер естественных монополий и, в частности, от электроэнергетики надзор за технической безопасностью работ и эксплуатацией объектов отрасли осуществляет Управление газового надзора России, входящее в структуру РАО "Газпром".

Общей нерешенной проблемой, существенно сдерживающей процесс формирования конкурентной среды во всех сферах естественных

монополий, на сегодняшний день остается проблема непрозрачности ценообразования. Ее решение возможно только после того, как будут устранены предпосылки нарастания неплатежей и вытеснения нормальных денежных расчетов бартером и различными денежными суррогатами.

9.3. Внешнеэкономическая деятельность естественных монополий и ее корректировки

Один из важнейших факторов воздействия естественных монополий на развитие и трансформацию российской экономики – их внешнеэкономическая деятельность. При этом важно выделять различные аспекты и результаты такого воздействия. Прежде всего внешнеэкономическая деятельность естественных монополий является одним из основных способов включения экономики страны в мировое хозяйство и происходящие в нем процессы. От характера, структуры, конкурентноспособности их деятельности во многом зависит включится ли Россия в межгосударственные процессы становления современной интегрированной экономики смешанного типа или же обречет собственную экономику на нарастание внешней зависимости. Неоднозначно внешняя деятельность естественных монополий в зависимости от ее направленности может влиять и на внутриэкономическую ситуацию, улучшая или, наоборот, ухудшая структуру народного хозяйства и ресурсные возможности его развития, общую предпринимательскую и конкурентную среду.

Все это предопределяет принципиальную значимость соответствующей ориентации деятельности естественных монополий как совокупностью механизмов государственного регулирования, так и общей направленностью реализуемой экономической стратегии.

В 1996 г. экспорт продукции основных естественных монополий (электроэнергия, природный газ, сырая нефть) составил свыше 35% в общей товарной структуре экспорта страны (включая все страны–импортеры данной продукции). Удельный вес экспорта в производстве электроэнергии равен примерно 3%, сырой нефти – свыше 40%, газа около 35%.

Доход от всей внешнеэкономической деятельности в консолидированном бюджете страны в 1996 г. составил 3% и в федеральном бюджете – 6%. Общая стоимость экспортированных электроэнергии, сырой нефти и природного газа в страны вне СНГ составила 32,3 и в страны СНГ 7,6 млрд долл. США.

Отрасли естественных монополий представлены различными социальными формами хозяйства. Но господствующими в их структуре являются смешанные (в основном частно-государственные) формы, на базе которых и созданы отраслевые монопольные структуры.

В 1996 г. 74,9% общего объема электроэнергии было произведено смешанными предприятиями (различного типа АО без иностранного участия), 11,1% – частными предприятиями, 4,6% – муниципальными, 9,4% – государственными;

89,9% нефти произведено смешанными предприятиями без иностранного участия, 9% – предприятиями с иностранным участием, 0,6% – предприятиями на правах собственности общественных организаций; 0,5% – государственными предприятиями;

99,3% газа произведено смешанными предприятиями без иностранного участия, 0,1% – смешанными предприятиями с иностранным участием, 0,4% – частными предприятиями, 0,2% – государственными предприятиями.

Из приведенных данных видно, что естественные монополии в значительной мере ориентированы на внешнеэкономическую деятельность, которая для большинства из них имеет принципиальное (в ряде случаев определяющее) значение и как источник доходов, и как устойчивый рынок сбыта продукции. Однако в различных отраслях естественных монополий масштабы и результаты внешней деятельности существенно дифференцированы.

Результаты внешнеэкономических связей естественных монополий с точки зрения национальных интересов весьма противоречивы. С одной стороны, эти связи приносят валюту, усиливают геоэкономическое влияние России. С другой стороны, из страны уходит значительная часть невоспроизводимых сырьевых ресурсов, а это – и невосполнимые потери, и закрепление ее экономической зависимости.

В связи с распадом СЭВ и СССР произошло вытеснение экспорта электроэнергии из России за счет присоединения системы "CENTREL", объединяющей энергосистемы Венгрии, Чехии, Словакии и Польши, к энергообъединению западных стран "UCPTE", одной из трех основных европейских энергосистем. В результате экспорт электроэнергии из стран СНГ в страны Восточной Европы уменьшился более, чем в 20 раз по сравнению с началом 90-х годов. В то время как западные системы энергоснабжения укрупнились, в странах СНГ произошла дезинтеграция бывшей системы "МИР" на энергосистемы отдельных стран. Теперь предстоит их новая, весьма сложная интеграция. Уже имеются договоренности об объединении энергосистем 11 стран черноморского экономического сотрудничества. Предполагается также адаптация энергосистем России, Украины, Белоруссии и Молдовы к требованиям "UCPTE" и поэтапный их переход на синхронную работу, но это дело далекой перспективы.

Пока же можно констатировать, что конкурентоспособность энергосистемы России уменьшилась не только по техническим, но больше по политико-экономическим основаниям. Однако следует учитывать, что конкурентоспособность России в сфере производства и экспорта электроэнергии в принципе связана с объемами экспорта первичных российских энергоресурсов, на которых в значительной мере базируются западные энергосистемы. В данном случае, видимо, должен быть учтен весь комплекс взаимосвязей энергоресурсных естественных монополий друг с другом как внутри страны, так и за ее пределами.

Газовая отрасль как естественная монополия представлена промышленно-финансовым комплексом РАО "Газпром". В российской добыче газа его доля равна 94%, а в мировой – 25%.

РАО "Газпром" занимается координацией режимов работы газопроводных систем не только российских, но и национальных газовых компаний Туркменистана, частично Узбекистана, Казахстана, Украины, Белоруссии, Молдовы, стран Балтии и Закавказья, некогда составлявших единую систему. Несмотря на активное включение газовых месторождений Туркмении и других стран в европейскую систему газоснабжения пока ни одна из них не может составить конкуренцию "Газпрому". Согласно оценкам Международного газового союза, потребность европейских стран в газе в первое десятилетие XXI века возрастет на 70% по сравнению с нынешним уровнем потребления. При этом из собственных источников ими может быть покрыто не более, чем 70% этой потребности. Соответственно, потребности европейских государств в российском газе возрастут до 300 млрд м^3 в год, т.е. в 2,3 раза (в настоящее время экспортируется около 130 млрд м^3 российского газа без учета экспорта в страны СНГ). Существующие прогнозы указывают на то, что другие источники поставки газа не смогут составить сильную конкуренцию российским. Это объясняется уже имеющейся инфраструктурой, разведанными и подготовленными к эксплуатации ресурсами, проверенным качеством услуг, намеченными планами развития и, конечно, более низкими ценами.

Российский газ – наиболее дешевый газ в Западной Европе. Повышению конкурентоспособности "Газпрома" способствует и его активная и разносторонняя внешняя экспансия. От экспорта газа он получает и намерен получать в дальнейшем основные доходы. В настоящее время доход от экспорта природного газа (включая экспорт в страны СНГ) равен почти 16 млрд долл. ежегодно.

Рост экспорта газа обостряет проблему удовлетворения в нем потребностей собственной экономики и соотношения внутреннего и внешнего рынков реализации продукции газовой отрасли, но пока будут продолжаться кризис неплатежей и сокращение реального сектора, экспорт газа останется приоритетным направлением развития отрасли. Однако даже рост в ней экспортной составляющей способствует возрождению реального сектора России, поскольку эта отрасль является крупным инвестором в отечественную обрабатывающую промышленность (производство труб, авиамоторов, судов, спутниковых информационных систем и т.п.).

Укрепляется положение "Газпрома" на внешнем рынке как полноценной транснациональной компании, имеющей устойчивый сегмент мирового рынка. Кроме постоянного повышения удельного веса российского газа в общем потреблении его странами импортерами, это проявляется, во-первых, в том, что "Газпром" начинает выступать партнером разработки месторождений газа в других странах. В частности, совместно с французской компанией "Total" и малазийской "Petronas" подписан договор о выполнении соответствующих работ с Ираном. Во-вторых, в том, что "Газпром" начинает деятельность по совместной нефтедобыче и заключил договор о стратегическом альянсе с международным нефтяным концерном "Royal Dutch Shell". В-третьих, "Газпром" намерен конкурировать на внешнем рынке по

проведению буровых работ. Из него выделилось дочернее общество с ограниченной ответственностью ДООО "Бургаз", которое реализует ряд проектов с зарубежными компаниями, является членом Международной ассоциации буровых работ, выдерживает конкуренцию и постепенно расширяет свой внешний рынок.

Взаимосвязь электроэнергетики и газовой отрасли внутри страны уже сказывается и будет сказываться в дальнейшем на возможности экспорта того и другого. Доля газа в производстве электроэнергии в России составляет свыше 60% (в большинстве развитых стран – 25–30%). Расчеты специалистов показывают, что в результате замещения газовой энергетики атомной, даже при нынешних исходных показателях, имеющейся материальной базе можно ежегодно экономить около 25 млрд $м^3$ газа, т.е. около 2 млрд долл. в современных экспортных ценах.

Одним из важнейших естественных монополистов в России является нефтяная отрасль. Однако по своей организационной структуре и характеру внешнеэкономической деятельности эта естественная монополия существенно отличается от электроэнергетики и газовой промышленности и утрачивает свои монопольные черты, что в целом не дает достаточно эффективных результатов. Разрозненность существующих в ней компаний и различия в качестве производимой нефти не позволяют им выступать на внешнем рынке единым фронтом. Тем более, что экспорт осуществляется различными способами и путями. С 1971 г. по 1985 г. эта отрасль давала важнейшие экспортные продукты страны. За эти годы от реализации нефти и нефтепродуктов было получено более 300 млрд долл. Падение цен на нефть в 3,5 раза к началу 90-х годов и затем дальнейшее их снижение ухудшило состояние отрасли. Однако снижение конкурентоспособности этой отрасли на внешнем рынке связано не только с падением цен на нефть, но и способами приватизации, которая проводилась в отрасли. Создание многочисленных компаний, не стремившихся или не сумевших выйти на внешний рынок, существенно снизили экспорт нефти. Причем произошло это не за счет углубленной переработки нефти в отечественной нефтеперерабатывающей промышленности и использования нефтепродуктов внутри страны, а за счет сокращения и добычи нефти и переработки нефтепродуктов более чем на 1/3. Глубина переработки нефти по официальным данным сократилась с 65% до 62%. Если добыча газа сократилась с 1991 г. на 5%, производство электроэнергии на 21%, то добыча нефти – на 36%, а нефтепереработка – на 33%, в том числе производство бензина – на 33%, дизтоплива и мазута – на 35%.

Кризис неплатежей, амбиции руководства регионов и компаний, неясность приватизационных перспектив или негласно проводимая приватизация, неудовлетворительное государственное управление компаниями, оставшимися в руках государства и т.п. (история "Роснефти", "Сиданко", "Норси" и др.) привели к тому, что сократилось число компаний, успешно выступающих и конкурирующих на внешнем рынке.

В то же время есть и весьма удачно развивающиеся компании, например ОАО Нефтяная компания "Лукойл", стратегия которой состо-

ит в ее развитии как транснациональной корпорации с ориентацией на международную конкурентоспособность. По объемам добычи нефти "Лукойл" занимает первое место среди российских компаний. Доля экспорта нефти компании равна 43,2%, в то же время глубина переработки нефти достигает 76%, при этом объемы переработки внутри компании постоянно наращиваются. Это позволяет постоянно увеличивать экспорт нефтепродуктов.

"Лукойл" является участником международных проектов по разработке новых месторождений: ею приобретена 5%-ная доля участия в проекте по разработке и добычи нефти в Тенгизском месторождении (Казахстан); получено 52,5% в соглашении о разделе продукции по разработке месторождения в Ираке; заключено соглашение на 15%-ную долю в разделе продукции в проекте Карагачанак (Казахстан) с участием итальянской компании "Аджии", английской "Бритиш Гэз" и американской "Тексако". Фирменные автозаправочные станции "Лукойла" работают в США, Чехии, Турции, Польше, странах Балтии. Компания имеет собственный танкерный флот, развитую информационную компьютерную сеть, организованную российским отделением корпорации "Microsoft".

Совершенно особую роль во внешнеэкономической сфере играет такая естественная российская монополия, как внутренняя железнодорожная транспортная сеть, в частности транссибирская магистраль. В настоящее время транссибирская магистраль – единственная транспортная артерия, пронизывающая Европу и Азию с Запада на Восток. И если сейчас умело использовать сложившуюся конъюнктуру, когда значение азиатских стран вырастает так же, как возрастает и их стремление найти новые рынки сбыта, Россия получает уникальный шанс сделать транссибирскую магистраль основной международной евроазиатской транспортной артерией, особенно в условиях, пока не построена южная ветка, проходящая через юг Европы, Кавказ и Среднюю Азию в Китай и Японию. В этом случае может существенно возрасти геополитическое значение России и в определенной мере быть компенсировано то обстоятельство, что оказавшись в новых границах она стала северной страной.

Для реализации таких возможностей необходимо выработать концепцию данного варианта развития, найти как внутренних, так и внешних заинтересованных участников, начать модернизацию самой дороги (создание скоростных участков, ликвидация убыточных, развитие сопутствующей инфраструктуры, в том числе терминалов, модернизация пунктов транспортных пересечений, предложение новых услуг, реклама ее преимуществ и т.п.). Причем в данном случае могут быть полностью нивелированы противоречия между внутренней и внешней конкуренцией, поскольку этими переменами будет пользоваться как внешний, так и внутренний потребитель.

Таким образом, естественная монополия может стать локомотивом конкурентного развития России на внешнем рынке. В целом пространственно-территориальная составляющая как основа естественной монополии уже приобретает и будет приобретать в дальнейшем все

большее значение, и России, учитывая это, надо работать на опережение. Соответственно, оценка территориального пространства должна осуществляться с точки зрения не только его сырьевых и производственных ресурсов, но и перспектив разностороннего использования потенциала территории (рекреация, экология, организация транспортных потоков и т.д.).

Неоднозначность результатов и далеко не полное использование конкурентных возможностей естественных монополий для эффективного включения России в межгосударственные процессы экономической интеграции во многом являются отражением попыток реализации монетаристско-либеральной доктрины в качестве условия переделов собственности и создания крупных капиталистических (олигархических) структур.

Поэтому перспективы хозяйственной, организационной и социально-экономической реструктуризации естественных монополий и ориентации их внешнеэкономической деятельности прежде всего зависят от перехода к стратегии целенаправленного и поэтапного становления в стране современного смешанного общественного устройства. Такое устройство по своей природе должно основываться на разностороннем использовании совокупности потенциальных возможностей страны, в том числе и в ее мирохозяйственных связях. Тогда в основу внешнеэкономической деятельности любых хозяйственных структур, в том числе и естественных монополий, можно будет положить приоритет национальных интересов.

Глава 10

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

10.1. Рыночная экономика как система рынков

Условием становления и способом воспроизводства и динамики экономических отношений смешанного общества являются развитие и обеспечение сбалансированности системы рынков. Сама природа смешанной экономики (многосекторность, предпринимательство, конкуренция, динамизм хозяйственной и социальной структур и т.д.) предопределяют не только ее рыночный характер, но и новый этап в развитии самого рынка. Этот этап обусловлен большей полнотой охвата рыночными механизмами различных сфер экономической деятельности, расширением рыночного пространства, на котором эти механизмы могут беспрепятственно функционировать, многоукладностью и социальной ориентированностью рынка.

Формирование целостной системы рынков, предполагающей вовлечение в рыночный оборот всех элементов производства – необходимое условие действенности сигналов обратной связи, координирующих движение денежных, трудовых, инвестиционных и иных ресурсов.

Только взаимодействие товарных рынков и рынков труда, капитала, земли и других способно привести рыночную систему к общему равновесию, обеспечить эффективное распределение ресурсов, мобильность и динамичность всей экономической системы, ее восприимчивость к быстро меняющимся общественным потребностям. Вместе с тем рыночная экономика лишь подсистема общества, причем отдельные ее составляющие по-разному встроены в общественные отношения.

Наибольшая автономность характерна для товарных рынков, которые сложились раньше других компонентов рыночной системы и на протяжении длительного исторического периода активно функционируют в рамках различных типов общества.

Более тесно интегрированы с существующими общественными отношениями рынки факторов производства (труда, капитала, земли). Возможности рыночного маневра, формирования равновесной цены в ходе конкуренции здесь ограничены в силу специфики самих факторов производства, их неотделимости от широкого спектра внеэкономических отношений.

Так, труд неразрывно связан с его носителем – человеком и средой его обитания. Трудовая деятельность, как отмечал американский экономист Карл Поланьи, не может быть оторвана от прочих составных частей человеческой жизни, не может запасаться или мобилизовываться по мере надобности [55]. Возможности перемещения рабочей силы объективно ограничены. Соответственно гибкость и динамизм рынка труда существенно ниже по сравнению с товарными рынками. Попытки искусственного повышения подвижности данного рынка могут повлечь за собой тяжелые социальные последствия.

Как и труд, земля играет в жизни человека не просто роль фактора производства. Для многих людей с ней связан весь уклад жизни – от трудовых навыков до семейных отношений. Важное значение здесь имеют национальные особенности, сложившиеся традиции и обычаи. Вовлечение земли в свободный рыночный оборот, неизбежно затрагивающее сложный комплекс правовых отношений и социальных связей, может иметь неожиданные социальные и экологические эффекты.

Факторные рынки начали формироваться значительно позднее товарных рынков. Их становление обусловлено достижением достаточно высокого уровня развития технологий, наличием экономических и политических свобод, формированием правосознания у населения и другими предпосылками. Рынки факторов производства, как показывает исторический опыт, могли эффективно развиваться лишь одновременно с развитием адекватных форм контроля и поддержки со стороны общества.

В целом в процессе становления современной рыночной системы просматривается несколько основных этапов.

Первый, достаточно длительный этап, характеризовался наличием отдельных, прежде всего товарных, слабо связанных между собой рынков. При этом сохранялась преобладающая роль натурально-хозяйственных отношений. В условиях позднего феодализма это дополнилось

протекционистской политикой государства, стимулирующей развитие промышленности и внешней торговли как основы пополнения государственной казны. При переходе к буржуазному обществу государство активно содействовало становлению рынков факторов производства.

Второй, исторически непродожительный этап формирования рыночной системы, можно охарактеризовать как период "рыночного романтизма". В некоторых странах (прежде всего в Англии в середине XIX века) законы свободной рыночной конкуренции стали играть решающую роль в распределении ресурсов и материальных благ. К этому же периоду относятся значительное расширение пространственных и функциональных границ рынка, формирование системы взаимосвязанных рынков. Вместе с тем эта система не была устойчивой и сбалансированной, что проявлялось в периодически повторявшихся кризисах перепроизводства, резкой поляризации общества, обострении социальных конфликтов и т.д. Необходимость решения названных проблем и стала импульсом к современному этапу развития рыночной системы.

Главная отличительная черта современного этапа – усиление регулирующего воздействия на рынок со стороны общества и государства и формирование социально сбалансированной экономической системы. Тем самым система рынков становится основой экономического оборота смешанного общества.

Таким образом, прогресс в становлении системы рынков неразрывно связан с активным участием государства в рыночных отношениях. По выражению К. Поланьи, "там, где достигалось наиболее интенсивное развитие рынков ... их расцвет обеспечивался благодаря контролю центральной администрации... Регулирование и рынки на практике росли одновременно" [56].

Определенные аналогии с общим процессом становления современной рыночной системы наблюдаются в отечественной экономике последних десятилетий.

Отдельнные элементы рыночных отношений существовали уже в рамках огосударствленной экономической системы. В условиях общей централизованной системы распределения плановых заданий и ресурсов определенная свобода выбора была характерна для сферы производства и обращения потребительских товаров и услуг. Сохранялся и достаточно активно функционировал канал свободной рыночной реализации продукции личного подсобного хозяйства. В ограниченных масштабах действовали различные формы эквивалентных, возмездных отношений в обороте средств производства (прямые связи, оптовая торговля через специализированных государственных посредников). Использовались традиционные для рыночной экономики инструменты и формы регулирования во внешнеэкономических связях (биржа, различные виды кредитования и страхования экспортно-импортных сделок, лизинговые контракты на морском транспорте и т.п.).

Начальный период трансформации огосударствленной системы (в годы перестройки и на старте радикальных рыночных реформ) характеризовался экстенсивным и во многом стихийным образованием отдельных разрозненных рынков, основу которых составили активно

вовлекаемые в рыночный оборот, ранее принадлежавшие государству товарные, финансовые и природные ресурсы.

Либерализация экономического оборота в этот период осуществлялась на фоне практически полного разрушения прежних институтов государственного регулирования и отсутствия новых, адекватных рыночной экономике, форм и механизмов воздействия со стороны общества и государства.

В условиях кризиса это привело к усилению диспропорций в структуре экономики, снижению ее инвестиционного потенциала, обострению всего спектра социальных проблем. Наблюдается резкая дифференциация населения по уровню доходов, не все члены общества имеют доступ даже к необходимому социальному минимуму товаров и услуг, значительно расширился маргинальный слой населения. То есть присутствуют все те явления, для обозначения которых может быть использовано определение "социальный провал рынка" [57].

На нынешнем этапе общественной трансформации экономика России представляет собой совокупность отдельных, слабо связанных рынков, существенно различающихся по уровню развития материальных предпосылок и организационно-правовой инфраструктуры, эффективности конкурентных отношений.

Из всего комплекса проблем формирования в современной России эффективной системы рынков ключевыми являются:

формирование единого рыночного пространства страны;

взаимосвязи товарных рынков с денежными и финансовыми рынками;

становление государственного рынка как органической части системы рынков смешанной экономики.

10.2. Формирование единого рыночного пространства

Вместе с крахом огосударствленной системы были демонтированы основные механизмы, обеспечивавшие в ее рамках решение задач, связанных с сохранением общего экономического пространства страны. Предполагалось, что в новых условиях основы для решения такого рода задач создает формирование единого рыночного пространства, объединяющего взаимосвязанные разномасштабные рынки в единый национальный рынок.

Ускоренная либерализация цен, внутренних и внешних экономических связей лишь отчасти дала импульс движению в этом направлении. Меры "шоковой терапии" активизировали ряд аспектов экономического оборота, способствовали расширению географии товарных и денежных потоков, привлечению новых каналов сбыта и получения доходов. Процесс распределения товарных ресурсов по территории страны приобрел большой динамизм и гибкость. Все вместе создало определенные предпосылки для лечения застарелой болезни – товарного дефицита. В целом удалось преодолеть дефицит на потребительском рынке как в масштабах страны, так и в рамках отдельных регионов.

Однако в условиях глубоких структурных деформаций, усилившихся в результате геополитических изменений, которые наблюдались в начальный период реформ и обвального спада производства, таких импульсов было явно недостаточно.

Нынешнее состояние отечественной экономики не позволяет пока говорить о наличии единого рыночного пространства. Об этом, в частности, свидетельствуют сохраняющаяся значительная дифференциация в уровне цен на основные социально значимые товары и услуги, низкая интенсивность и натурализация товарообмена, неразвитость рыночного оборота факторов производства.

В начальный период радикальных рыночных реформ обозначились две основные, как оказалось, достаточно устойчивые тенденции в пространственной организации рынка. Наблюдались, с одной стороны, активизация и расширение географии товарных и денежных потоков в результате их переключения с внутреннего на внешний рынок. С другой, – стагнация межрегионального товарооборота и формирование относительно замкнутых локальных рынков.

И та, и другая тенденции по существу отражают две основные стратегии адаптации различных по уровню развития и специализации регионов в условиях резкого изменения геополитической ситуации и режима хозяйствования.

Активизация внешнеторгового оборота, обусловленная либерализацией внешнеэкономических связей, оказала неоднозначное влияние на процесс становления рыночной системы в России.

Большая открытость экономики позволила сделать важный шаг на пути включения страны в мировое рыночное пространство. Расширились возможности для экспортной экспансии, которая способствовала формированию устойчивого положительного сальдо платежного баланса страны. Рост валютных поступлений стал одним из основных факторов, обусловивших укрепление рубля сначала на внутреннем, а затем и на мировом рынке. Расширение импорта позволило в короткие сроки решить проблему товарного наполнения отечественного потребительского рынка, содействовало его демонополизации.

В то же время стремительное открытие экономики имело и серьезные негативные последствия для формирования единого рыночного пространства страны.

Либерализация внешнеэкономических связей на фоне высокой мировой конъюнктуры и сохранение разрыва внутренних и внешних цен на основные виды стратегического сырья поставили в привилегированное положение отрасли и регионы, специализирующиеся на добыче и первичной переработке топливно-энергетических и иных сырьевых ресурсов. Здесь создались условия для экспортной экспансии и аккумулирования значительных валютных доходов. В ряде национальных республик, таких как Татарстан, Башкортостан, Якутия, Карелия, это проявилось в усилении тенденций к самообеспеченности и обособленности товарооборота по отношению к внутреннему рынку. В некоторых из них сложился фактически самостоятельный экономический

оборот, слабо связанный с процессами экономического развития страны в целом.

Эти тенденции подкреплялись влиянием политического фактора. На основе заключенных в 1993–1995 гг. договоров и экономических соглашений с федеральным центром национальным республикам были предоставлены дополнительные полномочия, существенно расширившие их самостоятельность. Причем в республиках Татарстан и Башкортостан по существу был закреплен особый режим денежного, валютного и налогового регулирования. Так, Татарстан получил возможность оставлять в бюджете республики акцизы на нефть, спирт, водку и ликероводочные изделия.

Для большинства остальных регионов те же самые процессы дали толчок инфляции издержек и, в частности, росту транспортных расходов. Это вело к сужению внутреннего платежеспособного спроса, снижению интенсивности межрегионального товарооборота и служило дополнительным фактором ослабления единства экономического пространства страны.

Косвенным подтверждением этого стало, в частности, увеличение числа субъектов Федерации, которые ориентированы в основном на продажу продукции внутри региона. Так, если в 1995 г. таких регионов было 57, то в 1997 г. (по данным на 1 июля) их число увеличилось до 66, причем в 22 субъектах Федерации удельный вес продукции, реализуемой на собственной территории, превысил 70% (в 1995 г. таких регионов было 14). С 2 до 6 увеличилось и число субъектов Федерации, в которых доля оптовых продаж внутри региона составляет 100% от общего объема продаваемой продукции.

Таким образом, активизация экспорта, обеспечившая более благоприятные условия адаптации для отдельных секторов экономики и территорий страны, в целом не стала (как это предусматривалось программой правительства Е. Гайдара) катализатором накоплений для преодоления спада производства и создания предпосылок экономического роста. Это было связано прежде всего с отсутствием эффективного механизма перераспределения валютных доходов.

В условиях несформированного рынка капитала, способного эффективно распределять инвестиционные ресурсы, сохранение активного регулирующего воздействия со стороны государства имело особое значение. За ним оставалось как минимум решение двух взаимосвязанных задач: обеспечить эффективный контроль за стратегическим экспортом и возвратом валютной выручки и направить валютные ресурсы на поддержку тех секторов производства, продукция которых не только имеет реальные конкурентные преимущества на внешнем рынке, но и предполагает формирование так называемых целостных воспроизводственных контуров на внутреннем рынке. Их развитие, в свою очередь, является важной предпосылкой укрепления единого рыночного пространства и преодоления тенденций к обособлению экономического оборота.

Что касается импорта, то его значительное расширение в 1993–1995 гг. также оказало не только положительное, но и сущест-

венное отрицательное влияние на формирование единого рыночного пространства страны. Это проявилось в первую очередь в резком ухудшении экономической ситуации в тех его сегментах, которые связаны с производством и сбытом продукции сельского хозяйства, пищевой, и особенно, легкой промышленности, в производстве сложной бытовой техники и аппаратуры и др. Здесь наблюдались наиболее значительные темпы спада производства и резкое снижение платежеспособности предприятий, что, ухудшило общую финансовую ситуацию в регионах соответствующей специализации. Следствием этого стало усиление тенденций к замыканию локальных рынков как способу защиты внутреннего товаропроизводителя.

Первоначально тенденция к замыканию локальных рынков возникла как реакция на ослабление и развал административной системы регулирования хозяйственных связей. С либерализацией цен и экономического оборота в ряде регионов она только укрепилась.

Местные власти стали ограничивать свободное движение товарных и денежных потоков, расчитывая таким образом сдержать рост цен и одновременно избежать оттока товаров в регионы с более высоким ценовым фоном. Причем в некоторых субъектах Федерации и прежде всего в областях Центрально-Черноземной зоны и Поволжья для этой цели использовались откровенно нерыночные методы: фиксированные цены на значительный круг товаров; талонная система распределения; запреты на вывоз продукции за пределы региона.

На следующем этапе реформ в условиях резкого обострения внешней конкуренции на локальных рынках тенденции к их замыканию приняли иную направленность. В ряде внутренних регионов страны (в частности, в Тульской, Курской, Белгородской и др. областях) был выбран наименее эффективный (особенно, учитывая их встроенность в общее экономическое и транспортное пространство), но зато более привычный вариант защиты внутреннего рынка с помощью установления административных барьеров для ограничения теперь уже ввоза продукции.

В настоящее время используется широкий спектр таких ограничений: прямые запреты на деятельность предпринимателей – нерезидентов данного региона; введение дополнительной платной сертификации определенных видов продукции; установление по существу запретительных ставок сборов на право торговли и т.п. Чаще всего они находятся в прямом противоречии с федеральным антимонопольным законодательством и препятствуют развитию нормальной конкуренции на российском рынке.

По данным федеральных антимонопольных органов в 1996 г. из всех нарушений Закона РФ "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" со стороны исполнительных органов власти субъектов Федерации третью часть составляют нарушения, связанные с необоснованным препятствием осуществлению деятельности хозяйствующих субъектов [58].

10.3. Система рынков и товарно-денежная сбалансированность

Проблема пространственной организации рыночной системы выходит за рамки проблем организации товарного рынка как такового. Формирование единого рыночного пространства предполагает сбалансированность товарных, денежных и финансовых потоков, обеспечение финансовыми ресурсами всех основных воспроизводственных контуров.

Между тем фактически сложившаяся ситуация на российском рынке свидетельствует скорее об обратных тенденциях, усилении общего дисбаланса между товарным и денежным обращением. Это проявляется, в частности, в замещении нормального денежного обращения бартером и иными квазиденежными формами оборота. Их использование, как правило, ведет к разрушению общего ценового пространства, так как в отличие от денег различного рода суррогаты не могут выполнять функцию всеобщего эквивалента. С их помощью можно связать лишь отдельные, чаще всего территориально локализованные, цепочки контрагентов. При этом значительно усложняется сам процесс выбора контрагента, повышаются общие трансакционные издержки, существенно возрастает риск искажения ценовых пропорций.

Наблюдавшиеся в последние три года резкое снижение платежеспособности хозяйствующих субъектов, увеличение дефицита денежных и иных ликвидных средств, обслуживающих хозяйственный оборот, способствовали нарастанию неплатежей, натурализации производства и обмена. При этом происходит ухудшение структуры неплатежей, их "старение". Так, в течение 1996 г. произошло заметное увеличение доли просроченной (свыше 3-х месяцев) кредиторской задолженности, которая возросла на 10% и составила более 72% в общем объеме кредиторской задолженности в промышленности [59].

Рост неплатежей сопровождается значительным расширением объемов бартерных и иных квазиденежных трансакций. По некоторым оценкам, в 1996 г. доля бартера составляла от 34 до 50%, а с учетом денежных суррогатов – до 70% объема продаж промышленных предприятий [60].

Новая волна неплатежей и бартеризации экономического пространства имеет свои особенности по сравнению с аналогичными явлениями, наблюдавшимися на старте реформ.

В тот период массовые неплатежи были обусловлены не столько реальным финансовым положением, сколько спецификой поведения хозяйствующих субъектов, их реакцией на дефляционный шок и ужесточение денежно-кредитных ограничений. Лавинообразное нарастание задолженности тогда охватило практически все отрасли без четкой локализации узлов неплатежей. Бартеризация оборота при этом ограничивалась в основном отношениями между предприятиями и по существу выполняла функции технического инструмента восстановления хозяйственных связей в условиях неразвитости форм расчетов, адекватных рыночной экономике.

В отличие от начала 90-х годов на нынешнем этапе просматривается четкая отраслевая и обусловленная ею региональная локализация узлов неплатежей. Основным их катализатором выступает задолженность за поставки продукции предприятиям топливной промышленности и электроэнергетики. По данным на 1 июля 1997 г. просроченная дебиторская задолженность покупателей в этих отраслях составляет почти 63% в общем объеме просроченной дебиторской задолженности промышленности.

При этом в регионах соответствующей специализации, как показывает анализ, проведенный специалистами Института экономики РАН, наблюдается наиболее высокая доля бартера и иных денежных суррогатов в объемах оптовых продаж предприятий. Таким образом, сужение внутреннего платежеспособного спроса, во многом обусловленное ростом цен в отраслях топливно-энергетического комплекса, не могло не сказаться на самих этих, относительно благополучных секторах рынка. Вместе с тем имевшийся здесь запас прочности и монопольное положение пока позволяют хозяйствующим субъектам этих отраслей сохранять определенные преимущества, в частности, за счет расширения прав собственности посредством приобретения долговых обязательств своих контрагентов со значительным дисконтом. В конечном итоге происходит дальнейшее перераспределение капитала в пользу экспортоориентированного сырьевого сектора экономики.

Особенностью нынешнего этапа являются также существенное расширение сферы использования бартера и иных денежных суррогатов, распространение их практически на все срезы экономического оборота, включая трудовые отношения и отношения предприятий с бюджетами различных уровней.

На первом этапе рыночных реформ бюджетная система развивалась инерционно и продолжала выполнять многие функции бюджета командной экономики – системы, в которой финансы играли пассивную роль. Ужесточение бюджетных ограничений в деятельности хозяйствующих субъектов при отсутствии жесткого контроля за бюджетными расходами не могло не привести к острому бюджетному кризису, который начался с федерального бюджета. Реакцией на обострение этого кризиса стала децентрализация финансовой ответственности за поддержание социальной сферы, перемещение ее с федерального на региональный уровень.

Не обеспеченная адекватными источниками доходов реструктуризация финансовых потоков стала одной из основных причин нарастания задолженности по выплате заработной платы работникам бюджетной сферы. В свою очередь, необходимость ее погашения активизировала стремление местных властей к поиску дополнительных источников финансирования, в том числе за счет введения уже упоминавшихся налогов и сборов, ограничивающих доступ на отдельные локальные рынки.

С середины 1995 г. впервые за последние годы сложился устойчивый дефицит бюджетов субъектов Федерации. В 1996 г. углубление общего бюджетного кризиса продолжилось под влиянием политического

фактора (президентских, а затем и региональных выборов в большинстве субъектов Федерации). В результате, к концу года дефицит региональных бюджетов составил 19,9 трлн руб. или 0,9% к ВВП, в то время как за соответствующий период 1995 г. – 0,4% к ВВП [61].

Рассогласованность в территориальном распределении товарных и финансовых ресурсов стала тормозом нормального функционирования рыночной экономики. В этих условиях децентрализация бюджетных полномочий возможна только при компенсирующем замещении бюджетных механизмов механизмами финансовых рынков.

Между тем для нынешнего этапа характерны крайняя неравномерность в развитии финансового сектора страны и несбалансированность в развитии товарных и финансовых рынков. Так, наблюдается значительная межрегиональная дифференциация по уровню насыщенности кредитными вложениями. По данным на конец 1995 г. свыше 60% от общего объема кредитных вложений, распределяемых по регионам, было сосредоточено в 10 субъектах Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Самарская и Свердловская области, республики Дагестан, Саха, Башкортостан, Татарстан и Краснодарский край). При этом более 30% составили кредитные вложения по Москве, их душевой показатель здесь более чем в 5 раз превышает среднероссийский уровень. Здесь же наиболее выражено преобладание спроса на кредитные ресурсы со стороны финансового сектора экономики, чему во многом способствует развитая инфраструктура соответствующих рынков.

В то же время почти в половине (в 39) субъектов Федерации показатель кредитных вложений на душу населения более чем в 2 раза ниже среднероссийского уровня. При этом во многих из них (например, в Ленинградской, Ярославской, Новгородской, Липецкой, Астраханской и других областях), по расчетам автора, наблюдается относительная недостаточность обеспеченности товарооборота кредитными вложениями, хотя уровень развития реального сектора здесь довольно высок и обладает значительным потенциалом для расширения предложения финансовых ресурсов.

В начальной стадии своего формирования находится структура финансового рынка, в которой пока отсутствует целый ряд необходимых сегментов, обеспечивающих эффективное перераспределение капиталов с учетом потребностей реального сектора экономики. Ограниченный круг финансовых услуг ведет к возникновению компенсирующих полулегальных, а, зачастую, криминальных форм недостающих услуг. Так, почти полное отсутствие небанковского сегмента снижает возможности финансовых рынков по мобилизации долгосрочных финансовых ресурсов, по страхованию различных рисков, затрудняет процесс регулирования денежной массы в обращении[1].

Крайне негативные последствия дало гипертрофированное развитие рынка государственных долговых обязательств, искажение конку-

[1] Ввиду важности этой проблемы в данной главе специально рассматриваются вопросы развития российского страхового рынка.

рентных позиций частного и государственного секторов на фондовом рынке.

В 1996 г. объем эмиссии ГКО и ОФЗ увеличился с 26 до 50,5 трлн руб (т.е. почти в 2 раза), объем их размещения на рынке за этот же период возрос в 1,8 раза. В 1997 г., несмотря на наметившуюся позитивную тенденцию реструктуризации оборота за счет расширения продаж корпоративных бумаг, доля государственных ценных бумаг попрежнему остается доминирующей. В первом полугодии 1997 г. она составила почти 97% в объеме оборота биржевого фондового рынка страны, из них 84,3% приходится на основной инструмент обслуживания госдолга – государственные краткосрочные обязательства [62]. При этом средний уровень доходности государственных долговых обязательств в реальном выражении хотя и снизился по сравнению с 1996 и особенно 1995 г., но тем не менее по-прежнему значительно превышал доходность инвестиций в реальный сектор экономики. Так, аукционная доходность ГКО и ОФЗ при размещении в январе 1998 г. составляла около 34%.

Масштабы скрытого изъятия финансовых средств реального сектора на непроизводительные нужды через фондовый рынок подрывают возможности развития рынка корпоративных бумаг, а значит, и возможности инвестирования в частном секторе. Практически весь фондовый рынок привязывается к одному заемщику, формируется завышенный для реального сектора уровень доходности вложений.

Разразившийся летом–осенью 1998 г. финансовый кризис, с одной стороны, являлся следствием несбалансированного развития финансовых рынков и реального сектора экономики, а с другой, – при определенных условиях может послужить инструментом восстановления некоторого равновесия. Рухнувшая пирамида ГКО фактически лишила возможности ориентировать финансовые потоки на сверхдоходные вложения. В этих условиях неизбежно потоки финансовых ресурсов будут менять свою направленность и возникает проблема их переориентации на реальный сектор экономики и обслуживание реального товарооборота. Предпринимаемые, однако, в настоящее время меры, скорее всего повлекут за собой не столько улучшение финансового обеспечения реального сектора, сколько направление финансовых ресурсов на валютный рынок (который сегодня опять становится наиболее доходным). В этих условиях, финансовый кризис и крушение модели финансирования государственной задолженности могут еще больше ухудшить ситуацию с обслуживанием реального товарооборота в стране.

Состояние рынка кредитных ресурсов характеризуется крайней нестабильностью, чрезвычайно высоким уровнем рисков, обусловленным прежде всего снижением платежеспособности конечных заемщиков-предприятий. Это, в свою очередь, влечет за собой сокращение сроков кредитования и повышение процентной ставки. Эластичность банковского сегмента рынка по отношению к структурным преобразованиям реального сектора экономики все еще крайне низка. Превалирование краткосрочных кредитных ресурсов над долгосрочными при-

водит к сохраняющейся неустойчивости банковской системы, вследствие чего усиливается нестабильность реального сектора экономики.

Вместе с тем в 1997 г. наметились некоторые положительные тенденции в преодолении изолированности финансового и реального секторов экономики. Отмечалась тенденция к стабилизации и даже некоторому увеличению кредитных вложений в экономику. За первое полугодие 1997 г. их объем (без учета кредитов, предоставленных банкам) вырос на 11,3%, при этом несколько повысился (на 0,5 процентных пункта) удельный вес долгосрочных кредитов [63]. А в декабре 1997 г. доля долгосрочных кредитов составила 10,1%.

В целях преодоления негативной практики оттягивания финансовых ресурсов из реального сектора экономики основные изменения должны быть направлены на сокращение масштабов и снижение издержек государственных заимствований. Для этого необходим комплекс мер по увеличению доходной базы бюджета, повышению собираемости налогов и отмены необоснованных льгот по их уплате. Нуждается в реформировании рыночный механизм обслуживания государственного долга, корректировка которого должна быть нацелена на дальнейшее увеличение сроков заимствований и снижение доходности государственных ценных бумаг.

Особую значимость приобретают вопросы страхового и материального обеспечения высоких кредитных и инвестиционных рисков вложений в производство. Важным шагом в этом направлении может стать законодательное оформление института государственных гарантий с четкой регламентацией источников их финансирования, процедуры их предоставления, включая контроль за их целевым использованием. Необходимо также завершить правовую проработку механизмов залогового и ипотечного кредитования, где должны быть четко определены условия перехода прав собственности на имущество должника, обращенное в залог.

10.4. Государственный рынок

Государственный рынок, охватывающий оборот товаров и услуг для приоритетных нужд государства, – неотъемлемая составная часть смешанной экономики. Специфика государства как субъекта рыночных отношений вместе с тем может оказывать неоднозначное влияние не только на сам этот рынок, но и на формирование рыночной системы в целом.

Государственный рынок, как правило, наиболее устойчив и стабилен, что обусловлено ростом государственного потребления, наличием у государства значительных материальных, организационных, информационных и иных возможностей для обеспечения своих обязательств перед контрагентами. Для хозяйствующих субъектов участие в выполнении заказов государства повышает гарантированность сбыта продукции, расширяет доступ к источникам приобретения ресурсов, новым технологиям, информации о конъюнктуре рынка, что способствует освоению новых перспективных сфер деятельности. Таким образом,

нормально функционирующий государственный рынок – это важный стимулирующий и организующий фактор развития всех остальных сегментов рыночного пространства.

Вместе с тем масштабы государственного рынка имеют объективные границы, поскольку он базируется на перераспределении доходов. Превышение этих границ сопряжено с возможным ослаблением стимулов к предпринимательской и трудовой деятельности в других секторах экономки. К тому же государственный рынок – это рынок одного покупателя (заказчика). С этим связана опасность неоправданного давления на контрагента, которая тем более велика, так как в данном случае покупатель (государство) законодательно наделен правом принуждения по отношению ко всем экономическим агентам.

Давление на хозяйствующего субъекта (путем занижения цен или диктата по другим условиям сделки) может дать краткосрочные выгоды доминирующему покупателю, но в долгосрочном плане подавляет хозяйственную активность и ограничивает предложение товаров и услуг.

Еще чаще наличие единственного покупателя в лице государственного заказчика ведет к необоснованному завышению цен, в основе которого невозможность контроля за реальным уровнем затрат у поставщиков или прямой подкуп государственных служащих со стороны лоббирующих поставщиков, навязывающих свои товары и услуги на выгодных для себя условиях.

Опасность чрезмерного расширения государственного рынка обусловлена особыми интересами всех его участников. Чиновник государственного аппарата заинтересован в наращивании объемов закупок так как это повышает востребованность бюрократической прослойки, способствует ее численному росту, увеличению расходов на содержание самого аппарата. Процесс распределения бюджетных средств в частный сектор, кроме того, создает питательную среду для их корыстного использования в интересах коррумпированных чиновников. В то же время для поставщика заказы государственной казны могут стать средством усиления его рыночных позиций даже в том случае, если таковые не подкреплены реальными конкурентными преимуществами. Все вместе препятствует реализации тех целей, ради которых и осуществляется непосредственное участие государства в предпринимательской деятельности.

Российский опыт дает немало примеров таких деформаций. Особенно характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в системе закупок продовольствия для обеспечения приоритетных государственных нужд.

В отсутствие действенных механизмов контроля за расходованием бюджетных средств и неотработанности механизмов конкурсного размещения закупок закрепилась практика завышения (относительно реальных потребностей) объемов продукции, закупаемой на внешнем рынке. Расширению импорта, угнетающего отечественного товаропроизводителя, способствовало также отсутствие необходимых мер защиты внутреннего рынка от недобросовестной ценовой конкуренции

и, в первую очередь, от притока дешевого продовольствия, дотируемого правительствами стран-импортеров.

Не менее важное значение имеет и тот факт, что несформированная конкурентная среда государственного контрактирования затрудняет процесс ценообразования при закупках продукции для федерального и, особенно, для региональных государственных фондов.

Наблюдаются значительные отклонения (как правило, в сторону занижения) устанавливаемых государством минимальных гарантированных цен от уровня реально складывающихся рыночных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции. Тем самым расширяются возможности для различного рода злоупотреблений со стороны чиновников центральных ведомств и местных администраций. Разрыв в уровне закупочных и рыночных цен и неотрегулированность порядка использования федерального и региональных фондов продовольствия способствовали, в частности, распространению практики извлечения спекулятивных доходов за счет реализации через коммерческие структуры аккумулированной в них продукции. В результате нецелевого использования возникают нехватки ресурсов для обеспечения приоритетных нужд (в частности, для нужд армии, как это было в 1996 г.), что, в свою очередь, стимулирует усиление тенденций к внеэкономическому принуждению в регулировании оборота.

Важнейшим направлением улучшения ситуации на государственном рынке, повышения эффективности использования бюджетных средств при размещении заказов, является последовательное внедрение *конкурентных начал* в процесс организации закупок при одновременном расширении круга потенциальных поставщиков.

Определенным шагом в этом направлении стало принятие "Положения об организации закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд", разработанного в соответствии с Указом Президента "О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупок продукции для государственных нужд" (№ 305 от 8 апреля 1997 г.). В нем детально проработан конкурсный порядок размещения государственных закупок, регламентированы формы и механизмы проведения торгов (конкурсов), определены основные права и обязанности как исполнителей, так и заказчиков.

В то же время пока остается нерешенным вопрос о том, в каких случаях допускается внеконкурсное, а по существу обязательное привлечение к выполнению госзаказа. По-прежнему неясны и принципы отбора самих заказчиков и их функции.

Между тем достаточное распространение получила практика совмещения функций формирования государственного заказа и непосредственного распоряжения финансовыми средствами, выделенными для его исполнения. Кроме того, происходит бессистемное наделение полномочиями заказчика многочисленных корпораций, концернов, ассоциаций и иных коммерческих структур. Отсюда – дублирование функций и, что самое опасное, возможность совмещения исполнительной и контрольной функций при распределении государственных средств.

Тем самым создаются условия для уже отмеченных выше злоупотреблений, связанных с неоправданным расширением масштабов государственного рынка и нерациональным перераспределением ресурсов внутри государственного сектора и при их перемещении в частный сектор экономики.

В целях преодоления таких деформаций и повышения стабилизирующей роли государственного рынка в формировании рыночной системы страны потребуется существенная корректировка всего законодательства о госпоставках. В рамках федерального закона необходимо, в частности, четко разграничить функции заказчика и непосредственного распорядителя государственных финансовых средств. Следует также законодательно определить принципы отбора и статус заказчика, установить критерии необходимости и порядок передачи соответствующих полномочий.

Рассмотренные вопросы далеко не исчерпывают всего круга проблем, связанных со становлением системы рынков в России и усилением роли государства в этом процессе. Однако общий принцип состоит в том, что государство должно создавать весь комплекс предпосылок для формирования рыночной среды, содействовать отраслевым и территориальным сдвигам, обеспечивающим единство и эффективность функционирования национального рынка.

В то же время все эти меры должны усиливать конкурентные основы рынка и пресекать сращивание рыночных институтов с институтами государственной власти.

10.5. Первые шаги российского страхового рынка

Сбалансированное развитие рынка и всей системы рынков невозможно без становления и эффективного функционирования рынка страховых услуг, обеспечивающего защиту имущественных прав всех категорий экономических субъектов (граждан, предприятий, организаций, государства) и играющего заметную роль в инвестиционном процессе.

Российский страховой рынок находится в начальной стадии формирования и характеризуется рядом диспропорций и деформаций, являющихся следствием общей социально-экономической ситуации в стране. В настоящее время в России застраховано не более 10% потенциальных рисков, тогда как в большинстве экономически развитых стран страховой защитой обеспечены 90–95% рисков. Общий объем страховых поступлений (страховой премии) относительно ВВП на начало 1998 г. составил 1,3% (в странах с развитой рыночной экономикой 8–12%). По масштабам операций и размеру активов отечественный страховой рынок многократно уступает банковскому. Совокупные активы 100 крупнейших российских страховых компаний (СК) сопоставимы с величиной активов лишь одного крупного банка.

По состоянию на 1 июля 1998 г. в государственный реестр были включены 2144 страховые компании, но число реально функциониру-

ющих на рынке страховщиков значительно меньше. По данным Департамента страхового надзора Министерства финансов РФ, лишь 60% из них представили отчетность о своей фактической деятельности. Среди российских страховщиков около 30 компаний имеют лицензию на проведение перестраховочных операций, при этом только 23 подтвердили свою деятельность соответствующими отчетными документами. В течение последних трех лет общее число страховых фирм, как и банков, существенно (почти на треть) сократилось. Сокращение общего числа СК сопровождалось увеличением масштабов и расширением географии их деятельности.

О слабости нынешнего российского страхового рынка свидетельствует низкий уровень его концентрации, который может быть оценен исходя из величины активов страховых компаний как обобщающего показателя, отражающего масштабы накопленных средств и имущественных прав компаний, и объема страховой премии как основного оценочного показателя текущей деятельности страховщиков, отражающего объем средств, привлеченных в соответствии с заключенными договорами страхования.

На конец 1997 г. активы 100 крупнейших российских страховых компаний оценивались в 9,4 трлн деноминированных руб., что по экспертным оценкам составляет около 75–80% совокупных активов всех страховых компаний страны. Для сравнения: в банковском секторе аналогичный показатель составил 69,2%.

По размеру активов на страховом рынке заметно выделяются три лидирующие компании (СК Ингосстрах, Геополис, Энергогарант), которые формируют 46,4% совокупных активов 100 крупнейших страховых компаний и 37% суммарных активов всего страхового рынка. В банковском секторе на долю трех лидеров приходится 28,6%. Таким образом, по размеру активов страховой рынок более концентрирован. Но формально оба этих рынка могут рассматриваться как рынки с низкой концентрацией рыночных долей лидеров.

На самом деле показатель активов на страховом рынке был бы заметно выше, если оценку производить с учетом их консолидации в рамках фактически сложившихся страховых групп. К таковым в первую очередь относится система "Росгосстрах", объединяющая около 80 компаний. Ее консолидированные активы на конец 1997 г. оценивались в 1,9 трлн недоминированных руб., что составляет около 16% активов всех страховых компаний страны. С учетом этого факта индекс концентрации возрастет до 48%, т.е. будет соответствовать значениям умеренно концентрированного рынка.

В целом более высокие показатели размеров активов характерны для двух основных категорий страховщиков. Первая – страховые институты, достаточно долго в сравнении с большинством российских компаний работающие в этой сфере экономической деятельности, характеризующиеся, как правило, высокой долей государственного участия (Ингосстрах, компании системы Росгосстраха, РОСНО, Военно-страховая компания и др.). Вторая – так называемые кэптивные компа-

нии[2] (Энергогарант, СОГАЗ, Интеррос-Согласие, Лукойл и др.), создание которых во многом обусловлено необходимостью обслуживания страховых и иных финансовых интересов своих учредителей: мощных финансово-промышленных групп или отдельных ведомств.

Очевидно, что значительные размеры активов сами по себе не могут свидетельствовать о высокой активности той или иной страховой компании. Ряд страховых компаний, занимающих ведущие позиции в списке крупнейших по размеру активов (например, Ресо-Гарантия, Индустрия Ре, Альянс-Гарантия и др.), не входят в число лидеров по объему страховых премий. При этом общий уровень концентрации рынка по показателю страховых премий существенно ниже, чем по величине активов.

Суммарная страховая премия 100 крупнейших российских компаний составила 21,4 трлн неденоминированных руб. или 62,9% от общего объема страховой премии, собранной в 1997 г., из них на долю трех лидеров (РОСНО, Ингосстрах, Промышленно-страховая компания) приходится менее 10%. В то же время этот показатель (как и показатель концентрации активов) будет существенно выше, если в расчет принимать объем суммарной страховой премии, аккумулированной в системе "Росгосстраха". Коэффициент концентрации трех ведущих компаний в этом случае возрастет до 16%. Индекс концентрации рыночных долей лидеров и в этом случае не превысит значений, характерных для низкоконцентрированного рынка.

Уровень концентрации страховых поступлений заметно различается на разных сегментах рынка. Наиболее высокий показатель концентрации отмечается среди компаний, занимающихся перестрахованием. Абсолютными лидерами здесь являются две компании: "Мегарусс", специализирующаяся на космических рисках и "Национальное ПО", обеспечивающее страховую защиту рисков, связанных с транспортировкой нефти. Доля этих двух компаний составляет более 60% общего объема собранной премии, по сравнению с 1996 г. она увеличилась на 15 процентных пунктов.

Наиболее высокие значения индекса концентрации на этом сегменте страхового рынка не следует расценивать как безусловное доказательство его чрезмерной монополизации. Реальная рыночная власть отечественных лидеров здесь пока ограничена. Основной причиной этого является давление внешней конкуренции. В условиях низкой емкости национального страхового рынка и ограниченных финансовых возможностей по страхованию крупных рисков среди отечественных страховщиков широкое распространение получила практика перестрахования у иностранных компаний.

Достаточно высока концентрация лидеров и в секторе страхования ответственности. На конец 1997 г. ведущие позиции здесь занимали

---

[2] Captiv insurance company – дочерняя страховая компания, принадлежащая другой организации (группе) и занимающаяся преимущественно страхованием рисков материнской компании и иных участников группы. В результате участники группы, как правило, имеют возможность получать страховые услуги по пониженным тарифам.

давно работающие на страховом рынке и располагающие значительными объемами собственного капитала компании РОСНО и Ингосстрах, для которых вместе с тем этот вид страховых услуг является вспомогательным. Третье место в списке лидеров занимает СК "Сургутнефтегаз", создание которой связано с обслуживанием страховых интересов группы Лукойл. Большие объемы страховых поступлений в данном случае могут быть связаны с возможностью их добровольно-принудительного сбора с предприятий группы.

По всем остальным видам страховых услуг рассчитанные индексы концентрации не превышают пороговых значений, характерных для низкоконцентрированных рынков. Такая оценка во многом носит формальный характер и даже не совсем корректна, так как в расчет принимались укрупненные сектора рынка, каждый из которых, как правило, даже в условиях еще только формирующегося российского страхового рынка уже достаточно диверсифицирован. Более корректные результаты могла бы дать оценка степени концентрации в разрезе конкретных страховых продуктов, например услуг по страхованию приватизированного жилья или накопительного страхования жизни. При этом во внимание должна приниматься доступность того или иного вида услуг на отдельных локальных рынках. Известно, например, что в регионах страхование имущества предприятий энергетики практически полностью сосредоточено в одной компании "Энергогарант". В большинстве сельских регионов сохраняется абсолютная монополия компаний "Росгосстрах" в оказании страховых услуг населению. Но отсутствие всей необходимой информации не позволяет пока провести более углубленную оценку.

Активность страховых операций на различных территориях страны в настоящее время существенно различается. Каждая четвертая реально функционирующая компания расположена в Москве, на долю столичных страховщиков в 1997 г. приходилось свыше 40% объема всей собираемой страховой премии. В последнее время усилились тенденции к захвату региональных рынков крупными московскими компаниями через развитие филиальной сети, наращивание уставных капиталов, создание различного рода конгломератных объединений. Противостоять этому натиску региональные компании за редким исключением не могут. Масштабы деятельности большинства региональных компаний незначительны. Почти две трети из них имеют минимальный уставной капитал и не способны его самостоятельно нарастить.

Итак, общий уровень концентрации российского страхового рынка на нынешнем этапе его развития можно с известной долей условности оценить как низкий. По величине активов, объемам страховых поступлений и другим базовым параметрам даже самые крупные отечественные страховые компании можно назвать таковыми лишь с большой натяжкой. Весь объем собираемой в стране страховой премии сопоставим с аналогичным показателем одной западной компании, замыкающей перечень 100 крупнейших страховых компаний мира.

Проблема экономических барьеров входа на российский страховой рынок связана прежде всего с ограниченностью платежеспособного

спроса на страховые услуги, что обусловлено неплатежеспособностью предприятий и низким уровнем реальных доходов населения. До последнего времени вход на этот рынок также заметно сдерживался конкуренцией со стороны других сегментов финансового рынка. Так, альтернативой накопительному страхованию до августовского финансового кризиса 1998 г. служили в основном валютные сбережения или банковские депозиты.

Административные барьеры для входа на страховой рынок сейчас обусловлены в основном активным созданием "своих" страховых компаний различными ведомствами и региональными администрациями и стремлением последних ограничить доступ московских страховщиков на территорию региона. Чаще всего такая практика наблюдается в сфере обязательного медицинского страхования, где для местных страховых компаний предусматриваются преференции в распределении средств фондов обязательного медицинского страхования.

В этих условиях усиление тенденций к концентрации, увеличению размеров страховых компаний и расширению масштабов их деятельности можно рассматривать как положительный факт. Позитивную роль в этом процессе может сыграть ужесточение требований к величине уставного капитала. Наряду с другими мерами это будет способствовать выбраковке мелких и слабых компаний, укреплению общей финансовой устойчивости рынка, расширению возможностей страхования крупных рисков. Недостаток средств и неразвитость инфраструктуры рискового страхования и в первую очередь кредитных, экспортных и политических рисков, занимают не последнее место в ряду причин, спровоцировавших финансовый кризис 1998 г.

Формирующийся национальный рынок страхования весьма неоднороден с точки зрения типа организации рыночных структур и моделей поведения экономических агентов. Уровень развития конкуренции заметно различается по его секторам. В этой связи целесообразно остановить внимание на двух основных аспектах: *роли обязательного страхования и особенностях страхования через кэптивные компании.*

К обязательным видам страхования обычно относят те виды страховой защиты, которые вводятся специальными законодательными актами и часто реализуются с привлечением финансовых средств государства. Такого рода услуги являются неотъемлемой составной частью всех страховых систем. Через механизмы обязательного страхования выполняются важные функции социальной и экологической защиты, обеспечиваются гарантии профессиональной ответственности производителей и продавцов общественно значимых товаров и услуг, к числу которых относят и многие виды финансовых услуг. В странах с развитой рыночной экономикой накоплен богатый опыт обязательного (чаще всего в рамках профессиональных ассоциаций) страхования банковских, аудиторских, риэлторских и иных видов деятельности на финансовом рынке.

В развитых страховых системах участие в программах обязательного страхования, как правило, сопряжено с необходимостью соблюде-

ния более жестких нормативов платежеспособности и надежности для участвующих в них страховщиков. Активно используются конкурсные механизмы их отбора. Эти меры способствуют защите интересов конечных потребителей и повышают финансовую устойчивость рынка в целом.

Вместе с тем природа обязательного страхования предполагает определенные ограничения действия законов рыночной конкуренции, что может усиливать в этом секторе тенденции к монополизму со стороны отдельных компаний и ущемлению интересов непосредственных потребителей страховых услуг.

Особенностью нынешнего этапа формирования страхового рынка в России является значительная, а по мнению большинства специалистов, практически доминирующая роль обязательных видов страхования. Основная причина такого перекоса связана с низким платежеспособным спросом как предприятий, так и населения на услуги добровольного страхования. Сказывается также отсутствие традиций и культуры страхования. Но не менее, а может быть и более важные причины, на наш взгляд, заключаются в неоправданном, искусственном расширении сектора обязательного страхования и незаинтересованности самих страховщиков в предоставлении классических (в первую очередь рисковых) видов услуг.

По данным Департамента страхнадзора МФ, в 1997 г. платежи по обязательным видам страхования составили 38% объема собранной страховой премии и 47% выплат по страховому возмещению. Из них на долю обязательного медицинского страхования приходилось около 80% общего объема операций. Есть основание полагать, что уже в ближайшее время перечень видов обязательного страхования может быть расширен. Подготовлен целый ряд законопроектов, предусматривающих ведение новых видов обязательных страховых услуг. В числе наиболее крупных проектов: страхование ответственности владельцев автотранспортных средств и ответственности работодателей за причинение ущерба здоровью и имуществу работников. Ожидается также активизация обязательного страхования, привязанного к процедурам лицензирования и сертификации различных видов деятельности, в том числе профессиональной деятельности участников финансового рынка (в сфере аудита, лизинга, биржевой деятельности и др.). Актуальность страховой защиты потребителя здесь не вызывает сомнения. Но очевидно и то, что возможности их эффективного развития после финансового кризиса 1998 г. весьма ограничены. Искусственное расширение сектора обязательного страхования вряд ли принесет пользу непосредственным потребителям услуг, но может усилить стремление страховых компаний к разделу ниш обязательного страхования в ущерб развитию их реального рыночного потенциала.

В настоящее время ведущие позиции значительной части крупных страховщиков определяются прежде всего масштабами их участия в программах обязательного страхования. В каждой четвертой компании, вошедшей в список 100 крупнейших, доля обязательного страхования превышает 75%.

Почти половина из 20 ведущих отечественных компаний имеют долю обязательного страхования, превышающую 70%. Например, в страховой компании "МАКС-МС", занимающей четвертое место по объему суммарной страховой премии, доля обязательных платежей составляет 92,4%, в "РОСНО-МС" (пятое место) – 96,8%, в СК "Кузбасс" (девятое место) – 99,8%.

В отдельных нишах обязательного страхования, как правило, доминирует небольшое число так называемых уполномоченных компаний (часто в их качестве выступают кэптивы) или даже доминирует один страховщик (например, компания ЖАСО в системе страхования предприятий МПС). Особенно широкое распространение институт уполномоченных получил в секторе обязательного медицинского страхования в регионах. Для них часто негласно устанавливаются квоты реализации услуг и фактически их роль может сводиться к перераспределению средств централизованных фондов обязательного страхования.

Фактором усиления тенденций к монополизации и ущемлению прав непосредственных потребителей страховых услуг в данном случае является не столько сам по себе институт уполномоченных, сколько те механизмы, которые лежат в основе их отбора.

В условиях несформированности стандартизированной системы экономических нормативов платежеспособности и финансовой устойчивости страховых компаний, слабости надзорных институтов и неразвитости конкурсных механизмов распределения государственных финансовых средств, фактически отсутствует объективная основа для оценки деятельности страховых компаний. Основным критерием, определяющим положение компании не только в сфере обязательного, но и в добровольном страховании по существу становится наличие неформальных, а иногда и коррупционных связей с представителями соответствующих ведомств, региональных администраций, аффилированных коммерческих структур. Примеры использования иных критериев, способствующих формированию конкурентной среды на отечественном страховом рынке, встречаются, пока редко. В качестве примера можно привести проведение закрытого тендера на страхование Магнитогорского металлургического комбината.

Наряду с доминирующей ролью обязательного страхования другой важной особенностью структуры страхового рынка страны в настоящее время можно считать фактически монопольное страхование отраслевых и корпоративных рисков через кэптивные компании. По экспертной оценке, почти половина наиболее крупных отечественных страховщиков входит в различные финансово-промышленные или банковские группы.

Само по себе создание кэптивных компаний, тесно взаимодействующих с производственными предприятиями и банковским капиталом, безусловно, может рассматриваться как положительный фактор. Интеграция позволяет страховым компаниям расширять клиентскую базу, повысить финансовую устойчивость. Другим участникам рынка она дает возможность увеличить потенциал резервирования средств на случай непредвиденных, чрезвычайных событий.

Корпоративная страховая защита может избавить предприятия от необходимости формировать значительные объемы собственных резервных фондов и тем самым омертвлять материальные активы, отвлекая их от непосредственной производственной деятельности. Схожие аргументы обычно приводятся и в обоснование необходимости слияния страхового и банковского капиталов.

Вместе с тем реальная ситуация на российском страховом рынке свидетельствует о том, что чаще всего эти благие цели не реализуются. Основным результатом такого взаимодействия, как правило, является не реальное рисковое страхование, а разработка различных схем "псевдострахования", т.е. простое перераспределение финансовых средств между участниками группы. Псевдострахование, как показывает практика, может иметь двойственные последствия как для непосредственных страхователей, так и для самих страховщиков.

Широкую популярность получили различные зарплатные страховые схемы ухода от налогов. По оценкам ряда экспертов, на такие схемы сегодня приходится около 40% объема страховых поступлений по имущественному страхованию и страхованию ответственности. При всей своей привлекательности для отечественных страховых компаний с точки зрения возможностей наращивания объемов страховых операций, подобные схемы могут иметь и серьезные негативные последствия. Они ведут к дисбалансу между величиной страховых поступлений и выплат, сокращают инвестиционный потенциал компаний. Тем самым снижается их конкурентоспособность и в конечном итоге создаются предпосылки для ослабления финансовой устойчивости.

Часто деятельность кэптивных компаний влечет за собой лишь дополнительное налогообложение предприятий, входящих в состав группы, или связана с прямыми проявлениями монопольной практики, нарушением прав непосредственных потребителей страховых услуг. Причины, объясняющие такое положение, во многом связаны не только с действиями самих страховщиков, сколько с фактически сложившейся монополией тех структур (ведомств, крупных ФПГ, концернов, групп и т.п.), которые учреждают кэптивные компании.

В качестве примеров наиболее часто встречающейся монопольной практики можно привести следующие:

отказ от заключения страховых договоров с юридическими лицами, не входящими в состав группы;

установление повышенных тарифов для страхователей, не являющихся участниками группы;

принуждение участников группы к заключению страховых договоров только с уполномоченной кэптивной компанией. Так, долгое время корпоративный подход обязывал комбинат "Норильский никель" страховать свои грузы только в СК "Интеррос-согласие".

необоснованное требование передачи финансовых средств и имущества страховщикам.

Самые одиозные случаи таких нарушений повлекли за собой судебные иски со стороны потенциальных страхователей. Например, был удовлетворен иск о неправомерных действиях Управления Свердл-

ловской железной дороги, которое обязало подведомственные ему предприятия передать в учрежденную им страховую компанию "Экспресс-гарант" помещения, средства связи и иное оборудование и заключить с ней договоры о сотрудничестве по страхованию грузов.

Разумеется, наличие тенденций к монополизации и ограничению конкуренции на отечественном страховом рынке не может быть объяснено только доминированием сектора обязательного страхования и негативными моментами, связанными с деятельностью кэптивных страховых компаний, хотя именно здесь такие проявления в настоящее время наиболее очевидны. Различные нарушения прав потребителя получили достаточно широкое распространение и в сфере добровольного личного страхования.

Например, в сфере добровольного медицинского страхования активно используются монополисы, которые предусматривают возможность получения весьма ограниченного пакета услуг и по существу лишают страхователя права выбора медицинского учреждения. При этом рисковая страховая защита как таковая не обеспечивается, сумма страхового возмещения часто не превышает величины страхового взноса. То есть фактически страхователь прикрепляется к определенному медицинскому учреждению, а основную часть врачебной помощи он вынужден оплачивать дополнительно.

Среди компаний, страхующих население от несчастных случаев, допускается дискриминация по отношению к отдельным категориям потенциальных страхователей. Как правило, не заключаются договора с лицами моложе 16 и старше 60 лет, а также с лицами, страдающими определенными категориями заболеваний.

В условиях отсутствия стандартизированных программ оценки рисков наблюдаются резкие колебания стоимости услуг и величины страхового возмещения на рынке страхования автотранспортных средств. В результате за одно и то же повреждение автомобиля клиенту может быть выплачена совершенно разная страховая сумма.

Имеют место попытки превратить добровольные страховые услуги в обязательные. Широкую известность получили действия компаний группы "Росгосстрах", направленные на принуждение к заключению договоров страхования имущества населения в Псковской области. Монопольное положение компаний в сельских районах и договоренности с местными администрациями вылились в незаконное составление реестров домовладений граждан и оформление страховых договоров без согласия самих страхователей. В отдельных населенных пунктах дело дошло до принудительного изъятия страховых платежей из зарплаты работников на предприятиях.

Таким образом, при формально низком общем уровне концентрации и незначительных размерах отечественных страховых компаний ситуация в отдельных его секторах имеет черты, присущие высокомонополизированным рынкам. В отдельных секторах страхового рынка превалирует олигопольная структура или даже наблюдается доминирование одной фирмы в реализации конкретного страхового продукта (например, в страховании ответственности предприятий определенных

отраслей реального сектора или в страховании населения в отдельных регионах страны).

Монопольная практика как таковая часто обусловлена не столько агрессивными устремлениями самих страховщиков, сколько амбициями тех структур (ведомств, ФПГ, концернов и т.п.), с которыми деятельность большинства из них тесно связана. Подобная зависимость в свою очередь является следствием перекосов и деформацией в развитии страхования и экономических процессов в целом.

Основные предпосылки формирования эффективной конкурентной среды на отечественном рынке страховых услуг связаны с ростом платежеспособного спроса на услуги добровольного страхования, что, в свою очередь, возможно только при условии восстановления платежеспособности предприятий и значительного повышения реальных доходов населения.

Глава 11

БЮДЖЕТНЫЕ И НАЛОГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Наиболее важными компонентами эффективной и эластичной бюджетно-налоговой системы (в широком значении данного слова) в экономике смешанного типа являются:

наличие эффективной налоговой системы, доставляющей бюджету необходимые финансовые ресурсы и не подрывающей при этом производственно-хозяйственную деятельность экономических субъектов;

осуществление расходов бюджета на цели и нужды, которые не могут быть обеспечены чисто рыночными механизмами, при этом такие расходы не должны подрывать рыночные стимулы функционирования основной массы хозяйствующих субъектов;

использование эффективной модели финансирования дефицита государственного бюджета. Для функционирования смешанной экономики имеют принципиальное значение не столько абсолютная величина дефицита государственного бюджета сколько масштабы его инфляционного финансирования и доля государственных займов на финансовых рынках при использовании неинфляционных методов финансирования. Во-первых, дефицит бюджета не должен финансироваться инфляционно, а во-вторых, государство не должно выступать основным заемщиком на финансовых рынках и конкурировать на них с частным сектором (производственным, в первую очередь) за привлечение финансовых средств;

формирование системы внебюджетных фондов, включая отработку способов формирования этих фондов, определение целей и механизмов расходования средств, финансовый баланс их деятельности (наличие дефицита или профицита), способы финансирования дефицита внебюджетных фондов;

Таблица 1

Доля доходов консолидированного бюджета расширенного правительства* в ВВП (%)

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Грузия	34	15	2	4	5
Туркменистан	38	42	19	10	9
Таджикистан	33	36	36	54	14
Азербайджан	36	48	41	26	19
Армения	26	27	24	16	14
Молдова**	32	20	17	17	20
Россия	46***	46	41	37	36
Кыргызстан**	22	16	15	19	15
Казахстан	21	23	22	17	16
Литва	41	34	28	25	24
Латвия	37	28	36	36	36
Эстония	41	33	40	41	41
Беларусь	48	46	52	48	44
Украина	38	44	44	46	41
Узбекистан**	31	32	42	36	35

* Сумма бюджетов и внебюджетных государственных фондов

** Доходы системы социального страхования учтены не полностью

*** Оценка

распределение доходных полномочий и расходной ответственности между уровнями бюджетной системы в рамках бюджетного федерализма, наличие или отсутствие суммарного дефицита территориальных бюджетов и его влияние на совокупный дефицит консолидированного бюджета, эффективность моделей ограничения государственного долга субъектов федерации и источников его финансирования;

наличие специфической модели бюджетного процесса, которая включает как законодательную базу регулирования этого процесса, так и эффективные балансирующие механизмы реализации законодательных и подзаконных норм.

Сейчас формирование бюджетно-налоговой системы, необходимой для становления смешанной экономики, далеко от завершения.

Экономические преобразования в большинстве постсоциалистических (в первую очередь, постсоветских) стран на начальных этапах реформы сопровождались снижением объема валового внутреннего продукта, перераспределяемого через государственный бюджет (табл. 1). Исключение составляли лишь Узбекистан и Украина, где имел место некоторый рост доли доходов консолидированного бюджета расширенного правительства в ВВП.

Среди основных причин снижения объемов доходов бюджетной системы относительно ВВП можно выделить следующие:

во-первых, объективное снижение масштабов ВВП, перераспределяемого через бюджетную систему, вследствие изменения характера экономических отношений и роли государства в экономике. Отказ по-

следнего от крупномасштабного перераспределения ресурсов между предприятиями;

во-вторых, кризисное падение ВВП прежде всего в государственном секторе промышленности, который являлся основным поставщиком доходов бюджетной системы. Происходившее увеличение доли сферы услуг, в первую очередь за счет роста доли сектора финансовых услуг и негосударственной торговли, при слабости учета и существовавшем уровне налогообложения не компенсировало выпадающих доходов;

в-третьих, принципиальные основы налоговых систем практически всех стран – бывших республик Советского Союза закладывались в 1991–1992 гг. и были ориентированы на структуру ВВП (по доходам и секторам) именно этого периода. Скорость, с которой происходило изменение структуры ВВП, существенно опережала скорость налоговых реформ. Данный фактор непосредственно связан с предыдущим и в значительной мере является его отражением;

в-четвертых, изменения в системе государственного управления повлекли за собой в целом снижение уровня дисциплины, что на начальных этапах становления качественно новой системы налогового администрирования и сбора налогов повлекло за собой падение их собираемости.

Если в первые годы реформ однозначно доминировал первый из перечисленных выше факторов, то по истечении пяти лет основную роль начинают играть третий и четвертый факторы. В результате падение доходов бюджетной системы относительно ВВП не ограничилось в большинстве стран относительно коротким периодом в два-три года, как ожидалось, а сохраняется в качестве устойчивой тенденции. Так, доля доходов собственно консолидированного бюджета России в ВВП снизилась за пять лет на 7,2 процентных пункта (с 29,5% в 1992 г. до 22,3% в 1998 г.).

В настоящее время в России имеет место несовпадение объема государственных обязательств (в первую очередь, социального плана и др.) и реальных возможностей аккумулирования доходов в бюджетную систему. В целом общая сумма превышения принятых государством на себя обязательств перед населением и экономикой над потенциальной величиной доходов бюджетной системы составляет по различным оценкам около 17–25%.

Снижение объема ВВП, перераспределяемого через бюджетную систему, практически всегда свидетельствует о неэффективности налоговой системы в целом. Однако в основе такого снижения могут лежать недостатки и непроработанность самой налоговой системы (ее микроэкономическая неэффективность), а также изменение структуры ВВП и, как следствие, несоответствие действующей налоговой системы изменившейся структуре ВВП.

Принципиальная модель ныне действующей налоговой системы формировалась в 1991–1992 гг. на базе структуры доходов хозяйствующих субъектов, сложившейся в рамках экономики огосударствленного типа. Эта модель предполагала, что основная масса облагаемого дохода формируется в рамках государственного сектора экономики; основ-

ными налогоплательщиками выступают юридические лица; основным источником налоговых поступлений является промышленность (сельскохозяйственное производство имеет налоговые льготы, сектор услуг незначителен, роль строительства невелика); основными налогами для населения являются косвенные налоги, а прямые носят вспомогательный характер. Переход к экономике рыночного типа повлек за собой существенные изменения в структуре доходов хозяйствующих агентов.

Структура ВВП за период с 1992 г. по настоящее время значительно изменилась, что не могло не сказаться на структуре и объемах поступлений налоговых платежей в бюджетную систему.

К числу основных структурных изменений в валовом внутреннем продукте с точки зрения формирующих его основных видов доходов следует отнести такие как:

снижение доли оплаты труда наемных работников с 41,2% до 32,4% (с 1992 по 1997 г.);

рост доли валовой прибыли в ВВП, главным образом, за счет увеличения объема амортизационных отчислений (почти на 6 процентных пунктов);

наиболее активно растущей компонентой ВВП в этот период был чистый смешанный доход (доля которого увеличилась с 9,2% до 24%);

доля чистых налогов на продукты и импорт изменилась не столь существенно, хотя в целом имела тенденцию к росту с 9,1% в 1993 г. до 10,3% 1995 г. и в настоящее время остается практически на этом же уровне (10,8 по итогам 1997 г.). Эта динамика в значительной мере стала следствием изменений в налогообложении импорта.

Описанные выше основные изменения, объективно произошедшие в структуре ВВП, сказались на объеме налоговых поступлений в бюджетную систему и их структуре.

Снижение доли заработной платы наемных работников в ВВП ведет к относительному сокращению доли надежного источника поступлений подоходного налога с физических лиц. Надежность данного источника определяется процедурой взимания основной части этого налога у источника выплаты, относительной простотой контроля за данным источником и незначительными возможностми по уклонению от его уплаты. Снижение доли заработной платы наемных работников в 1992–1998 гг. практически не отразилось на объеме поступлений подоходного налога с физических лиц в ВВП (в 1992 г. этот налог составлял около 2,42% ВВП, а по итогам 9 месяцев 1998 г. 2,44%), что явилось результатом того, что подоходный налог стал частично опираться и на такой источник доходов как смешанный доход.

Снижение доли чистой прибыли в ВВП неизбежно влечет за собой относительное снижение роли и доли налога на прибыль предприятий, источником уплаты которого он является. За рассматриваемый период доля налога на прибыль в ВВП снизилась с 11,5% в начале 1993 г. и 9,9% по итогам этого же года. А в 1998 г. по итогам девяти месяцев года поступления налога на прибыль составляли уже всего 3,3% ВВП.

Рост доли чистого смешанного дохода в ВВП достаточно сложно оценить с точки зрения той налоговой базы, которую он формирует.

В значительной мере эта категория доходов образует базу обложения подоходным налогом с физических лиц и в этой части имеет место потенциальное расширение базы обложения данным налогом. Однако сегодня в России, во-первых, значительная доля доходов, составляющих чистый смешанный доход, в соответствии с действующим законодательством не подпадают под налогообложение этим налогом, в частности доходы от денежного капитала (существенная часть этих доходов). Во-вторых, доходы именно этой категории наиболее сложны для контроля и могут быть в наибольшей степени сокрыты от налогообложения. Часть доходов, относимых к разряду смешанного дохода при определении ВВП, подпадает под обложение налогом на прибыль, поэтому в целом проанализировать налоговые последствия увеличения доли этой категории доходов в ВВП для бюджета достаточно сложно.

Таким образом, в настоящее время действующая модель налоговой системы в качестве опорного элемента использует компоненты ВВП, доля которых либо имеет тенденцию к сокращению (собственно чистая прибыль и оплата труда наемных работников), либо относительно постоянна с незначительной тенденцией к росту (чистые налоги на товары и импорт). Наиболее же динамично развивающийся элемент ВВП – чистый смешанный доход наиболее слабо задействован в рамках действующей налоговой системы России.

Действующая российская налоговая система в настоящее время не соответствует формирующейся структуре ВВП ни с точки зрения доходов, составляющих его, ни с точки зрения отраслевой структуры. Из этого объективно следует необходимость долгосрочной макроэкономической переориентации действующей налоговой системы:

на более точный и дифференцированный учет элементов составляющих смешанный доход (в первую очередь в рамках подоходного налога с физических лиц и налога на прибыль предприятий и организаций).

на участие сектора услуг в формировании доходов бюджета, более или менее адекватное их доле в ВВП.

Приведем лишь несколько примеров несоответствия долей отдельных отраслей в ВВП и в общем объеме налоговых доходов бюджетной системы. Так, если доля промышленности в ВВП в 1997 г. составляла 24,8%, то доля данной отрасли в общем объеме налоговых доходов была более 40%. Торговля же и общественное питание при вкладе в ВВП в размере 23,6% давали всего 9,8% налоговых доходов.

Основными налогами Российской налоговой системы являются налог на добавленную стоимость и налог на прибыль предприятий и организаций (табл. 2).

Эти два налога на протяжении пяти лет давали более 50% налоговых доходов консолидированного бюджета (например, по итогам 1995 г. 58,9%); начиная с 1997 г. наблюдается некоторое снижение роли этих налогов до 46% налоговых доходов консолидированного бюджета (в 1997 г. – 46,9%, за девять месяцев 1998 г. – 46,0%). Однако если в 1993–1995 гг. доля налога на прибыль в доходах бюджетной системы превышала долю НДС, то начиная с января 1996 г. НДС устойчиво занимает первое место среди формирующих бюджет налоговых доходов.

Таблица 2

Основные налоги российской налоговой системы (в % от ВВП)

Год	НДС	Акцизы	Налог на прибыль	Подоходный налог с физических лиц
1992	11,10	1,20	8,92	2,42
1993	6,93	1,12	10,31	2,17
1994	5,92	1,20	7,71	2,80
1995	5,70	1,52	7,10	2,21
1996	6,36	2,34	4,27	2,50
1997	5,67	2,16	3,56	2,62
1998 (9 мес.)	5,29	2,45	3,35	2,44

В целом такое смещение центра тяжести в формировании доходов бюджета на НДС косвенно свидетельствует о переориентации бюджетной системы на относительно более стабильный источник доходов, а снижение роли налога на прибыль в доходной части бюджета позволяет надеяться на возможность усиления его регулирующей нагрузки.

В целом на основе приведенных данных просматривается отчетливая переориентация российской налоговой системы на косвенные налоги. Она осуществляется за счет существенного наращивания акцизов (их масштабы относительно ВВП возросли с начала реформ более чем вдвое) и за счет существенного падения роли налога на прибыль. Некоторый рост поступлений подоходного налога с физических лиц не компенсирует этого падения.

Снижение объема налоговых поступлений относительно ВВП частично связано с ростом недоимки практически по всем видам налогов. Наиболее значительны объемы недоимки по налогу на добавленную стоимость, которые составляют 53% общей суммы просроченной задолженности по налоговым платежам. При этом в 1998 г. ежемесячно недоимка по данному налогу составляла 25–30% сумм налога, фактически поступавшего в бюджетную систему. В результате реальное исполнение федерального бюджета по итогам девяти месяцев 1998 г. по налогу на добавленную стоимость составило чуть более 48% годовых значений, утвержденных в Законе о федеральном бюджете на 1998 г.

Эффективность налоговой системы, ее адекватность условиям формирования экономики смешанного типа объективно требуют сочетания требований уплатить налог с наличием у налогоплательщика возможности это сделать. Это положение в России сегодня не соблюдается. Существенную проблему для налогоплательщиков по налогу на добавленную стоимость представляет включение в базу обложения всех авансовых платежей, штрафов, пени и неустоек, средств, передаваемых другими предприятиями, доходов от управления ресурсами; постоянный пересмотр состава облагаемой базы; отнесение НДС на издержки и отсутствие зачета по нему в организациях, не подлежащих обложению НДС в силу специфики деятельности (например, институты фондового рынка); специфики определения НДС при бартере, реализации товаров по ценам ниже себестоимости и т.п. В условиях, когда

существенная часть товарооборота обслуживается не реальными деньгами, а денежными суррогатами (бартер, взаимозачеты, векселя, неплатежи и т.п.) предприятия при наличии факта реализации для целей налогообложения не имеют средств для уплаты налогов, требование со стороны государства уплатить эти налоги деньгами становится непосильным для налогоплательщиков.

К тому же, будучи косвенным налогом, НДС оставляет относительно меньше возможности для уклонения от его уплаты по сравнению с налогом на прибыль, но при этом налогоплательщики со своей стороны используют перечисленные выше и широко известные схемы уклонения от уплаты данного налога в виде неплатежей и отсутствия средств на счетах предприятий (зачастую искусственно организованное); проведения расчетов через подставные фирмы, в том числе фирмы – "однодневки"; нерегистрируемый бартер; заключение "затратных" договоров; расчеты наличными с юридическим лицами и др.

Стремление государства решить проблему низкой собираемости НДС путем перехода от учета реализации по кассовому методу к методу начислений ставит добросовестных налогоплательщиков в еще более тяжелое положение.

В целом сложившуюся в 1997–1998 гг. в России ситуацию со сбором налогов нельзя рассматривать изолированно от общей финансовой ситуации и в первую очередь – от степени насыщенности товарооборота реального сектора экономики денежными рисурсами. В сложившихся условиях деньги (рубли) обслуживают лишь товарооборот потребительских товаров в его конечной фазе (конечная реализация товаров и услуг населению) и то далеко не во всех регионах, возможности собирать налоги в денежной форме еще более сужаются. Приходится констатировать, что данная ситуация не может быть решена ни прямой кредитной эмиссией, ни бюджетной эмиссией. Сохраняющийся разрыв в уровне фактической эффективности вложений в реальный сектор и альтернативных вложений практически полностью блокирует доступ финансовых ресурсов в реальный сектор.

Существенное снижение доли налога на прибыль в доходах консолидированного бюджета (с 36,3% в 1993 г. и 28,6% в 1994 г. до 26,9% в 1995 г., 15,2% в 1997 и 15,1% за 10 месяцев 1998 г.) связано со снижением рентабельности производства и снижением абсолютных размеров прибыли в хозяйстве и с тем, что предприятия приспособились к данному налогу и в значительной мере используют допускаемые законодательством меры по его минимизации.

В рамках действующей сегодня модели налога на прибыль наиболее болезненной для налогоплательщиков является невозможность признать реальные затраты (убытки) предприятия, т.е. фактическая невозможность уменьшить налогооблагаемую базу при наличии фактически понесенных расходов (убытков) ни путем отнесения этих расходов на себестоимость, ни путем их вычета из налогооблагаемой прибыли, а также требование расчета налога в ряде случаев не по реальной цене сделки, а по так называемой рыночной цене. Это положение сегодня на практике блокирует распродажу взаимных долгов предпри-

ятий (и коммерческих банков) и понижение цен для добросовестных налогоплательщиков. Отметим, что эти меры были введены для предотвращения использования подобных схем для уклонения от уплаты налогов, однако на деле они крайне ощутимо сказываются в первую очередь на добросовестных налогоплательщиках, попавших в сложное финансовое положение.

В качестве самостоятельной можно выделить проблему налогообложения инвестируемой части прибыли предприятий. В соответствии с действующим законодательством прибыль предприятий, направляемая на инвестиции производственного назначения и в жилищное строительство, подлежит вычету из налогооблагаемой прибыли. Однако при этом имеет место требование полного использования амортизации, начисленной на последнюю отчетную дату. Фактически это означает, что льгота по налогу на прибыль может быть предоставлена предприятиям на сумму инвестируемых средств, превышающую начисленную амортизацию. В настоящее время в промышленности по большинству предприятий суммы начисленной амортизации после неоднократных переоценок достаточно велики, однако на самом деле у предприятий этих средств нет – они в лучшем случае вовлечены в текущий оборот в качестве оборотных средств. Таким образом, данная льгота существует в значительной степени номинально и только решение проблемы хронического недостатка собственных оборотных средств у предприятий сможет перевести ее в действующее состояние.

Сложившаяся в настоящее время в России модель налогообложения доходов физических лиц все еще не соответствует требованиям становления экономики смешанного типа. Наиболее значимыми с этой точки зрения являются, во-первых, наличие значительного (хотя и постепенно сужающегося) круга доходов и лиц, не привлекаемых к налогообложению. Во-вторых, крайне узкий перечень расходов, подлежащих вычету из облагаемой базы, что касается и предпринимателей, и граждан, не ведущих предпринимательской деятельности.

За годы реформирования российской экономики доля подоходного налога с физических лиц в доходах бюджетной системы ощутимо возросла, хотя по отношению к ВВП практически осталась без изменений. Так, если в 1992 г. подоходный налог с физических лиц давал всего 8,1% доходов бюджетной системы, то за 9 месяцев 1998 г. он составлял уже почти 11%. Тем самым имеет место постепенный сдвиг налогового бремени на физических лиц.

Существенную проблему в настоящее время представляет привлечение к налогообложению более широкого круга доходов, в частности, вопрос о введении налогообложения процентных доходов от вкладов в учреждениях банков или отмена действующей льготы по этой категории доходов. Данная льгота активно используется сейчас в качестве лазейки для уклонения от уплаты страховых платежей в государственные внебюджетные фонды социальной направленности и подоходного налога.

Частичная отмена данной льготы в 1998 г. путем фактически введения специального налога на доходы от капитала с суммы процентных

платежей, превышающей ставку рефинансирования Центрального Банка (и аналогичная схема налогообложения страховых платежей и других форм получения выгоды) не дала ощутимых результатов. Более того, этот подход ввел по существу две различные модели налогообложения – для доходов от занятости по найму и индивидуальной предпринимательской деятельности по прогрессивной шкале и для доходов от капитала – по пропорциональной шкале, что формирует противоречие между справедливостью налоговой системы и ее стимулирующим воздействием на процесс сбережения-инверстирования. Если принцип справедливости требует единого подхода ко всем категориям доходов, то задача стимулирования высокодоходных категорий населения к сбережению и инвестированию требует установления пониженной ставки для доходов от денежного капитала. Этот вопрос в рамках российской налоговой системы пока остается открытым.

Для экономики смешанного типа на первый план выступает проблема переноса акцентов в формировании налоговой системы с налогообложения производства на налогообложение потребления. В общей постановке решение данной проблемы предполагает необходимость формирования налоговой системы, обеспечивающей прогрессивное изъятие в бюджет части доходов, фактически направленных на потребление. При этом имеет место минимизация общего уровня налогообложения в процессе производственно-хозяйственной деятельности, что позволяет минимизировать искажающее воздействие налогообложения на процесс размещения ресурсов (в том числе и инвестиционных) в частном секторе и сформировать действенные стимулы к хозяйственной активности. Данная теоретическая схема может иметь несколько практических воплощений в различных вариантах соотношения косвенных налогов на потребление и прямых налогов на доходы, направляемые на потребительские нужды. В России прикладные модели указанной теоретической схемы пока не обсуждаются, тенденция к некоторому сдвигу налогообложения на потребительский сектор просматривается лишь в динамике доли подоходного налога с физических лиц в общей сумме налоговых доходов консолидированного бюджета и ростом значения косвенных налогов.

Проблема адаптации масштабов, характера и структуры расходов государственного бюджета к требованиям становления смешанной экономики предполагает:

сокращение или полный отказ от субсидий неэффективным государственным предприятиям. В условиях стран с транзитарными экономиками в ряде случаев достаточно сложно отказаться полностью от таких субсидий или льготных кредитов для предприятий и отраслей, выполняющих функции жизнеобеспечения в стране в целом или в отдельных ее регионах.

Для России такую проблему представляют кредиты под завоз товаров и горюче-смазочных материалов в северные районы. С определенной долей условности к этой категории могут быть отнесены сезонные кредиты сельскому хозяйству, а также отдельные кредиты (или субсидии), предоставляемые так называемым градообразующим предпри-

ятиям для поддержания их деятельности. Тем не менее, последовательная ориентация на сокращение льготных кредитов и бюджетных субсидий государственным предприятиям совершенно необходима для восстановления рыночной схемы рационального размещения ресурсов в частном секторе экономики, создания нормальных условий для конкуренции между различными секторами экономики;

пересмотр действующей системы трансфертов, сложившейся в рамках административно управляемой экономики и не учитывающей рыночных реалий (это касается как трансфертов гражданам, так и межбюджетных трансфертов). Применяемая формула трансфертов за счет фонда финансового выравнивания фактически стимулирует власти субъектов Федерации наращивать текущие расходы и соответственно увеличивать потребность в трансфертах из федерального бюджета.

Проблема реформирования расходов бюджетной системы России наталкивается на препятствие в виде федеративного устройства российского государства и относительной самостоятельности субъектов Федерации в проведении экономической политики на их территории. Основные скрытые (и явные) дотации населению и предприятиям осуществляются за счет бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов. Так, внешне значительным резервом сокращения государственных расходов могло бы стать перенесение бремени расходов на жилищно-коммунальное хозяйство на плечи населения (реформа финансирования жилищного хозяйства). Однако эти расходы, составляющие около 4% ВВП, полностью осуществляются за счет бюджетов субъектов Федерации, и решения, принимаемые на федеральном уровне, вряд ли смогут здесь что-либо изменить. Распределение отдельных категорий расходов бюджетной системы между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации представлены в табл. 3 (в %).

Как видно из приведенных выше данных, доля федерального бюджета в общем объеме дотаций сельскому хозяйству незначительна. Основную нагрузку по дотированию данного сектора экономики несут бюджеты субъектов Федерации. Одновременно основная нагрузка по дотированию промышленности лежит на федеральном бюджете. Если в первые годы реформ, когда расходы федерального бюджета по финансированию промышленности резко сократились, произошло смещение нагрузки на бюджеты субъектов Федерации, которые пытались таким образом поддержать промышленность, то впоследствии ситуация изменилась. Начиная с 1994 г. основные расходы по дотированию промышленности осуществляются на федеральном уровне.

В результате возможности федеративного центра по реформированию расходной части бюджета фактически ограничены реальной компетенцией федеральных органов власти и соответствующим объемом ВВП, перераспределяемого через федеральный бюджет. И наиболее острой проблемой в этой части является возможность осуществления реформы финансирования жилищного хозяйства.

В качестве самостоятельной в настоящее время может рассматриваться проблема недофинансирования бюджетных расходов за счет федерального бюджета и за счет бюджетов других уровней.

Таблица 3

Статья расходов	1996 г.		1997 г.	
	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов Федерации	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов Федерации
Государственное управление	31,08	68,92	34,6	65,4
Международная деятельность	100,00	0,00	100,00	0,00
Национальная оборона	100,00	0,00	100,00	0,00
Правоохранительная деятельность	72,84	27,16	77,4	22,6
Промышленность, энергетика и строительство	67,37	32,63	57,9	42,1
Сельское хозяйство и рыболовство	33,67	66,33	39,4	60,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,00	100,00	0,00	100,00
Образование	13,57	86,43	13,4	86,8
Культура и искусство	10,05	89,95	9,2	90,8
Здравоохранение	7,63	92,37	10,6	89,4
Социальная политика	26,70	73,29	44,3	55,7
Обслуживание государственного долга	100,00	0,00	100,00	0,00
Справочно: расходы бюджета к ВВП*	13,7	15,2	12,6	14,8

*Трансферты из федерального бюджета в бюджеты субъектов Федерации не учитывались в расходах федерального бюджета для ликвидации повторного счета

Недофинансирование отдельных категорий расходов за счет федерального бюджета зачастую приводит к тому, что некоторые статьи, находящиеся в полной компетенции федерального уровня, начинают финансироваться за счет бюджетов субъектов Федерации. На практике это приводит к реальному переподчинению отдельных институтов и служб федерального уровня субъектам Федерации. Например, недофинансирование налоговой полиции и государственной налоговой службы за счет федерального бюджета и соответствующая компенсация за счет бюджетов субъектов Федерации фактичеки лишают федеральный уровень полного контроля за их деятельностью, снижают возможности государственного регулирования в масштабах страны как единого целого.

Проблемы финансирования дефицита бюджета сводятся к необходимости неинфляционного финансирования дефицита путем заимствований на финансовых рынках. Механизмы функционирования смешанной экономики не допускают использования прямых кредитов Центрального банка для покрытия дефицита, т.е. инфляционных методов финансирования дефицита бюджета. Фактичеки в этом случае уровень развития финансовых рынков, потенциально возможный объем привлечения средств для финансирования дефицита (с учетом приемлемо-

Таблица 4

Обслуживание государственного долга

Расходы (в %)	1996 г.	1997 г.	1 кв. 1998 г.	6 мес. 1998 г.
К налоговым доходам консолидированного бюджета	9,23	7,50	27,80	26,40
К налоговым доходам федерального бюджета	20,40	17,90	57,10	58,90
К общим расходам консолидированного бюджета	6,83	5,37	19,70	23,02
К общим расходам федерального бюджета	12,50	10,40	35,30	55,22
К ВВП	1,97	1,47	4,99	5,24

го уровня расходов по обслуживанию долга) определяют и предельно допустимую величину текущего дефицита бюджета.

В ходе реформирования российской экономики делались попытки создать относительно цивилизованный механизм финансирования дефицита государственного бюджета и схемы обслуживания государственного долга. Однако сформировавшаяся к началу 1998 г. крайне неэффективная структура внутреннего долга с доминированием в ней краткосрочных ценных бумаг привела к краху не только модели обслуживания задолженности, но и схемы неналогового финансирования государственных расходов.

К началу 1998 г. фактически стала очевидной невозможность обслуживания накопленной задолженности по прежней схеме ГКО. Расходы на обслуживание государственного долга (только по официальной методологии) составили почти 5% ВВП (табл. 4).

Фактически, начиная с января 1998 г., сформировавшаяся пирамида ГКО вместо привлечения средств в бюджет начала оттягивать ресурсы из бюджета на свое обслуживание. Привлечение средств в бюджет стало отрицательным. В этих условиях произошла переориентация налоговой системы с финансирования основных государственных расходов на обслуживание задолженности.

Фактически в 1998 г. российский внутренний финансовый рынок как источник пополнения финансовых ресурсов государства перестал существовать. В результате дефицит федерального бюджета по итогам 9 месяцев 1998 г. был профинансирован исключительно за счет внешних источников. В течение девяти месяцев года было привлечено внешних источников для финансирования дефицита в общей сумме 72,9 млрд руб. (из которых на долю кредитов международных финансовых организаций приходится 25,8%) Операции по использованию внутренних источников финансирования в целом имели отрицательное сальдо (превышение расходов на погашение над суммами привлеченных средств). Соответственно 21,8% средств, привлеченных из внешних источников, было направлено на компенсацию потерь от работы с внутренними источниками заимствований.

Использование в странах с экономикой смешанного типа системы государственных внебюджетных фондов создает возможность для правительства финансировать определенные классы расходов через систему институтов, формирование которых зачастую осуществляется на тех же самых основах и исходя из тех же самых принципов, что и формирование государственного бюджета.

Тем самым, наличие системы внебюджетных фондов может камуфлировать реальные масштабы государственного вмешательства в экономику, истинную сумму доходов правительства, реальную величину расходов и реальный дефицит. Более точную картину, в случае наличия в стране значительных по объемам внебюджетных фондов, может дать анализ доходов, расходов и дефицита расширенного правительства (бюджетной системы плюс системы государственных внебюджетных фондов). В начале экономических реформ в России система государственных внебюджетных фондов фактически искажала реальный дефицит. Так, в 1992 г. официальный дефицит в размере 7,34% ВВП был фактически занижен на величину дефицита системы внебюджетных фондов, который составлял 9,41% ВВП.

Объем налоговых доходов (и соответственно, объем государственного вмешательства в экономику через налоговую систему) в значительной мере определяет возможности бюджетной системы выполнять свои социальные функции и функции, связанные с предоставлением государственных услуг (правоохранительная деятельность, оборона и т.п.). Расширение же государственного вмешательства в экономику за счет наращивания заимствований при доминировании займов рефинансирования, как это имело место вплоть до последнего времени в России, не способствует выполнению бюджетом (всей бюджетной системой) объективно присущих ей функций. Начинает доминировать перераспределительная функция весьма специфической и явно несоциальной направленности. В результате – при общей величине государственного вмешательства в экономику в размере 52,3% ВВП (в 1997 г. с учетом расходов за счет системы государственных внебюджетных фондов и полной оценки всех займов рефинансирования), т.е. на уровне развитых стран с рыночной экономикой и активной социальной ориентацией бюджетной системы (Финляндии и Норвегии, бюджеты которых в середине 90-х годов составляли 53–54% ВВП), реальные бюджетные доходы, используемые на социальные цели и финансирование государственных услуг в России, на 16–17 процентных пунктов ВВП ниже, чем в этих странах.

Рассматривая роль бюджетных и налоговых механизмов в процессе становления смешанной экономики нельзя не отметить масштабности и роли, которую играет указанная система фондов в процессе экономического развития. В России система государственных внебюджетных фондов (в первую очередь Пенсионный фонд, Фонд занятости, Фонды медицинского страхования и Фонд социального страхования) по своим масштабам сопоставимы с федеральным бюджетом. Объем финансовых средств, аккумулированных в системе государственных внебюджетных фондов по итогам первого полугодия 1998 г. составил 8,4%

ВВП, что всего на 0,5 процентных пункта ВВП меньше суммы налоговых доходов федерального бюджета за этот же период.

В заключение подведем некоторые итоги, наиболее значимые для становления в России экономики смешанного типа, в ходе реформ последних лет.

В условиях отсутствия политической воли к проведению жесткой бюджетной политики, под ее лозунгами фактически осуществлялась не просто мягкая бюджетная политика (значительные объемы дефицита в рамках бюджетной системы), а к тому же еще и безответственная бюджетная политика (значительные объемы недофинансирования). В результате эффективность всех мер бюджетной политики в целом была крайне низкой.

Могут быть выделены следующие основные элементы бюджетной политики, оказавшие наиболее существенное влияние на ее качество и последствия.

Налоговая политика. Высокий номинальный уровень налогообложения (реально осуществляемый только в отношении очень ограниченного круга добросовестных налогоплательщиков) компенсируется крайне низкой собираемостью налогов с зарегистрированных налогоплательщиков и еще большим их уходом в теневые сферы активности.

Существенная дифференциация налогообложения путем установления значительного числа налоговых льгот (дифференциации ставок, использование различных, в том числе отраслевых, вычетов и изъятий) открывает широкие возможности налогового маневрирования (в рамках действующего законодательства) и прямого уклонения от уплаты налогов. Результатом является относительно невысокий уровень суммарных налоговых изъятий относительно официального ВВП (менее 30% по доходам расширенного правительства).

Акцент в рамках налоговой системы на косвенных налогах объективно понижает ответственность государственного аппарата за использование этих средств, а также снижает требовательность налогоплательщиков к чиновникам по результатам использования этих средств.

Значительные по объемам доходы бюджетов (субъектов Федерации и местных) и системы государственных внебюджетных фондов образуются от налогов, исчисляемых в процентах от выручки и заработной платы. Имеет место переобременение налогами объемов выплачиваемой заработной платы, что, с одной стороны, блокирует становление гибкого и мобильного рынка труда, а с другой – повышает налоговую эффективность различных схем уклонения от регистрации занятости и сокрытия доходов.

Политика государственных расходов. На протяжении всего периода экономических реформ вопрос об эффективности осуществления бюджетных расходов вообще не ставился ни в рамках органов законодательной власти, ни в рамках исполнительных структур. Отсюда при весьма ограниченных объемах средств крайне низкая эффективность бюджетных расходов. Ситуация усугубляется слабым контролем за исполнением расходной части бюджета, за своевременностью поступле-

ний средств на счет бюджетополучателей, за целевым расходованием бюджетных средств самими бюджетополучателями.

В условиях ставшего уже систематическим недовыполнения доходной части бюджета (при наличии секвестра или без него) бюджетные расходы сводились исключительно к текущим расходам. В результате при минимизации инвестиционных расходов в рамках утвержденного бюджета фактическое их исполнение оказывалось практически на нулевом уровне (6–8% от заложенных в Законе о бюджете объемов). В итоге – катастрофическое нарастание изношенности фондов в бюджетных организациях и учреждениях.

Отказ от банковской схемы исполнения бюджета и переход к казначейской системе не ликвидировал все проблемы со скоростью прохождения платежей, целевым использованием средств и т.д. (хотя определенный эффект, безусловно, есть), но существенно увеличил бюджетные расходы на содержание этого аппарата (еще потребует увеличения расходов).

Организационные процедуры и бюджетный процесс. Полный отрыв законотворческой деятельности от реальных финансовых возможностей федерального бюджета и бюджетной системы в целом привел к тому, что общий объем расходов, взятых на себя государством (в соответствии с принятыми законами) превышает объем доходов бюджетной системы и государственных внебюджетных фондов по самым скромным оценкам на 40%. В этих условиях утверждаемые расходы федерального бюджета, с одной стороны, всегда меньше потребностей общества (установленных иными законодательными актами), а с другой – всегда больше имеющихся ресурсов. Соответственно невозможны ни минимизация дефицита бюджета (на стадии его утверждения), ни нормальное исполнение уже утвержденного Закона о федеральном бюджете.

Отсутствие долгосрочной бюджетной стратегии и стратегии государственного долга, ограниченность бюджетного горизонта годовым периодом, порождали следующие явления:

попытки решить проблемы недофинансирования эмиссией денежных суррогатов (казначейские обязательства, казначейские налоговые освобождения, взаимозачеты и др.);

объемы заимствований на финансовых рынках со стороны бюджета определялись текущими сиюминутными интересами и вообще не учитывали долгосрочных задач, что привело к переориентации финансового рынка на обслуживание непроизводительных текущих расходов федерального бюджета;

невозможность проведения существенных реформ по оптимизации государственных расходов, если эффект от их проведения будет достигнут через 5 и более лет. В результате масштабные реформы в отдельных областях бюджетного сектора (например, реформа в армии) оказались либо замороженными на неопределенный срок, либо продекларированными, но дальше некоторого прямого сокращения численности занятых дело не пошло.

Бюджетный дефицит и политика государственного долга. Наи-

более существенным уроком в данной области является следующий: в условиях экономического спада недопустимо иметь первичный дефицит государственного бюджета. Объем заимствований на финансовых рынках должен быть предельно ограничен потребностями в обслуживании накопленного долга. Реально относительно масштабные заимствования могут стать допустимыми лишь на стадии перехода к экономическому росту. И даже в этих условиях в качестве ориентира средней ставки обслуживания государственного долга должны выступать темпы экономического роста. В противном случае вероятность попадания в долговую петлю чрезвычайно высока.

Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения. Межбюджетные отношения в России на протяжении всех лет экономического реформирования базируются на использовании схемы распределения налоговых доходов между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации (консолидированными). Собственные источники доходов у субъектов Федерации и местных бюджетов крайне незначительны. В результате субъекты Федерации практически не несут ответственности за проводимую налоговую политику (определенным исключением является налог на прибыль), но имеют право и требуют от федерального Центра для финансирования фактически производимых расходов необходимых для этого доходов (в виде налоговых доходов, поступающих от распределения федеральных налогов, НДС, акцизов, в первую очередь, а также в виде трансфертов).

Применяемая модель трансфертов ведет к переобременению федерального бюджета расходами по оказанию финансовой помощи регионам (третьей после расходов на обслуживание государственного долга и расходов на оборону статью расходов федерального бюджета).

Глава 12

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Процесс формирования финансово-кредитных механизмов смешанной экономики предполагает развитие основных компонентов этой системы, которые могут быть рассмотрены во-первых, с точки зрения финансово-кредитной инфраструктуры и развития финансовых рынков как таковых, а во-вторых, с точки зрения функциональных механизмов. Эти два компонента, в значительной мере формирующие финансово-кредитные механизмы в стране, находятся в непосредственной взаимосвязи и взаимодействии. С одной стороны, уровень развития финансовых рынков и их инфраструктуры в значительной мере определяет круг рычагов и объективные возможности денежно-кредитного регулирования экономики. С другой стороны, денежно-кредитные механизмы регулирования экономики оказывают непосредственное влияние на характер, динамику и фактически достигаемый уровень развития финансовых рынков (экстенсивное и/или интенсивное их раз-

витие). Рассмотрим две основные стороны формирования финансовой системы экономики смешанного типа – денежно-кредитные механизмы и состояние банковской системы в качестве инфраструктуры реализации указанных механизмов.

12.1. Денежно-кредитные механизмы в процессе становления смешанной экономики

Уровень развития всей системы финансовых рынков, которые являются первичными проводниками денежно-кредитного регулирования экономики, может быть оценен как по устойчивости скорости обращения денег (различных денежных агрегатов) и относительной стабильности денежного и кредитного мультипликаторов, так и по степени территориальной и межбанковской дифференциации ставок по депозитам и по кредитам относительно надежным заемщикам в коммерческих банках.

Нестабильность скорости обращения денег – это свидетельство неустойчивости финансовой системы страны в целом. На протяжении последних четырех лет скорость обращения денег имела устойчивую тенденцию к росту и вплоть до конца 1997 г. так и не стабилизировалась. Аналогичная же тенденция наблюдалась и в отношении денежного и кредитного мультипликаторов, хотя все-таки можно говорить о некоторой тенденции к стабилизации этих параметров. Нестабильность скорости обращения денег крайне негативно сказывается на возможностях денежно-кредитного регулирования экономики, поскольку снижает предсказуемость результатов проводимых мероприятий.

На протяжении 1992–1996 гг. имел место существенный разброс размеров процентных ставок по различным банкам и территориям, что свидетельствовало в целом о низком уровне конкуренции между банками и несформировавшемся рынке. К началу 1998 г. произошло определенное сглаживание этих различий, хотя степень этой дифференциации по-прежнему весьма значительна, что свидетельствует о том, что финансовый рынок (в первую очередь денежный рынок) еще не сложился как общенациональный, а существуют относительно изолированные региональные, а иногда и "отраслевые" денежные рынки, перелив ресурсов между которыми наталкивается на определенные барьеры[1].

В целом невысокий уровень развития финансовых рынков в России в настоящее время сочетается с высокими темпами развития отдельных сегментов этого рынка. Условия, в которых происходит становление финансово-кредитной системы и финансово-кредитных механизмов в российской экономике, накладывают серьезный отпечаток на характер, динамику и направления данного процесса. Основными макроэкономическими условиями, существенно влияющими на процесс становления финансово-кредитных механизмов, являются все еще

[1] Подробнее вопрос о возможностях конкуренции в рамках рынка банковских услуг рассматривается в следующем параграфе этой главы.

высокие темпы инфляции (даже если не рассматривать мощнейший всплеск инфляции в результате финансового кризиса лета – осени 1998 г.), сохраняющееся падение объемов производства, острейший платежный кризис.

Одним из качественных признаков финансово-кредитных механизмов смешанной экономики является наличие двухуровневой банковской системы с независимым Центральным Банком, функционирующим как единый эмиссионно-резервный центр, регулирующий денежное обращение и обеспечивающий функционирование денежной и платежно-расчетной систем страны. Однако в целом относительно непродолжительный срок существования в России сложившейся двухуровневой банковской системы, невысокий и неравномерный уровень развития различных сегментов финансового рынка в значительной мере ограничивают возможности использования основных инструментов денежно-кредитного регулирования.

Важное значение для функционирования экономики имеет однозначный запрет на инфляционное финансирование дефицита государственного бюджета за счет прямых кредитов Центрального банка (ЦБ). Такой запрет законодательно закреплен и реально действовал (вплоть до лета 1998 г.). Однако необходимо также контролировать косвенное финансирование дефицита бюджета за счет средств ЦБ, которое может возникать в процессе выполнения ЦБ операций на открытом рынке или в порядке реализации резервных требований коммерческими банками. Наличие государственных ценных бумаг на балансе ЦБ в виде обеспечения обязательных резервов фактически означает инфляционное финансирование дефицита. Хотя пока в России государственные ценные бумаги не принимаются в обеспечение резервов, по мере расширения масштабов внутренней задолженности вопрос об этом может встать на повестку дня. В настоящее время, хотя ЦБ осуществляет операции на открытом рынке и нет запрета на приобретение государственных ценных бумаг на вторичном рынке, законодательно не установлено предельных величин (лимитов) чистых требований системы ЦБ к Правительству. В этих условиях не существует формального препятствия для монетизации всего прироста государственного долга со всеми вытекающими отсюда инфляционными последствиями. В условиях, когда планируется расширение круга используемых инструментов денежного регулирования за счет введения операций типа реструктуризации платежных обязательств (РЕПО), установление предельных объемов требований к Правительству крайне необходимо.

Кризис финансовой системы российского государства лета–осени 1998 г. привел к подрыву формировавшейся относительно сбалансированной модели взаимоотношений денежной системы государства с его бюджетной системой. Уже в начале лета 1998 г. был создан прецедент прямого кредитования ЦБ Правительства (при этом, однако, удалось не показать этот кредит в официальной отчетности, фактически ограничив его сроком менее 1 месяца). Уже после объявления дефолта 17 августа фактически имело место непосредственное размещение Пра-

Таблица 1

Государственные ценные бумаги на балансе ЦБ РФ

Дата	Ценные бумаги Правительства РФ (млрд руб. в ценах 1998 г.)
1997 г.	
1 апреля	117,820
1 июля	112,610
1 октября	121,637
1998 г.	
1 февраля	136,025
1 апреля	148,752
1 июля	137,983
1 сентября	132,901
1 октября	163,626

вительством государственных ценных бумаг в ЦБ (только в сентябре эта сумма составила 7 млрд руб.). С формальной юридической точки зрения данное размещение не противоречило действующему законодательству, поскольку осуществлялось через первичное размещение ценных бумаг в Сбербанке и выкуп их у последнего ЦБ на вторичном рынке. Однако данные юридические обходные маневры не меняют экономического существа проведенных операций – это прямая бюджетная эмиссия. В табл. 1 приведены некоторые данные о наличии государственных ценных бумаг на балансе ЦБ (кроме ценных бумаг на условиях РЕПО) в 1997–1998 гг.

Прирост государственных ценных бумаг на балансе ЦБ за сентябрь составил 30,7 млрд руб. За этот же месяц прирост денежной массы в обращении составил 22,2 млрд руб., в том числе прирост наличной денежной массы 20,8 млрд руб.

Механизмы, используемые ЦБ для регулирования роста денежной базы и денежной массы в обращении, нуждаются в отлаживании с целью повышения их эффективности и устранения противоречий между отдельными инструментами. Наличие таких противоречий проявляется практически постоянно, но наиболее ярко в 1995 г. и в 1998 г.

В 1995 г. ограничение объемов кредитов экономике и установление высоких и дифференцированных нормативов обязательных резервов были нацелены на сдерживание роста денежной массы в обращении, а необходимость удержания валютного курса в рамках коридора при росте положительного сальдо платежного баланса фактически приводила к росту рублевой массы. Некоторая стабилизация инфляционных процессов в 1996 г. и первом полугодии 1997 г. позволила сдвинуть акценты в осуществлении денежной политики. Так, стал отчетливо просматриваться опережающий рост денежной массы в обращении по сравнению с темпами инфляции, который вплоть до лета 1998 г. не приводил к активизации инфляционных процессов. В первом полугодии 1997 г. среднемесячные темпы роста денежной массы составили 3,1% при средних темпах инфляции 1,5%. При этом можно говорить об относительной стабилизации удельного веса наличных денег в структуре денежной массы. В январе 1997 г. доля наличных денег составляла 36,0%, а в июле – 38,9% (т.е. была самой высокой за период 1997 – первое полугодие 1998 г.). В первом полугодии 1998 г. ситуация в этой области сохраняла свою стабильность – доля наличных денег в январе–апреле не превышала 34%, вплоть до августа она составляла

34–36%. Сентябрь уже ознаменовался скачком этого показателя до 38,8%, а октябрь – до 42,2%. Фактически все усилия предшествующих лет по стабилизации и некоторой нормализации сферы денежного обращения оказались перечеркнутыми.

Политика, проводимая ЦБ в области установления ставки рефинансирования, также носила и продолжает носить противоречивый характер. Так, завышенный на протяжении длительного времени уровень ставки рефинансирования ЦБ, по сравнению с фактическими кредитными ставками коммерческих банков, для относительно надежных заемщиков приводил к существенному снижению спроса на централизованные кредитные ресурсы со стороны коммерческих банков и заставлял их переориентироваться на иные источники средств. Результатом этого стало не только относительное сужение денежной массы в обращении (что в условиях сохраняющихся высоких темпов инфляции безусловно необходимо), но и существенное ослабление действенности данного рычага экономического регулирования как такового. В то время как расчетная справочная межбанковская ставка составляла на 19 февраля 1996 г. 62,2% годовых, ставка рефинансирования ЦБ с 10 февраля была установлена на уровне 120%. При этом размещение кредитных ресурсов на аукционной основе 28 февраля 1996 г. было осуществлено по ставке 128,5% годовых (средняя окончательная ставка). В 1997 г. понижение и стабилизация темпов инфляции позволили существенно снизить ставку рефинансирования, однако кризисные явления осени 1997 г., весны 1998 г. и разразившийся в итоге глобальный кризис финансовой системы России осенью 1998 г. свели на нет достигнутые ранее результаты.

Сегодня существенным препятствием на пути развития всей системы финансовых рынков является состояние платежно-расчетной системы. Последняя претерпела качественные позитивные изменения на протяжении последних четырех лет, однако уровень ее развития попрежнему отстает от объективных потребностей экономики рыночного типа. Одна из наиболее насущных проблем в этой области (впрочем, не только в этой) – проблема платежной и финансовой дисциплины.

Не отвечает требованиям развития экономики смешанного типа и действующая система банковского контроля и надзора со стороны ЦБ за деятельностью коммерческих банков. С одной стороны, необходимо ужесточение данной системы (требования к получению банковской лицензии, постоянный контроль за состоянием ликвидности и финансового положения банков и т.д.) с целью повышения устойчивости банковской и всей финансовой системы страны, а с другой – усиление контроля и регламентация банковской деятельности не должны служить препятствием для расширения предложения на рынке банковских услуг. Самостоятельную проблему представляет контроль со стороны ЦБ за реальным прекращением деятельности кредитных институтов, у которых была отозвана лицензия. Сегодня фактически такой последующий контроль не проводится, а отзыв лицензии на деле еще не означает реальное прекращение активности и операций.

Важный компонент финансово-кредитных механизмов в экономике смешанного типа – наличие системы страхования депозитов. Эта система, как правило, формируется под эгидой ЦБ за счет средств банков второго уровня и обеспечивает страхование депозитов исключительно мелких вкладчиков на случай банкротства того или иного банка. Вопрос о создании подобного механизма страхования депозитов активно обсуждается в российской экономической литературе. По этому поводу принимались правительственные решения, делались совместные с ЦБ заявления, однако до практических шагов дело пока не дошло. Можно ожидать, что финансовый кризис 1998 г. и попытки государства хоть в какой-то мере защитить индивидуальных вкладчиков ускорят данный процесс.

12.2. Особенности российской банковской системы и состояние конкуренции в банковском секторе экономики

Одна из существенных характеристик стабильно функционирующей смешанной экономики – наличие конкуренции как между отдельными хозяйствующими агентами, так и между различными формами собственности. С этой точки зрения российская банковская система представляет собой достаточно сложный конгломерат, в рамках которого активные конкурентные процессы соседствуют с монополизацией отдельных секторов.

В настоящее время в рамках банковского сектора экономики России, рассматриваемого как единое целое (оценки по активам и величине зарегистрированного уставного капитала), концентрация в целом незначительна. Традиционно используемый для оценки степени концентрации показатель ХХИ (индекс Херфиндаля-Хиршмана) составляет 552,9 (оценка концентрации по активам) и 673,2 (оценка концентрации по капиталу) пунктов, в то время как высоко концентрированными считаются рынки со значениями этого показателя, превышающими 1000–1500 пунктов[2]. При этом существенна разница в уровнях концентрации в рамках отдельных видов банковской деятельности. Наиболее высокий уровень концентрации наблюдается на рынке депозитов населения, где доминирует Сбербанк. Такие частные рынки как рынок депозитов юридических лиц и рынок кредитных услуг в масштабах российской экономики в целом не являются концентрированными (значения ХХИ здесь составляют соответственно 398,8 и 497,9 пунктов). Несколько более высокий уровень концентрации имеет место на рынке пластиковых карточек, где показатель ХХИ составляет 951 пункт (однако имеющиеся данные представляются неполными, а поэтому оценки концентрации, произведенные на их основе, могут быть несколько завышенными). Повышенный уровень концентрации наблю-

[2] Американская юридическая практика ориентируется на значение 1800 пунктов для практически жесткого запрета для слияний на отдельных сегментах финансовых рынков.

дается на рынке обслуживания бюджетных ресурсов, где показатель ХХИ равен 1105 пунктам, а доля четырех банков в общем объеме работ с бюджетными ресурсами составляет почти 62%.

В этих условиях говорить о наличии высокого уровня концентрации в рамках российского банковского сектора в целом, создающего возможности для монопольной практики в отношении потребителей, не приходится.

Однако данный вывод нуждается в ряде дополнительных оговорок.

Первая. Существенно отличается рыночная (конкурентная) ситуация на рынке ресурсов населения (рынок депозитов населения) от конкурентной ситуации в целом по банковским услугам. Этот рынок может считаться высокомонополизированным в масштабах страны.

Вторая. Может иметь место существенное различие в масштабах и уровне концентрации банковской активности в рамках локальных рынков. В ряде случаев при том что по стране в целом в рамках того или иного рынка ситуация может оцениваться как относительно конкурентная, в рамках отдельных региональных рынков она может носить монопольный или приближающийся к монопольному характер.

Третья. Анализ концентрации с точки зрения институтов (юридического статуса) может не вполне адекватно характеризовать ситуацию на рынках отдельных услуг. Это имеет место в тех случаях, когда банк, обладая банковским статусом, практически не осуществляет продекларированных услуг, т.е. не участвует реально в формировании того или иного рынка.

Четвертая. Участие ряда банков в финансово-промышленных группах (ФПГ) и оценка скрытых форм переплетения капиталов может дать несколько иную картину концентрации капитала и активов в рамках банковского сектора экономики.

Оценка масштабов концентрации в рамках банковского сектора экономики с позиций рассмотрения активов коммерческих банков представляет собой наиболее обобщенную характеристику роли отдельных банков в рамках общего объема предоставляемых банками услуг. В табл. 2 приведены данные о доле в активах 20 наиболее крупных российских банков. Эти данные свидетельствуют в целом о доминирующей роли Сбербанка, на долю которого приходилось почти 22% всех активов. Следующие по значимости рыночные доли принадлежали таким банкам как Инкомбанк, АКБ "СБС-Агро", Онэксимбанк, но их доли в общем объеме рынка были незначительны (в пределах 2,92%–3,57%). Кроме того, рыночные доли 17 банков попадали в достаточно узкий интервал 0,86%–3,57%, что означало в общем и целом примерно равное их положение и возможность для достаточно активной конкуренции в общенациональном масштабе. Усиление или ослабление (с точки зрения изменения доли в активах) одного или нескольких из этой категории банков не повлечет за собой существенного ухудшения конкурентной ситуации в общенациональном масштабе[3]. Этот вы-

[3] Вопросы устойчивости банковской системы в условиях кризиса здесь не рассматриваются.

Таблица 2

Доля отдельных банков и банковских групп в суммарных активах по состоянию на 1 января 1998 г. (в %)

Банки и банковские группы	Доля в активах	Банки и банковские группы	Доля в активах
Сбербанк России	21,88	Группа Менатепа	2,38
Группа Газпрома	6,49	Группа Авто- Токо-банков	2,22
Группа Инкомбанка	3,64	МПБ (Международный промышленный банк)	1,97
Группа АКБ "СБС-Агро"	3,24		
Группа Онэксимбанка	3,09	Группа Тори-банка	1,79
Группа Банка Москвы	2,89	Альфа-банк	1,46
Банк Российский кредит	2,63	Мост-банк	0,99
Внешторгбанк	2,57	Возрождение	0,72

вод имеет принципиально важное значение для оценки общей ситуации, которая может сложиться в результате финансового кризиса (начавшегося в августе 1998 г.) и последующей санации отдельных банков лидирующей группы. Оценки, произведенные на базе официальных данных за 1997 г., свидетельствуют о том, что сколь бы ни были существенными изменения в рамках первых двух десятков банков, это не может принципиально изменить общую (в рамках национальной экономики) конкурентную ситуацию на рынке банковских услуг. Единственным исключением здесь скорее всего станет рынок банковских услуг для населения.

Существенной чертой развития российского рынка банковских услуг может стать объединение (как формальное, так и неформальное) отдельных банков в рамках различных банковских групп. Формирование этих групп теоретически может оказывать влияние на степень конкурентности в рамках отдельных рынков. Однако в настоящее время в России банковские объединения не представляют непосредственной угрозы конкуренции, их роль становится ощутимой при осуществлении отдельных проектов (носящих как экономический, так и неэкономический характер).

Если рассмотреть такие банковские группы как: банки, ассоциированные с СБС-Агро (3 банка); группу Менатепа (2 банка); группу банков, ассоциированных с Газпромом (8 банков); группу банков, ассоциированных с Банком Москвы (5 банков); группу Инкомбанка (2 банка); группы Авто- и Токо- банков (2 банка); группу Онэксимбанка (4 банка); группы Тори-банка (6 банков), то общая картина конкурентной ситуации на этом рынке практически не изменится.

При всей условности и проблематичности рассмотрения групп ассоциированных банков с точки зрения рыночных долей, имеющиеся оценки не меняют общей картины концентрации в рамках банковского сектора.

Доля Сбербанка по-прежнему остается доминирующей, и ни одна из названных групп к доле Сбербанка не приближается. Наибольшая рыночная доля в этом случае возникает для группы банков Газпрома (почти 6,5%), доли же остальных групп не превышают 4%. Таким образом, оценки рыночных долей не только для отдельных банков, но и банковских групп позволяют утверждать, что в целом общенациональный рынок банковских услуг не является концентрированным и может рассматриваться как конкурентный[4].

Несомненный интерес представляет оценка степени концентрации на рынке кредитов коммерческих банков конечным заемщикам. Существенной особенностью данного сегмента рынка являются, с одной стороны, почти исключительное предоставление данной услуги коммерческими банками (роль прочих ссуд в целом незначительна), а с другой, – наличие банковских институтов с крайне низким показателем доли кредитов в активах. Это обстоятельство ставит под сомнение деятельность таких институтов в качестве кредитных.

В рамках российской банковской системы можно было выделить группу банков (в том числе относившихся к крупнейшим), в которых кредитные вложения составляли менее 10% от суммы активов. К их числу относились достаточно известные банки: Тори-банк, МБО Оргбанк, Альба Альянс, Совфинтрейд, Москомприватбанк, Гаранти Банк-Москва, Профбанк, Солидарность и некоторые другие, у которых кредитные вложения составляли менее 14% активов. В целом же в 1997 г. около 65% общего числа банков имели долю кредитов в активах менее 30%. К числу таких банков относится и Сбербанк, основная часть активов которого была помещена в государственные ценные бумаги.

Низкие характеристики доли кредитов в активах ряда коммерческих банков свидетельствуют о том, что в рамках банковского сообщества выделяется некоторая категория институтов, которые, имея статус банков, фактически функционируют как инвестиционные или финансовые компании. Это обстоятельство может рассматриваться как признак формирования специализации в рамках рынка банковских услуг, с одной стороны, и скрытого расширения предложения на рынке инвестиционных услуг (правда, пока ориентированных в основном на рынок государственных ценных бумаг), с другой. Финансовый кризис в значительной мере позволит прояснить данную ситуацию, проведя четкую границу между банками, ориентированными на рынок государственных ценных бумаг, и банками, акцентирующими свою деятельность на иных формах вложений.

Рынок предоставления кредитов в общенациональном масштабе в России может рассматриваться как вполне конкурентный. Не просматривается однозначного доминирования одного или нескольких банков. В рамках данного рынка роль Сбербанка, хотя и выделяется, но незначительно (11% объема рынка против 6% для следовавшего за ним

[4] Приведенные оценки банковских групп базируются на информации о банках, входящих в те или иные группы, опубликованной в средствах массовой информации, поэтому носят оценочный, неофициальный и достаточно приблизительный характер.

Онэксимбанка). В целом для одиннадцати банков рыночная доля составляла от 1% до 4% общей величины данного рынка.

Особую проблему представляет ситуация, сложившаяся на рынке депозитов населения. Сегодня это фактически единственный, не считая валютного, сегмент финансового рынка, в рамках которого население (физические лица, домашние хозяйства) активно привлекаются к финансовым операциям. С точки зрения развития экономики смешанного типа состояние данного рынка и степень его конкурентности могут иметь решающее значение.

В настоящее время в Российской Федерации этот сегмент финансового рынка отличают следующие три обстоятельства.

1. Сложившийся чрезвычайно высокий уровень концентрации банковской деятельности в данном сегменте в общенациональном масштабе.

2. Роль государства (государственной собственности) в формировании политики, проводимой сбербанком, доминирующим на рынке финансовых услуг населению.

3. Большая значимость, которую играет данный сегмент в рамках финансового рынка, и, соответственно, влияние поведения потребителей на данном рынке на весь процесс становления российской банковской системы.

В рамках рынка депозитов физических лиц (вкладов физических лиц) однозначно доминирует Сбербанк, на долю которого на протяжении последних лет приходится 73%–77% общей суммы вкладов населения в коммерческих банках, что означает чрезвычайно высокий уровень концентрации в рамках данного сегмента финансового рынка. При этом из общего числа зарегистрированных кредитных организаций (2552) по состоянию на начало 1998 г. 1589 огранизаций (или 62%) имели право на привлечение вкладов населения, а по состоянию на 1 сентября 1998 г. уже 70% кредитных организаций обладали таким правом. В этих условиях следует выявить причины однозначного доминирования Сбербанка на рынке депозитов населения и последствий такого доминирования для населения, банка и всей банковской системы.

Если рассматривать период начиная с 1992 г. по настоящее время, можно условно выделить два этапа, в рамках которых позиция Сбербанка существенно различалась. До лета 1994 г. имело место постепенное (нестабильное по месяцам) снижение доли Сбербанка в рамках данного рынка до минимальной отметки (43% в июне 1994 г.). Начиная с этого момента формируется тенденция к росту доли Сбербанка до отметок 73–77%. Начало восстановления доминирующей роли Сбербанка фактически совпадает по времени с серией скандалов вокруг ряда финансовых пирамид летом 1994 г. При этом с конца 1994 г. до середины 1996 г. рост рыночной доли Сбербанка происходил в условиях предлагавшейся им фактически отрицательной процентной ставки. По данным на конец августа 1998 г., доля Сбербанка на рынке депозитов (вкладов) физических лиц составляла 76%.

Серьезным преимуществом Сбербанка изначально был и остается территориальный охват, общероссийский характер его деятельности. По состоянию на 1 сентября 1998 г. в России было зарегистрировано в общей сложности 2504 кредитных организации, общее число филиалов составляло на эту же дату 4743, из них 1985 были филиалами Сбербанка. Таким образом, в среднем на один банк приходилось 1,1 филиала. При этом общее число филиалов и отделений (учреждений) Сбербанка составляло 34426.

Тем не менее, в ряде регионов роль Сбербанка оказывается весьма скромной, несмотря на столь мощную и очень большую филиальную сеть. Так, в середине 1997 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области доля учреждений Сбербанка в мобилизации вкладов населения составляла около 30%, в Башкортостане – менее 10%. Таким образом, можно говорить о том, что в ряде субъектов Федерации на региональных рынках некоторые банки оказывают вполне ощутимую конкуренцию Сбербанку, вытесняя его с первых позиций.

В качестве примера здесь можно привести доли основных банков, функционирующих на территории Башкортостана на рынке депозитов (вкладов) физических лиц: Башпромбанк – 34,05%, Сбербанк – 10,01%.

Крайне важным фактором в деятельности Сбербанка, оказавшим, возможно, решающее влияние на общее состояние российского рынка банковских услуг, стал так называемый феномен "негативного отбора" [64].

Население (потребители) принимает решение о выборе банка для помещения средств во вклады, руководствуясь в основном двумя факторами – процентной ставкой и оценкой вероятности банкротства, причем оценки вероятности банкротства напрямую сопряжены с оценкой высоты предлагаемой ставки. Высокие оценки вероятности банкротства влекут за собой требование (ожидание) со стороны потенциальных вкладчиков адекватно высокой процентной ставки. В этих условиях коммерческие банки, ведущие осторожную активную политику, избегающие авантюрных вложений, при общей высокой вероятности банкротства любого банка, как правило, не могут предложить населению адекватной такой оценке вероятности банкротства ставки по депозитам. Крах многочисленных финансовых пирамид в 1994 г. в целом повысил оценки населением вероятности банкротства, а значит, и претензии к высоте процентной ставки по депозитам в коммерческих банках относительно банка с низкой (практически нулевой) вероятностью банкротства – Сбербанка. В этих условиях консервативные банки, проводящие взвешенную активную политику, вымывались и вымываются из экономики. Увеличивается доля банков, проводящих относительно рискованную политику, позволяющую предложить более высокие процентные ставки, а это в свою очередь, увеличивает вероятность банкротства. Таким образом, происходит "негативный отбор" в рамках банковской системы в части ее работы с населением. В ситуации, когда средства населения начинают играть все более существенную роль в

формировании источников инвестиционных ресурсов, "негативный отбор" не может не сказываться на всей банковской системе в целом, а не только на ее узком сегменте.

Финансовый кризис лета–осени 1998 г., сопровождавшийся параличом существенной части банковской системы и охвативший в первую очередь крупные и крупнейшие банки со значительными суммами привлеченных средств населения, с одной стороны, является косвенным результатом действовавшей на протяжении ряда лет модели "негативного отбора" в банковской системе. С другой стороны, он повышает оценки населением вероятности банкротств в банковской системе. Это неизбежно даже в том случае, если формально удастся не допустить банкротств ряда крупнейших банков. Данное обстоятельство в свою очередь потребует от сохранившейся части банковской системы повышения процентных ставок по привлекаемым средствам населения или фактического отказа от работы с ними.

Положение Сбербанка на рынке вкладов физических лиц еще более укрепляется как в результате мероприятий по переводу части вкладов населения из проблемных коммерческих банков в Сбербанк, так и под влиянием собственно рыночной ситуации. Вся сумма неспекулятивных капиталов населения будет сосредоточена в этом банке. Все прочие банки в этом случае смогут претендовать исключительно на высокоспекулятивную (или высокорисковую) составляющую в ресурсах населения, а значит будут вынуждены проводить и высокорисковую активную политику, которая может привести к понижению финансовой устойчивости.

С точки зрения характера и масштабов конкуренции на финансовых рынках самостоятельную проблему представляет проблема оценки входных барьеров. Эта проблема весьма значима как в отношении банков, ориентированных на работу с населением, так и в отношении банков, работающих с юридическими лицами.

Входные барьеры на рынок банковских услуг в наиболее общем виде могут быть объединены в три основные группы:

законодательные и иные нормативные общероссийские требования, предъявляемые к банковской системе (требования к величине уставного капитала, система нормативов и т.д.);

чисто экономические (рыночные) барьеры;

специфические региональные режимы (режимы субъектов Федерации), которые зачастую не регистрируются законодательством, но активно влияют на возможности вхождения того или иного банка на локальный рынок.

Первая группа условий представляет собой элемент регулирования денежного обращения и устойчивости банковский системы в целом.

Чисто экономические (рыночные) барьеры включают в себя группу объективно необходимых дополнительных расходов, которые банк несет в связи с началом активной деятельности на том или ином рынке. К основным видам таких расходов в России относятся:

расходы на аренду (или приобретение в собственность) зданий. Эта группа расходов существенно различается по регионам и зачастую (в отдельных субъектах Федерации) выступает своего рода инструментом регулирования со стороны администраций доступа чужих банков в регион;

расходы на рекламу. Они зависят от того, ориентирована ли реклама на физических или юридических лиц. Реклама с целью привлечения вкладов населения, как правило, дороже по сравнению с рекламой, ориентированной на предприятия;

расходы на развертывание инфраструктуры в рамках банковского офиса и филиалов. Эта категория расходов также относительно выше в случае работы с населением, чем при работе с юридическими лицами (хотя здесь просматривается более широкий спектр возможных случаев и ситуаций).

В настоящее время в России рынок вкладов населения представляет собой единственный сегмент финансового рынка, на котором в общенациональном масштабе имеет место монопольное положение Сбербанка.

Результатом высокого уровня концентрации в рамках сектора вкладов физических лиц является реализация в полной мере монопольного положения Сбербанка в области объемов, качества и цен предоставляемых услуг. Основной формой реализации монопольного положения Сбербанка на протяжении длительного периода времени являлось занижение против рыночной процентной ставки по привлеченным средствам населения. При этом общая инвестиционная политика данного банка отнюдь не отличалась консервативностью, напротив, доминирование в активах вложений в государственные ценные бумаги было одним из наиболее рисковых направлений его деятельности, что со всей очевидностью показал финансовый кризис 1998 г.

В процессе становления экономики смешанного типа, как уже неоднократно отмечалось, существенно важным элементом являются соотношение масштабов, наличие и способы конкуренции между различными формами собственности. Самостоятельную проблему представляет роль государственной формы собственности в процессе функционирования отдельных институтов финансового рынка.

Участие органов государственной власти и управления (непосредственно или в скрытом виде) в уставных капиталах отдельных банков способно модифицировать общую конкурентную ситуацию в рамках региональных рынков, формируя для этих банков более устойчивый имидж, который в большинстве случаев оказывается необоснованным. Связанные с властью банки проводят политику льготного кредитования отдельных предприятий, государственных институтов и в результате попадают в тяжелое положение. В итоге, с одной стороны, ограничивается реальная конкуренция, а с другой – понижается стабильность банковской системы.

В рамках мировой практики регулирования банковских систем уже достаточно давно просматривается тенденция к проведению государст-

вом политики, "слишком большой, чтобы рухнуть" ("too-big-to-fail") [65]. Государство поддерживает в тяжелых финансовых обстоятельствах крупные банки, а банки, в свою очередь, зачастую вопреки соображениям экономической эффективности, стремятся нарастить активы, чтобы в сложных ситуациях государство не дало им рухнуть.

Фактически именно эта политика начинает проводиться в России. Даже если оставить в стороне проблему Сбербанка, крупные коммерческие банки начинают работать с учетом такого подхода государства. Еще в начале лета 1998 г. Центральным Банком было принято положение "О порядке предоставления кредитов кредитной организации, осуществляющей мероприятия по санации проблемной кредитной организации". Это положение предполагает кредитование только тех организаций, которые санируют так называемые системообразующие банки, т.е. наиболее крупные и значимые. Проблемный банк при этом должен иметь общую сумму обязательств перед кредиторами не менее 3 млрд руб., либо перед вкладчиками – не менее 300 млн руб. Такому критерию сегодня удовлетворяет не более 35 банков. Это положение начало апробироваться в процессе санации Токобанка. Хотя финансовый кризис 1998 г. может несколько изменить ситуацию, очевидно, что максимально возможное наращивание активов, даже не приносящее непосредственной экономической выгоды, при установленных условиях понижает вероятность банкротства банков, а значит, и существенно модифицирует конкурентную ситуацию.

Среди региональных финансовых рынков России (если рассматривать региональные рынки в границах административно-территориальных единиц) можно найти рынки с высоким уровнем конкуренции и рынки, допускающие возможность монополизации. Однако для оценки реальных возможностей конкуренции следует учитывать деятельность на территориальных рынках не только региональных, но и филиалов московских и иных инорегиональных банков.

Примером регионального рынка с относительно существенным уровнем концентрации, является Липецкая область. Здесь действуют всего четыре региональных банка, один из которых является выраженным лидером (Липецккредит), а второй, несколько ему уступая, тем не менее может рассматриваться как играющий существенную роль (Липецккомбанк). В целом на долю трех основных банков (названные выше плюс Статус-Банк) в Липецкой области в 1997 г. приходилось 94% активов банковской системы. Сферы деятельности фактически распределены между двумя крупнейшими банками. На рынке вкладов физических лиц (около 67% сумм, привлеченных четырьмя региональными банками) и рынке кредитов организациям нефинансового сектора доминирует Липецккредит. Фактически этот банк представляет собой реального конкурента Сбербанку в рамках рынка вкладов физических лиц в этом регионе. В то же время Липецккомбанк доминирует на рынке услуг по ведению расчетных и текущих счетов (57% и 35% соответствующих рынков). Тем не менее ситуацию в Липецкой области сложно оценить как приближающуюся к монопольной. Активность

московских банков (филиалы Промстройбанка, "Российского кредита", "Менатепа", Газпромбанка, Уникомбанка) в области формировала в целом достаточно выраженную конкурентную ситуацию. Если ситуация банкротства лидеров московских банков повлечет за собой их уход с регионального рынка, областной рынок может приобрести черты монополизированного.

Итак, проводимая в России финансовая политика привела к тому крайне тяжелому финансовому кризису, последствия которого еще долго будут влиять на положение страны и негативно сказываться на тенденциях развития с ориентацией на экономику смешанного типа.

Опыт экономических реформ в области денежно-кредитной политики показал, что попытки осуществления относительно жесткой (но не всегда последовательно жесткой) денежно-кредитной политики на фоне мягкой бюджетной политики обречены на полный провал. В рамках относительно длительного временно́го интервала жесткая денежно-кредитная политика не может уживаться с мягкой бюджетной. Рано или поздно денежная система начинает испытывать на себе давление со стороны бюджетной системы, которое приводит к подрыву устойчивости денежной системы, падению эффективности и эластичности финансовых рынков в целом и банковской системы и иным кризисным явлениям. Бюджетная и денежно-кредитная политика не могут длительное время находиться в состоянии рассогласованности, это порождает неустойчивость системы в целом. Рано или поздно мягкая бюджетная политика заставит подстраивать под нее денежную политику. Развитие кризисных явлений в 1998 г. это подтверждает.

Основной проблемой в области денежного обращения в последние годы было устойчивое вытеснение денежной массы из сферы обслуживания товарооборота в сектор финансовых рынков. На разных этапах это вытеснение происходило под воздействием различных факторов, к числу которых могут быть отнесены следующие:

высокие темпы инфляции (как следствие бюджетных дефицитов и на начальном этапе реформы относительно мягкой денежной политики);

значительные объемы дефицита государственного бюджета и крайне неэффективная модель его финансирования, создавшая высокоспекулятивный и доминирующий в рамках финансового рынка сегмент – рынок государственных ценных бумаг.

высокий уровень долларизации экономики;

активное использование различных денежных суррогатов как в рамках бюджетной системы, так и эмитированных хозяйствующими субъектами и пассивное отношение к их обращению денежных властей (Центрального Банка);

характер бюджетной политики (в первую очередь чрезвычайно высокие объемы краткосрочных государственных заимствований под высокий процент) оказавший негативное влияние на использование основных инструментов денежного регулирования;

непродуманная валютная политика, которая в условиях положительного сальдо платежного баланса формировала основной эмиссионный канал, а при переходе к отрицательному сальдо потребовала существенной компенсации "выпадающего" источника (или канала поступления денежных средств в экономику); реально значимым эмиссионным "каналом" стали операции на открытом рынке, приобретая совершенно не свойственную для них функцию;

завышенный уровень доходности по государственным ценным бумагам, который требовал и столь же значительного уровня ставки рефинансирования – отсюда крайне незначительные объемы рефинансирования и невысокая эффективность для экономики в целом ломбардного кредитования. Эти источники кредитно-эмиссионной подпитки экономики оказались фактически заблокированы ставкой процента по ГКО.

В результате мягкая бюджетная политика фактически лишила "денежные власти" реального инструментария рационального регулирования денежной массы в обороте.

Раздел IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ

Глава 13

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИИ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ТЕНДЕНЦИЙ

Исследование социальной структуры современной России важно прежде всего для понимания характера происходящей и будущей ее общественных трансформаций. Оттого, как складывается социальная структура, какие общественные силы имеют в экономике и политике наибольшее влияние, во многом зависят варианты дальнейшего развития страны.

Формируясь под воздействием экономических и других общественных факторов, тип социальной структуры общества сам существенно влияет на тенденции развития отношений собственности, правовых, политических, нравственных, системы общественных отношений в целом. Разумеется, здесь имеет место взаимодействие – сами особенности социальной структуры определены тенденциями перемен в экономике и политике второй половины XX века. Однако если исходить из общераспространенного и, как нам кажется, совершенно верного положения о приоритете человеческого фактора в социально-экономических преобразованиях в настоящее время, то именно социальная структура выступает как одна из основ исторического выбора.

Поэтому представляется целесообразным сравнить существенные черты социальных структур развитых стран, наиболее продвинутых в социальном отношении, с особенностями социальной структуры, возникающей в России в процессе разрушения огосударствленной общественной системы и осуществления политических и социально-экономических перемен.

Достижение новой исторической ступени свободы экономической и гражданской во второй половине XX века в развитых странах связано с расширением и гарантиями индивидуальных прав и свобод. Специфика современного типа гражданского общества определяется прежде всего тем, что оно системой своих правовых, социальных, экономических и нравственных норм защищает права и интересы отдельного че-

ловека. Нельзя сказать, что в настоящее время полностью преодолена историческая тенденция господства над человеком внешних отчужденных сил в форме государства, класса и пр. Однако тенденция расширения и гарантий прав и свобод отдельного индивида развивается. Смещение акцента на права и интересы отдельного человека проявляется в социальной ориентации развития экономики, в неприятии обществом различных форм дискриминации человека, в усилении социальной защиты разных слоев населения; в экологических программах; в расширении круга и форм самодеятельных общественных организаций и т.д. Только в конце XX века начинает в жизни осуществляться известное положение К. Маркса о том, что развитие каждого есть условие развития всех.

Новые начала формирования социальной структуры и социального положения человека определены изменениями в характере труда и среде жизнедеятельности. В постиндустриальном обществе в связи с развитием информатики, электроники и других перспективных отраслей возрастает значимость интеллектуализации труда, широты культуры и уровня образования.

На основе радикальных изменений в производительных силах и в характере труда возникают разнообразные формы собственности и адекватные им социальные страты, формируются общества смешанного типа.

В обществах смешанного типа происходят радикальные изменения основ формирования социальной структуры, отличающейся мобильностью, открытостью перехода из одной социальной страты в другую. Рост уровня культуры и образования населения при всех различиях между социально-профессиональными группами существенно облегчает развитие этих процессов, повышает социальный динамизм. Сближение уровня культуры и образования различных социально-профессиональных групп является основой формирования общих социокультурных потребностей, и тем самым создает условия для постепенной интеграции социально-профессиональных групп и систем их ценностей, что в конечном счете проявляется в поведении и в мотивации. Эти перемены дали новые стимулы углубления процессов демократизации собственности и общественной жизни.

Постепенно уходит в прошлое разделение общества по критерию обладания собственностью или отсутствия таковой у людей и социальных групп.

Объективной предпосылкой этого процесса явились принципиальные изменения в положении рабочего класса. По мере трансформации капитализма возрастает обладание рабочими и вообще представителями наемного труда собственностью. Рабочий становится акционером, коллективным собственником, в ряде случаев партнером по фирме (отношения патернализма в Японии). Развитие акционерного капитала и оборота акций существенно расширяет круг собственников, включает в него рабочих, мелких буржуа, работников умственного труда. В определенном смысле акция – это символ и способ уравнивания положения людей как собственников.

Важнейшей чертой социальной структуры общества смешанного типа является также то, что предпринимательская деятельность, которая раньше была уделом немногих владельцев капитала, в новых технических и технологических, политических, экономических и правовых условиях становится в принципе доступной для более широких социальных слоев. Начало предпринимательской деятельности во многом зависит от способностей и знаний человека или группы людей.

Управленческая деятельность часто начинает совпадать с предпринимательством, либо становится его непосредственной предпосылкой.

Просматривается одна из основных социальных тенденций развития смешанного общества – переплетение у представителей различных социальных слоев трудовых и управленческих функций с функциями собственников, либо тех и других с функциями предпринимателя. Статус собственника становится неотъемлемым для самых разнообразных социальных групп, независимо от вида профессиональной деятельности, а слой предпринимателей формируется из представителей различных социальных слоев.

В результате можно констатировать становление и расширение характерного для смешанного общества среднего слоя. Именно этот средний слой является одной из основных черт и составляющих современной социальной структуры. Характерной чертой социальной структуры смешанного общества является возникновение разнообразных межсоциальных групп людей, объединяемых самыми разнообразными интересами и потребностями, сближающими представителей самых различных социальных групп. Это делает социальные группы более конвергентными, формирует социальные общности по качественно иным критериям, чем классовообразующие признаки.

В конечном счете ослабление значимости классовых критериев, происходящие изменения в типе социальных групп и их взаимодействии, повышение роли государства в обеспечении социальных гарантий и другие факторы усиливают начала социального согласия в отношениях между людьми и стало быть меняют характер в социальной структуры в целом.

На основе новых тенденций в развитии социальной структуры и становления механизмов разрешения противоречий посредством согласования интересов классовый антагонизм постепенно уступает место отношениям партнерства.

Тенденции перемен в социальной структуре в современной России носят более противоречивый и разнонаправленный характер. Для того, чтобы лучше понять их, надо иметь четкое представление о социальной структуре советского общества.

Сложность анализа советской социальной структуры состоит в том, что ее главной характеристикой была своего рода социальная однородность, объединявшая различные слои, группы, классы. Но это была весьма своеобразная однородность.

Экономически она определялась тем, что вследствие тотального огосударствления и отсутствия официально разрешенной частной собственности все члены общества, независимо от принадлежности к той

или иной социально-профессиональной группе, выступали как наемные работники единого субъекта – государства. Такое положение в обществе создавало и некое социальное единство, которое, в частности, выражалось в системе государственных социальных гарантий для населения, относительно уравнивавшей положение людей: общие нормы получения бесплатного жилья, медицинского обслуживания и образования, гарантированность трудоустройства, фиксированной зарплаты и т.д.

Социальному сплочению вначале способствовала прокламировавшаяся общественная цель – движение к коммунизму как обществу социального равенства, благосостояния и расцвета личности.

В то же время одновременно со становлением огосударствленной тоталитарной системы и адекватной ей социальной структуры произошел процесс формирования нового фактически господствующего слоя партийно-государственных распорядителей (номенклатуры) и примыкающих к нему социально привилегированных групп. Соответственно происходила дифференциация социальных возможностей и гарантий.

Но противоречивость существовавшей системы в том и заключалась, что несмотря на огосударствление и даже в его рамках, частично, благодаря идеологическому имиджу общества (социализм, развитой социализм) и необходимости его поддержки, все же происходили социальные и экономические процессы, создававшие некоторые предпосылки движения России (при изменении огосударствленной системы) к обществу смешанного типа. В частности, научно-технический, интеллектуальный потенциал и уровень образования населения были вполне достаточны для постепенного перехода к постиндустриальной стадии, для развития разных социальных типов хозяйства, для формирования среднего слоя нового типа и вообще прогрессивных перемен и в экономической и социальной структурах.

Однако реформирование в России как в период реструктуризации советской системы, так особенно после ее краха не сумело переломить негативные экономические и социальные тенденции и усилить прогрессивные. Более того, разрушенные государственные начала, скреплявшие общество, не были заменены новыми объединяющими силами. В результате объективные и субъективные предпосылки советского времени для создания новой демократической социально ориентированной системы оказались не просто неиспользованными, но и основательно подорванными. В стране стала формироваться крайне противоречивая, во многом антагонистическая социальная структура. Уровень социальной дифференциации достиг своего пика и сравним с буржуазными обществами середины XIX века – периода революционных потрясений в Европе. Причины этого заключаются не в отказе от господства государственной собственности и становлении различных форм частной и смешанной собственности (в 1997 г. почти 70% субъектов хозяйства были связаны с частной собственностью), а в том, что:

способы и методы преобразования собственности открыли широкую дорогу росту спекулятивного, теневого и криминального капитала;

в тяжелейшее экономическое положение было поставлено большинство отраслей реального сектора экономики и отрасли социальной инфраструктуры;

инфляция, обесценение накопленных средств и падение текущих доходов у большинства социальных групп населения сопровождалось одновременным взлетом доходов и богатства у представителей спекулятивного, теневого и т.п. капитала;

резкое и неоднократное падение жизненного уровня широких слоев народа, привело к прямому обнищанию его значительной части;

оказались утраченными былые гарантии (особенно, в сферах медицинского обслуживания, образования, трудоустройства, выплаты заработной платы);

произошло падение возможностей (вплоть до невозможности) удовлетворения социокультурных потребностей у большей части населения;

изменился образ жизни низкодоходных слоев населения, возникло и распространилось явление "выживания", со свойственными ему стремлениями к материальному обеспечению на самом низком уровне.

Под воздействием этих и подобных им факторов происходило и происходит формирование социальной структуры постсоветской России.

В результате политика, направленная на ускоренную капитализацию России любыми способами и средствами (включая криминальные), породила не только экономический кризис. Пораженными глубочайшим разносторонним кризисом оказались многие социальные общности и отдельные люди.

Обнищание народа началось с падения реальных доходов и конфискации сбережений (1992 г.) вследствие либерализации цен, в результате которой быстро и в несколько раз снизилось благосостояние народа и одновременно разрушились надежды на создание среднего слоя и массовое развитие малого бизнеса. Тем самым был поставлен крест на проведении приватизации в интересах народа, в результате чего в России мог быть создан многочисленный класс мелких и средних собственников.

Вместе с тем проводившаяся политика не только сохранила номенклатуру, но и расширила и обогатила ее, создав самые благоприятные условия для обогащения администраторов, чиновников, спекулянтов, теневиков.

Возникла новая элита – "новые русские" – как синоним неправедного обогащения, спекуляции и сверхбогатства.

Сама государственная власть узаконила и поощряла спекулятивные способы обогащения и нередко активно участвовала в становлении и деятельности спекулятивно-финансовых структур. В результате идет процесс сращивания крупного капитала в его российском варианте с государством и криминализация общественных отношений.

Что же касается трансформации социальной структуры, то ее главные противоречия – это противоречие между верхним слоем и элитой и всем остальным населением.

Верхний слой и элита, с одной стороны, и все остальное население России, с другой – это два параллельных, не пересекающихся и не понимающих друг друга мира. Узкий верхний слой – это социальная группа, имеющая доход не менее 15 тыс. долл. в год. Элита – малочисленный слой (от 5 до 8%) с годовым доходом 400 тыс. долл. [66]. По данным О. Крыштановской, правящая элита на 69,9% сформировалась из старой номенклатуры, региональная – на 82,3%, правительство – на 74,3%, бизнес – элита – на 61% [67]. Главная особенность этих социальных слоев, являющихся субъектом и организатором основных протекающих в обществе политических, экономических и социальных процессов, состоит в доминировании корпоративных, клановых интересов над национальными. Отсюда – отсутствие нравственности, бесконечные компроматы, разборки, вплоть до убийств. За годы реформирования произошло усиление олигархических властных тенденций, что привело к ускорению социального расслоения и к обострению противоречий между элитой и верхним слоем, с одной стороны, и всем остальным населением, с другой. Процесс социальной дифференциации приобрел настолько острый характер, что за порогом бедности находилось 60% населения. В 1997 г. в это число вошли работники первых 14 из 17 разрядов единой тарифной сетки в бюджетных организациях, размер ставок которых оказался ниже прожиточного минимума.

Если к этому прибавить постоянные невыплаты зарплат, пенсий и других социальных пособий, то положение этой части населения представляется не просто кризисным, но катастрофическим. В первые месяцы после кризиса 17 августа 1998 г. уровень жизни большинства населения снизился, даже по официальным данным на 20%, фактически же, если судить по динамике обесценения рубля и повышения цен, благосостояние населения понизилось до такого уровня, когда весь семейный бюджет большинства населения ограничен потреблением самых дешевых, а стало быть, низкого качества продуктов питания.

Но еще более опасна для общества сложившаяся в нем социально-психологическая атмосфера неверия в органы власти, в свои собственные силы, атмосфера пессимизма. Это очень опасно не только для душевного и физического здоровья людей, но и для дальнейших общественных преобразований, которые объективно сейчас необходимы даже в большей степени, чем в 1991 г.

Отметим здесь прежде всего феномен безработицы. Безработица, явная и скрытая, становится нормой российской жизни. Безработные по существу превращаются в особый социальный слой. Между тем в условиях предшествовавшей советской системы люди не могли выработать иммунитета к этому явлению. В результате возникают предпосылки для маргинализации населения, расширения пространства социального дна и в конечном счете – для захлестывания общества преступностью. Особенность безработицы в России не только в том, что человек становится ненужным обществу, но и в том, что "ненужными" в первую очередь становятся люди высокой квалификации – с высшим образованием. Безработица больно ударила по социальной группе, называемой интеллигенцией, т.е. наиболее перспективной группе с позиции создания в

России среднего слоя. Оказались невостребованными ни знания, ни опыт, ни интеллект, ни тем более социальный статус. Сократилась также доля занятых среди женщин в 1,13 раза; сократилось число занятых в промышленности. В целом по России во втором квартале 1996 г. было 47,5% домашних хозяйств с безработными членами семьи. При этом в отдельных депрессивных районах эта доля домохозяйств значительно больше. Так, в Камчатской области, республике Саха, республике Тыва все 100% семей имеют в своем составе безработных [68].

Сложные процессы происходят среди различных слоев рабочих и крестьян. Акционирование предприятий по идее должно было превратить их в собственников части общественного богатства. Однако в условиях российской приватизации акционирование предприятий не только не изменило их реального положения в лучшую сторону, не привело к росту их благосостояния, но не способствовало приспособлению к новым условиям жизни, ограничивая возможности перехода в частное предпринимательство.

Ранее уже говорилось о сложной ситуации, в которую попала интеллигенция. Частично она превратилась в "бюджетников", месяцами и годами не получающих даже мизерную зарплату. Наиболее динамичная и квалифицированная часть перешла в коммерческие структуры, либо переселилась в дальнее зарубежье. Наконец, неадаптировавшаяся к новым условиям часть пополнила слой безработных или утратила прежний статус.

В постсоветской социальной структуре необходимо выделить группу неработающих пенсионеров. Пенсионеры до реформирования, в условиях достаточно высокого уровня пенсий (по сравнению с 1992–1998 гг.) и наличия сбережений идентифицировала себя с теми социальными группами, в которых они занимались профессиональной деятельностью до выхода на пенсию, сохраняя соответствующий статус, образ и качество жизни.

В постсоветский период вследствие полной утраты сбережений и низкого уровня пенсий, быстрого роста затрат на поддержание здоровья, социальная группа пенсионеров в своей массе вынуждена менять образ жизни, привычки и традиции и, следовательно, в определенной степени и менталитет.

В отличие от пенсионеров в развитых странах, у которых вследствие увеличения свободного времени резко возрастают социокультурные потребности (в частности, потребность в активном отдыхе, познании мира, путешествиях), в России главная проблема пенсионеров – выживание, активная борьба с бедностью.

Таким образом трансформация социальной структуры сопровождается углублением социального неравенства, нарастанием бедности и нищеты, деквалификацией, разрушением системы ценностей и привычного образа жизни.

Если к сказанному прибавить процессы региональной социально-экономической дифференциации, то в целом можно констатировать как главную сложившуюся тенденцию развития социальной структуры – увеличение социальной поляризации.

В то же время трансформация социальной структуры проходит и под влиянием ряда факторов, обусловливающих формирование новых социальных слоев, в принципе являющихся элементами социальных основ общества смешанного типа. К таким факторам прежде всего относятся:

становление различных форм собственности;

развитие разных форм предпринимательства от малого до крупного;

формирование рыночных структур и системы рынков;

расширение сфер и форм хозяйственной и общественной свободы и самодеятельности населения.

В результате происходит легализация в прошлом скрытых и становление новых социальных слоев как субъектов экономических и других общественных отношений, характерных для многосекторного хозяйства, усложняющихся и переплетающихся социально-экономических, социально-политических, территориальных и иных интересов.

В первую очередь следует отметить возникновение слоев собственников – предпринимателей – мелких, средних, крупных. Ранее уже говорилось о деформациях этих слоев, как результате искажений самого предпринимательства и рынка. Однако развитие предпринимательства и предпринимателей в различных сферах хозяйства при проведении более рациональной экономической политики, ориентированной на восстановление реального сектора экономики, на ослабление теневых отношений, станет одной из существенных сторон движения к обществу смешанного типа.

Развитие малого предпринимательства вместе с расширением менеджмента в среднем предпринимательстве – это источник становления нового среднего слоя, в состав которого, в том числе, входят группы людей интеллектуального труда, включившиеся по характеру деятельности в систему рыночных отношений. При постепенном ослаблении кризиса этот слой может пополняться и за счет людей традиционно относившихся к среднему слою.

В настоящее время социальные группы, входящие в пока еще несформировавшийся средний слой чрезвычайно неоднородны и по интересам, и по своим корням (интеллигенция, мелкие и средние предприниматели самых разных сфер деятельности). Те же социальные группы среднего слоя, которые определяют лицо постиндустриального общества (инновационные фирмы, фирмы по производству интеллектуальных услуг) не получили достаточного развития[1]. Тем не менее, можно констатировать, что определенные предпосылки становления среднего

---

[1] Заслуживает внимания структура средних слоев, которую приводит Т.И. Заславская, исследуя "срединную часть" российского общества. Это – верхний средний слой – средние и крупные предприниматели, средний слой – мелкие предприниматели, менеджеры производственной сферы, управляющие непроизводственной сферы (госаппарат), высшая интеллигенция, рабочая элита, кадровые военные; базовый слой – массовая интеллигенция, полуинтеллигенция, работники торговли и сервиса, индустриальные рабочие, крестьяне; нижний слой – неквалифицированные работники [69].

слоя, являющегося опорой социальной структуры смешанного общества, все-таки создаются.

В структуре среднего слоя представляет интерес социальная группа так называемых челноков, занимающихся торгово-посреднической деятельностью. "Челноки" сыграли и играют большую роль в доведении сравнительно дешевых товаров до потребителя. Сама эта социальная группа крайне разнообразна (по своим корням) – в нее входят крестьяне, рабочие, не получающие зарплату, безработные из всех социальных групп, учителя, врачи, научные сотрудники, получающие мизерную зарплату. Некоторые стали "челноками" уже на постоянной основе, некоторые – временно. Будущее этой социальной группы неоднозначно. Очевидно, что определенная их часть продолжит предпринимательскую деятельность, некоторые при условии экономического оживления вернутся к своим профессиональным занятиям, часть пополнит слой пенсионеров. Средний слой активно формировался из этой группы до 17 августа 1998 г., но положение большинства "челноков" резко ухудшилось в результате падения курса рубля.

Воздействует на социальную структуру постсоветского периода и такая вновь возникшая социальная группа, как группа мигрантов из ближнего зарубежья. Она разнообразна по своему социальному составу, однако их объединяют общая судьба и общие проблемы – переезд, стремление наладить жизнь в России и сложности, которые встают перед ними на этом пути. В составе этой группы большой удельный вес интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, попавших в еще худшее положение, чем российские бюджетники. Эта социальная группа, увеличивая трудоресурсный потенциал страны, усиливает тенденцию социальной неустроенности людей. Но в принципе эта группа при изменении экономической ситуации может стать источником пополнения новых социально активных слоев населения.

Несмотря на незаконченность формирования среднего слоя как социальной страты с определенным родом деятельности, уже стало возможным хотя бы приблизительно обрисовать его структуру по характеру предпринимательской деятельности:

предприниматели (собственники, лично руководящие предприятиями и фирмами) (12% бизнес-слоя и 1,2% трудящихся);

самозанятые в сфере ИТД и не применяющие наемной рабочей силы (18% бизнес-слоя и 2% трудящихся);

полупредприниматели, т.е. работающие по найму, но имеющие одновременно и собственное дело (20% бизнес-слоя и 2,2% трудящихся), в том числе:

менеджеры-бизнесмены (наемные директора акционированного и частного секторов, совмещающие управленческую работу по найму с предпринимательством),

менеджеры-совладельцы (работающие по найму руководители акционированных предприятий, имеющие пакеты акций управляемых предприятий),

собственно полупредприниматели (наемные работники акционерного и частного секторов, не выполняющие управленческих функций и

совмещающие основную работу с предпринимательством, преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие);

менеджеры, управляющие чужими капиталами в частном и государственном секторах, но имеющие важное значение в предпринимательском мире (50% бизнес-слоя и 5,5% трудящихся).

По ориентировочным оценкам, полученным на основе анализа имеющихся (крайне скудных и не полностью достоверных) данных, совокупная доля представителей нового и традиционного средних слоев, образующих в своем единстве средний слой современного российского общества, аналогичный среднему слою на Западе, составляет не более 12%, или менее одной восьмой части трудящегося населения. Этой доли совершенно недостаточно для того, чтобы считать российское общество взошедшим на новый, современный уровень общественного развития[2].

При анализе социальной структуры российского общества нельзя не коснуться такой важной проблемы как демократизация. От ее уровня во многом зависят положение в обществе социальных групп, их интеграция, структурирование, осознание людьми своих групповых и личных интересов и их реализация, т.е. дальнейшее развитие социальной структуры в целом.

В любом гражданском обществе механизм реализации и защиты групповых и личных интересов определен в основном двумя факторами: лоббированием этих интересов через политические и общественные структуры и общественным мнением. Лоббирование интересов объективно выступает как механизм защиты интересов отдельных групп и носит законный характер, но только в условиях эффективно действующей правовой системы. Еще большее значение в демократических странах имеет общественное мнение. Ни лоббирования, ограниченного рамками законодательства, ни действенного общественного мнения в России нет, а стало быть не сложился и механизм защиты и реализации интересов социальных групп.

В то же время был разрушен ряд демократических традиций, которые нарабатывались десятилетиями. В первую очередь речь идет о производственной демократии, механизмы которой в определенной мере защищали работающего и осуществляли контроль над администрацией (совет трудового коллектива, совет бригады, профсоюзные организации и т.д.).

В настоящее время работающий остается один на один с администрацией и работодателем, что в условиях сокращений и массовой безработицы лишает его социальной защиты на месте работы. Не случайны в обществе такие аномальные явления как постоянные невыплаты зарплаты, они – свидетельство недемократичности общества, произвола, который процветает сверху до низу. Слабость демократии – одна из причин столь противоречивого, во многом негативного характера перемен в социальной структуре.

---

[2] Автором текста о формировании среднего слоя как социальной страты является Л.Ю. Журавлева.

Итак, оценка процессов, тенденций и трансформации социальной структуры и возможностей становления социальных основ смешанного общества в России далеки от однозначности. Еще в советский период в стране были созданы определенные предпосылки для постепенного изменения социальной структуры вместе с социально-экономическими отношениями по пути становления общественной системы современного и перспективного типа. Однако возникшие в ходе разрушения огосударствленной системы процессы глубокой социальной дифференциации, деформаций собственности, предпринимательства, капитала не только разрушили часть таких предпосылок, но и обусловили ряд перемен в социальной структуре, отдаляющей ее от социальных характеристик смешанного общества.

Но вместе с отмеченными явлениями и в противовес им в обществе все-таки развиваются процессы экономически здорового предпринимательства, возникают разные социальные типы хозяйства, формируются элементы качественно новой социальной структуры, основанной не на противопоставлении, а на общности различных интересов и т.д. Соответственно, возникают предпосылки развития социальной структуры в качестве социальной базы общества нового типа.

Характер и содержание социально-экономической стратегии определит, которое из двух, по сути противоположных, направлений трансформации социальной структуры возобладает. Сейчас же важно отметить, что предпосылки формирования социальных основ смешанного общества в России сохраняются и в некоторых отношениях расширяются. Важно суметь их реализовать и расширить.

Глава 14

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

14.1. Состояние социальных гарантий

В 1992 г. и последующих годах выполнение государством социальных функций резко ослабилось. Итоги этого хорошо известны: по основным показателям социального развития Россия откатилась на 25–30 лет назад. Рост обнищания больших групп населения, разрушение социальной сферы народного хозяйства, социальная незащищенность тех групп населения, для которых по роду их деятельности или положению была невозможной адаптация к инфляционным формам роста доходов, стали причинами усиления социальной напряженности в обществе.

Развитие социальной сферы определяется "уровнем удовлетворения потребностей населения, обеспеченных массой товаров и услуг, используемой в единицу времени" [70]. Любому государству следует принимать все меры для обеспечения жизненного уровня, соответствующего потребностям населения, включая пищу, одежду, жилье, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, образование, кото-

Таблица 1

Удельный вес работников, которым установлены льготы и компенсации, на начало 1996 г. (в % к общему числу работавших в отрасли)

Социальная гарантия, льгота, компенсация	Промышленность	Строительство	Транспорт	Связь
Дополнительный отпуск	26,0	16,6	26,1	4,3
Сокращенный рабочий день	4,2	1,5	1,7	4,8
Бесплатное питание	2,7	0,9	0,3	0,1
Бесплатные продукты питания	26,2	13,9	11,2	2,3
Повышенные тарифные ставки и оклады	25,4	7,6	16,7	5,5
Государственная пенсия на льготных условиях	17,1	10,0	4,5	4,4

рые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния независимых производителей и наемных работников и членов их семей [71]. Обеспечение достойного уровня жизни населения является не только целью развития общества, но и предпосылкой такого развития. Стабилизация уровня жизни населения представляет одно из основных условий экономического роста, выражаясь в расширении платежеспособного спроса населения, увеличении сбережений, повышении стимулов к труду и, в итоге, в росте эффективности экономики. Уверенность населения в завтрашнем дне, его доверие к политике правительства способны позитивно повлиять на реализацию монетарной, фискальной, инвестиционной политики государства и т.д. К сожалению, в России сложилась иная ситуация. Годы движения России к рынку на базе капитализации страны оказали двоякое воздействие на систему социальных гарантий. С одной стороны, были подорваны гарантии государственного обеспечения основных социальных условий жизни (трудовой занятости, заработной платы, образования, здравоохранения и т.д.). С другой стороны, стали расширяться различного рода льготы и компенсации разным группам работников и населения. Но существенно возместить происшедшее снижение уровня жизни и общие социальные потери они не смогли, что и определило современную социальную ситуацию в России.

Формально список гарантий, льгот и компенсаций (хотя в данном случае он не полный), и численность людей, охваченных этими льготами, весьма внушительные[1] (табл. 1). Однако величина затрачиваемых средств слишком низка для того, чтобы обеспечить необходимый уровень социальной защиты.

[1] Во многом такой большой удельный вес работников, имеющих право на льготы, особенно в некоторых отраслях, объясняется неблагоприятными условиями труда и необходимостью это компенсировать.

Таблица 2

Социальные расходы консолидированного бюджета и внебюджетных фондов (в % к ВВП)

Расходы	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Федерального бюджета	27,1	17,5	18,5	14,9
Территориальных бюджетов	12,2	16,2	17,5	14,5
Внебюджетных фондов	6,5	9,0	9,2	7,5
Всего	45,8	42,7	45,2	36,9
Справочно: ВВП, трлн руб.	19,0	171,5	630,1	1659,0

В 1992–1995 гг. и в последующем совокупные расходы консолидированного бюджета и внебюджетных фондов Российской Федерации на социальные цели заметно колебались, но тенденция их роста не возникла (табл. 2). Хотя, как видно из приведенных данных, социальные расходы за счет ресурсов внебюджетных фондов и территориальных бюджетов в целом возросли.

Показателем развития системы социальной защиты является и относительный размер социальных расходов (в % от ВНП). В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD), расходы на социальную сферу в целом составили 27,1% ВНП. В странах Восточной Европы на социальную сферу в 1994 г. было израсходовано около 24,9% ВНП, Латинской Америки – 10%, Восточной Азии – 8,4%. В России в 1994 г. все расходы Федерального правительства на социальные нужды составили 14,9% ВНП страны. По сравнению с развитыми странами Европы, как показано в табл. 3, такой уровень расходов на социальную сферу очень низок.

Еще более сложной представляется российская социально-экономическая ситуация, если рассматривать расходы на социальную сферу в денежных измерителях на душу населения. Социальные расходы из бюджета центрального правительства на душу населения в 1994 г. в России были в 20 раз меньше, чем во Франции, в 10 раз меньше, чем в Англии, в 6 раз меньше, чем в Испании, в 2 раза меньше, чем в Чехии. Такие страны как Ботсвана, Коста Рика, Панама обогнали Россию по уровню социальных расходов из бюджета центрального правительства (табл. 4). В этих цифрах отражаются все основные недостатки системы социальных гарантий России.

Для создания системы социальных гарантий необходима единая социальная политика, гарантирующая интеграцию субъектов Российской Федерации в направлении постепенного формирования единого социального пространства и четко фиксирующая функции и источники ресурсов всех уровней и субъектов, участвующих в социальном гарантировании и защите.

Это особенно важно на современном этапе, когда новые явления в экономике регионов и особенности федеративных отношений оказывают значительное влияние на выбор направлений социальной полити-

Таблица 3

Доля социальных расходов* из бюджета центрального правительства некоторых стран в 1994 г. (в % от ВНП)

Страна	Социальные расходы	Страна	Социальные расходы
Франция	33,63	Ботсвана	14,47
Чехия	25,82	Тунис	14,23
Англия	22,29	Бразилия	12,77
Панама	20,49	Египет	12,77
Никарагуа	19,29	Боливия	10,96
Испания	17,74	Папуа Новая Гвинея	9,95
Российская Федерация	14,88		

*В социальные расходы вошли: расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение и социальную защиту, жилищно-коммунальное хозяйство.

Таблица 4

Социальные расходы из бюджета центрального правительства некоторых стран в 1994 г. (в долл. на душу населения)

Страна	Социальные расходы	Страна	Социальные расходы
Франция	7876,15	Коста Рика	464,90
Англия	4087,99	Ботсвана	405,16
Испания	2384,26	Российская Федерация	394,32
Чехия	826,24	Бразилия	379,27
Панама	528,64	Тунис	254,72

ки и механизмов ее реализации. Степень дифференциации социально-экономического развития субъектов Федерации продолжает возрастать. В итоге увеличивается число регионов, не способных самостоятельно решать задачи социальной защиты. Лишь в 6 регионах (Москва, Самарская обл., Тюменская обл. и др.) отношение обобщающего показателя уровня жизни (рассчитанного по аналогии с "индексом человеческого развития", разработанным в ООН) к среднероссийскому выше 100%, тогда как в 34 регионах этот показатель меньше среднероссийского на 15% [72]. Подобный контраст в развитии социальной сферы регионов – один из источников социальной нестабильности.

14.2. Уровень жизни населения

После обвала уровня жизни населения в 1992–1993 гг. процесс снижения уровня жизни иногда затухал, иногда прерывался, иногда обострялся. Не было только тенденции возвращения утерянного. В принципе динамика уровня жизни отражает общеэкономическую ситуацию и особенности проводившейся социально-экономической политики.

Первое полугодие 1995 г. было отмечено новым падением реальных доходов населения на 7% по сравнению с первым полугодием 1994 г. Эта ситуация парадоксальна в том смысле, что падение реальных доходов населения происходило на фоне снижения инфляции. В этот период продолжала падать и норма накоплений населения (включая покупку валюты). Падение реальных процентных ставок по вкладам и обесценение доллара лишили значительную часть населения надежной защиты сбережений. К концу полугодия объем наличных денег на руках населения вырос, и инфляционное давление на потребительский рынок усилилось.

Главным фактором, обусловившим падение реальных доходов населения, явилось падение оплаты труда, составившее за указанный период 23%. На долю этого фактора пришлось 57% общего снижения реальных доходов населения за первое полугодие 1995 г. 33% их сокращения было связано с сокращением доходов от собственности и других активов, обусловленным падением процента по вкладам и курса доллара. Почти 10% спада реальных доходов населения пришлось на снижение социальных выплат.

Сокращение реальных доходов сопровождалось увеличением доли расходов, идущей на потребление. Доля потребительских расходов в располагаемых доходах увеличилась до 73–75% (во втором–четвертом кварталах 1994 г. эта доля составляла 70–71%). Снижение темпов инфляции не способствовало росту склонности населения к сбережениям. Доля организационных накоплений осталась в пределах 6–8%. Снижение покупок валюты не привело к росту рублевых вкладов. Итогом всего отмеченного стало возрастание разрыва между доходами и расходами населения.

Результатом уменьшения реальных доходов населения стало обеднение его основной массы. В 1994 г. среднедушевой доход превышал прожиточный минимум в 2,1–2,5 раза. В первом полугодии 1995 г. среднедушевой доход был выше прожиточного минимума в 1,8–1,9 раза. На этом общем ухудшающемся фоне в наиболее тяжелом положении, как всегда, оказались низкодоходные группы населения. У наемных работников доходы лишь на 50% превышали прожиточный минимум, а у пенсионеров упали ниже него. В первом полугодии 1995 г. доходы 20% наименее обеспеченных людей позволяли оплатить около 70% стоимости стандартного набора из 19 продуктов.

Вторая половина года ознаменовалась дальнейшим сокращением реальных доходов населения. Иначе и не могло быть, если принять во внимание ограничительную бюджетную политику правительства. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума во второй половине 1995 г. была на уровне 25%, в декабре же упала до 20%, так как произошел рост денежных доходов населения. Но в январе 1996 г. реальные доходы снизились вновь. Такие колебания во многом объясняются сезонными выплатами.

В отличие от первой во второй половине 1995 г. наблюдался рост сбережений населения в наличной валюте. Покупка населением валю-

ты в августе–ноябре 1995 г. превышала 3 млдр долл. ежемесячно благодаря высоким инфляционным ожиданиям.

В феврале 1996 г. динамика денежных доходов населения вернулась в русло конца 1995 г. Соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума составило 1,91 к 1 (в январе этот показатель был равен – 1,85 к 1). Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума стабилизировалась на уровне 24–25%. В 1995 г. улучшилось отношение минимальной заработной платы к прожиточному минимуму и составило 17,1% в сентябре по сравнению с 8,3% в марте. Но совершенно очевидно, что жить на такую заработную плату невозможно.

Децильный коэффициент дифференциации увеличился с 11,2 в 1993 г. до 15,1 в 1994 г., но затем он несколько снизился: до 14,2 в феврале 1995 г. и 13,6 в феврале 1996 г.

Рост денежных доходов населения в I квартале 1996 г. после январского падения с учетом индекса потребительских цен свидетельствует о некотором увеличении реальной средней заработной платы.

Общий объем денежных расходов населения в феврале 1996 г. составил 98 трлн руб. и был на 3% ниже денежных доходов. Денежные расходы к февралю 1996 г. после скачка в декабре 1995 г. – январе 1996 г., когда они превысили денежные доходы, вернулись к типичной для конца 1995 г. структуре: 69% доходов расходовалось на покупку товаров и услуг, 6,5% – на оплату обязательных платежей и взносов, 7,5% – на накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах, 13% – на покупку валюты. Прирост наличных денег на руках населения составил почти 4%.

Соотношение между минимальной заработной платой и прожиточным минимумом в марте 1996 г. несколько ухудшилось. Первая составила 15,4% второго, что было связано в первую очередь с нарушением сроков индексации минимальной заработной платы.

Среднемесячные денежные доходы на душу населения в первом полугодии 1996 г. составили 724 тыс. руб. и возросли по отношению к соответствующему периоду 1995 г. на 73%. Однако реальные располагаемые денежные доходы, т.е. доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен, остались без изменения. Если же рассматривать все реальные денежные доходы, т.е. общие денежные доходы населения, скорректированные на индекс потребительских цен, то в мае 1996 г. они составили лишь 94,7% от уровня того же месяца предыдущего года. В 11 регионах реальные денежные доходы упали за указанный период более, чем на 20%, а в Камчатской области – на 30% (табл. 5). Рост реальных денежных доходов наблюдался в 21 регионе, но лишь в одном из них, а именно в Республике Северная Осетия – Алания, достиг 20%.

Баланс денежных доходов и расходов населения в первом полугодии 1996 г. показал, что доходы по-прежнему превышали расходы лишь на очень незначительную величину – 2,7%. Доля потребительских расходов населения в объеме денежных доходов в первом полугодии 1996 г. составляла 70%. Но эта цифра не показывает сильных ко-

Таблица 5

Динамика реальных денежных доходов населения в мае 1996 г.
(в % к маю 1995 г.)

Регион	Реальные денежные доходы	Регион	Реальные денежные доходы
Российская Федерация	94,7	Кемеровская обл.	76,2
Камчатская обл.	70,7	Хабаровский край	77,4
Республика Алтай	71,3	Мурманская обл.	79,3
Магаданская обл.	73,7	Ленинградская обл.	111,1
Республика Тыва	73,8	Удмуртская Республика	111,1
Вологодская обл.	75,1	Тверская обл.	113,3
Сахалинская обл.	75,1	Санкт-Петербург	116,5
Курская обл.	76,0	Республика Северная Осетия–Алания	120,1
Пензенская обл.	76,1		

лебаний доли потребительских расходов по месяцам от 78,0% в январе до 66,8% в июне. На уплату налогов и взносов было израсходовано 6% всех денежных доходов. За это полугодие несколько снизилась доля накоплений населения: с 20,5% до 20,1%. Доля организованных накоплений также снизилась с 7,0% в январе до 1,9% в мае и 3,3% в июне. Эти снижения были вызваны перераспределением накоплений в пользу покупок валюты с 13,5% в январе до 19,0% в мае и 16,8% в июне и приростом денег на руках населения. Такие изменения во многом были связаны с предвыборной ситуацией в России.

В первом полугодии 1996 г. вновь возросла дифференциация населения по уровню доходов. Децильный коэффициент дифференциации возрос с 13,1 в 1995 г. до 13,4. На долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 29% денежных доходов всего населения, а на долю наименее обеспеченного – только 2,2%. Индекс Джини увеличился с 0,379 до 0,382.

Соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума улучшилось за 1996 г. с 1,85:1 в январе до 2,64:1 в декабре, но в среднем за год оно составило лишь 2,11:1 и лишь незначительно уменьшило долю населения с доходами ниже прожиточного минимума. Это движение не было поступательным, 1997 г. принес с собой новое ухудшение динамики среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума. Разрыв между этими показателями стал сокращаться и составил в среднем за месяц 2,07:1.

Доля численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в % к общей численности населения) в середине 1997 г. составляла 21%, снизившись с началом 1996 г. на 4 процентных пункта.

С января по май 1996 г. выросло соотношение средней заработной платы и выплат социального характера по отношению к прожиточному минимуму с 1,75:1 до 1,9:1. Но задержки с выплатой заработной платы значительно обесценили эти положительные сдвиги.

Следует также учитывать большую региональную дифференциацию по уровню доходов. В ряде регионов, таких как Тюменская, Иркутская, Камчатская, Мурманская, Кемеровская области, Республика Коми, соотношение средней заработной платы и выплат социального характера и прожиточного минимума составляло 2,1–2,9:1, что объяснялось более высокой заработной платой в этих регионах. В Республике Татарстан, напротив, лучшее, по сравнению со среднероссийским, положение по соотношению средней заработной платы и выплат социального характера и прожиточного минимума (2,6:1) достигалось за счет низкой стоимости прожиточного минимума, хотя средняя заработная плата и выплаты социального характера были здесь ниже среднероссийского уровня.

Особо следует отметить ситуацию в Красноярском крае, где соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума за первое полугодие 1996 г. превышало уровень 3:1 сразу в результате обоих отмеченных факторов: и низкой стоимости прожиточного минимума, и высокого уровня средней заработной платы.

В таких регионах, как Республика Ингушетия, Алтай, Карачаево-Черкессия и некоторых других средняя заработная плата и выплаты социального характера едва достигали уровня прожиточного минимума. В Дагестане и Мордовии в первом полугодии 1996 г. заработная плата и социальные выплаты были ниже прожиточного минимума.

Говоря о тенденциях изменения оплаты труда надо учитывать и неплатежи, выросшие в 1996 г. и ставшие одним из главных факторов снижения реального жизненного уровня.

В 1995 г. средняя задержка с выплатой пенсий составляла 20 дней в городах и 30 дней в сельской местности. К началу 1996 г. задолженность предприятий Пенсионному фонду возросла до 23 трлн неденоминированных руб. (с учетом штрафных санкций до 40 трлн).

Лишь в мае 1996 г. положение с пенсионным обеспечением начало улучшаться. Майская минимальная пенсия по старости составила 82% от прожиточного минимума пенсионера. Такого показателя России удалось добиться впервые с 1992 г. (в третьем квартале 1995 г. минимальная пенсия составляла лишь 47% от прожиточного минимума).

Среднемесячная начисленная пенсия в 1996 г. была на 16% выше прожиточного минимума пенсионера. Однако рост потребительских цен целиком "съел" все превышение начисленной пенсии прожиточного уровня пенсионера. В первом квартале 1997 г. средняя начисленная пенсия была лишь на 11% больше прожиточного минимума пенсионера, реальный размер начисленной пенсии снизился по сравнению с соответствующим периодом 1996 г., а двух–трехмесячные задержки с выплатой пенсий стали обычным явлением во многих регионах страны.

14.3. Занятость и безработица

Рассматривая ситуацию на рынке труда, следует учитывать динамику как открытой, так и скрытой безработицы. В 1994 г. спад в промышленности достигал по различным отраслям 15–23%, в 1995 г. он за-

медлился и составил 5–7%. Сокращение же занятости составило в 1994 г. 3%, а в 1995 г. – 2%. Эти данные говорят о росте скрытой безработицы.

В 1995 г. соотношение числа выбывших и принятых на работу оказалось самым низким начиная с 1992 г., что в совокупности с данными о росте скрытой безработицы свидетельствовало о приближении критической ситуации на пути сдерживания роста безработицы увеличением ее скрытой части. Замедление темпов прироста безработицы в 1995 г. сопровождалось значительными абсолютными цифрами снижения числа рабочих мест. Только в промышленности их стало за 1995 г. на 1 млн 230 тыс. меньше. В то же время планируемый в первом квартале 1996 г. ввод дополнительных рабочих мест предполагал их увеличение лишь на 32 тыс.

Если попытаться оценить ситуацию в сфере занятости по секторам экономики, то прежде всего необходимо отметить, что за 1992– 1995 гг. при снижении ВВП на 50% число занятых в промышленности сократилось на 20%[2], в строительстве – на 18%, в науке – на 26%[3].

Неполная занятость фактически потеряла спонтанный характер и превратилась в хроническую. В 1994 г. ежемесячно на крупных и средних предприятиях России 1,9 млн человек трудились в режиме неполной рабочей недели, в 1995 г. эта цифра увеличилась до 2 млн. К этим 2 млн человек необходимо добавить более 2 млн человек, находившихся в административных отпусках (каждый второй при этом был в отпуске без денежной компенсации).

Численность занятых на крупных и средних предприятиях уменьшилась за 1992–1995 гг. на 7,7 млн человек. Лишь менее половины высвобожденных (3,8 млн) нашли работу на малых предприятиях, где за тот же период численность занятых выросла с 5,2 млн до 9 млн человек. Надеяться на дальнейший быстрый рост занятости на малых предприятиях не приходится, так как уже с 1994-1995 гг. рост малого бизнеса замедлился. Снижение среднемесячных темпов прироста общей численности безработных с 2,6% в 1994 г. до 0,7% в 1995 г. и зарегистрированных безработных (с 8% до 3%, соответственно) лишь частично объяснялось развитием предпринимательского сектора, в значительной же мере оно подтверждает рост скрытой безработицы.

Сокращение среднемесячных темпов прироста численности безработных в то же время сопровождалось возрастанием средней продолжительности регистрируемой безработицы с 5,5 в 1994 г. до 6,3 месяца в 1995 г. Доля безработных, нетрудоустроенных 4 месяца и более, в общей численности зарегистрированных безработных увеличилась до 47%, а доля безработных, не имеющих работы более года, – до 13%.

---

[2] Объем продукции промышленности сократился за эти же годы на 57%. Таким образом, сокращение занятости в промышленности шло гораздо более медленными темпами, чем падение производства, способствуя росту скрытой безработицы и избыточных трудовых ресурсов предприятий.

[3] Это сокращение занятости лишь в незначительной степени компенсировалось ростом числа занятых в сфере услуг.

Проблемы на рынке труда в 1996 г. продолжали обостряться. За первое полугодие численность занятых в экономике сократилась на 0,3 млн человек и составила на 1 июля 66,7 млн человек. Уровень безработицы вырос на 0,4 процентных пункта и на 1 июля составил 3,6%. Сохранялись и продолжают сохраняться региональные особенности безработицы, связанные с особенностями размещения отраслей промышленности. В особо трудных условиях оказались предприятия оборонного комплекса, легкой промышленности и т.д. Соответственно, наиболее остро проблемы занятости и безработицы стоят в регионах, где в структуре производства выше доля именно этих отраслей. В традиционно трудоизбыточных регионах (таких как республики Северного Кавказа), в некоторых из которых ситуация к тому же осложняется острыми межнациональными противоречиями, состояние в области занятости и безработицы (а также в сфере доходов населения) может быть названа критической, а сами регионы – регионами социального бедствия.

Если доля людей с длительными сроками безработицы растет практически во всех субъектах Федерации, то доля безработных в экономически активном населении и достаточность средств Фонда занятости для выплат пособий по безработице и проведения активной политики на рынке труда (создания новых рабочих мест, оказания помощи безработным в организации собственного дела, в переобучении и повышении квалификации и т.д.) очень различны по регионам. Так в 1995 г. в Ивановской области доля безработных составляла 8%, в Удмуртии – 6,83%. В Москве же этот показатель составил лишь 0,4%. Относительно благополучные по уровню безработицы и бюджету службы занятости регионы (Москва, Волгоградская область, Республика Татарстан, Саха (Якутия)) могут позволить себе 50% фонда занятости использовать на сохранение и создание рабочих мест. Регионы со значительным уровнем безработицы и напряженным или дефицитным бюджетом службы занятости (Ивановская, Ярославская, Архангельская области, Республики Ингушетия, Дагестан) лишь 2–3% фонда занятости, а иногда и меньше могут израсходовать на эти цели. Основная же доля средств – 50–70% фонда шла на материальное поддержание безработных.

В первом полугодии 1996 г. наблюдалось ухудшение финансового состояния Государственного фонда занятости, так как уменьшились отчисления в этот фонд из-за нестабильности экономического положения предприятий и организаций. В результате этого число дотационных регионов с начала года выросло с 16 до 47.

В это время усилилась дифференциация территорий по состоянию региональных рынков труда. В 47 регионах Российской Федерации уровень безработицы превышал среднероссийский. На Северном Кавказе (в республиках Ингушетия и Дагестан), в Республике Калмыкия, Удмуртской и Чувашской республиках, в Ивановской, Псковской, Владимирской, Кировской, Ярославской, Архангельской областях уровень безработицы в 2–3–6 раз превышал среднероссийский.

Продолжает расти разрыв между спросом и предложением рабочей силы. На 1 июля 1996 г. нагрузка незанятого населения, состояще-

го на учете в органах государственной службы занятости возросла до 8,3 человек на одну заявленную вакансию (в начале 1994 г. коэффициент напряженности на рынке труда составлял 4,1, в начале 1995 г. – 5,1). В среднем за месяц в течение первого полугодия 1996 г. число вакансий составило 309 тыс. рабочих мест. Это на 13% меньше, чем в 1995 г.

Таким образом, рост безработицы, усиление нерационального характера занятости (рост скрытой безработицы и снижение эффективности использования трудовых ресурсов) стали определяющими для характеристики ситуации в сфере занятости и безработицы. Региональный и структурный характер безработицы также сохраняется. Сокращается число вакансий и их качество, растет разрыв между качеством рабочей силы, требуемой работодателями, и квалификацией соискателей рабочих мест.

14.4. Социально-демографическая ситуация

Социально-демографическая ситуация в России ухудшается на протяжении целого ряда лет. Суммарный коэффициент рождаемости понизился с 2,01 в 1989 г. до 1,38 в 1994 г., опустившись до уровня развитых западноевропейских стран, характеризующихся низкой рождаемостью. Снижение уровня рождаемости сопровождалось ростом рождаемости среди молодых женщин. Пик распределения рождаемости по возрасту матерей приходится на женщин в возрасте 20–24 лет, тогда как практически во всех странах Запада этот пик приходится на женщин более старших возрастов. Рождаемость женщин в возрасте старше 25 лет неуклонно снижалась и снижается.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости определяется долгосрочными тенденциями социально-демографического развития России на протяжении всех послевоенных лет (перехода от высокой рождаемости к низкой). В то же время на этот процесс, безусловно, оказывает влияние снижение жизненного уровня, тяжелое экономическое положение большей части семей и быстрый рост затрат на содержание и воспитание детей.

Говоря об особенностях рождаемости в России по вероятности рождения детей различной очередности, можно отметить, что падение суммарного коэффициента рождаемости в промежутке между 1989 и 1994 г. может быть прежде всего объяснено уменьшением вероятности рождения второго и третьего ребенка, а не повышением уровня бездетности. К 1994 г. вероятность того, что женщина, вступающая в репродуктивный возраст, будет иметь, по крайней мере, одного ребенка составила 90%, т.е. 10% женщин к концу репродуктивного периода останутся бездетными (в 1989 г. эти показатели были 95% и 5%, соответственно). Уровень бездетности является обычно основной составляющей изменений суммарного коэффициента рождаемости в западных странах, остро реагируя на социально-экономические изменения. В России главной причиной падения суммарного коэффициента рождаемости явилось уменьшение вероятностей рождения высокой очередности, ко-

торые и так были достаточно низкими. Тенденции развития демографической ситуации показывают, что рост неоднородности российской модели рождаемости прежде всего связан с отказом от рождения второго ребенка. Этот показатель в значительной мере определяется социально-экономическими и политическими условиями: уровнем образования, доходов, экономической и политической стабильностью и т.п. Учитывая, что репродуктивное поведение инерционно, а трудности социально-экономического плана продолжаются, вряд ли можно ожидать повышения уровня рождаемости. Наоборот, специфика развития некоторых регионов показывает, что можно ожидать роста доли бездетных и однодетных семей. Все это в совокупности со сменой естественного прироста населения (2,2 человека на 1000 жителей в 1990 г.) естественный убылью, начавшейся в 1992 г. (в 1996 г. – 5,3 человека на 1000 жителей), показывает, что Россия развивается и будет развиваться при суженном воспроизводстве населения.

Снижение рождаемости затронуло все регионы России, но рождаемость падает неодинаково и регионы с малочисленным населением обладают более высоким уровнем рождаемости, и наоборот. К 1994 г. в число регионов со средним числом детей, рожденных матерями к возрасту 25 лет, более 1,25 попадал только Дагестан. К традиционным же регионам, где этот же показатель был ниже 0,75 (Москва и Санкт-Петербург), добавились еще 7 регионов. Сократилось и число регионов со средним числом детей, рожденных матерями к возрасту 25 лет, от 1 до 1,25. Значительная часть таких регионов попадает теперь в ранг, где этот показатель не превышает 1. Обнаруживается отрицательная корреляция между уровнем урбанизации и уровнем рождаемости в молодых возрастах.

Процессы депопуляции охватывают все большее число регионов страны. В совокупности со старением и ухудшением здоровья населения депопуляция будет оказывать значительное влияние на экономику. Все это должно учитываться в социальной политике.

В 70 субъектах Российской Федерации смертность превышает рождаемость. Причем в 24 регионах число умерших в 2–3 раза больше числа родившихся, в то время как средний показатель по России составляет 1,7. Особенно сложная ситуация с естественной убылью населения сложилась в Псковской, Тверской, Тульской, Новгородской и Ивановской областях, где показатель естественной убыли достигает 12–15 человек на 1000 населения (по России в 1996 г. – 5,3 человека). Лишь в немногих регионах сохраняется естественный прирост населения.

Особую тревогу вызывает состояние здоровья населения. Ожидаемая продолжительность жизни снизилась. В 1990 г. она составляла 64 года для мужчин и 74 года для женщин, а в 1996 г. – 60 и 70 лет соответственно. Состояние здоровья населения в незначительной степени определяется биологией и в гораздо большей мере – образом жизни, развитием здравоохранения, состоянием окружающей среды и т.д. Падение уровня жизни, неуверенность в завтрашнем дне, развал социальной сферы, безработица – все эти причины влияют на ухудшение состояния здоровья населения. Растет заболеваемость практически по

всем основным группам болезней, а также смертность по всем основным классам причин смерти, что определяется не только сокращением качества государственного здравоохранения и санитарно-эпидемиологической ситуацией, но и падением доходов семьи, развалом социальной сферы и т.п. Число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм в 1993–1996 гг. было выше числа умерших от раковых заболеваний и вышло на вторую по значимости позицию (после болезней системы кровообращения).

Существуют значительные различия в уровне вакцинации детей среди различных групп населения: дети из бедных семей реже проходят вакцинацию. Недоступность детских яслей и садов для многих семей означает часто и отсутствие вакцинации ребенка от таких заболеваний как дифтерия, коклюш, столбняк, полиомиелит, корь. От 1/4 до 1/2 детей в возрасте до 2 лет не получают необходимых прививок.

Одной из характеристик ухудшения состояния здоровья населения является недоедание, причем хроническое, которое в большинстве случаев даже необязательно отслеживать по расходам семей на отдельные продукты питания и на все продольственные товары в целом. Показателем хронического недоедания является распространение низкорослости, которая среди детей в возрасте двух лет и младше повысилась с 9,4% в 1992 г. до 14,3% в 1995 г.[4]

14.5. Кризис августа 1998 г.: обострение ситуации и задачи социальной политики

Во второй половине 1997 г. – начале 1998 г. в социальной сфере наметились некоторые положительные сдвиги:

смертность детей в возрасте до 1 года за этот период снизилась по сравнению с 1996 г. на 3%, в то время когда во многих странах Центральной Европы детская смертность продолжала расти;

повысилась продолжительность жизни;

среднедушевой денежный доход увеличился за последние 8 месяцев 1997 г. по сравнению с первыми четырьмя на 6%, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась на 2,5%;

была погашена задолженность федерального бюджета по выплате денежного довольствия военнослужащим и снижена задолженность по заработной плате работникам бюджетной сферы;

уменьшилась конфликтность в трудовой сфере: произошло снижение забастовочной активности в результате усиления работы трехсторонней комиссии (за последние 8 месяцев 1997 г. число забастовок было в 5 раз меньше, чем за первые 4 месяца);

усилия, направленные на стабилизацию занятости, привели к снижению безработицы (до 6,4 млн человек по методологии МОТ в конце 1997 г.).

---

[4] В 1994–1995 гг. стали учащаться и случаи недоедания у пожилого населения, о чем свидетельствует их рацион питания и рост доли людей пожилого возраста с пониженным по отношению к норме весом.

Однако эти сдвиги носили поверхностный характер. В целом положение оставалось тяжелым. 30,7 млн человек или почти пятая часть населения страны продолжали жить за чертой бедности, имея доходы ниже прожиточного минимума. Сохранялся крайне высокий уровень социальной дифференциации. Доходы 10% богатых в 13 раз превышали доходы 10% бедных. Еще больше этот разрыв был в ряде регионов: в Москве, например, – в 31 раз. Усилия, направленные на преодоление кризиса в социальной сфере, были по существу пожарными мерами, связанными с устранением наиболее заметных проявлений кризисной ситуации. Сами же основы возникновения подобных ситуаций в будущем сохранялись. Это в полную меру проявилось в финансово-экономическом кризисе августа 1998 г., в результате которого ситуация в социальной сфере резко обострилась. По данным Госкомстата России, реальные располагаемые доходы населения в сентябре 1998 г. составили лишь около 70,3% от уровня сентября предыдущего года. Величина прожиточного минимума только за сентябрь увеличилась на 23%. Значительно увеличилась численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. В сентябре она составила 44,3 млн человек или 30,1% от общей численности населения (в августе – 32,8 млн человек, или 22,3% населения). В сентябре тарифные ставки Единой тарифной сетки оплаты труда работников бюджетной сферы даже на самых высоких разрядах оказались ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Возросла задолженность по заработной плате работников бюджетной сферы, по выплате пенсий и социально значимых пособий. Изменилась и структура расходов – около 97,7% денежных доходов население стало тратить на покупку товаров и услуг, в июле 1998 г. этот показатель составлял 76,8%.

Следствием финансового кризиса 1998 г. является происходившее в конце 1998 г., наблюдающееся в начале 1999 г. и ожидаемое в последующие месяцы 1999 г. ухудшение социально-экономического положения.

По уточненным данным Госкомстата, инфляция за 9 месяцев 1998 г. составила 50%. Темп инфляции в августе – сентябре 1998 г. составил, по разным оценкам, до 70%[5]. Нельзя не учитывать и воздействие курсового шока на динамику цен. За первые 9 месяцев 1998 г. курс национальной валюты снизился на 166%, девальвация рубля в реальном выражении составила почти 80%. Ориентировочно цены с августа до конца 1998 г. выросли более, чем в 2 раза. Повышение темпов инфляции, необходимость проведения денежной эмиссии, о которой неоднократно заявляло правительство России и первые признаки которой уже заметны (выплаты на "расшивку банковских тромбов", выплаты по довольствию военнослужащим и т.п. не могли быть произведены из стремительно сократившихся в этот период налоговых поступлений), приводят к росту инфляционного налога. Одно только повышение прироста цен за месяц с 10% до 20% без каких-либо дополнитель-

[5] По данным Госкомстата РФ темп роста потребительских цен в августе составил 3,7%, в сентябре – 38,4%.

ных институциональных изменений означает, что работники заплатят в качестве инфляционного налога не 5,1%, а 9,2% своего месячного дохода.

Бремя инфляционного налога в России регрессивно, в значительной степени оно ложится на плечи наиболее бедных слоев населения. Наиболее обеспеченные слои населения имеют облегченный доступ к приносящим доход активам, защищенным от инфляции различными видами индексации. Наименее обеспеченным слоям населения в ситуации значительных задержек с выплатой заработной платы и социальных трансфертов труднее, чем остальным слоям населения, создавать запасы и сбережения для элиминирования последствий роста цен.

Особенно чувствительны к изменению темпа инфляции доходы в виде пенсий, пособий на детей и других социальных трансфертов. Очень велико значение роста инфляционного налога для домохозяйств с доходом ниже, на уровне или незначительно выше прожиточного минимума. В таких домохозяйствах доля социальных трансфертов составляет до 50 – 100% их дохода. Следовательно, с учетом роста задолженности по выплате пенсий, накопившейся и продолжающей расти задолженности по детским пособиям и т.п., принимая во внимание отсутствие у правительства разработанных схем погашения задолженности по социальным трансфертам и их индексации, рост инфляционного налога особенно негативно отразится на группах населения, в большей мере зависящих от социальных трансфертов.

Влияние роста цен и инфляции на снижение реальных доходов населения усиливается задержками выплаты заработной платы, которые уже превратились в систему и дополняются ростом числа работников, находящихся в вынужденных административных отпусках, использованием натуральной формы оплаты, а с сентября 1998 г. – ростом числа увольнений и снижения заработной платы и других видов доходов в предпринимательских секторах. В таких условиях уменьшение доходов населения может стать еще более значительным.

Сокращение занятости и снижение доходов в упомянутых секторах могут существенно сократить возможности получения доходов от вторичной занятости, которые, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, составляют 9% в общих доходах населения. Даже с учетом того, что эта доля явно занижена, сокращение возможности получения вторичных доходов может привести к дополнительному уменьшению доходов населения на 2 – 5%.

По данным Госкомстата России, доход от предпринимательской деятельности составляет около 38% денежных доходов населения. На этот вид доходов повлияют два основных фактора: во-первых, сокращение доли импортируемых товаров и повышение спроса на отечественные товары и, следовательно, рост производства отечественных товаров, во-вторых, снижение деловой активности в некоторых отраслях. О возможностях повышения заработной платы и доходов от предпринимательской деятельности за счет роста отечественного производства пока говорить весьма сложно, поскольку продолжается падение производства. Можно отметить, что ожидавшегося значительного по-

вышения спроса на продукцию отечественных производителей продовольствия после августа 1998 г. не произошло.

Обесценение почти в 3 раза рублевых сбережений, как хранившихся в банках, так и наличных денег из-за падения курса рубля по отношению к доллару в результате финансового кризиса 1998 г., невозможность использовать значительную часть сбережений как в валюте, так и в рублях из-за банковского кризиса, обвал рынка ценных бумаг, частичное обесценение валютных банковских вкладов населения в коммерческих банках – все это привело к падению доли возможного использования сбережений населения. Если до финансового кризиса доля использования сбережений в домохозяйствах с доходом ниже прожиточного минимума в общих доходах этой группы населения достигала 1,2%, то в 10% самых обеспеченных домохозяйств – 15,7%. Доля использования сбережений в общих доходах домохозяйства в среднем по России составляла 7,2%[6]. Это негативно повлияло на общий уровень доходов населения. Снижение доходов сильно отразилось на малообеспеченных слоях населения, особенно тех, доходы которых ранее лишь на незначительную величину превышали прожиточный минимум. Конечно, обычно использование сбережений в таких семьях невелико в силу незначительности величины самих сбережений, но любое снижение доходов в таких семьях увеличивает глубину бедности, приводит все новые домохозяйства за грань прожиточного минимума или на его границу.

Обесценение и трудности использования сбережения дополнились снижением дохода по банковским вкладам, дохода от акций и т.п. Доля доходов в виде процентов по депозитам, дивидендов и т.п. достигала, по данным Госкомстата России, 5% денежных доходов населения, распределяясь крайне неравномерно между различными доходными группами населения: на долю наиболее обеспеченных 10% населения приходилось свыше чем в 1000 раз большая сумма такого вида доходов по сравнению с долей 10% наименее обеспеченных. Но на ближайшую перспективу можно предположить минимизацию или почти полную потерю такого рода доходов для большинства групп населения.

Отмеченные изменения в доходах населения могут привести к общему снижению доходов населения на 10 – 20% в 1999 г. С учетом происходящего уменьшения доходов населения и возросшего недоверия ко многим формам личных сбережений возможно сокращение их нормы на 40 – 60%, что приведет к ее снижению в общей сумме личных доходов с 8 – 10% в 1995–1997 гг.[7] до 3,2 – 6% в 1999 г. Низкая и имеющая тенденцию к дальнейшему резкому падению норма текущих сбережений населения ограничивает возможности привлечения средств населения в целях инвестирования.

---

[6] Здесь и далее расчеты автора основаны на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. При упоминании децильной структуры населения имеется в виду децильная структура по доходу на душу населения.

[7] По данным Госкомстата, личные сбережения составляют 25% официальных доходов. Однако если учесть продажу и вывоз валюты, то доля личных сбережений будет намного меньше.

Только активная и последовательная политика правительства, направленная на преодоление негативных для населения последствий финансового кризиса августа 1998 г., может стабилизировать ситуацию. Стимулирующая политика доходов и меры, направленные на поддержку внутреннего производства, могут позволить не допустить еще большего снижения уровня жизни населения.

Наименее обеспеченным помогает (хотя и слабо) государство, богатые имеют большие возможности защититься от инфляции. Средние же слои в результате потери значительной части сбережений, уменьшения возможности получения доходов от сбережений, снижения заработной платы, доходов от собственности и предпринимательского дохода оказываются в положении очень уязвимых групп населения.

Закрытие предприятий, рост числа увольнений и снижение заработной платы и других видов доходов в банковском, рекламном, консалтинговом секторах, в торговле и т.д. – это удар прежде всего по среднему слою. За август – октябрь 1998 г., по данным Минэкономики РФ, только в Москве были уволены 300 тыс. человек, их перспектива трудоустроиться очень невелика, так как существует диспропорция между квалификацией и заработной платой уволенных (в основном представителей профессионального среднего слоя) и существующими вакансиями (60% всех вакансий – рабочие специальности с низкой заработной платой). К 2000 г. уровень безработицы среди представителей среднего слоя может существенно увеличиться.

Ни существующее законодательство, сложившееся в ходе социально-экономической реформы и принятое с целью защитить все слои населения, но реализуемое в значительной степени для социальной защиты обеспеченных слоев населения, ни поправки, вносимые в него в настоящее время в целях защиты прежде всего наименее обеспеченных слоев населения, не могут служить основой политики поддержки среднего слоя. Для проведения такой политики необходимы специальные программы.

Среди них можно выделить правительственные, региональные и муниципальные программы поддержки малого и среднего бизнеса, которые могут одновременно решать производственно-экономические и социальные проблемы. Целесообразным можно считать и развитие консультационных услуг для ищущих работу представителей средних слоев, профессиональную переподготовку и повышение квалификации, развитие негосударственных форм трудоустройства с применением системы Интернет.

Снижение общего налогообложения на оплату труда, способствуя росту доходов всего населения, будет иметь определенное значение для поддержки населения со средним уровнем дохода, так как именно средние слои населения являются основными плательщиками налогов. Но этого явно недостаточно. Следует внести положительные для средних слоев изменения в шкалу подоходного налога с физических лиц, которые способствовали бы росту доходов таких слоев и легализации неформальной части их доходов.

Необходимо разработать и принять специальные программы дополнительного пенсионного страхования, формируемого по накопительным схемам за счет добровольных взносов работодателей и граждан, предусмотрев льготные схемы такого страхования для людей со средним уровнем доходов.

Эффективными могли бы стать законодательные акты, упорядочивающие и облегчающие кредитование населения со средним уровнем доходов в целях приобретения жилья, земли, товаров длительного пользования. Поощрение негосударственных форм такого кредитования не отменяет целесообразности разработки его государственных форм в целях поддержки средних слоев населения.

Переход к подушевому финансированию образования и здравоохранения, основанному на принципе "деньги следуют за больным и учащимся", расширит число учреждений, предоставляющих услуги более высокого качества в рамках государственного финансирования, что может явиться реальной формой поддержки людей со средним уровнем дохода, не отменяя необходимости принятия специальных программ в области здравоохранения и образования, нацеленных на поддержку среднего класса.

Разработка и использование различных способов и механизмов поддержки малообеспеченных и средних слоев населения должны осуществляться в рамках общей социальной политики, быть ее органическими частями. Стратегическая задача такой политики состоит в формировании динамичной совокупности социальных механизмов, обеспечивающих становление общества, в котором преобладающими являются тенденции социального взаимодействия и согласия.

Условием перехода к решению данной задачи должна стать ориентация социальной политики на недопущение нарастания, ослабление и снятие наиболее болезненных проявлений социального расслоения населения и ухудшения различных аспектов его жизнеобеспечения.

Прежде всего следует остановиться на проблеме трудовых отношений. В этой сфере ситуация близка к катастрофе. Скрытая безработица, задержки с выплатой заработной платы, незарегистрированные в официальных отчетах выплаты наличных денег, натуральная оплата труда, размещение средств, предназначенных на заработную плату, в банках и страховых компаниях под высокие проценты, массовые нарушения законодательства о приеме и найме на работу, приводящие к снижению уровня социальных гарантий работников, – таков далеко не полный список существующих проблем, свидетельствующий о степени социального напряжения.

В реальных трудовых отношениях происходит вытеснение официального права неофициальными договоренностями между работником и работодателем, что, как правило, резко снижает уровень гарантий для работника, лишает его возможности легально защищать свои права. По оценкам, не менее 40% наемных работников так или иначе находятся в сфере действия таких "неформальных" трудовых отношений.

Экономический подъем невозможен без формирования современного цивилизованного рынка труда, обеспечивающего необходимые

социальные гарантии его контрагентам. Поэтому стратегическая задача в сфере реформирования трудовых отношений состоит в достижении максимально возможного уровня занятости населения на основе расширения используемых форм хозяйства и предпринимательства, усиления реальной защиты трудовых и социальных прав работника при уважении интересов работодателя, повышении уровня оплаты труда и ее удельного веса в национальном доходе как стимула экономического роста.

Другой болевой точкой социальных отношений является недейственность и даже неверная ориентация различных форм социальной защиты и гарантий. В настоящее время настоятельно необходимо обеспечение максимальной адресности социальной защиты, ее направленности на тех, кто действительно нуждается в помощи. Следует по возможности уходить от распыляющего средства и разрушающего систему социальной защиты категориального принципа предоставления льгот. С точки зрения возможностей осуществления адресной политики с учетом региональной специфики, к сожалению, сложилась очень неудачная ситуация. Значительная часть решений, формирующих обязательства по выплатам различных социальных пособий, льгот и видов социальной помощи, сосредоточена на федеральном уровне и оформлена в виде федеральных законов. Между тем подавляющее большинство этих выплат возложены на регионы.

Речь идет о многих десятках категориальных льгот, которые часто оформлены законами без всякого реального учета особенностей регионов. Как показывают исследования, лишь малая часть этих выплат действительно достается тем, кто в них нуждается. В то время как более 64% семей с детьми, доход которых ниже прожиточного минимума, не получают пособия на ребенка, самые обеспеченные семьи получают почти 30% от общей суммы таких пособий; 42% всех пособий по безработице получают "безработные" из наиболее обеспеченных семей, а на безработных из семей с доходом ниже прожиточного минимума приходится только 26% суммы пособий, причем на безработных из самых бедных семей – всего 1% суммы пособий. При этом у региональных властей на практике остаются очень ограниченные возможности модифицировать эти льготы и приспособить их к потребностям региона.

Сложившееся положение напрямую противоречит принципам федерализма. Поэтому в сфере социальных пособий и льгот одна из принципиальных задач состоит в том, чтобы максимально расширить самостоятельность территорий в принятии решений относительно того, какие выплаты действительно на этой территории нужны, в каких объемах и каким образом, в какой форме они должны предоставляться конкретным категориям населения.

Особым блоком в системе социальных гарантий и защиты является пенсионное обеспечение. Неэффективность ныне действующей пенсионной системы с точки зрения как жизнеобеспечения пенсионеров, так и ее стимулирующего воздействия на повышение трудового вклада очевидна. Поэтому одним из приоритетов социальной политики является осуществление пенсионной реформы и, соответственно, разработ-

ка и принятие законов, которые обеспечили бы увязку размеров пенсий и уплаченных страховых взносов в Пенсионный фонд через систему условно-накопительных и именных накопительных пенсионных счетов граждан.

В отраслях социальной сферы, особенно в образовании, здравоохранении и рекреации фактически нарушаются такие важнейшие социальные гарантии, как возможность получения образования, медицинской помощи, поддержание и восстановление здоровья. В связи с этим требуется разработка и реализация программы реформы образования, адаптирующей образование к требованиям информационного общества начала XXI века. Целесообразно перейти от существующей негибкой системы образования, способной лишь к линейному расширению, к гибкой системе, которая будет нацеливать специалистов на восприятие новых знаний в течение всей трудовой жизни. В центре новой системы должен быть прежде всего учащийся, а не администратор или орган управления. Для реализации этой цели необходимо использовать все источники финансирования, в том числе и негосударственные, создавать условия для структурной перестройки в сфере образования, повышающей ее гибкость и вариативность. В здравоохранении надо продолжить работу по обеспечению полного финансирования программы государственных гарантий на основе системы обязательного медицинского страхования.

Глава 15

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: НЕОБХОДИМОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕМЕН

Социальная инфраструктура – один из важнейших блоков смешанного интеграционного общества. Она должна не только обеспечивать удовлетворение социальных и бытовых потребностей различных общественных слоев, но и создавать среду, необходимую для социального взаимодействия и социальной динамики.

Наиболее эффективно эти задачи может решать инфраструктура, которая сама имеет смешанный характер, отражающий дифференцированность оказываемых ею услуг. Соответственно, становление в России смешанного общества в качестве одной из обязательных предпосылок предполагает снятие огосударствленности инфраструктуры. С этой точки зрения перемены в социальной инфраструктуре в 90-х годах, казалось бы, должны были соответствовать потребностям движения страны к смешанному обществу, ибо в этот период шло ее активное разгосударствление. Но содержание и результаты процессов разгосударствления социальной инфраструктуры определялись общей стратегией капитализации страны и стали одной из существенных сторон последней. Поэтому ситуация внутри социальной инфраструктуры, ее воздействие на социальную среду и жизнеобеспечение населения стали

факторами общественной дифференциации и дезинтеграции, хотя сами направления перемен в инфраструктуре – приватизация, муниципализация, сочетание коммерческих и некоммерческих основ функционирования и т.д. – являются действительно необходимыми, в том числе и для становления общества смешанного типа.

Процесс разгосударствления социальной инфраструктуры реализовывался посредством, с одной стороны, муниципализации ведомственных объектов соцкультбыта, с другой – формирования на основе приватизации и предпринимательства частного сектора социальной сферы. В результате в социальной сфере стали функционировать три сектора: государственный, муниципальный и частный. Причем предприятия не только последнего, но в значительной мере и двух первых секторов функционируют на коммерческо-предпринимательской основе.

Для развития всех секторов социальной инфраструктуры основной является финансовая проблема. Но для частного сектора главное – это получение и рост прибыли и развитие за ее счет. Для государственного и муниципального секторов главная задача – обеспечение их финансирования в целях доступности для населения соответствующих услуг за счет использования бюджетных, собственных или предоставляемых инвесторами средств.

Различия в финансовых основах частного, государственного и муниципального секторов социальной инфраструктуры определяют разделение сфер их деятельности. Частный сектор преобладает в сфере торговых, бытовых, финансовых, страховых услуг (где высока степень оборачиваемости средств) и в меньшей мере проникает в собственно социальные отрасли. Государственный и муниципальный секторы, наоборот, преимущественно охватывают, хотя и не полностью, сферы образования, здравоохранения, культуры, т.е. те отрасли, доступность услуг которых для населения должна гарантироваться и обеспечиваться прежде всего за счет общественных средств. Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой подсистему социальной сферы, бюджетные основы содержания и развития которой постепенно заменяются частными.

Казалось бы, переход к многосекторности социальной инфраструктуры должен был улучшить ее собственное состояние и обеспеченность населения всем набором услуг. Однако реально сложилась иная ситуация.

В настоящее время социальная сфера находится в глубоком кризисе. Кризисная ситуация в социальной сфере, зревшая еще в советский период из-за ее остаточного финансирования, резко усилилась в ходе праволиберальных реформ. Теперь она проявляется в почти полной остановке ввода в действие объектов социально-культурного назначения, закрытии школ, перепрофилировании дошкольных учреждений и т.п. С 1985 по 1996 г. ввод в действие школ (по числу ученических мест) сократился в 3,4 раза, больниц (по числу коек) – в 3,4 раза, дошкольных учреждений (по числу мест) – в 15,4 раза, учреждений начального профессионального образования – в 11 раз и т.д. К этому следует добавить

активную коммерциализацию образования и особенно здравоохранения, рост дороговизны всех видов услуг, что резко снижает их доступность для основной части населения.

Кризисная ситуация, в которой оказалась социальная сфера, в значительной мере обусловлена способами ее муниципализации, начавшейся после указа Президента РФ 1993 г. "Об использовании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения приватизируемых предприятий".

За 1993–1997 гг. Муниципальный фонд социальных объектов в результате их передачи на баланс муниципалитетов возрос в целом по России на 65%. Но доля непереданных муниципалитетам социальных объектов в разрезе субъектов Федерации остается существенной и значительно варьируется по отдельным городам: от нескольких процентов до 75–80%.

Муниципализация предполагает изменение отношений собственности, необходимость принципиальных перемен в схемах финансирования социальной сферы, перераспределение полномочий и ответственности между федеральными, региональными и муниципальными органами.

Фактически же передача учреждений социальной инфраструктуры от одного собственника к другому не сопровождалась соответствующей перестройкой отношений между бюджетами разных уровней (федеральным, региональными и муниципальными). Муниципалитеты не располагают финансовыми возможностями для содержания имевшихся и переданных им объектов социальных отраслей. Хотя расходы местных бюджетов на социальную сферу увеличились до 50%, а нередко и больше, ее недофинансирование оценивается экспертами в 70–80%. При этом, начиная с 1997 г., в федеральном бюджете перестала предусматриваться специальная статья по финансированию передаваемых в муниципальную собственность объектов соцкультбыта. Теперь эти средства предусмотрены в фонде финансовой поддержки муниципальных образований, который создается в бюджетах субъектов Федерации. Совершенно очевидно, что в нынешней ситуации использование подобного канала "дофинансирования" социальной сферы муниципальных образований далеко не всегда означает их реальное получение.

Рост социального недовольства, острейшие бюджетно-финансовые проблемы и иные негативные последствия проводившихся перемен в социальной сфере были вполне прогнозируемы, тем не менее муниципализация социальной сферы быстро осуществлялась в административном порядке. Практически происходил сброс социальных объектов на балансы муниципалитетов, что было следствием проводившейся экономической и социальной политики.

Существуют разные оценки нынешней социальной политики, начиная с отрицания ее наличия вообще, включая ее характеристику как политики латания дыр и завершая утверждениями об осуществлении продуманных действий в интересах очень узкого круга людей. Но суть дела не в этих оценках как таковых, а в том, что реальными результа-

тами проводимой политики стали ухудшение состояния государственного и муниципального сегментов социальной инфраструктуры, рост дороговизны и снижение доступности предоставляемых ею услуг. Поэтому проблема заключается в необходимости изменений содержания и методов социальной политики.

Человек должен получать необходимую поддержку прежде всего в той среде, где он живет и работает и где нетрудно определить уровень его социальной обеспеченности. Муниципализация социальной политики должна включать сущностные коррективы межбюджетных отношений и дополняться регулирующей ролью государства.

Однако на протяжении 1992–1997 гг. происходило неуклонное снижение уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Определяемый бюджетным и налоговым законодательством порядок закрепления источников доходов за местными бюджетами заранее обрекает большинство из них на дотационность. Местные бюджеты при их продекларированной самостоятельности фактически формируются субъектами Федерации по произвольно устанавливаемым и ежегодно меняющимся нормативам. Это ставит муниципалитеты в полную зависимость от субъектов Федерации и не позволяет им не только реализовать перспективные программы, но и финансировать неотложные нужды.

Муниципальная власть может хозяйствовать осмотрительнее и рациональнее, учитывая социально-экономические и другие особенности территории. Уже поэтому так важна децентрализация бюджетной системы. Она не исключает вероятности допущения ошибок в деятельности местной власти, но по крайней мере может предотвратить их тиражирование. Ошибки в деятельности одного муниципального образования (или региона) не будут автоматически перенесены на другие территории. Однако реально передачи надежных (гарантированных) источников финансирования из федерального и регионального в местные бюджеты пока не произошло, несмотря на то, что законом "О финансовых основах местного самоуправления" при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации и отдельными государственными полномочиями субъектов Федерации предусматривается одновременная передача финансовых ресурсов для осуществления этих полномочий.

В результате сохраняется и воспроизводится тупиковая для местной власти ситуация: если расходовать средства на содержание и развитие учреждений образования, здравоохранения и культуры, то не будет средств на выплату зарплаты бюджетникам, пенсий, пособий; а если произвести выплаты, не будет средств на содержание сферы социальных услуг. А кроме того, не выплачивая зарплату, пенсии, пособия, нельзя рассчитывать на то, что население оплатит услуги жилищно-коммунального хозяйства.

Сегодняшний уровень собственных доходов муниципалитетов, необходимый для жизнеобеспечения подведомственной территории, составляет порядка 20–30%.

За счет средств местного бюджета удается профинансировать лишь некоторые выплаты населению и частично жилищно-коммунальное хозяйство. Средства идут в первую очередь на ремонт и эксплуатацию жилья и покупку топлива. И если уж не хватает средств на выплаты населению и содержание ЖКХ, то тем более их нет на содержание медицинских учреждений, школ, дошкольных учреждений, клубов, библиотек и т.д. Тем самым нарушается принцип социальной защищенности (гарантированности) потребления целого ряда услуг. К тому же происходящая коммерциализация сферы социальных услуг при снижении доходов населения лишает качественного обслуживания большую часть населения. Между тем потребности населения, например в медицинском обслуживании, не уменьшились, а наоборот, возросли из-за ухудшения условий жизни.

Один из аспектов муниципализации социальной политики – создание среды хозяйственной активности местной власти и умение последней использовать такую среду, проявляя собственную предприимчивость, привлекая средства инвесторов и населения. В этом случае местная власть сможет увеличить возможности создания целевых внебюджетных каналов финансирования социальной сферы.

Влияние перемен в социальной сфере на рост социальной дифференциации и социальной неудовлетворенности основной части населения страны так же, как и необходимость смены стратегических целей общественного развития, особенно ощутимы при рассмотрении ситуации в основных инфраструктурных отраслях.

Жилищное строительство и жилищная проблема. Реформы последних лет обострили проблему жилья для большей части населения. Теперь жилищная проблема для россиян, как и во всем мире, становится по существу частной проблемой. Муниципальные очереди на бесплатное жилье по-прежнему существуют, но они перестали быть массовыми. На льготные условия в получении жилплощади могут рассчитывать лишь самые малоимущие группы населения. Широкий средний слой, способный покупать квартиры по рыночным ценам, отсутствует. К тому же финансовые кризисы и инфляции съедают сбережения. По имеющимся оценкам, свободно покупать жилплощадь могут позволить себе лишь 4–5% населения.

В жилищном вопросе особенно проявилось социальное расслоение населения. Проблема жилья для одних – это поиск возможности выбраться из малометражной или коммунальной квартиры, для других – выбор варианта элитного жилья. Социальное расслоение населения в жилищном вопросе обнаруживается не только на рынке городских квартир, но и на рынке индивидуальных (частных) домов. Для состоятельных слоев проблемы связаны с выбором второго (загородного) жилья; для людей с низкими доходами – со строительством или приобретением собственного основного жилья.

В связи с этим одним из направлений муниципализации социальной политики является поиск местными властями щадящих схем перехода к платному приобретению жилья и механизмов привлечения финансовых средств потенциальных инвесторов. Ипотека, жилищный займ, за-

чет имеющейся жилплощади в стоимость приобретаемой квартиры и т.д. – все это пока эксперименты, проекты, не имеющие широкого применения.

Изучение ситуации в жилищном строительстве на местах показывает, что позитивные результаты достигаются там, где широко используется партнерство местных властей с частными инвесторами. На основе такой схемы решается жилищная проблема в Волгограде и ряде других мест. Раньше до 50% жилья строилось городским управлением жилищного строительства. В 1996 г. на долю УКСа приходилось только 9% возводимого жилья. В основном жилье для города строят около 40 различных фирм. Каждая фирма по рыночным ценам продает квартиры в построенных ею домах, но, согласно договорам с городской властью, безвозмездно передает для очередников 12% введенного в эксплуатацию жилья. Между фирмами растет конкуренция за покупателей.

Поиском оптимальных схем привлечения средств предприятий и населения заняты властные структуры Москвы. Средства из федерального и городского бюджетов составляют относительно небольшую долю. В этой ситуации московским правительством было принято решение об обеспечении программы муниципального жилищного строительства за счет внебюджетного жилищно-инвестиционного фонда города. Его доходная часть складывается преимущественно из средств от продажи жилья, жилищных займов, а также из обязательных отчислений предприятий на жилищное строительство и развитие социальной инфраструктуры. Внебюджетный жилищно-инвестиционный фонд может формироваться за счет средств от продажи незавершенных объектов строительства, а также от продажи прав аренды земли.

Снизить цены на строительство индивидуального жилья – задача, которую должны решать местные власти. Возможность реализовать эту задачу определяется, по крайней мере, двумя условиями. Первое – выбором недорогих проектов малоэтажных домов и, соответственно, строительных материалов. Другое условие – содействие местных властей индивидуальным застройщикам. Например, затраты на прокладку дороги или газовой сети к строящимся массивам должны предусматриваться в бюджетах города, района, области. И, наконец, должен быть отработан механизм долгосрочного кредитования под строительство, как это делается во всем мире.

Есть некоторый опыт взаимодействия местных властей с индивидуальными застройщиками. Например, в Белгородской области администрация учла аграрную специфику региона и сделала ставку на строительство индивидуального жилья в сельской местности. Строятся не "новые русские", а люди самых традиционных на селе профессий, в том числе сельская интеллигенция. В 1994 г. под эгидой областной администрации был создан внебюджетный Фонд поддержки индивидуального строительства. Он предоставляет застройщикам ссуду в рассрочку на 10–15 лет, обеспечивает стройматериалами по приемлемым ценам и предлагает варианты проектов домов. Особенность Белгородской модели состоит и в том, что расчет с Фондом предусмотрен не деньга-

ми, а сельхозпродукцией и не сразу, а с третьего года после получения ссуды.

Анализ практики жилищного строительства показывает, что проблема с жильем в России может быть решена преимущественно по инициативе региональных и местных властей. Поэтому важно создавать общеэкономическую среду, позволяющую раскрывать и реализовывать производственный и социальный потенциалы регионов и муниципалитетов.

Жилищно-коммунальное хозяйство. На основе ранее разработанных и принятых документов в апреле 1997 г. Президентом страны была утверждена "Концепция реформы жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации". Основная идея "Концепции" – постепенный переход от бюджетного дотирования ЖКХ к полной оплате жилья и коммунальных услуг населения, в связи с этим – повышение тарифов на жилищно-коммунальные услуги "до экономически обоснованного уровня".

Масштабы негативных тенденций в бюджетно-финансовой сфере в целом, нарастание кризиса местных бюджетов отчасти объясняют мотивы, которые определили выбор правительства, провозгласившего реформу в жилищно-коммунальном хозяйстве.

Опыт стран с рыночной экономикой говорит о том, что услуги жилищно-коммунальной сферы полностью должно оплачивать население. Но при этом нужно учитывать, во-первых, реальные доходы населения, во-вторых, состояние самой жилищно-коммунальной сферы и качество услуг, ею предоставляемых. Российские реформаторы, не учитывая ни того, ни другого, уже в 1993 г. объявили реформу в ЖКХ и решили за 5 лет (к 1998 г.) довести уровень покрытия затрат в нем за счет населения до 100%. Госдума в начале 1996 г. приняла решение о продлении этого срока до 2003 г. Однако осуществление данной реформы и в эти сроки может вызвать рост социальной напряженности: слишком велик разрыв между тем, сколько население должно платить за жилищно-коммунальные услуги и тем, сколько оно на самом деле может платить.

Следовательно, необходимо выделить приоритетные направления, позволяющие добиться того, чтобы жилищно-коммунальные услуги были более качественными, а цены – приемлемыми. Одно из таких направлений – создание конкурентной среды в сфере управления и обслуживания жилья.

Жилищно-коммунальное хозяйство до сих пор отличается высоким уровнем монополизации. Услуги предоставляются на монопольной основе не только в тех случаях, когда это предопределяется технологическими условиями (как в тепло- и водоснабжении), но и при наличии потенциальных возможностей для конкуренции (как в сфере эксплуатации жилья). Создание конкурентной среды в ЖКХ включает привлечение на равноправной основе разных организаций для оказания жилищно-коммунальных услуг; формирование органами местного самоуправления муниципального заказа на обслуживание объектов жилищно-коммунального назначения (службы заказчика); организацию расче-

тов за произведенные и потребленные жилищно-коммунальные услуги на основе договоров. Опыт, имеющийся в деле создания такой среды, свидетельствует о перспективности данного направления.

"Концепция" 1997 г. ориентирует местные власти на поддержку товарищества собственников жилья – объединений жильцов, принимающих на себя управление домом и участком придомовой территории. Однако развитие этого в принципе рационального направления отношений в жилищно-коммунальном хозяйстве вступило в противоречие с рядом интересов муниципалитетов. Для последних создание товариществ – это уменьшение их собственного жилищного фонда, необходимость дотировать товарищества, предоставлять жилищные субсидии их членам на тех же условиях, что и проживающим в домах муниципального жилищного фонда. Рост числа товариществ означает отвлечение определенного объема ресурсов из муниципального бюджета. Неудивительно поэтому, что обнаруживаются попытки "прикрепить" товарищества к муниципальным предприятиям ЖКХ, лишить их права самостоятельно принимать решения и распоряжаться ресурсами.

Следовательно, необходимо корректировать внутримуниципальные отношения таким образом, чтобы они позволяли развиваться разным формам инициативы и общественного самоуправления населения.

Необходимые условия изменений в ЖКХ – создание и упрощение системы социальной поддержки населения. Ее функция – предоставление семьям с низкими доходами субсидий на оплату жилья в пределах социальных норм и коммунальных услуг по нормативам потребления в случае, если величина расходов на эти цели превышает установленную долю семейного дохода на оплату услуг ЖКХ.

Поскольку параметры социальной защиты населения через предоставление жилищных субсидий являются компетенцией регионов и муниципалитетов, постольку это обстоятельство должно быть учтено при решении вопросов их финансовой и бюджетной обеспеченности.

Образование. В 90-х годах систему образования охватили негативные процессы. Закрываются школы, происходит слияние вузов, идет процесс сокращения преподавательского состава, обычным явлением стали невыплаты зарплаты, растут объемы и доля платного образования, в том числе в государственных учреждениях. В этот период система образования не столько реформировалась, сколько приспосабливалась к новым экономическим условиям.

В 1998 г. вновь было объявлено о реформе в школьном и вузовском образовании, цель которой "настроить" систему образования на рыночную экономику. Исходя из этой стратегии, реформирование образования предусматривает отработку ряда принципов его функционирования: доступность (прежде всего – финансовую), качество, мобильность, вариантность.

Принципы вариантности и мобильности в системе образования могут получить развитие в связи с планами изменить продолжительность обучения, увеличив ее в школах до 12 лет и уменьшив в вузах до 4 лет.

Другое предполагаемое направление реформирования системы образования заключается в намерениях формировать госзаказ по каждой

специальности (чтобы не было "перепроизводства" специалистов). Вузы должны будут участвовать в конкурсной подготовке определенного числа специалистов. Весь остальной контингент будет принят на обучение на платной основе.

Превращение России в страну платного образования официально отрицается. Однако недофинансирование отрасли таково (35%), что на практике происходит введение дифференцированного платного обучения.

Теперь лигитимно осуществляется процесс платного приема и обучения в школе, даже муниципальная школа становится нередко дорогой: кроме образовательного процесса вводится плата за многие другие виды услуг. Названия – гимназия, лицей, колледж – все это плоды образовательного бизнеса[1]. Особенно этот бизнес процветает в столице. Чтобы частная школа была официально признана, помимо регистрации, которая дает право лишь на хозяйственную деятельность, и лицензирования, дающего право на набор детей для обучения, необходимо пройти аккредитацию. Аккредитованная школа выдает выпускникам государственные аттестаты об образовании. В Москве аккредитовано 25% общего числа негосударственных образовательных учреждений.

Развитие данных тенденций без противопоставления им государственных гарантий получения качественного образования будет усиливать основы и процессы социальной дифференциации и дезинтеграции общества.

Здравоохранение. В соответствии со статьей 41 Конституции РФ граждане имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь. В государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь должна оказываться бесплатно. Между тем объемы финансирования здравоохранения не соответствуют потребностям в ресурсном обеспечении бесплатной медицинской помощи.

Ситуацию должно было изменить введение в России системы обязательного медицинского страхования (ОМС). Реально эта система оказалась не в состоянии решить проблему нехватки финансов. Средства, привлеченные по каналам ОМС, не стали дополнительным источником финансирования медицины. Как только эти средства появились, доля бюджетных ассигнований на здравоохранение была пропорционально урезана. По расчетам Министерства здравоохранения в 1996 г. затраты на финансирование лечебно-профилактической помощи населению в соответствии с базовой программой ОМС должны были равняться примерно 3,5% ВВП. Реально общий объем финансирования здравоохранения составил в 1996 г. 3,1% ВВП[2], в том числе 2,5% ВВП – финансирование здравоохранения из бюджета, 0,6% ВВП – взносы предприятий на ОМС [74].

---

[1] В Москве плата за обучение в частной школе обходится родителям от 250–500 до 750 долл. в месяц, высший порог – 1500 долл., но это уже не только обучение, а обслуживание и содержание детей.

[2] В большинстве экономически развитых стран уже к 1990 г. сектор здравоохранения в ВВП превысил 8% [73].

Положение усугубляется тем, что при ограниченности средств на финансирование здравоохранения постоянно увеличиваются затраты медицинских учреждений, связанные с ростом цен на материально-технические ресурсы, тарифов на коммунальное обслуживание, услуги строительных организаций и т.д.

Рассчитывать на перераспределение ресурсов в пользу здравоохранения в ближайшем будущем в условиях финансового кризиса и проводимой экономической политики не приходится. Более реальным может быть повышение эффективности использования выделяемых ресурсов и, таким образом, сокращение потребности в государственном финансировании медицины.

В определенной мере этому могут способствовать структурные изменения, в том числе повышение доли амбулаторно-поликлинического сектора, а также "стационарозамещающих", как выражаются специалисты, технологий лечения.

В ноябре 1997 г. правительством была утверждена "Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации". Концепция делает ставку на то, чтобы стимулировать структурные сдвиги в предоставлении медицинской помощи и посредством этого сокращать общую потребность отрасли в государственном финансировании.

Вариант решения проблемы финансирования здравоохранения, выбранный федеральными структурами власти, далеко не безупречен. Дефицит финансовых средств на здравоохранение сохранится уже потому, что структурные сдвиги в отрасли не могут быть осуществлены быстро. Надежда на ослабление остроты проблемы может быть лишь при условии ежегодного утверждения детальной и реалистичной программы государственных гарантий в области здравоохранения.

Государство должно признать: в сложившейся ситуации у него нет средств на всеобщую бесплатную медицинскую помощь. На выделяемые средства полноценно можно лечить только часть населения. Следовательно, нужно определить социальные группы и приоритетные для государства программы, которым и по которым может гарантироваться бесплатная медицинская помощь.

Другой вариант – изменение общих целевых подходов к социально-экономическому развитию страны, который исключит сосредоточение общественного богатства у узкого слоя, господствующего ныне в обществе, позволит восстановить экономику и увеличить расходы на развитие социальных отраслей в интересах народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379–380; Т. 44. С. 144–145.
2. Там же. Т. 38. С. 192; Т. 44. С. 144–147.
3. Там же. Т. 45. С. 74, 380–381.
4. Там же. Т. 44. С. 199–200, 204–205, 207–212.
5. Там же. С. 197–198.
6. Там же. С. 159–160.
7. Там же. Т. 45. С. 86–88, 92–93.
8. Там же. С. 76–81, 84–86, 98, 100; Т. 43. С. 226–227.
9. Там же. Т. 45. С. 95.
10. Там же. С. 343–388.
11. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 3. С. 207–209.
12. *Кронрод Я.А.* Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука 1992. С. 192–237.
13. На переломе: По стенограмме конференции "Обновление общества: проблемы и вопросы, ноябрь 1991 г." М.: ИЭ РАН, 1992. С. 6–8.
14. Об олигархической сущности огосударствленного строя см.: *Л.В. Никифоров.* Основы преобразования социально-экономического строя в России. М.: ИЭ РАН, 1992. С. 10–15.
15. Смешанное общество: Основы, сущность, проблемы. М.: Наука, 1993. С. 9–14.
16. *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966. С. 79–85.
17. *Венжер В.Г.* Использование закона стоимости в колхозном производстве. М.: Наука, 1965. С. 294–324.
18. См.: *Никифоров Л.В.* Основы преобразования социально-экономического строя в России. М.: ИЭ РАН, 1992. С. 22–23; Смешанное общество: Основы, сущность, проблемы. М.: Наука, 1993. С. 7–8.
19. *Карл Поппер.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 7–8.
20. МЭиМО. 1995. № 12. С. 31; 1996, № 2. С. 61–64.
21. The OECD Observer. 1984. N 126. P. 5.
22. Финансовые известия. 1996. 14/III.
23. *Toffler Al.* Powerschift, Knowledge, Wealth und Virlence at the Edge of the 21-st Century. N–J, L. P. 59, 458.
24. Statistical Abstract of the U.S., Wash. 1994. P. 412.
25. Economic Report of the President Transmitted to the Congress. Feb. 1994. Wash., 1994. P. 212.
26. МЭиМО. 1995. № 10. С. 47.
27. Финансовые известия. 1996. 23/II.
28. МЭиМО. 1995. № 3. С. 141.
29. Journal of the Japanese and International Economies. March, 1994. P. 114, 116.
30. МЭиМО. 1995. № 10. С. 49.

31. OECD. Economic Outlook. Dec. 1993. P. 44.
32.UNIDO. Industry and Development, Global Report 1992/1993, Vienna, 1992. P. 29.
33. Свободная мысль. 1993. № 9. С. 26, 30, 31.
34. *Lafay J.D., Lecaillon J.* L'economie mixte. P., 1992. P. 8, 9.
35. Свободная мысль. 1993. № 9. С. 31.
36. Современная смешанная экономика. М., 1992. С. 28.
37. МЭиМО. 1991. № 2. С. 46.
38. США: экономика, политика, идеология. 1995. № 6. С. 16.
39. UNIDO. Industry and Development. Global Report 1992/1993. P. 198.
40. Вопросы экономики. 1991. № 12. С. 48.
41. Капитализм и рынок. Экономисты размышляют. М., 1993. С. 168.
42. OECD. Economic Outlook. Dec. 1993. P. 44.
43. МЭиМО. 1994. № 1. С. 101.
44. Future Survey. 1994. N 16, N 9.
45. МЭиМО. 1995. № 8. С. 34; 1994. № 12. С. 142.
46. *Krüsselberg U.* Theorie der Unternehmung und Institutionen Ökonomik. Heidelberg, 1992. S. 248.
47. *Яковлев П.И.* Промысловая кооперация в СССР за 40 лет. М.: КОНЗ, 1957. С. 27.
48. *Венжер В.Г.* Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М.: Наука, 1979. С. 187–188. *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966.
49. Малый бизнес Москвы. М.: Деловая пресса, 1977. С. 56.
50. Обзор российской экономики. РЦЭР при Правительстве РФ, РЕЦЕП, ежемесячный бюллетень, М., 1996, декабрь. С. 14.
51. Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 127–128. Научный парк. 1998. № 5.
52. Статистические параметры "теневой экономики" России. М.: ИЭ РАН, 1997. С. 4, 5, 6.
53. Система поддержки и развития малого предпринимательства в Москве. М.: ИЭ РАН, 1998. С. 124.
54. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1998. № 2. С. 22.
55. *Поланьи К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги. Альманах "Теория и история экономических и социальных институтов и систем". Начала–Пресс, 1993. Том 1. Вып. 2. С. 14.
56. Там же. С. 10.
57. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 140.
58. *Цыганов А.* Предприниматель и власть: проблемы взаимодействия // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 99.
59. Финансы России. 1996. М., 1996. С. 92. Социально-экономическое положение России. Янв. – июль 1997. М., 1997. С. 199.
60. *Глисин Ф., Яковлев А.* Пятая часть наличного оборота в промышленности оказывается нелегальной // Финансовые известия. 1996. № 69; *Меньшиков С.* Взгляд на реформы и регулирование экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6.
61. Экономическая конъюнктура России в 1996 г. М., 1997. С. 10; Финансы России. 1996. М., 1996. С. 16, 17.
62. Социально-экономическое положение России. Янв. – июль 1997. М., 1997. С. 219–221.
63. Социально-экономическое положение России. Янв. – июль 1997. М., 1997. С. 217.
64. *Авдашева С., Яковлев А.* Влияние асимметрии информации на структуру российского рынка сбережений. М., 1998.

65. *Boyd J.H., Graham S.L.* Investigating the Banking Consolidation Trend. Federal Reserve Bank of Minneapolis. WP, 1992.
66. *Голенкова З.* Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 83.
67. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17–32.
68. Мониторинг социально-экономического потенциала семей. М.: Изд-во труда и социального развития, 1996.
69. *Заславская Т.И.* Стратификация современного российского общества, экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1996. № 1.
70. Социальные и экономические факторы развития. UNRISD. Доклад № 3. Женева.
71. МОТ. Конвенции и рекомендации. 1957–1990. Т. 1, 2. Конвенция 117. "Об основных целях и нормах социальной политики". Международное бюро труда. Женева.
72. Экономический механизм федеративных отношений. М.: ИЭ, 1995. С. 255–257.
73. *Школьников В.* Здоровье населения России // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 73.
74. Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 92.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Раздел I

ХХ ВЕК – НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1. **Глобальные перемены в общественном развитии в XX веке** 5
1.1. Корректировка и смена характера общественного развития 5
1.2. Эволюционная и революционная линии общественных перемен в мире и их результаты 13
1.3. Огосударствленно-олигархическая система: черты, этапы и итоги развития 23

Глава 2. **Общественные системы смешанного типа: содержание и исторические перспективы** 44
2.1. Переход к постиндустриальной стадии и становление новых общественных систем 44
2.2. Основные черты общественных систем смешанного типа 47
2.3. Интеграционная сущность новых общественных систем 70

Глава 3. **Становление обществ смешанного типа за рубежом** 74
3.1. Начальный этап трансформации капитализма 74
3.2. Основы и процессы становления смешанного общества 77
3.3. Типология зарубежных смешанных обществ 91

Глава 4. **Смешанное интеграционное общество в России: особенности и стратегические ориентиры становления** 107
4.1. Характер и результаты общественных перемен в России в 90-х годах 107
4.2. Особенности России и стратегия ее развития 119
4.3. Основы стратегии движения России к смешанному интеграционному обществу 128

Раздел II

СТАНОВЛЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА – УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Глава 5. **Уровень и динамика производственного потенциала** 142
5.1. Производственно-экономический потенциал 142
5.2. Научно-технический потенциал 152
5.3. Трудовой потенциал 156

Глава 6. **Глобальный кризис и производственный потенциал** 158
6.1. Механизмы и последствия разрушения производственного потенциала 159
6.2. Экономические приоритеты восстановления и наращивания производственного потенциала 166

Глава 7. **Аграрный потенциал: специфика, состояние, предпосылки обновления** 169
7.1. Особенности аграрного потенциала, причины и последствия его разрушения 169
7.2. Основы и приоритеты стратегии обновления аграрного потенциала и трансформации аграрных отношений 177

Раздел III

СОЗДАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА

Глава 8. **Предпринимательство как движущая сила становления экономических отношений смешанного общества** 188
8.1. Деформирование предпринимательства огосударствленной общественной системой 188
8.2. Двойная экономика 194
8.3. Предпринимательство в период стратегии либерализации и монетаризма 201
8.4. Среда развития предпринимательства 208

Глава 9. **Естественные монополии и становление рыночной среды и предпринимательства** 212
9.1. Экономика и естественные монополии: факторы и последствия взаимовлияния 212
9.2. Особенности развития рыночных структур и конкуренции в отраслях естественных монополий 216
9.3. Внешнеэкономическая деятельность естественных монополий и ее корректировки 224

Глава 10. **Формирование рыночной системы смешанной экономики** 229
10.1. Рыночная экономика как система рынков 229
10.2. Формирование единого рыночного пространства 232
10.3. Система рынков и товарно-денежная сбалансированность 236
10.4. Государственный рынок 240
10.5. Первые шаги российского страхового рынка 243

Глава 11. **Бюджетные и налоговые механизмы смешанной экономики** 252

Глава 12. **Финансово-кредитные механизмы смешанной экономики** 267
12.1. Денежно-кредитные механизмы в процессе становления смешанной экономики 268
12.2. Особенности российской банковской системы и состояние конкуренции в банковском секторе экономики 272

Раздел IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СМЕШАННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ

Глава 13. **Трансформация социальной структуры России: неоднозначность тенденций** 283

Глава 14. **Динамика социальной ситуации в России** 293
14.1. Состояние социальных гарантий 293
14.2. Уровень жизни населения 296
14.3. Занятость и безработица 300
14.4. Социально-демографическая ситуация 303
14.5. Кризис августа 1998 г.: обострение ситуации и задачи социальной политики 305

Глава 15. **Социальная политика и социальная инфраструктура: необходимость и направления перемен** 312

ЛИТЕРАТУРА 322

Научное издание

СМЕШАННОЕ ОБЩЕСТВО
РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Зав. редакцией *Р.С. Головина*

Художник *Б.М. Рябышев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Ю.Л. Косорыгин, А.В. Морозова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 19.10.99. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,5. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 23,7
Тираж 700 экз. Тип. зак. 3547

Издательство "Наука"
117864, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Издательство "Наука"
117864, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12